

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

Ѳ. С. Арнольди.

ЗАДАЧИ ПОНИМАНІЯ ИСТОРІИ.

ПРОЕКТЪ ВВЕДЕНІЯ ВЪ ИЗУЧЕНІЕ ЭВОЛЮЦІИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ МЫСЛИ.

Изданіе М. Ковалевскаго.

Цѣна 2 рубля.

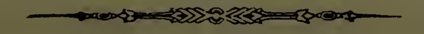
МОСКВА.
[illegible]
[illegible]

С. С. Арнольди., pseud.

ЗАДАЧИ ПОНИМАНІЯ ИСТОРІИ.

ПРОЕКТЪ ВВЕДЕНІЯ ВЪ ИЗУЧЕНІЕ ЭВОЛЮЦІИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ МЫСЛИ.

Изданіе М. Ковалевскаго.

МОСКВА.
Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., с. д.
1898.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА III.

Группы основныхъ потребностей личности:

ГЛАВА IV.

Взаимодѣйствіе потребностей второй группы:

ГЛАВА V.

Потребность развитія и области мысли.

ГЛАВА VI.

Объективные и субъективные элементы въ социологiи и въ исторiи.

ГЛАВА VII.

Философское пониманіе исторіи.

ГЛАВА VIII.

Схема исторіи мысли: а) До пробужденія критической мысли.

ГЛАВА IX.

Схема исторіи мысли: б) До свѣтской цивилизаціи новаго времени.

ГЛАВА X.

Схема исторіи мысли: в) Періодъ свѣтской цивилизаціи новаго времени.

ГЛАВА XI.

Схема исторіи мысли: г) Теченія и партіи настоящаго времени.

---

*) Три послѣдніе параграфа по ошибкѣ пропущены въ оглавленіи главы IX на стр. 182.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

На сколько методы естествознанія и ихъ приложенія къ вопросамъ всѣхъ областей мышленія составляли главную характеристическую черту первой половины нашего вѣка, связывая его неразрывно съ великими начинаніями эпохи Галилея, Декарта и Ньютона, настолько же едва ли не слѣдуетъ признать характеристическою чертою второй половины того же вѣка пріемы сравнительно-соціологическіе и исторически-эволюціонные. По этому не мудрено, что въ послѣдніе годы появилось не мало болѣе или менѣе замѣчательныхъ трудовъ, въ которыхъ авторы пытаются, каждый со своей точки зрѣнія, установить пониманіе исторіи какъ науки, а также уяснить задачи, которыя выростаютъ изъ стремленія внести въ это пониманіе философскую цѣлость и единство. Авторъ позволяетъ себѣ предложить со своей стороны читателямъ попытку разъяснить кое-что въ этой области. Желая ограничить объемъ этого труда лишь необходимымъ, авторъ предпочелъ устранить почти всякія ссылки на писателей, которые прежде или теперь занимались тѣми же вопросами и рѣшали ихъ отчасти такъ же какъ считалъ правильнѣйшимъ это сдѣлать авторъ, отчасти же совсѣмъ иначе или даже въ смыслѣ прямо про-

тивуположномъ. Но само собою разумѣется, что почти во всѣхъ главахъ этого труда самою большею частью того, что въ немъ встрѣтитъ читатель, авторъ обязанъ многимъ историкамъ и мыслителямъ какъ иностраннымъ, такъ и русскимъ, которые или прямо и опредѣленно высказали ту или другую мысль, здѣсь повторенную, или навели на нее автора. Для послѣдняго было всего менѣе важно отличить то, что можно здѣсь встрѣтить новаго и оригинальнаго, отъ того, чѣмъ онъ обязанъ предшественникамъ. Важнѣе же всего было установить различіе между тѣмъ, что онъ считаетъ вѣрнымъ, и тѣмъ, что для него сомнительно или прямо ошибочно.

ЗАДАЧИ

ПОНИМАНІЯ ИСТОРІИ.

ГЛАВА I.

Историческіе труды вообще и научно-философское пониманіе исторіи.

Факты разныхъ областей мысли.—Различные взгляды на фактическое содержаніе исторіи.

Три категоріи историческихъ трудовъ.—Расширеніе историческаго пониманія.

Задачи пониманія исторіи.

Факты, законы и гипотезы.—Факты и гипотезы исторіи.

Законы двухъ родовъ. — (Примѣры законовъ неповторяющихся явленій).—Законы и гипотезы исторіи.

Повторяющіяся явленія въ исторіи.—(Примѣры.—Научная исторія и соціологія).

Стремленіе къ неизмѣняемости и къ измѣненіямъ.—Жизненные элементы прошлаго и переживанія.—(Примѣры).—Четыре элемента въ жизни обществъ.

Культура и историческіе процессы.

Мы будемъ разсматривать всякую область мысли какъ состоящую изъ *фактовъ*. Различіе областей обусловливается выборомъ этихъ фактовъ и способомъ ихъ группировки. *Знаніе* ученаго характеризовано его способностью установить достовѣрность или степень вѣроятности изучаемыхъ имъ *фактовъ* въ ихъ отдѣльности, выработать для этой цѣли наиболѣе удобные методы и отмѣтить сходства и различія въ изучаемыхъ имъ фактахъ по способамъ установленія этой достовѣрности,

Это имѣетъ уже мѣсто въ области техники; она имѣетъ въ виду практическія цѣли (иногда фантасти-

ческія, какъ цѣль колдуна или алхимика); но для ихъ достиженія она вырабатываетъ *умѣнья* разнаго рода, начиная отъ изготовленія каменнаго топора до устраненія личной ошибки астронома, начиная съ пріема ловли добычи, употребляемаго инфузоріею, до пріемовъ краснорѣчія адвоката, имѣющаго въ виду убѣдить присяжныхъ, и до тѣхъ, которые употребляетъ психологъ-эксперимантaлистъ для успѣха гипноза или внушенія; но всѣ эти *умѣнья* опираются на *факты*, усвоенные техникомъ, въ одномъ случаѣ факты ясно понятые, въ другомъ эмпирически - констатированные или даже такіе, которые предполагаются усвоенными.

Такъ оно бываетъ и въ области творчества общественныхъ формъ; общественный дѣятель, стремящійся укрѣпить и упрочить существующей строй или видоизмѣнить его въ данномъ направленіи, призываетъ на помощь *факты* исторіи, статистики, психологіи массъ, опирается на факты привычекъ, аффектовъ, интересовъ, убѣжденій; именно эти факты служатъ ему для того, чтобы провести прогрессивный или реакціонный законъ, организовать новую политическую партію; вызвать или успокоить общественное волненіе; при этомъ онъ пытается отодвинуть на второй планъ всѣ тѣ фактическія общественныя заботы, которыя могутъ ослабить интересъ бозьшинства вліятельныхъ личностей къ консервативному или къ революціонному *творчеству общественныхъ формъ*.

Опять таки *факты* точнаго личнаго наблюденія или творчества и „манеры“ предшественниковъ, подъ вліяніемъ которыхъ онъ находится, составляютъ всю подкладку *эстетической* дѣятельности художника, правдивости или „дѣланности“ образовъ имъ создаваемыхъ; но здѣсь группировка фактовъ обусловливается красотой формы цѣлаго, патетическимъ настроеніемъ художника и тѣмъ идейнымъ дѣйствіемъ, которое онъ намѣренъ произвести.

И *религіозная* мысль имѣетъ своимъ основаніемъ

факты-же, но различаемые и группированные уже совершенно независимо отъ всякой попытки изслѣдовать ихъ достовѣрность, отъ заботы о ихъ эстетической правдивости, о ихъ технической пользѣ или общественномъ вліяніи; критеріемъ ихъ значенія является фантастическое представленіе, обязательный обрядъ, догматъ, предъ которымъ должны замолчать и стушеваться и наблюденіе и опытъ и разсудокъ.

Наконецъ предъ *философомъ* развертывается во всей ея обширности совокупность всѣхъ *фактовъ* знанія и вѣрованія, частныхъ техническихъ задачъ, личныхъ жизненныхъ цѣлей и общественныхъ формъ и процессовъ, наконецъ эстетическихъ комбинацій, ставя мыслителю единственную задачу: *понять* эту совокупность какъ нѣчто цѣлое и единое, и связать это теоретическое пониманіе міра, своей личности и общества съ послѣдовательною жизненною дѣятельностью этой понятой личности въ этомъ понятомъ мірѣ при условіяхъ этаго понятаго общественнаго строя.

Каждая изъ этихъ областей мысли участвовала въ эволюціи той отрасли литературы, которая называлась и называется *исторіей*. Ея задачи съуживались до схоластической эрудиціи, гдѣ, безо всякой перспективы важнаго и незначительнаго, существеннаго и случайнаго, дѣло шло исключительно о достовѣрности отдѣльныхъ событій и ихъ частностей. Одни ученые исключали изъ исторіи, какъ лишенныя права на интересъ изслѣдователя, области общественной дѣятельности, которымъ въ послѣдующія эпохи придавали первостепенное значеніе для пониманія исторической эволюціи. Другіе готовы были ограничивать задачи исторіи біографическими данными о государяхъ, о ихъ министрахъ или военачальникахъ и дворцовыми интригами. Третьи, напротивъ, охватывали терминомъ „исторіи“ и бытъ австралійцевъ и эволюцію породъ животныхъ и эволюцію міровъ, точно такъ, какъ нѣкоторые соціологи подводили подъ терминъ „общества“ группировку клѣ-

точекъ и біонтовъ въ сложный организмъ, сознающій себя какъ особь. Съ другой точки зрѣнія нѣкоторые историки видѣли въ предметѣ своихъ занятій исключительно или преимущественно поученіе государямъ и народамъ. Въ исторіи искали аргументовъ въ пользу фантастическаго провиденціализма или метафизическаго перенесенія абстрактныхъ категорій логики въ сложную послѣдовательность конкретныхъ событій. Здѣсь не мѣсто останавливаться на этихъ явленіяхъ эволюціи человѣческой мысли, которыя, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, можетъ быть дозволительно назвать аберраціями этой мысли. Онѣ, большею частью, принадлежатъ уже прошедшему: ихъ представители теперь составляютъ, какъ намъ кажется, лишь переживанія этого прошедшаго, и ихъ приходится лишь отмѣтить на ихъ хронологическомъ мѣстѣ въ эволюціи пониманія историческаго процесса. Мы отложимъ до дальнѣйшаго разсмотрѣнія и вопросъ о тѣхъ предѣлахъ, которые, какъ мы думаемъ, слѣдуетъ провести между эволюціей доисторической и эволюціей исторической человѣческой мысли, точно также какъ между важнымъ и существеннымъ для пониманія исторіи, съ одной стороны, незначительнымъ и случайнымъ—съ другой. Но, кажется, здѣсь, приступая къ нашей работѣ, полезно отмѣтить разницу, существующую по самой сущности дѣла между нѣсколькими главнѣйшими категоріями историческихъ трудовъ, которыя, каждая, могутъ ставить предъ умами изслѣдователей того или другаго типа вполнѣ раціональную задачу особаго рода.

Это, во первыхъ, задача *исторической эрудиціи и исторической критики*—установить съ возможно-большею точностью историческое *знаніе*, т. е. отдѣльные факты, входящіе въ область исторіи. Это, во вторыхъ, задача того, что можно было бы назвать *исторической эстетикою*, именно задача воскресить ту или другую эпоху жизни человѣчества или отдѣльнаго народа съ тою цѣльностью впечатлѣнія и съ тѣмъ распре-

дѣленіемъ свѣтотѣни и красокъ, какими пользуется художникъ для своихъ эстетическихъ задачъ. Это, наконецъ, задача *научно-философскаго пониманія исторіи*, устанавливающаго, съ возможно-большей ясностью, какъ необходимость перехода всякаго предъидущаго фазиса общественной жизни въ послѣдующій, такъ различіе главныхъ и второстепенныхъ элементовъ этого процесса, особенность роли каждаго изъ нихъ въ различныя эпохи, усиленіе однихъ и атрофію другихъ; однимъ словомъ, это—задача придать, по возможности, камбинаціи точныхъ и вѣроятныхъ историческихъ свѣденій характеръ такого же опредѣленнаго пониманія этой комбинаціи въ ея частностяхъ и въ ея цѣломъ, которое ищетъ натуралистъ, изучая эволюцію органическаго міра, или космологъ, стремясь разгадать эволюцію небесныхъ тѣлъ.

Всѣ эти задачи принадлежатъ исторіи, но онѣ весьма различны какъ по своей сущности, такъ и по частнымъ вопросамъ, на которые онѣ распадаются, и по пріемамъ, употребляемымъ для своей цѣли изслѣдователями ими занимающимися.

Цѣль исторической эрудиціи и критики (въ узкомъ смыслѣ послѣдняго термина)—дать прочную подкладку какъ картинѣ историка-художника, такъ и пониманію историка-мыслителя. Это—точная установка достовѣрности, вѣроятности и невѣроятности или невозможности того или другаго факта, опредѣленіе источниковъ свѣденій о томъ или другомъ фактѣ, оцѣнка достовѣрности или недостовѣрности этихъ источниковъ и т. под. Здѣсь играетъ несущественную роль важность или незначительность самаго факта или источника для пониманія цѣльнаго процесса исторіи; на задній планъ отодвигается характеристичность того или другаго изъ этихъ фактовъ и источниковъ; едва ли ставится вопросъ о принадлежности ихъ, въ минуту ихъ появленія, переживанію стараго строя культуры или предъугадыванію новаго теченія мысли. Самая незначитель-

ная съ виду подробность для одного историка можетъ получить громадное значеніе съ точки зрѣнія другаго, а потому достовѣрность или степень вѣроятности каждой мельчайшей подробности историческаго знанія должны быть установлены съ возможной точностью.

Когда дѣло идетъ о *попыткѣ воскрешенія* той или другой эпохи на почвѣ точныхъ данныхъ исторической критики, цѣль автора уже совсѣмъ иная и очень сходна съ задачей всякаго правдиваго художника, отличаясь отъ послѣдней лишь тѣмъ условіемъ, что въ первой для всѣхъ фактическихъ данныхъ историческая критика должна установить ихъ достовѣрность или вѣроятность. Эпоха, воскрешаемая историкомъ-художникомъ, должна быть представлена читателю во всей ея индивидуальной сложности, какъ конкретный образъ. Всѣ элементы историческаго явленія должны быть воспроизведены, размѣщены и комбинированы такъ, чтобы общее впечатлѣніе, оставляемое картиною, не только было произведено при помощи точныхъ данныхъ, но чтобы оно еще было наиболѣе живо, цѣльно и эстетически-правдиво. Важно здѣсь вовсе не то, откуда возникъ каждый изъ этихъ элементовъ, каковъ процесъ его генезиса, насколько въ немъ отразилось прошедшее и насколько въ немъ подготовляется будущее. Важна роль, которую каждый изъ нихъ играетъ въ разсматриваемую эпоху, какъ составная часть художественно-правдивой картины, возникающей предъ взоромъ читателя. Если дѣло идетъ объ исторической личности, то всѣ элементы, входящіе въ ея образъ, должны быть почерпнуты изъ точныхъ данныхъ исторической критики, но комбинированы въ такую же живую и цѣльную для читателя личность, какъ образъ Макбета или Фауста, какова ни была бы физіологическая, психологическая или соціальная роль того или другаго изъ этихъ элементовъ. Если дѣло идетъ объ опредѣленномъ моментѣ развитія цѣлаго общества, то общія историческія теченія во всей ихъ сложности,

частныя заботы разныхъ общественныхъ группъ, преходящія модныя увлеченія кружковъ, взрывы энтузіазма или варварства толпы, иллюстраціи коллективныхъ процессовъ въ отдѣльныхъ типическихъ личностяхъ, и частности формъ культуры—опять таки почерпнутыя изъ результатовъ самой кропотливой и объективной исторической критики,—должны комбинироваться въ одно стройное и живое цѣлое, подобное тому, которое создавалъ изъ элементовъ своей художественно-правдивой фантазіи Микель Анджело въ фрескѣ послѣдняго суда, Каульбахъ во вступленіи римлянъ въ Іерусалимъ, или Давидъ въ изображеніи присяги въ „Jeu de Pommes". Основное требованіе здѣсь: единство, цѣльность и живость образа, какъ образа конкретной индивидуальности, личной или коллективной. Наиболѣе точною формулою для работы мысли историка-художника этого типа остается „воскрешеніе" личности или эпохи, какъ эту задачу ставилъ себѣ Мишлэ.

Совершенно иными представляются намъ требованія *научно-философскаго пониманія* исторіи. При художественномъ воскрешеніи личности или эпохи стушевывается различіе элементовъ, входящихъ въ ихъ конкретную индивидуальность и подчеркивается различіе между личностями или эпохами; пониманіе историческаго процесса, напротивъ, ставитъ непремѣннымъ условіемъ различеніе для каждой эпохи и для каждой личности всѣхъ элементовъ, относительная роль которыхъ обусловливала событія въ ихъ совокупности; здѣсь важно указаніе тѣсной связи между побужденіями, существовавшими въ данной области мысли и дѣятельности въ различныя послѣдовательныя эпохи и въ средѣ личностей, занимавшихъ очень различное общественное положеніе въ данномъ обществѣ. Единство данной эпохи и данной личности есть точка исхода ихъ художественнаго воскрешенія и всѣ подробности ихъ образа получаются въ продуктѣ мысли исто-

рика-художника, какъ результатъ этого заранѣе даннаго фактическаго единства. Пониманіе исторіи имѣетъ точкою исхода — какъ и всякое научное и философское пониманіе — уясненіе отдѣльныхъ историческихъ подробностей, отдѣльной группы событій и общественныхъ формъ. Но затѣмъ эти понятыя группы постепенно расширяются. Уясняется ихъ связь. Среди періодовъ и общественныхъ группъ, смутно рисующихся въ умѣ изслѣдователя, возникаютъ эпохи съ болѣе яркими очертаніями частностей и ихъ зависимости между собою. Выдвигаются обобщающія гипотезы о главныхъ и второстепенныхъ двигателяхъ культурныхъ измѣненій и историческаго прогресса (напримѣръ, о мотивѣ украшенія жизни, экономическихъ интересовъ, фантастическихъ вѣрованій и т. п.), какъ о двигателяхъ болѣе или менѣе исключительныхъ или допускающихъ взаимодѣйствіе. Эти гипотезы, взаимно дополняя и исправляя одна другую, пріобрѣтаютъ все болѣе научный характеръ, позволяя въ то же время все съ бо̀льшею вѣроятностью уяснять себѣ вопросы, остающіеся спорными, и пополнять пробѣлы понятаго историческаго процесса въ цѣломъ. Лишь какъ окончательный результатъ всѣхъ подготовительныхъ работъ въ области исторіи, образуется въ воображеніи историка-мыслителя общее и объединенное историческое міросозерцаніе, попытка понять исторію въ цѣлости ея совершившагося уже процесса, попытка, доставляющая подкладку для рѣшенія соціологическихъ вопросовъ современности, позволяющая до нѣкоторой степени угадывать и будущій ходъ событій.

На слѣдующихъ страницахъ читатель найдетъ попытку разъяснить, въ чемъ состоятъ задачи научнаго и философскаго пониманія исторіи.

Для этого автору пришлось прежде всего разсмотрѣть, какія требованія могутъ быть поставлены исторіи, какъ входящей въ область *научной мысли* вообще. Затѣмъ, какъ входящей въ категорію наукъ

эволюціонныхъ, имѣющихъ въ значительной мѣрѣ дѣло съ фактами неповторяющимися. Эти послѣднія требованія приводятъ къ необходимости обратить особенное вниманіе на сосуществованіе въ каждую эпоху жизни всякаго общества нѣсколькихъ существенно различныхъ элементовъ. Это, прежде всего, явленія, *характеризующія* эту эпоху; но рядомъ съ ними присутствуютъ, во-первыхъ, элементы, перешедшіе въ нее отъ прошлаго, однако остающіеся и для нея *элементами жизненными;* затѣмъ другіе элементы, оказывающіеся вредными *переживаніями;* наконецъ, зародыши болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго. Взаимодѣйствіе этихъ элементовъ составляетъ едва ли не важнѣйшую долю процесса исторіи. Но, чтобы усвоить истинный смыслъ этого процесса, приходится еще вдуматься въ ту роль, которую играютъ въ исторіи, съ одной стороны, ея реальные двигатели, сознательныя *личности*, съ другой—общества, т.-е. тѣ *коллективные* организмы, въ формѣ которыхъ эти двигатели входятъ въ процессъ исторіи. Непосредственнымъ результатомъ этой задачи оказывается необходимость внести въ изученіе потребностей личности различіе потребностей *основныхъ* и *временныхъ, здоровыхъ* и *патологическихъ* и обратить особенное вниманіе на *потребность развитія.* Оказывается, что эта послѣдняя потребность выдѣляетъ *интеллигенцію* историческихъ періодовъ изъ народовъ, классовъ и многочисленныхъ отдѣльныхъ особей, *остающихся внѣ исторіи,* и устанавливаетъ грань между жизнью *неисторическою* и *жизнью исторической.* Въ тѣсной связи съ только что поставленною задачею изученія взаимодѣйствія личности и общества оказывается требованіе уясненія какъ *солидарности* въ различныхъ ея проявленіяхъ, такъ и взаимодѣйствія этой связующей общественной силы съ ростомъ *сознательныхъ процессовъ* въ общественной интеллигенціи. Это взаимодѣйствіе обнаруживается какъ подкладка поочередной *смѣны эпохъ* двухъ родовъ,

когда, въ одномъ случаѣ, главною задачею общества является попытка создать новую прочную культуру, въ другомъ — именно въ переходныя эпохи — преобладаетъ борьба противъ наличной культуры. Чтобы разобраться въ только-что указанныхъ мотивахъ борьбы или примиренія между задачами общественной солидарности и индивидуальнаго развитія сознательныхъ процессовъ, и въ мотивахъ смѣны историческихъ эпохъ разныхъ тенденцій, — приходится войти въ бо́льшія подробности относительно соціальной и исторической роли различныхъ группъ человѣческихъ *потребностей*, и, въ особенности, трехъ группъ потребностей, дающихъ начало жизни экономической, политической и идейной. Опираясь на результаты, здѣсь полученные, становится, съ одной стороны, возможнымъ обобщеніе исторіи какъ процесса *переработки формъ культуры мыслью,* съ другой—дифференцированіе этого процесса на различныя, фактически наблюдаемыя *области работы мысли.*

На этой ступени пониманія исторіи, какъ процесса, приходится оглянуться на самый способъ работы, которымъ это пониманіе пріобрѣтается, и на роль, которую въ этомъ пониманіи справедливо признать за мыслью научною и за мыслью философскою. Возникаетъ одинъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ нашего времени, именно вопросъ о *роли объективнаго и субъективнаго элемента въ соціологіи и въ исторіи.* Въ связи съ нимъ приходится установить взглядъ и на отношеніе *индивидуальной инціативы личности* къ *детерминизму* общественныхъ и историческихъ процессовъ. Лишь на этой почвѣ оказывается возможнымъ установить философское понятіе о *прогрессѣ,* какъ смыслѣ исторіи, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и уяснить, съ этой точки зрѣнія, въ чемъ именно состоитъ истинное пониманіе какъ отдѣльныхъ историческихъ эпохъ, такъ и историческаго процесса въ его цѣломъ, при чемъ результаты современной точной науки устанавливаютъ

для философскихъ обобщеній предѣлы, далѣе которыхъ эти обобщенія историческаго процесса становятся фантастическими.

Если исторіи мы ставимъ тѣже требованія, которые приходится ставить всякой другой обособленной наукѣ, то она должна представлять обособленную область *фактовъ,* группирующихся сами собою, по логическимъ условіямъ мышленія, въ *законы,* и позволяющихъ еще дальнѣйшее сближеніе и распредѣленіе ихъ, при помощи *научныхъ гипотезъ,* въ болѣе обширныя области познанія.

Группа наукъ механико-химическихъ въ главной своей части обособляетъ повторяющіеся факты, которые можно съ большею или меньшею точностью, или гипотетически, свести на механическіе процессы движенія вѣсомыхъ массъ или невѣсомаго вещества; процессы, охватываемые однимъ общимъ представленіемъ сохраненія энергіи въ неизмѣнной массѣ вещества и разнообразныхъ проявленій этой энергіи. Однако и тутъ, въ теоріяхъ развитія небесныхъ тѣлъ вообще и солнечной системы въ особенности, предъ нами возникаютъ факты эволюціонные, требующіе постановки вопросовъ, обусловленныхъ этимъ обстоятельствомъ.

Группа наукъ біологическихъ распадается на двѣ обширныя области, изъ которыхъ одна стремится построить, какъ одно понятое цѣлое, всѣ факты повторяющихся явленій, подходящіе подъ формулу жизни, именно явленій физіологическихъ, другая—установить послѣдовательность въ фактахъ эволюціи формъ живыхъ существъ, идетъ ли дѣло о развитіи отдѣльной біологической особи, или системы организмовъ какъ одного цѣлаго.

Группа фактовъ психическихъ или наблюдается субъективно въ самомъ себѣ сознательнымъ существомъ, или это существо заключаетъ о ихъ существованіи въ другихъ существахъ на основаніи объективныхъ признаковъ, позволяющихъ болѣе или менѣе вѣроятное

субъективное заключеніе. Здѣсь, съ еще большею логическою необходимостью, чѣмъ въ предъидущихъ случаяхъ, для каждаго психическаго факта возникаетъ нѣсколько родовъ вопросовъ: одинъ—о повторяющихся, при единообразныхъ условіяхъ, процессахъ ощущенія, представленія, пониманія, аффекта, воли; другой — о послѣдовательныхъ фазисахъ, чрезъ которые переходитъ каждое изъ этихъ явленій до достиженія имъ своей наиболѣе полной формы; третій—объ эволюціи этихъ психическихъ фактовъ въ рядѣ организмовъ параллельно съ эволюціею физіологическихъ процессовъ въ нервной системѣ и съ процессомъ трансформизма въ органическомъ мірѣ, какъ одномъ цѣломъ.

Факты соціологическіе въ наше время еще вызываютъ горячіе споры по отношенію къ ихъ отграниченію отъ фактовъ сосѣднихъ областей и по построенію ихъ совокупности какъ особеннаго научнаго цѣлаго. Здѣсь они будутъ разсмотрены исключительно какъ факты проявленія, усиленія или ослабленія солидарности между сознательными существами, при чемъ такіе факты, которые изучаются, какъ допускающіе повтореніе въ случаѣ повторенія тѣхъ же самыхъ условій общественной жизни. Въ реальномъ ихъ осуществленіи, эти факты, по сложности упомянутыхъ условій, почти недопускаютъ повторенія; однако здѣсь приходится обратить вниманіе на различіе, имѣющее мѣсто въ этомъ отношеніи. Такъ какъ въ области этихъ фактовъ постоянно совершается взаимодѣйствіе реальныхъ личностей, вырабатываемыхъ общественною средою, и общества, солидарность котораго создана сознательными процессами этихъ самыхъ личностей, то отсюда получаются два слѣдствія, не лишенныя значенія. Во первыхъ оказывается, что въ личностяхъ и въ обществахъ, не выработавшихъ потребности развитія, господствуетъ, по тому самому, повторяемость формъ солидарности, ихъ прочность; тогда какъ тѣ общественные элементы, которые усвоили упомянутую потребность,

тѣмъ самымъ вступаютъ почти неизбѣжно на путь эволюціи неповторяющихся фазисовъ и ведутъ на этотъ же путь общества, въ которыхъ пріобрѣли вліянія; слѣдовательно мы имѣемъ одновременно оба ряда явленій: повторяющихся и эволюціонныхъ. Какъ второе слѣдствіе приходится признать, что, при изученіи соціологическихъ явленій этихъ двухъ рядовъ, и вопросовъ, вызываемыхъ ихъ группировкою, приходится, съ одной стороны, брать въ соображеніе не только доступные объективному изслѣдованію явленія, имѣющія мѣсто въ большинствѣ, но и субъективные процессы въ средѣ сознательныхъ сторонниковъ развитія; съ другой же, самъ изслѣдователь принужденъ пользоваться какъ общими объективными пріемами изученія предмета, такъ и тѣми средствами, которыя онъ можетъ получить исключительно изъ своего личнаго субъективнаго развитія.

Именно тѣ факты общественной жизни, которые вызываются потребностью развитія и съ логической необходимостью обусловливаютъ послѣдовательность различныхъ фазисовъ этой жизни, мы будемъ разсматривать какъ *факты историческіе,* совершающіеся на почвѣ сознанной солидарности, и возникающіе подъ вліяніемъ какъ насущныхъ общественныхъ задачъ эпохи, такъ и элементовъ прежнихъ эпохъ, элементовъ, продолжающихъ существовать, а также иногда подъ вліяніемъ зародышей готовящагося будущаго. Для пониманія въ области исторіи, точно также какъ въ области соціологіи, приходится брать въ соображеніе факты какъ міра объективнаго, такъ и субъективнаго, а также пользоваться орудіемъ какъ объективныхъ, такъ и субъективныхъ пріемовъ мысли.

Отношеніе исторіи, какъ науки, къ *фактамъ,* входящимъ въ ея составъ, и къ *гипотезамъ,* служащимъ для ихъ группировки и для пониманія ихъ связи, остается совершенно такимъ же, какъ и во всякой другой наукѣ. Научное изслѣдованіе историческаго

процесса, какъ и всякаго другаго, требуетъ, прежде всего, самой тщательной и вполнѣ объективной критики *фактовъ* при отдѣльномъ и самомъ строгомъ различеніи достовѣрнаго отъ вѣроятнаго и сомнительнаго; того, что доказано на основаніи памятниковъ и документовъ, отъ того, что остается гипотезою. Она можетъ быть блестяща, можетъ быть и способна ярко освѣтить особенности фактовъ и ихъ связь; однако она все-таки сохраняетъ свой характеръ гипотезы. Для всякаго научнаго мыслителя она лишь до тѣхъ поръ есть гипотеза *научная*, пока, съ одной стороны, ни одинъ достовѣрный фактъ ей не противорѣчитъ, и пока, съ другой, всѣ подобные факты тѣмъ удобнѣе объясняются ею, чѣмъ болѣе тщательной критикѣ она подвергнута. Историческая критика, устанавливающая мѣсто каждой исторической подробности въ рядѣ достовѣрнаго или сомнительнаго, точнаго или гипотетическаго, составляетъ единственную научную подкладку и для историка-художника, стремящагося къ воскрешенію эпохъ и личностей въ ихъ конкретной цѣльности, и для историка-мыслителя, который имѣетъ въ виду научное пониманіе мѣста этой эпохи и этой личности въ процессѣ исторіи.

На почвѣ этихъ объективно-установленныхъ, достовѣрныхъ и научно-гипотетическихъ элементовъ, выясняются *законы* психологіи личной и коллективной, соціологіи въ ея различныхъ областяхъ, наконецъ самой исторіи. Но тутъ одинъ и тотъ же терминъ, *законъ*, имѣетъ различный смыслъ для области *повторяющихся* явленій и для области *эволюціи*. Для первой найти законъ явленій значитъ — установить условія ихъ повторяемости и отличить этотъ *существенный* элементъ отъ случайныхъ видоизмѣненій, которыя встрѣчаются изслѣдователю. Для второй понятіе о законѣ обозначаетъ *нормальный* порядокъ послѣдовательности фазисовъ эволюціи, при чемъ приходится строго отличать этотъ нормальный порядокъ отъ отклоненій,

требующихъ себѣ каждый разъ спеціальнаго объясненія, будетъ ли это отклоненіе заключаться въ выпаденіи одного изъ нормальныхъ фазисовъ эволюціи, во внесеніи въ нее фазиса добавочнаго, или въ измѣненіи нормальнаго порядка послѣдовательности фазисовъ. Это прилагается къ эволюціи, которую мы можемъ наблюдать въ многочисленныхъ экземплярахъ (какъ въ эволюціи человѣческаго зародыша въ зрѣлое существо), для каждаго изъ которыхъ фазисы эволюціи повторяться не могутъ и законъ ихъ послѣдовательности составляетъ единственную научную задачу. Но это же самое имѣетъ мѣсто для мыслителя и при изученіи эволюціи, совершающейся въ единственномъ экземплярѣ (какъ въ эволюціи земнаго органическаго міра въ цѣломъ подъ вліяніемъ трансформизма).

Громадная роль, которую играли въ исторіи науки послѣднихъ вѣковъ явленія повторяющіеся и открытіе *ихъ* законовъ, нѣсколько заслонила отъ вниманія ученыхъ особенности явленій эволюціи и того, что̀ въ этихъ областяхъ можно назвать *законами*. Именно въ нашъ вѣкъ, и преимущественно въ послѣднія десятилѣтія этого вѣка, эти особенности выступаютъ съ большею яркостью. Во всѣхъ группахъ фактовъ, подлежащихъ научному изслѣдованію, приходится отмѣтить работу мысли въ этомъ направленіи.

Астрономы-теоретики стараются угадать законы послѣдовательности фазисовъ развитія небесныхъ тѣлъ, фазисовъ неповторяющихся для каждаго элемента солнечной системы, прилагая эти законы и къ другимъ системамъ свѣтилъ; эмбріологи устанавливаютъ законы послѣдовательности фазисовъ метаморфозъ насѣкомаго, развитія куринаго яйца, человѣческаго зародыша; естествоиспытатели-трансформисты пробуютъ установить законъ генеалогіи и развѣтвленія формъ органическаго міра, начиная элементарными протистами и доходя до высшихъ однодольныхъ и двудольныхъ растеній и до высшихъ формъ животныхъ у насѣкомыхъ, у птицъ и у приматовъ,

Не приводя уже изъ эмбріологіи и изъ ученія о метаморфозахъ біологическихъ организмовъ многочисленныхъ примѣровъ и необходимой послѣдовательности фазисовъ развитія, и выпаденія иныхъ фазисовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и различія типовъ развитія, можно убѣдительные примѣры всему этому найти и въ области изученія жизни человѣческихъ обществъ. Послѣдовательность фа-

зисовъ первобытной индустріи историческихъ народовъ представляетъ и поразительное сходство у племенъ, не имѣвшихъ возможности сноситься между собою, и выпаденіе одного довольно общаго фазиса первобытной металлургіи на большей части материка Африки. Все болѣе устанавливается положеніе, что материнскій родовой строй предшествовалъ отцовскому, сперва проявлявшемуся какъ организація власти, а потомъ уже какъ форма родства между *своими*; однако при этомъ нормальный ходъ смѣны общественныхъ категорій допускаетъ многочисленныя и разнообразныя исключенія. вслѣдствіе случайныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ. Въ позднѣйшемъ фазисѣ исторіи философской мысли, наблюдаютъ совершенно правильный переходъ отъ господства элемента догматическаго къ господству сначала элемента ненаучно-свѣтскаго построенія, а потомъ къ научному пониманію міра и общества; однако это не мѣшало ни развитію совершенно иныхъ типовъ универсалистической религіи въ христіанствѣ и въ буддизмѣ, ни многочисленнымъ переживаніямъ болѣе раннихъ философскихъ направленій мысли рядомъ съ довольно тщательной выработкою позднѣйшихъ. Въ новѣйшей западной Европѣ можно считать вполнѣ доказанною необходимость послѣдовательности, въ которой, на почвѣ измѣненія формъ производства, развилась сначала буржуазія съ ея капиталистическимъ режимомъ, а затѣмъ соціализмъ съ его организаціей рабочаго пролетаріата, съ современною формой классовой борьбы и съ идеалами всеобщей кооперации; однако это не мѣшаетъ, при перенесеніи результатовъ этого процесса въ страны съ менѣе развитою индустріей и съ болѣе отсталыми формами политической жизни, допущенію возможности, что частности этого *нормальнаго* хода могутъ представить типъ общественной эволюціи въ достаточной мѣрѣ отличный отъ того, который имѣлъ мѣсто въ Англіи и т. п.

Исторія представляетъ процессъ преимущественно эволюціонный, слѣдовательно и для научнаго изслѣдованія ея задачъ приходится преимущественно искать аналогій въ области другихъ эволюціонныхъ процессовъ, въ эмбріологіи, въ теоріи развитія органическаго міра, въ теоріи эволюціи міровъ. Важнѣйшую задачу пониманія исторіи составляетъ стремленіе открыть законъ нормальной послѣдовательности фазисовъ общественной жизни, какъ въ отдѣльныхъ коллективностяхъ, такъ и въ человѣчествѣ въ его цѣломъ. При этомъ могутъ разсматриваться, какъ спорные, вопросы: слѣдуетъ ли для всѣхъ человѣческихъ обществъ допустить,

какъ нормальную, одну и ту же послѣдовательность фазисовъ развитія, относя всѣ отклоненія къ случайностямъ или къ уродствамъ? или научнѣе признать въ эволюціи обществъ столь же различные типы развитія, какіе представляютъ намъ разные классы растительныхъ и животныхъ организмовъ? какія потребности личности или элементы общественныхъ союзовъ обусловливали преимущественно или исключительно какъ неповторяемость историческихъ явленій вообще, такъ и направленіе, въ которомъ совершалась смѣна историческихъ фазисовъ? что въ данную эпоху исторической жизни правильнѣе разсматривать какъ характеристическія задачи этой жизни, и что имѣло мѣсто, какъ элементъ видоизмѣняющій эти задачи или въ смыслѣ возвращенія къ задачамъ невозвратимаго прошлаго или въ смыслѣ частнаго угадыванія и подготовленія къ задачамъ гораздо позднѣйшаго будущаго?—Все это представляетъ обширную область борьбы историческихъ гипотезъ болѣе или менѣе основательныхъ и научныхъ, при чемъ степень ихъ основательности и научности обусловливается прежде всего количествомъ и качествомъ того фактическаго матерьяла, на которомъ самыя гипотезы были построены при ихъ появленіи, а затѣмъ поддержкою, которую каждая изъ нихъ находитъ въ дальнѣйшихъ результатахъ исторической критики и эрудиціи.

Признавъ за явленіями эволюціи и законами послѣдовательности ихъ фазисовъ главную роль въ научной обработкѣ исторіи, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что процессъ послѣдней представляетъ и многія явленія повторяющіеся или въ продолженіи всей эволюціи человѣчества, или въ продолженіи болѣе или менѣе долгаго періода.

Какъ примѣры явленій соціологическихъ, постоянно повторяющихся, можно привести: сосуществованіе въ каждомъ обществѣ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ поколѣній: дѣтскихъ, зрѣлыхъ и старческихъ; способность коллективности, какъ толпы, увлекаться аффектомъ энтузіазма или неразсудительной жестокости подъ вліяніемъ

подражанія и прямаго внушенія со стороны энергической личности и т. под.

Какъ примѣры временнаго—хотя иногда и очень продолжительнаго—господства одной и той же группы соціологическихъ явленій есть основаніе допустить: попеременныя преобладанія среди историческихъ народовъ стремленія установить прочную обычную культуру, и другаго, противуположнаго первому, стремленія измѣнить существующія формы культуры подъ вліяніемъ работы мысли; господство экономическихъ интересовъ надъ всѣми другими во всѣ историческія эпохи, во всѣхъ сферахъ, гдѣ подчиненіе обычаю уже прекратилось или ослабѣло, господство убѣжденій еще не установилось и сознанные интересы составляютъ главный мотивъ дѣйствія личностей и обществъ. Сюда же относится ежегодное повтореніе въ данномъ обществѣ (пока въ культурѣ и въ мысли его не произошло какихъ-либо существенныхъ измѣненій, иногда очень трудно доступныхъ наблюденію) одной и той же цыфры нѣкоторыхъ самыхъ произвольныхъ или случайныхъ явленій, именно: самоубійствъ, опредѣленныхъ формъ преступленій или подвиговъ самоотверженія, литературныхъ произведеній опредѣленной отрасли, фактовъ забывчивости при обыденныхъ событіяхъ, процента лицъ, выдерживающихъ опредѣленный экзаменъ и т. под.

Вопросъ о повторяющихся и неповторяющихся явленіяхъ въ общественной жизни побуждаетъ разсмотрѣть внимательнѣе отличіе научной разработки исторіи отъ подобной же обработки соціологіи. Это разграниченіе имѣетъ особенное значеніе для нашего времени, такъ какъ цѣлый рядъ мыслителей склоняется къ отождествленію этихъ областей съ тѣмъ бо̀льшимъ кажущимся правомъ, чѣмъ неразрывнѣе ихъ связь и чѣмъ чаще каждая изъ нихъ принуждена пользоваться матерьяломъ другой. Но упомянутое разграниченіе едва ли не уясняется само-собою, если мы установимъ болѣе опредѣленную точку зрѣнія на задачи этихъ двухъ областей и, съ этой точки зрѣнія, вдумаемся въ общую схему соціологическаго и историческаго вопроса для каждаго отдѣльнаго момента общественной эволюціи. Соціологъ спрашиваетъ себя: какія явленія усиленія или ослабленія, расширенія или съуженія солидарности могли и должны были произойти при данныхъ историческихъ комбинаціяхъ общественныхъ формъ и усвоенныхъ пріемовъ мысли въ данномъ обществѣ и въ данную эпоху? какія изъ нихъ произошли дѣйствительно и повторились бы неизбѣжно, если бы повторялись тѣ же самыя историческія данныя (хотя это повтореніе съ достаточною полнотою въ исторіи не встрѣчается)? Историкъ же хочетъ знать: какую комбинацію живыхъ элементовъ и переживаній, задачъ спеціальныхъ для общества данной эпохи и зародышей будущаго представляетъ данная эпоха (при чемъ вопросы объ измѣненіяхъ

солидарности составляютъ лишь одинъ элементъ изслѣдованій) и какимъ путемъ эта комбинація перешла, впослѣдствіи, въ комбинацію болѣе или менѣе отличную отъ первой, отбрасывая одни переживанія, вызывая другія и развивая въ своей средѣ новые зародыши еще не наступившаго будущаго? Вопросы соціологіи суть всегда вопросы о законахъ явленій солидарности—и исключительно *этихъ* явленій — которые если и очень рѣдко повторяются въ дѣйствительности во всѣхъ ихъ частностяхъ, то представляются тѣмъ не менѣе изслѣдователю какъ имѣющіе возможность повторяться по однимъ и тѣмъ же законамъ. Вопросы исторіи суть столь же неизбѣжно вопросы о переходѣ одного изъ неповторяющихся, вообще говоря, фазисовъ эволюціи мысли и жизни въ другой фазисъ, точно также не повторяющійся, при чемъ нѣтъ ни одного явленія, наблюдаемаго въ комплексѣ каждаго изъ этихъ фазисовъ, которое приходилось бы, по сущности дѣла, оставить въ сторонѣ, каково ни было бы отношеніе этихъ разнообразныхъ явленій къ солидарности. И соціологія и исторія берутъ весь свой матерьялъ изъ коллективныхъ организмовъ, но первой соотвѣтствуетъ въ области біологіи изученіе физіологическихъ явленій, второй — изученіе того закона смѣны формъ, который обусловливаетъ переходъ личинки насѣкомаго въ зрѣлое животное, переходъ зародыша человѣка въ самоопредѣляющуюся историческую личность. Съ этой точки зрѣнія устраняется всякое отождествленіе или даже смѣшеніе двухъ научныхъ областей, пользующихся однимъ и тѣмъ же матерьяломъ

Какъ только въ жизни обществъ приходится констатировать одновременно явленія повторяющіяся и неповторяющіяся, то при изслѣдованіи эпохъ мы должны ожидать преобладанія въ каждой изъ нихъ того или другого изъ этихъ элементовъ, или, по крайней мѣрѣ, опредѣленное стремленіе къ такому преобладанію, однако при сосуществованіи обоихъ элементовъ. Во всякомъ новомъ устанавливающемся общественномъ строѣ мы можемъ искать явленій эволюціонныхъ, характеризующихъ неизбѣжность перехода къ новому фазису. Во всякомъ историческомъ процессѣ перехода отъ одной эпохи къ другой мы можемъ отмѣтить элементы, отстаивающіе свою прочность или стремящіеся сдѣлаться элементами новаго прочнаго строя. Опасности борьбы за существованіе вызываютъ постоянно возникающее въ обществахъ стремленіе къ созданію

такихъ формъ общежитія, которыя представляли бы возможно-бóльшую прочность и возможно-меньшую необходимость въ измѣненіяхъ и передѣлкахъ. И тѣ же самыя опасности обнаруживаютъ несовершенства существующаго строя и сознательно или безсознательно толкаютъ наиболѣе развитые его элементы на его измѣненіе.

Вглядимся внимательнѣе въ проявленія этихъ двухъ борющихся стремленій и они на нашихъ глазахъ разложатся на нѣсколько болѣе простыхъ элементовъ, обусловливаемыхъ неизбѣжною связью прошлаго, настоящаго и будущаго въ жизни народовъ.

Каждая эпоха жизни обществъ имѣетъ свои жизненныя задачи, ея характеризующія какъ эпоху особенную. Но эти *характеристическія задачи* для каждой эпохи приходится ставить и рѣшать личностямъ и обществамъ, къ ней принадлежащимъ, подъ вліяніемъ многочисленныхъ остатковъ прошлаго, а также въ присутствіи новыхъ элементовъ, дѣйствительная роль которыхъ можетъ вполнѣ опредѣлиться лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Понять каждую эпоху возможно лишь вдумавшись въ комбинацію всѣхъ этихъ вліяній.

Въ огромномъ большинствѣ явленій личной и общественной жизни каждой эпохи прошедшее личности и общества оставило свои неизгладимые слѣды. Это прошедшее продолжаетъ жить въ настоящемъ двумя способами, имѣющими для дальнѣйшихъ процессовъ весьма различное значеніе. Самое продолженіе жизни личности или общества было бы невозможно безъ того или другаго элемента, восходящаго въ болѣе или менѣе глубокую древность, или же отсутствіе этого элемента придало бы личности и обществу характеръ патологическій, внося въ нихъ процессъ вырожденія. Такова роль *жизненныхъ элементовъ* эволюціи біологическихъ или соціологическихъ организмовъ, какъ далеко ни восходили бы въ прошедшемъ явленія, сюда относящіяся.

Совсѣмъ иное значеніе имѣютъ другіе элементы, входящіе въ формы культуры или въ пріемы мысли данной эпохи исключительно потому, что они имѣли мѣсто въ этихъ формахъ и пріемахъ въ предшествующія эпохи и удержались послѣ того; эти элементы не только чужды новымъ задачамъ индивидуальной и коллективной жизни, но болѣе или менѣе противорѣчатъ этимъ задачамъ, представляютъ помѣхи ихъ правильному рѣшенію; устраненіе этихъ элементовъ изъ заботъ даннаго общества было бы для него оздоровленіемъ. Эти элементы исключительно будутъ подразумѣваться здѣсь подъ терминомъ *переживаній*.

Приведемъ примѣры.

Неустранимый ***жизненный элементъ*** всякаго общества составляетъ сосуществованіе въ немъ различныхъ поколѣній (ребяческихъ, зрѣлыхъ, старѣющихъ) и особей различныхъ половъ. Необходимый для ***исторической*** жизни всякаго общества ***жизненный элементъ*** представляетъ существованіе въ немъ интеллигенціи, дѣйствующей подъ вліяніемъ потребности развитія и наслажденія имъ, хотя эта традиціонная интеллигенція унаслѣдована цивилизованными народами отъ дальнихъ предковъ; не только ея исчезаніе, но и ослабленіе ея энергіи есть патологическое явленіе. Точно также научные пріемы мысли являются ***жизненными элементами*** ея работы, ослабленіе которыхъ есть регрессивное явленіе, хотя эти пріемы составляютъ съ нѣкоторой эпохи школьную традицію.

Вотъ примѣры другаго рода.

Употребленіе низшихъ формъ производства и худшихъ орудій труда, когда техника открыла высшія и лучшія, есть лишь вредное ***переживаніе***, иногда неизбѣжное вслѣдствіе недостатковъ общественнаго строя, но тѣмъ не менѣе вызывающее ***здоровое*** стремленіе устранить низшія формы техники. Употребленіе амулетовъ, остатки анимизма и шаманизма въ обществѣ, гдѣ въ школахъ принято научное и вообще критическое мышленіе, есть противорѣчивое послѣднему ***переживаніе*** отсталыхъ пріемовъ мысли. Метафизика есть вредное переживаніе съ тѣхъ поръ, какъ философская мысль выработала научное міросозерцаніе. Если бы въ какой-либо странѣ нынѣшняго міра установился строй, отличный отъ настоящаго, полнѣе удовлетворяющій потребностямъ человѣка, особенно потребности развитія, солидарности большинства и вообще высшимъ задачамъ нашей эпохи, то немедленно настоящій общественный по-

рядокъ обратился бы въ архаическое переживаніе, какъ сдѣлались уже теперь такимъ переживаніемъ не только родовой строй и сословное государство, но и другія существующія еще, но отсталыя формы.

Такимъ образомъ, въ каждую эпоху формы жизни и пріемы мысли живущаго поколѣнія обусловлены отчасти элементами, сохранившими свою *жизненность*, отчасти же *переживаніями* формъ жизни и пріемовъ мысли прежнихъ поколѣній. Лишь эти вліянія позволяютъ понять многое въ томъ, что̀ озабочиваетъ людей данной эпохи и составляетъ ея *характеристическія* черты. Къ этимъ элементамъ присоединяется еще иной: каждое поколѣніе не только сознательно идетъ къ своимъ цѣлямъ; оно еще полусознательно или вовсе безсознательно подготовляетъ будущее, которое *для него* вовсе не составляетъ сознанной цѣли, но выростаетъ изъ прошлаго съ фатальной необходимостью. По этому факты, явленія и личности, вовсе незначительные для современниковъ или понимаемые ими опредѣленнымъ образомъ, освѣщаются для историка совершенно иначе, когда онъ знаетъ, что̀ выросло изъ этихъ фактовъ, явленій и личностей; какую роль они играли, какъ *зародыши будущаго*, которое въ разсматриваемую эпоху едва ли кто могъ предвидѣть. Для научнаго пониманія данной эпохи и послѣдовательности періодовъ въ ихъ цѣломъ получаетъ первостепенную важность именно указанная почва личной и коллективной психологіи и соціологіи, и надлежащее распредѣленіе всѣхъ элементовъ этой почвы на *переживанія, характеристическія задачи* данной эпохи и *зародыши будущаго*. Приходится прослѣдить степень участія каждаго изъ этихъ элементовъ въ общемъ ходѣ историческихъ событій, степень ихъ взаимнаго вліянія и возможность ихъ борьбы въ однихъ случаяхъ, ихъ комбинаціи въ другихъ. Это и есть процессъ различенія и раціональнаго синтеза въ исторіи какъ наукѣ. Онъ именно необходимъ для историческаго пониманія роли каждой

эпохи въ эволюціи человѣчества, какъ результата предшествовавшихъ періодовъ и какъ почвы для слѣдующаго фазиса исторіи.

Въ самыхъ общихъ чертахъ эта комбинація и борьба вліяній можетъ быть представлена какъ противоположеніе ряда общественныхъ формъ и вызываемыхъ имъ явленій мысли и жизни, стремящихся устранить всякое измѣненіе и обратиться въ *обычай*,—ряду совершенно иныхъ вліяній, направленныхъ на измѣненіе этой общественной *культуры*, въ однихъ случаяхъ путемъ процессовъ вовсе не преднамѣренныхъ и совершающихся какъ бы автоматически, въ другихъ же — обнаруживающихъ болѣе или менѣе ясно и опредѣленно поставленную цѣль развитія, придающую этимъ измѣненіямъ характеръ процесса *историческаго*.

ГЛАВА II.

Культурныя измѣненія и историческая жизнь.

Культура и ея измѣненія.—Двигатели этихъ измѣненій.

Потребности личностей.—Временныя и патологическія потребности.— Спорные вопросы.—(Примѣры).

Потребность развитія и роль интеллигенціи. — Переработка культуры мыслью.

Кто остается внѣ исторіи?

Солидарность и ея формы. — Ростъ процессовъ сознанія въ личностяхъ. —Роль того и другого въ борьбѣ за существованіе. — Роль ихъ въ исторіи.—Патологическія явленія.

Чередованіе эпохъ двухъ разныхъ направленій.—Его ускореніе.

Терминомъ *культура* здѣсь будетъ обозначена та совокупность формъ общежитія и психическихъ пріемовъ, которая, какъ въ самыя отдаленныя эпохи жизни человѣчества и нѣкоторыхъ другихъ животныхъ породъ, такъ и въ продолженіи всей исторіи, обнаруживаетъ стремленіе передаваться отъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ нѣчто неизмѣнное.

Тѣмъ не менѣе въ этой культурѣ совершаются измѣненія. У нѣкоторыхъ породъ насѣкомыхъ и млекопитающихъ мы можемъ лишь предполагать или угадывать, что подобныя измѣненія имѣли мѣсто. Имъ приходится придать лишь незначительную и почти безсознательную роль у многихъ племенъ дикарей. Они составляютъ

особенно яркіе, иногда загадочные, иногда драматическіе, въ иныхъ случаяхъ проникнутые глубокимъ содержаніемъ, эпизоды исторіи, увлекательные подъ перомъ историка-художника, вызывающіе могучіе философскія построенія у историка-мыслителя.

Гдѣ же искать двигателей этихъ разнообразныхъ измѣненій? Психологія личная и коллективная, точно также какъ соціологія, выдвигаютъ гипотезу, что этихъ двигателей надо искать, во первыхъ, въ потребностяхъ отдѣльной личности, создающихъ формы общежитія и видоизмѣняющихъ эти формы, опять таки подъ вліяніемъ тѣхъ же или иныхъ потребностей; во вторыхъ, во вліяніи на личности соціальной среды, т. е. существующихъ въ данную эпоху формъ общежитія, которыя поддерживаютъ и усиливаютъ одни потребности личностей, подавляютъ другія и вызываютъ иногда новыя временныя потребности не менѣе могучія, какъ тѣ, которыя восходятъ къ самымъ основнымъ органическимъ процессамъ. Взаимодѣйствіе личностей съ ихъ потребностями и общественныхъ формъ, создающихъ солидарность личностей, выступаетъ какъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ элементовъ исторіи, если мы стремимся внести въ нее пониманіе.

Потребности личности представляютъ нѣсколько группъ, очень различныхъ по своему происхожденію и по своему значенію. Для исторической жизни народовъ имѣетъ особую важность пробужденіе *потребности развитія*, но она появляется весьма поздно и охватываетъ лишь меньшинство принадлежащее къ *интеллигенціи*. Далеко въ прошедшее идутъ потребности, которыя приходится признать *основными*. Онѣ обнаруживали свое вліяніе гораздо ранѣе эпохи, когда наслажденіе развитіемъ могло быть почувствовано личностями или группами. Въ значительной мѣрѣ онѣ были унаслѣдованы человѣкомъ отъ его зоологическихъ предковъ, но впослѣдствіи, подъ вліяніемъ работы мысли и измѣненія формы и мотивовъ солидарности, эти основ-

ныя потребности сами подвергались эволюціи, результаты которой были такъ отличны отъ точки ея исхода, что лишь тщательныя изслѣдованія въ новѣйшее время могли указать въ тѣхъ и въ другихъ различные фазисы одного и того же процесса эволюціи. Для научнаго пониманія исторіи именно эти потребности получаютъ особенную важность.

Отъ слоя *основныхъ* потребностей, восходящихъ къ зоологическому міру, приходится отличить слой потребностей *временныхъ* (иногда патологическихъ), возникающихъ и атрофирующихся во всѣ періоды доисторической и исторической жизни; а также упомянутую передъ этимъ потребность *развитія*, съ появленіемъ которой начинается жизнь историческая и которая, затѣмъ, обусловливаетъ всѣ фазисы послѣдней.

Нѣкоторыя *основныя* потребности, большею частью общія человѣку со многими животными, приходится допустить у людей уже при самомъ выдѣленіи ихъ изъ міра приматовъ. Таковы біологическія потребности *питанія, полового совокупленія* и *ухода за дѣтьми*; такова соціологическая потребность *безопасности*, уже наблюдаемая у всѣхъ животныхъ, у которыхъ сознаніе пробудилось въ нѣсколько опредѣленной степени; такова, наконецъ, потребность въ наслажденіи *возбужденіемъ нервовъ*, усвоенная едва ли не всѣми существами съ болѣе выработанною нервною системою; потребность, къ которой приходится отнести, какъ одинъ изъ ея частныхъ случаевъ, *удовольствіе общежитія*, обусловливающее нравы всѣхъ общественныхъ животныхъ.

На почвѣ этихъ основныхъ потребностей развивается, уже въ процессѣ доисторической и исторической эволюціи обществъ, слой *временныхъ* потребностей, входящихъ въ разрядъ того, что фигурируетъ въ этой эволюціи какъ *историческія категоріи*. Вліяніе, ими обнаруживаемое на формы культуры и на работу мысли, бываетъ огромно и продолжительно, такъ что часто

заслоняетъ отъ изслѣдователя и никогда не прекращающееся дѣйствіе потребностей основныхъ и историческую роль потребности развитія; однако внимательное изслѣдованіе обнаруживаетъ въ нихъ лишь преходящіе, болѣе или менѣе сложные пріемы для удовлетворенія только что упомянутыхъ двухъ слоевъ потребностей.

Въ области потребностей временныхъ приходится обратить вниманіе еще на одно различіе. Въ соціологіи, какъ въ біологіи, явленіямъ и процессамъ здоровымъ, физіологическимъ, приходится противуположить явленія и процессы патологическіе, болѣзненные. Это имѣетъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ допущеніе, что многія потребности, возникающія временно въ особи или въ обществѣ, суть сами по себѣ потребности безусловно-*патологическія*. Какъ таковыя, онѣ подлежатъ устраненію; но тутъ мы встрѣчаемся съ двумя затрудненіями. Съ одной стороны, эти потребности лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ устранимы. Съ другой, въ обществѣ, въ подобныхъ случаяхъ, обыкновенно существуетъ разногласіе относительно того, что̂ именно патологично и что̂ нормально въ этихъ потребностяхъ и въ способахъ ихъ удовлетворенія. Большею частью рѣшеніе этихъ спорныхъ вопросовъ тѣмъ или другимъ изслѣдователемъ обусловливается его субъективнымъ убѣжденіемъ и степенью его личнаго нравственнаго и соціологическаго развитія.

Такъ антропофагія большею частью разсматривается какъ явленіе безусловно-патологическое—однако не всѣми. Тоже можно сказать о наслажденіи ненужною жестокостью при обращеніи съ побѣжденнымъ врагомъ. Рабство часто признается неизбѣжнымъ фазисомъ перехода отъ истребленія враговъ къ болѣе человѣчному обращенію съ ними. Оцѣнка эксплоатаціи массъ меньшинствомъ, расширяющимъ свое индивидуальное развитіе при помощи чужаго труда, есть въ наше время шиболетъ, помощью котораго можно отличить сторонниковъ двухъ борющихся между собою соціологическихъ міросозерцаній. Религіозность въ различныхъ ея фазисахъ, подчиненіе женщинъ мущинамъ, семья по отношенію къ общимъ задачамъ человѣческой солидарности, частная собственность по от-

ношенію къ потребностямъ большинства, конкурренція въ ея полномъ развитіи, раздѣленіе труда на различныхъ ступеняхъ его специализаціи и т. под.—представляютъ спорные пункты въ этомъ отношеніи, допускающіе весьма различные оттѣнки убѣжденій.

На этой-то почвѣ потребностей основныхъ и временныхъ, физіологическихъ и патологическихъ, а также формъ культуры, представляющихъ благопріятные обстоятельства для дальнѣйшаго процесса измѣненія формъ общежитія, выдѣляется въ иныхъ случаяхъ и пріобрѣтаетъ вліяніе на общество группа личностей, способныхъ наслаждаться развитіемъ и вырабатывающимъ *потребность развитія*. Этой группѣ будетъ здѣсь присвоено названіе *интеллигенціи* и она выступаетъ какъ двигатель сознательныхъ измѣненій культуры въ противуположность непреднамѣреннымъ ея измѣненіямъ, до тѣхъ поръ имѣвшимъ мѣсто. Ея дѣло—*переработка культуры мыслью*. Съ началомъ этой сознательной работы начинается *историческая жизнь* человѣчества и въ процессѣ переработки культуры мыслью эта жизнь обнаруживается.

Съ принятой здѣсь точки зрѣнія мы считаемъ себя въ правѣ допустить слѣдующія положенія: усвоеніе личностью потребности развитія составляетъ характеристическій признакъ вступленія этой личности въ *историческую жизнь*; выработка въ обществѣ интеллигенціи въ такомъ размѣрѣ, въ которомъ она способна оказывать вліяніе на общество, есть условіе вступленія въ эту жизнь даннаго общества; тѣмъ самымъ для всѣхъ обществъ и для цѣлаго человѣчества начало исторической жизни связывается съ фактомъ выработки группъ, способныхъ наслаждаться развитіемъ и ощущать потребность въ немъ, какъ бы ни было фактически трудно установить для разныхъ народовъ хронологическій моментъ, когда это событіе имѣло мѣсто.

Сознательное стремленіе участвовать въ исторической жизни человѣчества и даже сознательная потребность развитія, обусловливающая для личности и для обще-

ства вступленіе въ эту историческую жизнь, были явленіями сравнительно поздними въ человѣчествѣ вообще. Когда эти явленія могли имѣть мѣсто, они обнаружились въ меньшинствѣ сравнительно-незначительномъ. Можно въ иныхъ случаяхъ наблюдать, въ другихъ угадывать, что̀ именно придало этимъ явленіямъ историческое значеніе. При нѣкоторыхъ благопріятныхъ для этого условіяхъ, интеллигенція данной страны и данной эпохи съумѣла сдѣлаться историческою силою и обнаруживать свое дѣйствіе, какъ подобная сила, на большинство отдѣльнаго общества, а затѣмъ и на вліятельную долю человѣчества. До выработки этой исторической силы и внѣ ея дѣйствія большинство людей оставалось и остается внѣ исторіи.

Эта *неисторическая жизнь* иногда представляется намъ прямо въ формѣ *неисторическихъ племенъ и народовъ*, цѣликомъ живущихъ доисторическою жизнью. Въ другихъ случаяхъ передъ нами касты, сословія и классы, бывшіе и остающіеся *пасынками исторіи* въ средѣ историческихъ націй и государствъ, строй которыхъ лишалъ и лишаетъ этихъ пасынковъ возможности участвовать въ исторической жизни, хотя эволюція послѣдней совершалась и совершается рядомъ съ ними. Наконецъ, сюда же принадлежатъ особи и группы, имѣвшія и имѣющія всѣ внѣшнія средства вступить въ историческую жизнь, но оставшіяся внѣ ея, какъ *культурные дикари*, по недостатку личныхъ способностей почувствовать потребность развитія и наслажденія имъ, что̀ не мѣшало этимъ культурнымъ дикарямъ разныхъ позднѣйшихъ цивилизацій пользоваться всѣми выгодами этихъ цивилизацій и наслаждаться внѣшними формами ихъ интеллектуальныхъ, эстетическихъ и соціальныхъ завоеваній.

Но если потребность развитія въ личности была явленіемъ позднимъ, то съ существованіемъ первыхъ же обществъ въ органическомъ мірѣ въ этихъ обществахъ не могла не существовать и не проявляться

необходимость *солидарности*. Она могла обнаруживаться какъ нѣчто фатальное, подобно тому, какъ она связываетъ части одного и того же біологическаго организма. Она могла быть временнымъ и не преднамѣреннымъ проявленіемъ аффекта. Она могла, наконецъ, быть сознанною цѣлью группировки интеллигенціи данной эпохи и, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, приходилось установить ея отношеніе къ потребности развитія и ко всѣмъ сознательнымъ процессамъ. Но, во всѣхъ этихъ случаяхъ, она оставалась невыдѣлимою изъ существованія общества на столько же, на сколько основные потребности личности были невыдѣлимы изъ существованія послѣдней. Взаимодѣйствіе личности и общества, о которомъ сказано выше, и къ которому мы вернемся впослѣдствіи, есть лишь осуществленіе въ мірѣ реальномъ того взаимодѣйствія, которое, въ мірѣ интеллектуальномъ, имѣетъ мѣсто между понятіемъ о развитіи сознательныхъ процессовъ въ особи и объ общественной солидарности.

Исторія имѣетъ дѣло съ обществомъ, т. е. съ коллективностями человѣческихъ особей, представляющими большую или меньшую степень солидарности. Для раціональнаго пониманія историческаго процесса весьма важно различать только что упомянутые три совершенно иные случая, въ которыхъ соціологу приходится употреблять терминъ *солидарность*, понятіе о которой, въ своемъ развитіи, исчерпываетъ его науку.

Это, во-первыхъ, зависимость между особями, устанавливающаяся между ними помимо всякихъ сознательныхъ процессовъ и, напротивъ, вызывающая разнообразные процессы этого рода самымъ фактомъ болѣе или менѣе продолжительнаго общенія между особями. Въ этомъ случаѣ особи *фатально* солидарны между собою, потому что не могутъ уклониться отъ этой солидарности и ея слѣдствій.

Это, во вторыхъ, вырабатывающаяся на почвѣ только что разсмотрѣнной фатальной солидарности, солидар-

ность общаго аффективнаго настроенія, чуждаго какому бы то ни было критическому обдумыванію. Сюда принадлежитъ, какъ явленіе хроническое, то общее поднятіе духа, которое, повидимому, безо всякой сознанной причины, охватываетъ въ данную эпоху руководящіе слои даннаго общества (особенно интеллигенцію историческихъ народовъ), и то общее подавленное состояніе духа, которое обнаруживается въ другія эпохи. Сюда же принадлежитъ, какъ острое явленіе, тотъ внезапный взрывъ энтузіазма толпы или ея безсмысленнаго варварства, которые удивляютъ не только постороннихъ наблюдателей, но и самихъ участниковъ этой второй формы солидарности, — взрывъ, обнаруживающійся во временномъ аффективномъ настроеніи.

Обѣ эти формы солидарности не обусловливаютъ ни наслажденія развитіемъ, ни его потребности, и потому становятся историческими явленіями лишь тогда, когда вырабатываютъ третью форму ея, именно солидарность историческую, вполнѣ сознанную или какъ прочное чувство близости между особями одной и той же группы, или даже какъ понятіе, обусловливающее опредѣленныя задачи личной и коллективной жизни. Лишь *эта* солидарность является могучимъ орудіемъ въ борьбѣ общества за свое существованіе и становится прогрессивнымъ двигателемъ исторіи. Тѣмъ не менѣе всѣ три указанныя формы солидарности характеризуютъ уже переходъ отъ скопленія и общежитія къ обществу и дѣлаютъ это скопленіе предметомъ изученія соціологіи.

Послѣдняя форма солидарности, единственно-важная въ періодѣ жизни исторической, оказывается обусловленной ростомъ сознанія въ личностяхъ. По этому этотъ ростъ получаетъ для исторіи обществъ не меньшее значеніе, чѣмъ ихъ солидарность.

Личности входятъ въ исторію лишь какъ элементы коллективностей, по ихъ отношенію къ коллективнымъ задачамъ, предъ ними поставленнымъ событіями. Но

въ то же время понятіе объ обществѣ, при внимательномъ разсмотрѣніи его, оказывается лишь удобною формою для изученія единовременныхъ психическихъ процессовъ, совершающихся въ большемъ или меньшемъ числѣ солидарныхъ между собою личностей, и реальныхъ дѣйствій, ими совершаемыхъ, такъ что общества имѣютъ, собственно, реальное существованіе лишь въ личностяхъ, ихъ составляющихъ, именно въ *сознаніи* личностями своей солидарности, какъ между собою, такъ и съ коллективностью. Неизбѣжно, степень *сознательности* процессовъ, связующихъ личности одного и того же общества, обусловливаетъ не только здоровое или патологическое состояніе общества, но и различные пути, которыми идетъ историческій процессъ. Ростъ сознанія въ личностяхъ одинаково съ ростомъ солидарности выступаютъ какъ общественныя и историческія силы.

И тотъ и другой оказываются могучими пособіями и въ основномъ біологическомъ фактѣ *борьбы за существованіе* и въ выработкѣ личными и коллективными организмами орудій для отстаиванія себя въ этой борьбѣ. Человѣкъ, при своемъ появленіи въ мірѣ животныхъ, нашелъ уже подготовленными для успѣха въ этой борьбѣ эти два надежныя орудія: *солидарное общежитіе* и развитіе *сознательныхъ процессовъ*. Поэтому пониманіе исторіи почти неизбѣжно ставитъ себѣ основною задачею изслѣдованіе фазисовъ эволюціи солидарности въ человѣческихъ обществахъ, фазисовъ развитія сознательныхъ процессовъ въ личностяхъ, и явленій взаимодѣйствія этихъ двухъ основныхъ элементовъ исторической жизни. Для научно-философскаго пониманія исторіи приходится искать рѣшенія вопросовъ: въ какомъ отношеніи теченіе событій могло находиться въ разныя эпохи—и дѣйствительно находилось—къ росту или къ ослабленію общественной *солидарности*, къ образованію, скрѣпленію и распаденію разныхъ общественныхъ союзовъ? въ какой сте-

пени оно способствовало усиленію и уясненію *сознательныхъ процессовъ* въ личностяхъ? въ какой мѣрѣ могли способствовать или мѣшать другъ другу указанныя два явленія: измѣненія формъ и степени солидарности обществъ и роста или ослабленія сознательныхъ процессовъ при участіи личности въ общественной жизни? Существеннѣйшимъ элементомъ пониманія историческаго процесса оказывается отношеніе этого процесса къ только что указаннымъ двумъ понятіямъ.

Прежде всего приходится замѣтить, что исключительное или даже вполнѣ преобладающее вліяніе одного изъ этихъ историческихъ двигателей способно вызвать въ обществѣ патологическія явленія.

Потребность солидарнаго общежитія для успѣха въ борьбѣ за существованіе вызываетъ постоянно-возникающее въ обществахъ стремленіе къ созданію такихъ формъ общежитія, которыя представляли бы возможно-бо̀льшую прочность и возможно-меньшую необходимость въ измѣненіяхъ и въ передѣлкахъ. Изъ потребности солидарности вытекаетъ постоянное стремленіе къ господству неизмѣннаго *обычая*, къ установленію обычныхъ формъ быта и вообще къ подчиненію индивидуальной мысли и дѣятельности устанавливающимся формамъ общежитія; иначе говоря—къ формамъ культуры, въ которыхъ господствуетъ наклонность къ застою.

Потребность расширенія сознательныхъ процессовъ въ особи—или того, что̀ здѣсь будетъ подразумѣваться подъ терминомъ *работы мысли*—ведетъ къ столь же постоянно возникающей переработкѣ обычая, или непреднамѣренной или сознательной. Въ послѣднемъ случаѣ она обнаруживается какъ протестъ противъ существующей культуры во имя потребности развитія, усвоенной цивилизаціею. Но исключительная или даже господствующая въ интеллигенціи даннаго общества забота о ростѣ сознательныхъ процессовъ, пренебрегая усиленіемъ общественной солидарности, способна

вызвать въ обществѣ эксплоатацію массъ, устраненныхъ отъ исторической жизни, меньшинствомъ интеллигенціи, пользующейся ею, и подрывъ общественнаго организма.

Такъ какъ оба эти стремленія имѣютъ свое основаніе въ самой сущности двигателей общественной жизни, то и въ тѣхъ случаяхъ, когда преобладаніе одного изъ нихъ не дошло до патологическихъ явленій, тотъ или другой изъ этихъ двигателей все таки неизбѣжно преобладаетъ въ нѣкоторой степени. Отсюда бросающійся въ глаза историческій фактъ послѣдовательной смѣны двухъ фазисовъ въ жизни обществъ: фазиса *повторяющихся попытокъ* установить новый *обычай*, новую прочную *культуру*, подверженную возможно меньшимъ измѣненіямъ и передѣлкамъ, и фазиса протеста противъ существующаго обычая, стремленія передѣлать культуру сообразно болѣе или менѣе ясно-сознаннымъ требованіямъ *работы мысли*. Эпохи *переходныя* чередуются съ эпохами *попытокъ установленія новой культуры*, при чемъ, въ переходныя эпохи, особенную историческую важность получаютъ зародышныя явленія, подготовляющія будущіе періоды, къ которымъ совершается переходъ; въ эпохи попытокъ созданія новыхъ культуръ—явленія переживанія эпохъ прошедшихъ, способствующія прочности создаваемой культуры.

Повидимому, исторія указываетъ что, при ходѣ событій, близкомъ къ нормальному, чѣмъ позднѣе мы наблюдаемъ это *повторяющееся* явленіе смѣны эпохъ двухъ разныхъ направленій, тѣмъ каждый фазисъ становится короче; чередованіе ихъ идетъ быстрѣе; проявленія того и другаго направленія дѣлаются все болѣе одновременными и самая противуположность этихъ стремленій стушевывается, такъ какъ каждая новая устанавливающаяся культура все болѣе обращается въ культуру, стремящуюся осуществить задачи работы мысли, а протестъ мысли все менѣе ограничивается смутнымъ стремленіемъ къ лучшему, но ставитъ себѣ цѣлью замѣну существующаго все болѣе опредѣленными новыми формами прочнаго общежитія.

ГЛАВА III.

Группы основныхъ потребностей личности.

Эволюція потребностей.—Двѣ группы основныхъ потребностей.

Потребность общежитія. — (Мотивы общежитія). — Половое влеченіе.—(Его соціологическая роль.—Случаи развивающаго вліянія). — Родительская привязанность. — Семья, какъ органъ воспитанія.—(Воспитывающія вліянія).

Эгоистическія потребности. — Потребность въ пищѣ. — Эволюція экономической жизни.—Потребность огражденія безопасности. — Эволюція политической жизни. — Потребность въ нервномъ возбужденіи.—Украшеніе жизни.

Смѣна историческихъ періодовъ и эпохъ, непреднамѣренное измѣненіе культуръ, имѣющее мѣсто какъ бы автоматически, и сознательная переработка культуръ мыслью интеллигенціи совершаются подъ вліяніемъ потребностей личности и формъ общежитія, вызывающихъ, на почвѣ потребностей *основныхъ*, потребности *временныя*, отчасти патологическія, а также *потребность развитія.* Можно допустить, что всѣ *временныя* и *патологическія* потребности вызывались въ человѣчествѣ различными нормальными и уродливыми попытками удовлетворить *основнымъ* потребностямъ человѣка вообще и потребности *развитія* въ

интеллигенціи. А потому приходится, какъ одинъ изъ важныхъ элементовъ историческаго процесса, прослѣдить ту эволюцію, которой подверглись эти двѣ группы потребностей, создавая продукты крайне различные отъ ихъ точекъ исхода.

Въ этомъ отношеніи слой основныхъ потребностей приходится раздѣлить въ свою очередь на двѣ группы, изъ которыхъ одна, на первый взглядъ болѣе способная сближать людей, оказалась на дѣлѣ или весьма мало вліятельною по отношенію къ задачамъ солидарности и развитія сознательныхъ процессовъ, или даже вліяла на этой почвѣ скорѣе въ неблагопріятномъ направленіи; другая же, имѣвшая, очевидно, эгоистическую точку исхода, оказалась наиболѣе вліятельною на эволюцію тѣхъ же задачъ. Въ указанномъ выше ряду потребностей *основныхъ*, удовольствіе, получаемое отъ общежитія, инстинктъ половаго сближенія и родительская привязанность составляютъ первую группу; потребность питанія, безопасности и нервнаго возбужденія—вторую.

Удовольствіе общежитія или соціальный инстинктъ составляетъ основу большей доли нравственныхъ побужденій и элементовъ общественной солидарности, но оно, съ одной стороны, не есть инстинктъ самостоятельный, а получается, какъ результатъ усвоенной привычки, вырабатываемой мотивами иного рода; съ другой же стороны, это удовольствіе общежитія, именно потому, что оно принимаетъ характеръ соціальнаго *инстинкта*, усиливаетъ солидарность общества лишь *на счетъ* потребности въ болѣе или менѣе самостоятельномъ развитіи сознательныхъ процессовъ въ личности и *на счетъ* стремленія расширить кругъ общежитія, обнаруживаясь наиболѣе полно въ рутинномъ бытѣ узкой семьи, строгой замкнутости кружка, класса, сословія, касты.

Мотивами, изъ которыхъ вырабатывается привычка къ общежитію, могутъ быть: продолжающееся половое влеченіе, развитіе

молодого поколѣнія при родительскихъ заботахъ о немъ, сообща на него направленныхъ, выгода общежитія для питанія и безопасности особи, наконецъ—нервное возбужденіе, вызываемое у молодежи играми, у болѣе взрослыхъ передачею чувствъ и мыслей и т. под.

Половое влеченіе является, *психологически*, весьма важнымъ источникомъ выработки альтруистическихъ аффектовъ, которые служатъ почвою для привычки къ общежитію; но этого далеко нельзя сказать о его *соціологической* роли, которая или становится иногда элементомъ неблагопріятнымъ расширенію и установленію болѣе широкой общественной солидарности, или, когда входитъ въ число элементовъ личнаго и общественнаго развитія, то входитъ въ нихъ лишь какъ элементъ, усиливающій вліяніе другихъ мотивовъ, совершенно самостоятельныхъ и въ которыхъ исключительно приходится искать двигателей исторіи въ томъ или другомъ направленіи.

Относительно соціологической роли полового влеченія, можно замѣтить слѣдующее: у однихъ животныхъ половое влеченіе вызываетъ упорную борьбу между самцами и является помѣхою общежитію между ними именно на столько, на сколько силенъ половой аффектъ. У другихъ, гдѣ совокупленія не ведутъ къ прочному сожительству самца съ самкою, форма общежитія опирается на потребности, не имѣющія ничего общаго съ половою. У безпозвоночныхъ выработка сложнаго общежитія часто связана съ существованіемъ въ немъ большинства безполыхъ особей. Въ первобытномъ человѣческомъ обществѣ соціологическія отношенія между полами зависятъ гораздо болѣе отъ роли женщины, какъ идейнаго центра родственнаго союза, или отъ распредѣленія власти въ обществѣ, чѣмъ отъ роли женщины какъ самки. Какъ только устанавливается раздѣленіе труда между женщиной и мужчиной оно является преобладающимъ мотивомъ формы и функціонированія общежитія, подчиняя себѣ способы удовлетворенія полового влеченія. Позже, при выдѣленіи обособленной семьи, какъ преимущественной формы этого удовлетворенія, половое влеченіе, съ одной стороны, играетъ въ самой соціологической роли семьи съ легально-установившимися формами брака, совершенно второстепенную роль; съ другой же, оказывается началомъ очень часто противодѣйствующимъ широкой общественной солидарности, и при противу-

положенія интересовъ семьи интересамъ болѣе обширныхъ соціальныхъ организмовъ, и при развитіи проституціи съ ея болѣе или менѣе безобразными формами.

Половое влеченіе входитъ развивающимъ образомъ въ общественную жизнь, напримѣръ, при слѣдующихъ условіяхъ:

При развитіи полового влеченія въ особяхъ, которыя осуществляютъ наиболѣе полно мѣстный и временный идеалъ привлекательной формы, этотъ идеалъ подвергается болѣе или менѣе безсознательной критикѣ, и эстетическій вкусъ развивается въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. На дальнѣйшемъ фазисѣ чувственныя влеченія комбинируются съ нравственными требованіями и въ идеалъ привлекательной особи входитъ отраженіе въ ея внѣшности ея интеллектуальной и аффективной жизни. Тогда половое влеченіе можетъ усиливать всею своею энергіей процессъ взаимнаго развитія сближающихся особей разнаго пола и увеличивать общественную роль каждой изъ нихъ. Изъ самой формы этихъ благопріятныхъ вліяній полового влеченія очевидно, во первыхъ, что они могутъ обнаружиться (по крайней мѣрѣ до сихъ поръ) лишь у весьма незначительнаго меньшинства людей, и, во вторыхъ, что это вліяніе обусловливается вовсе не самимъ элементомъ полового влеченія, а тѣмъ элементомъ, содѣйствующимъ росту солидарности или сознательныхъ процессовъ, съ которыми это влеченіе связывается.

Родительская привязанность является - опять таки *психологически* — еще болѣе сильнымъ и плодотворнымъ источникомъ альтруистическихъ аффектовъ. Привычка заботиться о другомъ существѣ помимо личнаго интереса - и даже, часто, въ противурѣчіи съ послѣднимъ — выработалась и могла выработаться лишь на почвѣ этой привязанности. Но *соціологическое* вліяніе ея обнаруживалось всегда—и почти не могло обнаруживаться иначе—въ прямомъ противодѣйствіи расширенію общественной солидарности на значительное число особей. Какъ только проявилась попытка сплотить въ живой *организмъ* дружину, народъ, націю, государство, немедленно возникъ антагонизмъ между этимъ сплоченіемъ и аффективною связью родителей съ дѣтьми. Въ послѣдствіи, семья, на сколько въ ней осуществился элементъ этой аффективной связи, точно также какъ и связи, опирающейся на половое влеченіе или на противуположеніе „своей“ семьи и

ея экономическихъ правъ всему „чужому“, входитъ всего чаще въ борьбу, какъ съ болѣе глубокою солидарностью, такъ и съ служеніемъ идеѣ. Лишь въ исключительныхъ случаяхъ сильнаго развитія ея участниковъ, семья, съ ея привязанностями, становится центромъ благопріятнаго вліянія на общество, но при этомъ семейная связь есть лишь совершенно случайный фактъ, и всякая другая форма сближенія сильно развитыхъ личностей можетъ сдѣлаться энергическимъ центромъ развивающаго вліянія.

Важную соціологическую роль играла семья во всѣ эпохи, какъ вліятельный органъ, связывающій послѣдовательныя поколѣнія и въ значительной степени обусловливающій способъ дѣйствія старшаго поколѣнія на младшее. Но, во первыхъ, слѣдуетъ замѣтить, что не существуетъ прямой и непосредственной связи между ролью семьи, какъ воспитательнаго органа, и родительскою привязанностью, о которой здѣсь идетъ рѣчь. Воспитательная роль въ значительномъ числѣ случаевъ дѣйствительно *фактически* принадлежитъ родителямъ въ болѣе или менѣе значительной степени, но и тогда, когда это было такъ, рядомъ съ вліяніемъ родителей имѣли мѣсто и другія элементы; а въ историческое время каста, государство, церковь и т. под. намѣренно захватывали въ свои руки воспитательную роль, при чемъ чуть ли не въ этомъ направленіи шло логическое развитіе педагогіи. Во-вторыхъ, при разсмотрѣніи отношенія семьи, какъ органа воспитанія, къ общественнымъ процессамъ, надо помнить, что семейное воспитаніе (точно такъ же, впрочемъ, какъ воспитаніе подъ вліяніемъ касты, государства, церкви и т. под.) было элементомъ охраненія существующаго обычая гораздо болѣе, чѣмъ источникомъ его передѣлки.

Изъ всего предъидущаго слѣдуетъ, что родительская привязанность можетъ, опять таки, лишь въ исключительныхъ случаяхъ, быть благопріятнымъ эле-

ментомъ въ области воспитанія, и этотъ элементъ молодому поколѣнію всего чаще приходится черпать изъ другихъ источниковъ.

Всѣ поколѣнія, въ ихъ цѣломъ, воспитываются гораздо болѣе вліяніемъ среды и взаимодѣйствіемъ сверстниковъ, чѣмъ непосредственнымъ вліяніемъ родителей.

Прямое аффективное наслѣдство зоологическаго міра (влеченіе къ общежитію, влеченіе половое и родительская забота), весьма вліятельное по отношенію къ психологическимъ процессамъ въ особяхъ, оказывается едва-ли особенно значительнымъ мотивомъ соціологической эволюціи, благопріятной для роста солидарности и сознательныхъ процессовъ. По этому побужденіе къ ней приходится искать въ тѣхъ чисто-животныхъ потребностяхъ человѣка, которыя нельзя не признать эгоистическими, но которыя именно *онѣ* обратилъ въ человѣчныя и благопріятныя въ указанныхъ отношеніяхъ.

Это была, прежде всего, *потребность въ пищѣ.* Она явилась самымъ могучимъ орудіемъ выработки сначала привычекъ, обычаевъ, непобѣдимыхъ аффектовъ, затѣмъ все болѣе цѣлесообразныхъ разсчетовъ, наконецъ цѣлыхъ идейныхъ построеній. Всѣ эти продукты прямой потребности въ пищѣ получили еще болѣе опредѣленную форму, когда эта потребность, при развитіи разсудочнаго мышленія, обратилась въ потребность особи *обезпечить* себѣ, при помощи общежитія и общественныхъ учрежденій, матеріальныя средства существованія. Въ этой своей формѣ, она легла въ основаніе всей эволюціи *экономической* жизни человѣчества.

Для оцѣнки соціологической важности этого побужденія на всѣхъ его ступеняхъ, достаточно вспомнить, что на почвѣ непосредственной разницы въ способахъ питанія выросло въ классѣ млекопитающихъ существенное *соціологическое* различіе въ бытѣ хищ-

ныхъ и травоядныхъ-стадныхъ; что наслажденіе ѣдою сообща легло въ основаніе тѣхъ коллективныхъ трапезъ, которые были и остались существеннымъ элементомъ скрѣпленія общежитія самыхъ низшихъ дикарей; что, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, исторія городовъ Германіи въ эпоху перехода отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени находилась въ самой тѣсной связи съ переходомъ большинства ихъ трудящагося населенія отъ преимущественно мясной пищи къ преимущественно растительной. Едва ли нужно напомнить, что, въ дальнѣйшихъ формахъ своей трансформаціи въ потребность обезпеченія себѣ запасовъ необходимаго и привлекательнаго, вся эволюція родовой, семейной, индивидуальной и государственной собственности, борьба классовъ въ продолженіе всей исторіи и борьба труда съ капиталомъ въ наше время—оказываются въ значительной мѣрѣ въ своемъ основаніи „вопросами желудка", и что огромная доля творчества художественнаго, философскаго, научнаго и нравственнаго уже теперь можетъ быть отнесена къ этому источнику, который давалъ начало и самымъ низшимъ побужденіямъ человѣка-животнаго, и самымъ идеальнымъ работамъ мысли, и самымъ героическимъ подвигамъ.

Это была, затѣмъ, *потребность огражденія индивидуальной безопасности.* Она выработала уже въ отдѣльныхъ животныхъ органы обороны и нападенія, инстинкты самосохраненія и уловленія добычи, формы общежитія, которыя удовлетворяли этимъ инстинктамъ особи путемъ удовлетворенія ихъ въ коллективномъ цѣломъ. Она же въ человѣчествѣ доисторическомъ и историческомъ обусловила эволюцію *политической* жизни соціальныхъ организмовъ. Эта политическая жизнь обществъ обнаружилась въ способахъ охраненія въ нихъ внутренняго порядка, въ устроеніи внѣшнихъ формъ солидарности; въ пріемахъ успѣшнаго хищничества по отношенію къ другимъ коллек-

тивностямъ; въ борьбѣ за власть. Но къ ней же принадлежали въ позднѣйшее время представленія о правахъ и обязанностяхъ личности и коллективности личностей; выработка идеаловъ политической свободы и солидарности въ разныхъ ея видахъ; изслѣдованіе тѣхъ *внѣшнихъ* условій общественной жизни, которыя служили или могли служить обезпеченію за личностью матерьяльнаго благосостоянія, возможности вырабатывать свои убѣжденія, воплощать ихъ въ жизнь и осуществлять идеалъ свободнаго развитія и солидарности. Наконецъ, эта же политическая жизнь обнаруживалась и въ эмпирическихъ или научныхъ попыткахъ фактически перестроить существующія общества сообразно упомянутымъ идеаламъ, путемъ реформъ или революцій.

Это была, наконецъ, *потребность въ нервномъ возбужденіи*. Сначала неотдѣлимая отъ внутренностныхъ побужденій, она представляется въ формѣ наслажденій обжорствомъ или половыхъ и ихъ безобразныхъ извращеній, какъ единственныхъ средствъ *украшать жизнь*. Но довольно рано нервная система человѣка обращаетъ для него въ удовольствіе самое общеніе съ другими людьми или даже съ прирученными животными; она знакомитъ человѣка съ экстазомъ, вызываемымъ не только опьяненіемъ, но ритмическими движеніями и звуками; съ экстазомъ коллективнаго аффекта въ играхъ, празднествахъ и обрядахъ, затѣмъ въ коллективныхъ проявленіяхъ симпатіи и ненависти, борьбы съ опасностями и общенія съ фантастическимъ міромъ. Именно это стремленіе украшать жизнь разнообразными, новыми и все высшими нервными возбужденіями, является въ бо̀льшемъ числѣ случаевъ могучимъ побужденіемъ для перехода отъ неисторическаго строя мысли къ историческому. Оно полагаетъ начало эстетическому развитію человѣчества. Оно вызываетъ въ немъ—сначала весьма грубое—представленіе о личномъ достоинствѣ, о необходимо-

сти его поддержать и расширить. Оно, затѣмъ, переноситъ это достоинство изъ области украшеній и уродованій, отъ гордости подвигами хищничества и жестокости или аскетизма — на болѣе осмысленные упражненія тѣла и мысли, на задачи нравственныя, на выработку критики, на научное пониманіе, на самые сложные процессы исторической жизни. Надъ лѣнью тѣла и мысли, составляющею характеристическую черту дикаря неисторической и исторической культуры, было способно восторжествовать лишь то стремленіе украшать жизнь, которое вырабатывалось на почвѣ жажды нервныхъ возбужденій. Всякая побѣда надъ этою лѣнью во имя того, что̀ было привлекательно и что̀ считалось возвышающимъ личное достоинство, была для доисторическаго человѣка шагомъ къ усвоенію исторической жизни, а для человѣка историческаго — побужденіемъ лучше понимать задачи общественной жизни и съ большею энергіей осуществлять ихъ. Такъ, напримѣръ, на позднѣйшихъ фазисахъ мысли, эта самая потребность нервнаго возбужденія вызвала у развитаго человѣка наслажденіе сознаніемъ процесса методической критики, точнаго научнаго знанія и объединяющаго философскаго пониманія; затѣмъ, на почвѣ послѣдняго, еще болѣе рѣдкую потребность послѣдовательности въ жизненной дѣятельности, гармоніи пониманія и практической жизни, гармоніи личныхъ и общественныхъ стремленій, личнаго развитія и общественной солидарности. Наконецъ, этимъ же путемъ становится для исключительныхъ личностей доступно и наслажденіе сознательнымъ участіемъ въ историческомъ процессѣ, даже на счетъ всѣхъ низшихъ нервныхъ возбужденій и, въ случаѣ нужды, на счетъ самой жизни особи.

ГЛАВА IV.

Взаимодѣйствіе потребностей второй группы.

Три точки зрѣнія. — (Ихъ нынѣшнее распространеніе). — Точки зрѣнія: экономическаго матеріализма, преобладанія политическихъ побужденій; господства идей.

Три пріема сравненія. — (Ихъ оправданіе). — Болѣе раннее проявленіе. — Повторяемость.

Мотивы въ эпоху царства сознанныхъ интерессовъ. — (Необходимость провѣрки въ каждомъ случаѣ). — Мотивы въ предшествующіе и въ послѣдующіе періоды. — (Роль сознанныхъ побужденій).

Повторяемость нервныхъ возбужденій. — (Животные и дикари). — Увлеченіе аффектомъ и сила идей. — („Надстройка“ экономическаго матеріализма). — Возможность преобладанія потребности нервныхъ возбужденій. — (Вейзенгрюнъ). — Неизбѣжныя логическія послѣдствія. — Новыя общественныя силы. — (Примѣры). — Результаты.

Такимъ образомъ всѣ три основныя потребности послѣдней группы выступаютъ какъ могучіе двигатели эволюціи человѣчества. Однако ихъ взаимныя отношенія въ продолженіи различныхъ періодовъ его жизни составляютъ именно въ наше время одинъ изъ спорныхъ вопросовъ философіи исторіи. Сопоставимъ въ главныхъ чертахъ попытки построенія послѣдней

съ трехъ различныхъ точекъ зрѣнія, обусловливаемыхъ предположеніемъ исключительнаго или радикально-преобладающаго господства въ исторіи того или другаго изъ трехъ основныхъ побужденій разсматриваемой группы.

Сведеніе всѣхъ явленій исторіи на побужденія и потребности *экономическія* составляетъ главную черту ученія современнаго *историческаго матеріализма*. Нѣкоторые современные писатели (напримѣръ Дюрингъ, Гумпловичъ) охотно ищутъ въ *хищничествѣ*—слѣдовательно, собственно, въ элементѣ *политическомъ*—основной мотивъ процесса исторіи. Наименѣе приверженцевъ сохранило между реалистическими изслѣдователями этого процесса недавно еще господствовавшее стремленіе видѣть въ сознанныхъ и несознанныхъ *идеяхъ*—слѣдовательно въ высшихъ формахъ нервнаго возбужденія—главнаго двигателя исторіи.

Приходится ли признать, что выработанныя потребностью питанія въ ея метаморфозахъ экономическія условія жизни общества и особенно формы производства лежатъ въ основаніи *всѣхъ* общественныхъ явленій и процессовъ? Можно-ли предположить, что *всѣ* обычаи, господствующіе надъ племенами неисторическими и установившіеся въ разные періоды въ культурахъ историческихъ націй, имѣютъ подъ собою *эту* основную подкладку? Сводятся-ли *всѣ* политическія явленія въ жизни народовъ, выросшія на почвѣ потребности безопасности, на борьбу экономическихъ интересовъ кастъ, сословій и классовъ? Слѣдуетъ-ли объяснять *всѣ* коллективные аффекты группъ человѣчества, съ ихъ разнообразными пріемами коллективно наслаждаться возбужденіемъ нервовъ, несознанными въ ихъ источникахъ проявленіями тѣхъ же самыхъ экономическихъ интересовъ? Неизбѣжно-ли смотрѣть на *всѣ* продукты идейнаго творчества, эстетическіе, научные, нравственные, философскіе, вызванные высшими формами тѣхъ же нервныхъ возбужденій, лишь какъ на „надстройку“ надъ тою же самою экономическою жизнью?

Или, не вѣрнѣе ли искать такого двигателя исторіи въ непосредственномъ столкновеніи личностей и группъ, которыя, нападая и защищаясь, стремились охранить свою безопасность и боролись за власть звѣриными, доисторическими и историческими пріемами? Не *эта* ли борьба принимала форму борьбы экономической, переживъ эпоху болѣе непосредственнаго взаимнаго истребленія? Не *она* ли создала безсознательно обычаи, какъ форму сплоченія людей, подобно тому, какъ она создавала въ зоологическомъ мірѣ органы нападенія и борьбы? Не были ли надъ *нею* возведены идейныя „надстройки" техническихъ изобрѣтеній и научнаго пониманія въ виду успѣха болѣе искуснаго хищничества, въ виду эстетической, нравственной и философской идеализаціи для оправданія предъ массами и предъ самимъ безсознательнымъ хищникомъ господства однихъ надъ другими, при чемъ *экономическая* эксплуатація являлась бы лишь одною изъ формъ *политическаго* преобладанія?

Нельзя ли, съ иной точки зрѣнія, допустить, что, подъ сознанными принципами, которыми руководился развитой человѣкъ, лежитъ удовольствіе нервнаго возбужденія того самого элементарнаго свойства, которое искалъ первобытный дикарь въ экстазѣ военной пляски, и что разнообразные аффекты этого рода составляютъ, въ сущности, всю подкладку эволюціи человѣчества? Не были ли лишь продуктами стремленія къ особой формѣ нервнаго возбужденія при посредствѣ тѣхъ или другихъ представленій, привлекательныхъ или грозныхъ образовъ, идейныхъ аффектовъ— и великія историческія движенія, и фантастическіе міры, выдвинутые миѳологіями на поклоненіе человѣчеству, и подвиги жестокихъ и безцеремонныхъ побѣдителей въ борьбѣ между народами, и спекуляціи эксплуататоровъ, которые создавали и создаютъ громадныя централизаціи капиталовъ, вызываютъ ужасающія катастрофы краховъ, подобно тому какъ къ *этому*

источнику возводитъ свои труды и великій ученый въ своей лабораторіи, и вдохновенный художникъ въ своей мастерской? Не выросло ли разнообразіе политическихъ отношеній между людьми и народами изъ элементарнаго желанія наслаждаться видимыми формами поклоненія и подчиненія, и способовъ экономической эксплуатаціи—изъ элементарнаго наслажденія сознаніемъ своего могущества и возможностью выказать его? Не лежитъ ли жажда наслажденія своимъ и чужимъ аффектомъ въ основѣ не только творчества художника, рѣчи политическаго оратора, но и въ основѣ дѣйствій всякаго историческаго дѣятеля, ведущаго за собою взволнованную толпу на битву, на политическую революцію, на покаянный подвигъ, на спекуляціи акціями новаго биржеваго предпріятія?

Эти три теоріи имѣютъ весьма различную цѣнность для научнаго пониманія эволюціи человѣчества, но для точнаго ихъ сравненія приходится обратить вниманіе, во первыхъ, на сравнительно болѣе или менѣе раннее появленіе трехъ упомянутыхъ основныхъ побужденій, лежащихъ въ основаніи этихъ теорій; во вторыхъ, на сравнительно болѣе или менѣе частое ихъ повтореніе въ жизни и въ мысли человѣка; въ третьихъ, на бо́льшую или меньшую необходимость эволюціи ихъ послѣдовательныхъ фазисовъ, при чемъ эта эволюція требовала болѣе или менѣе усиленной работы мысли.

Чѣмъ ранѣе обнаруживалась та или другая потребность въ эволюціи животнаго міра, тѣмъ прочнѣе она должна была установиться и тѣмъ болѣе существуетъ основаній ее принимать гипотетически, какъ мотивъ дѣйствій особи во всѣ послѣдующіе періоды. Чѣмъ чаще она возвращается, тѣмъ болѣе на нее направлена работа мысли и потому она имѣетъ болѣе шансовъ быть мотивомъ дѣятельности. Чѣмъ съ большею необходимостью новая форма обнаруженія потребности вытекаетъ изъ старой, и чѣмъ неизбѣжнѣе для этого работа мысли, тѣмъ, опять таки, она становится привычнѣе для особи.

Въ зоологическомъ мірѣ потребность въ пищѣ яв-

ляется всего ранѣе, на первыхъ же ступеняхъ существованія организмовъ. Потребность нервнаго возбужденія собственно слѣдовало бы отнести, по смыслу слова, къ эпохѣ появленія нервной системы, но такъ какъ различеніе пріятнаго отъ непріятнаго обнаруживается, повидимому, у самыхъ низшихъ организмовъ, а половыя влеченія—при первомъ же раздѣленіи половъ, то приходится, можетъ быть, допустить, нервное возбужденіе, а, слѣдовательно, потребность въ немъ, даже тамъ, гдѣ нервные элементы еще не отдѣлились *явно* отъ другихъ элементовъ протоплазмы. Потребность охраненія безопасности предполагаетъ уже нѣсколько высшее развитіе, а потому ея проявленія слѣдуетъ отнести къ сравнительно-позднѣйшему времени; однако и ее нельзя не признать на столько раннею, что нѣтъ необходимости непремѣнно свести ея самостоятельное проявленіе на другія, болѣе раннія побужденія. Человѣкъ долженъ былъ унаслѣдовать отъ своихъ зоологическихъ предковъ всѣ три упомянутыя основныя потребности, какъ вполнѣ выработанныя; слѣдовательно, на основаніи болѣе или менѣе ранняго ихъ первоначальнаго появленія въ зоологическомъ мірѣ, приходится признать ихъ мало-уступающими одна другой, какъ мотивы человѣческихъ дѣйствій.

Совершенно иное приходится замѣтить о повторяемости побужденій, обусловливаемыхъ тремя упомянутыми потребностями. Потребность въ пищѣ въ этомъ отношеніи безусловно преобладаетъ надъ двумя другими; слѣдовательно, a priori можно допустить, что тѣ комбинаціи біологическихъ элементовъ,—уже на раннихъ ступеняхъ проявляющихся какъ элементы нервные—которыя обусловливали мысль о пищѣ и о рядѣ экономическихъ представленій, понятій, привычекъ, аффектовъ и сложныхъ интеллектуальныхъ построеній, должны были развиваться и укрѣпиться сравнительно быстрѣе и оказывать въ большинствѣ слу-

чаевъ преобладающее вліяніе на дѣятельность и на работу мысли особи. Потребность обезпеченія себѣ матеріально-необходимаго присутствуетъ почти непрерывно предъ воображеніемъ самого неразвитаго дикаря. Поколѣніе за поколѣніемъ должно было направить свои заботы почти исключительно на дѣятельность сюда относящуюся. По этому неизбѣжно, наибольшая доля первой техники, первыхъ группъ обычаевъ, первыхъ общественныхъ связей и перваго распредѣленія функцій между особями, соединенными для общежитія или для коллективныхъ предпріятій, должна была произойти подъ вліяніемъ первоначальной заботы объ экономически-необходимомъ. Забота о безопасности не могла не проявляться гораздо рѣже, въ какихъ формахъ мы ни представляли бы себѣ первоначальный бытъ дикарей. Въ періодъ же историческій, когда легальный строй общества до нѣкоторой степени сдѣлалъ заботы о личной безопасности сравнительно еще болѣе рѣдкими, работа мысли и даже жизненная дѣятельность, на нихъ направленныя, неизбѣжно еще уменьшились, сравнительно съ тѣмъ, что̀ требовалось отъ человѣка для добыванія и для охраненія экономически-необходимаго. Роль заботъ о матеріальныхъ нуждахъ должна была сдѣлаться еще значительнѣе, когда *борьба сознанныхъ интересовъ* прибавила всѣ свои перипетіи къ процессамъ инстинктивной борьбы за существованіе, имѣвшей мѣсто до тѣхъ поръ.

Это побуждаетъ выставить слѣдующее вѣроятнѣйшее рѣшеніе вопроса о сравнительномъ психологическомъ могуществѣ мотивовъ, которые, для краткости, мы вообще назвали *экономическими*, и мотивовъ, которые, въ подобныхъ же условіяхъ, мы обозначили, какъ *политическіе:* едва-ли не приходится признать, что экономическіе мотивы *во всѣ эпохи борьбы сознанныхъ интересовъ* должны были безусловно преобладать надъ политическими; политическія явленія могли въ значительной мѣрѣ вытекать изъ заботъ экономи-

ческихъ; и, въ каждомъ частномъ случаѣ, научное пониманіе политической исторіи прежде всего должно искать ей объясненія въ интересахъ экономическихъ.

Должно, впрочемъ, всегда удерживать въ памяти, что каждое гипотетическое объясненіе этого рода не можетъ считаться фактическимъ, и что вѣроятность его должна быть строго провѣрена въ каждомъ частномъ случаѣ.

Нѣсколько иначе стоитъ вопросъ для періода, предшествовавшаго историческимъ эпохамъ борьбы сознанныхъ интересовъ, для періода царства обычая. Признавая, какъ сказано выше, что большинство обычаевъ *могло* имѣть этотъ же экономическій источникъ, слѣдуетъ здѣсь имѣть въ виду, что, при отсутствіи у дикаря послѣдовательности мысли и разсчетливости въ пріемахъ жизни, изслѣдователю приходится быть очень осторожнымъ относительно гипотезъ, и для каждаго частнаго случая необходимо взвѣшивать различныя возможности.

Впрочемъ, и въ періодъ господства борьбы сознанныхъ интересовъ, когда экономическіе мотивы не могли не преобладать, не лишнее помнить, что исторія совершала свои фазисы подъ вліяніемъ борющихся группъ прогрессивной, реакціонной и консервативной интеллигенціи, за которыми неисторическіе элементы общества шли очень часто по привычкѣ или по аффекту; въ нѣкоторыхъ же группахъ руководящей интеллигенціи мотивы политическихъ интересовъ могли преобладать надъ экономическими, точно также, какъ, въ другихъ случаяхъ — о чемъ сейчасъ будетъ сказано — тѣ и другіе могли уступать идейнымъ аффектамъ или убѣжденіямъ. Разъ же господствующая въ данномъ случаѣ группа интеллигенціи дѣйствовала подъ подобными побужденіями, научное пониманіе исторіи требуетъ взвѣшивать господствовавшія побужденія по ихъ реальному значенію въ разсматриваемую эпоху.

Конечно, возможно, что данное проявленіе политическаго мо-

тива въ формѣ аффекта или продуманной теоріи, могло имѣть несознанную экономическую основу, точно также, какъ его гипотетически можно свести на процессъ личной психологіи, на чисто-біологическое побужденіе и т. под; но мы разсмотримъ ниже, насколько подобное восхожденіе къ далекимъ причинамъ—гипотетически и философски всегда возможное—имѣетъ научный характеръ лишь въ исключительныхъ обстоятельствахъ, когда сами источники наводятъ насъ на подобное объясненіе; въ огромномъ же большинствѣ случаевъ, научное пониманіе остается въ сферѣ коллективныхъ интересовъ, аффектовъ, убѣжденій и преимущественно *сознанныхъ* мотивовъ; тѣмъ болѣе, что самая форма сознанія мотивовъ историческаго процесса современниками характеризуетъ эпоху, независимо отъ болѣе глубокихъ, единообразныхъ причинъ, дѣйствовавшихъ въ разныя эпохи. Такъ, напримѣръ, экономическіе мотивы крестовыхъ походовъ и конквистадоровъ Америки и Индіи могли быть сходны, но для пониманія разницы эпохъ важна въ особенности разница ихъ *сознанныхъ* побужденій.

Потребность нервныхъ возбужденій, точно также, какъ потребность безопасности, проявляется гораздо рѣже, чѣмъ потребность въ пищѣ, однако едва-ли можно столь же рѣшительно, какъ для предъидущаго, сказать, что для ея проявленія, вообще говоря, есть всегда основаніе искать прежде всего мотивы, которые здѣсь вообще названы *экономическими*, и тѣмъ менѣе мотивы *политическіе*.

Уже у пауковъ потребность половаго наслажденія господствуетъ надъ потребностью безопасности и ведетъ часто къ поѣданію увлеченныхъ самцовъ болѣе сильною самкою.—Украшеніе предшествовало, по мнѣнію большинства изслѣдователей, одеждѣ. Привлекательное, у дикаря съ слабою дѣятельностью задерживающихъ центровъ, безпрестанно оказывается преобладающимъ не только надъ предусмотрительностью, но даже надъ непосредственною физіологическою потребностью.—Стоитъ, можетъ быть, замѣтить, что у многихъ дикарей, даже на самой низшей ступени развитія формъ наслажденій, предусмотрительность, требующая обезпеченія себѣ пищи на будущее, уступаетъ самымъ безобразнымъ проявленіямъ наслажденія обжорствомъ, когда *потребность пищи* уже давно удовлетворена.

Во все продолженіе историческихъ періодовъ большинство, остающееся внѣ исторіи—а иногда и боль-

шая или меньшая доля меньшинства интеллигенціи— подвергалось очень часто увлеченіямъ коллективныхъ аффектовъ, изъ которыхъ всякій разсчетъ какихъ-бы то ни было реальныхъ интересовъ, экономическихъ или политическихъ, исчезалъ совершенно. Какъ только началась историческая жизнь и личность выработала способность противуположить себя окружающей ее общественной средѣ, появились и группы, для которыхъ интересы принимали форму убѣжденій; вырабатывались и убѣжденія независимыя отъ интересовъ, иногда даже враждебныя имъ; и элементъ нервнаго возбужденія идеею, каково бы ни было ея первоначальное происхожденіе, въ личностяхъ и въ группахъ иногда положительно преобладалъ надъ элементомъ разсчета интересовъ, въ томъ числѣ и интересовъ экономическихъ. Конечно, при слабомъ распространеніи нравственнаго развитія въ человѣчествѣ, огромная доля событій была обусловлена борьбою интересовъ, а потому историческое вліяніе нервнаго возбужденія идеею обнаруживалось въ рѣдкихъ случаяхъ и было настолько слабо, что до сихъ поръ историческіе періоды въ огромномъ числѣ случаевъ представляютъ даже коллективные аффекты и идейныя пріобрѣтенія, какъ „надстройки" надъ экономическимъ движеніемъ. Это еще поразительнѣе проявилось въ послѣдній періодъ господства капитализма, когда и традиціонныя и идейныя побужденія прежняго времени стушевались предъ борьбой классовъ и она стала чуть ли не единственнымъ мотивомъ всѣхъ явленій общественной жизни, имѣющихъ нѣсколько обширное распространеніе.

Можетъ быть именно фактическое наблюденіе современной жизни, гдѣ дѣйствительно трудно найти какія либо значительныя явленія, вполнѣ чуждыя рыночному интересу, вызвало, какъ неизбѣжную „надстройку", стремленіе ученыхъ соціологовъ и историковъ переносить современное намъ почти *исключительное* господство экономическихъ мотивовъ какъ на эпохи, когда элементъ господства обычая, независимаго отъ всякихъ сознанныхъ или несознанныхъ интересовъ, еще былъ очень силенъ, такъ и на явленія, въ

которыхъ наслажденіе нервнымъ возбужденіемъ аффекта или идеи преобладало, какъ мотивъ дѣятельности.

Тѣмъ не менѣе, при всѣхъ идейныхъ движеніяхъ, для ихъ научнаго пониманія, необходимо помнить, что здѣсь предъ нами явленія, которыя, съ самаго давняго времени до настоящаго, могли противополагаться несознаннымъ или сознаннымъ интересамъ личности и, при удобныхъ условіяхъ, подавить ихъ. Необходимо помнить, что эта потребность нервнаго возбужденія была достаточно сильна, чтобы выработать представленіе о личномъ достоинствѣ среди царства обычая; подготовить въ средѣ этого царства, а затѣмъ и создать историческую интеллигенцію; ввести человѣка въ историческую жизнь, а въ ней вызвать продукты высшаго, эстетическаго, научнаго, нравственнаго, философскаго и соціальнаго творчества. Нельзя не допустить, что въ доисторическомъ бытѣ нервное отвращеніе отъ всякаго измѣненія могло долго противополагать господство обычая царству интересовъ. Въ такомъ случаѣ нѣтъ научной невозможности, чтобы въ будущемъ не произошло другое явленіе, аналогичное этому: при достаточномъ ростѣ интеллигенціи, выработавшей въ себѣ потребность наслажденія внесеніемъ въ жизнь началъ личной и общественной нравственности, царство интересовъ можетъ замѣниться другимъ, гдѣ вопросы интересовъ уступятъ потребности въ только-что упомянутыхъ наслажденіяхъ или отожествятся съ ними.

Вейзенгрюнъ, который старался опредѣленнѣе, чѣмъ другіе, провести эту же мысль, пытался приводить примѣры господства нравственныхъ убѣжденій уже въ послѣдній историческій періодъ; но эти примѣры представляютъ натяжки и допускаютъ совершенно иное, *матеріалистическое*, объясненіе. Лишь паденіе строя, опирающагося на конкуренцію, можетъ сдѣлаться почвою преобладанія идейныхъ мотивовъ надъ интересами экономическими, которые теперь безусловно господствуютъ надъ всѣми прочими.

Къ сферѣ побужденій, входящихъ въ область по-

слѣдней разсмотрѣнной потребности нервнаго возбужденія, принадлежитъ и еще одинъ историческій двигатель, именно мотивъ *неизбѣжныхъ логическихъ послѣдствій*. Онъ распространяется на всѣ области жизни и мысли, изъ какой потребности ни возникали бы явленія той или другой изъ этихъ областей. Всякій усвоенный пріемъ техники, въ самомъ процессѣ упражненія въ этомъ пріемѣ, влечетъ неизбѣжно появленіе новыхъ пріемовъ, развѣтвляющихъ технику на нѣсколько вполнѣ опредѣленныхъ отраслей. Всякій усвоенный пріемъ мысли, всякое представленіе или понятіе, возникшее въ процессѣ безсознательнаго или сознательнаго развитія особи или общества, вызываетъ фатальнымъ логическимъ процессомъ появленіе другихъ представленій и понятій, вполнѣ независимо, повидимому, отъ того, совпадаетъ ли развитіе этихъ психическихъ фактовъ съ интересами экономическими и политическими тѣхъ личностей и обществъ, среди которыхъ эти факты возникли и развились. Если новыя представленія и понятія совпадаютъ съ интересами вліятельныхъ личностей и общественныхъ группъ, то процессъ развитія идетъ быстро. Если это совпаденіе не имѣетъ мѣста, то происходитъ психическій конфликтъ. Слишкомъ часто человѣкъ вѣрилъ и сомнѣвался, оставлялъ безъ вниманія весьма существенные вопросы, или тщательно разрабатывалъ другіе, менѣе важные, подъ исключительнымъ вліяніемъ своихъ интересовъ. Однако все-таки, съ большимъ или меньшимъ затрудненіемъ, чрезъ болѣе или менѣе значительное время, логика развитія слѣдствій изъ данныхъ посылокъ оказывалась неодолимою силою. Каждая отрасль техники вырабатывала съ логическою необходимостью изъ предыдущаго фазиса фазисъ послѣдующій. Какъ только группа людей пріобрѣтала господство въ мірѣ идей или въ мірѣ интересовъ, представители господствующаго вѣрованія или убѣжденія стремились къ экономическому и политическому го-

сподству, и, наоборотъ, классъ, вліятельный въ экономическомъ или политическомъ отношеніи, крупная личность или крупное событіе въ этихъ сферахъ, вызывали попытки идеализаціи этого класса, этой личности или этого событія въ художественныхъ созданіяхъ, въ научныхъ аргументахъ или въ философскихъ построеніяхъ. Какъ только въ системѣ вѣрованій заключалось логическое противорѣчіе, неизбѣжно возникало сомнѣніе и поддерживалось среди оффиціальнаго вѣрованія, пока не подрывало его; и точно также неизбѣжно среди рутиннаго, ненаучнаго сомнѣнія устанавливалось убѣжденіе. Никакія усилія господствующихъ интересовъ и оффиціальныхъ теченій мысли не были въ состояніи помѣшать „проклятымъ вопросамъ" возникать снова и снова, требуя себѣ рѣшенія. Когда, подъ совокупнымъ вліяніемъ сознанныхъ мотивовъ экономическихъ, политическихъ и жажды нервныхъ возбужденій, въ данную эпоху вырабатывалась опредѣленная форма государства, опредѣленное распредѣленіе художественныхъ, научныхъ и техническихъ занятій, опредѣленное религіозное вѣрованіе или философское міросозерцаніе, эти продукты выступали въ слѣдующую эпоху какъ общественныя силы, иногда содѣйствовавшія, но иногда и противодѣйствовавшія соціологическому творчеству въ смыслѣ новыхъ возникавшихъ интересовъ. Идейныя силы противупоставлялись давленію новыхъ сознанныхъ интересовъ со всѣмъ могуществомъ усвоеннаго обычая, польза или достоинство котораго считались теперь обсужденными въ свое время и доказанными неопровержимыми аргументами. Эти силы противупоставлялись тому же давленію и въ формѣ ряда теоретическихъ выводовъ и практическихъ послѣдствій, совершенно независимыхъ отъ новыхъ потребностей экономическихъ и политическихъ. Экономическія и политическія побужденія, даже тогда, когда именно *они* выработали опредѣленную форму обычныхъ воззрѣній или нерѣшенныхъ

общественныхъ задачъ, встрѣчали въ этихъ самыхъ своихъ продуктахъ на новой ступени общественной жизни новыя общественныя силы, способныя соперничать съ позднѣйшими формами тѣхъ же самыхъ интересовъ, способныя иногда и парализовать ихъ вліяніе.

Такою самостоятельною силой, вызвавшей цѣлыя господствующія формы экономическихъ отношеній, политическихъ организацій, философскихъ и эстетическихъ продуктовъ, явилась, напр., христіанская церковь. Многіе писатели объясняютъ ея возникновеніе (какъ соціальнаго организма) мотивами преимущественно свѣтскими; однако, разъ она организовалась, съ нею пришлось бороться, какъ съ особеннымъ организмомъ, новымъ возникающимъ формамъ политическаго строя и формамъ хозяйства, точно также какъ мысль позитивная боролась съ догматическою, свѣтское искусство съ церковнымъ; и борьба эта продолжается до нашего времени, съ его безусловнымъ преобладаніемъ экономическихъ мотивовъ.—То же можно сказать о конфликтѣ новѣйшаго милитаризма съ интересами капитализма, хотя первый былъ въ значительной мѣрѣ вызванъ нѣкоторыми требованіями послѣдняго.

Такимъ образомъ, можно признать въ періодъ господства сознанныхъ интересовъ, и особенно въ ближайшее къ намъ время, преобладаніе экономическихъ мотивовъ надъ всѣми прочими при созданіи новыхъ общественныхъ формъ, идейныхъ теченій и вообще при установленіи хода историческихъ событій. Однако справедливо, можетъ быть, и допустить для каждой эпохи возможность болѣе или менѣе значительнаго видоизмѣненія этого преобладанія вліяніемъ элементовъ, которые были *сознаны*, какъ мотивъ иного рода. Таковы были мотивы политическіе, или, въ особенности, мотивы нервнаго возбужденія; ихъ источникомъ былъ иногда установившійся обычай, привычка мысли; въ другихъ случаяхъ—идейный аффектъ, вызванный или неизбѣжнымъ логическимъ послѣдствіемъ предшествовавшихъ завоеваній мысли, или возникающими убѣжденіями въ области теоретической или практической дѣятельности. Философское пониманіе можетъ пытаться идти глубже въ своихъ разъясненіяхъ

событій, но очень часто въ подобныхъ случаяхъ приходится довольствоваться болѣе или менѣе привлекательной гипотезой, которая, съ точки зрѣнія научной критики, остается лишь вѣроятною или даже не болѣе какъ возможною. Оставаясь въ области *сознанныхъ* явленій, мы имѣемъ, сначала, безусловное господство обычая, отступленіе отъ котораго сопровождается болѣзненнымъ нервнымъ возбужденіемъ; затѣмъ преобладающую борьбу интересовъ, которые, въ дальнѣйшемъ ходѣ событій и въ дальнѣйшей работѣ мысли, все болѣе обнаруживаютъ свою экономическую подкладку; наконецъ, съ началомъ исторической жизни, начинаетъ проявляться и вліяніе нервныхъ возбужденій идейнаго свойства, вступающее въ борьбу и съ наслажденіемъ жизнью по обычаю и съ господствомъ низшихъ интересовъ, экономическихъ и политическихъ: эта борьба ведется во имя интересовъ идейныхъ, сознаваемыхъ, какъ высшіе. Вліяніе вѣрованій и убѣжденій можно отмѣтить въ исторіи во многихъ случаяхъ, но, вообще говоря, въ продолженіе всѣхъ минувшихъ періодовъ, оно обнаруживалось лишь эпизодически, постоянно подавленное господствомъ интересовъ; по этому преобладаніе его въ нѣсколько обширныхъ размѣрахъ въ прошедшемъ и въ настоящемъ искать нечего. Однако, едва-ли слѣдуетъ признать ненаучною гипотезу, что въ будущемъ, при нѣкоторомъ ходѣ событій—имѣющемъ за себя, можетъ быть, даже вѣроятность—интересы экономическіе (поглотившіе интересы политическіе) отожествятся съ интересами идейными, и что можно будетъ тогда одинаково сказать, что царство убѣжденій побѣдило царство интересовъ, или, выражаясь иначе, что исторія продолжаетъ представлять господство интересовъ, только низшіе, *не* идейные интересы уступили высшимъ, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, *борьба* интересовъ прекратилась, оставляя мѣсто гармоніи интересовъ идейныхъ для личностей и для общества.

ГЛАВА V.

Потребность развитія и области мысли.

Роль потребности развитія.

Два порядка областей мысли.—Ихъ генезисъ.

Мысль техническая и творчество общественныхъ формъ.—Пониманіе и умѣнье.—Раннее проявленіе задачъ соціологіи.

Второй слой областей мысли.

Эстетическая мысль.—Ея отношеніе къ другимъ областямъ.—Общественная роль искусства.—Отношеніе эстетической мысли къ эволюціи мысли вообще.

Религіозная мысль и фазисы того, что называется „религіей". — Религіозный аффектъ у животныхъ. — Фазисъ обезпеченія удачи.—Общеніе съ фантастическимъ міромъ.—Фантастическое представленіе скрѣпляющее рядъ обычаевъ.—Апогей и элементы атрофіи.—Обрядный комплексъ являющійся символомъ культурнаго единства.—Вліяніе пробужденія критической мысли.—Универсалистическія религіи.—Общечеловѣческое нравственное ученіе, опирающееся на философское міросозерцаніе.—Противурѣчія и атрофія.—Задачи свѣтской цивилизаціи и развитіе невѣрія.

Третій слой области мысли вырабатывающійся подъ вліяніемъ интеллигенціи.

Философская мысль.—Ея внѣшній матеріалъ.—Формы ея проявленія.—Отсутствіе особеннаго содержанія и характеристическаго направленія.—(Опредѣленіе философіи).

Научная мысль. — Непрерывныя завоеванія. — (Кажущіяся отступленія).—Вліяніе другихъ областей. — Наука и ученые.—Условія эполнѣ логичнаго хода завоеваній.

Мысль нравственная. —Личное убѣжденіе и справедливость.—Научная этика.—Прошедшее и будущее.—(Спорные вопросы этики. — Споръ о предѣлахъ области нравственныхъ побужденій; о научности этики).

Систематическій порядокъ областей мысли.

На почвѣ одной изъ областей потребности нервнаго возбужденія выросла *потребность развитія.* Она обусловила и первое проявленіе идейныхъ интересовъ въ исторіи, и ихъ первое эпизодическое обнаруженіе, и ихъ логически-неизбѣжное усиленіе, не смотря на всѣ стремленія интересовъ экономическихъ и политическихъ преобладать въ исторіи и эксплуатировать въ свою пользу продукты интересовъ идейныхъ; наконецъ, она же обусловитъ ихъ болѣе или менѣе вѣроятное преобладаніе въ будущемъ. Эта потребность развитія выработалась въ интеллигенціи въ самостоятельную силу и сдѣлалась, въ сущности, главнымъ двигателемъ исторіи.

Она обнаружилась всего опредѣленнѣе въ борьбѣ съ существующимъ обычаемъ, съ наличною культурою, и по этому ея главные продукты должны были получиться въ формѣ различныхъ *областей мысли.* Каждая изъ этихъ областей, разъ выработанная, стремилась воплотиться въ жизни, перейти въ форму обычая, сдѣлаться элементомъ болѣе или менѣе прочной культуры, и, съ тѣмъ самымъ, подвергалась новой переработкѣ вслѣдствіе потребности развитія. Иныя области обнаружили болѣе другихъ наклонность выйти почти цѣликомъ изъ сферы работы мысли въ сферу упрочившихся формъ культуры; другія, напротивъ, могли лишь въ небольшой долѣ подчиниться этому процессу. Ни одна не избѣжала его вполнѣ, но естественно, что всего чаще это имѣло мѣсто въ тѣхъ

областяхъ мысли, которыя не были лишь *продуктомъ* появившейся уже потребности развитія, но *подготовили* ее еще въ эпоху царства обычая. Поэтому области мысли, въ которыхъ человѣкъ стремится удовлетворить этой потребности развитія, могутъ, при ихъ обозрѣніи, быть расположены въ два, вполнѣ различные порядка, смотря по тому, руководствуемся ли мы генетическою послѣдовательностью ихъ возникновенія, или ихъ логическою зависимостью, въ томъ видѣ, въ которомъ эта зависимость обусловливается *нынѣшнимъ* пониманіемъ роли той или другой изъ этихъ областей въ общемъ систематическомъ комплексѣ работы мысли. Для эволюціи мысли важна, въ особенности, генетическая послѣдовательность областей, тогда какъ ихъ систематическая зависимость представляется лишь результатомъ этой исторіи, результатомъ, который дальнѣйшіе фазисы эволюціи могутъ болѣе или менѣе видоизмѣнить. Тѣмъ не менѣе, изслѣдованіе генезиса областей мысли и оцѣнка ихъ историческаго значенія обусловливается почти неизбѣжно систематическимъ пониманіемъ нормальной работы мысли въ цѣломъ составѣ этой работы. Съ точки зрѣнія того или другаго пониманія та или другая область получаетъ болѣе или менѣе важное мѣсто въ общей схемѣ нормальной мысли, а то и вовсе изъ нея исчезаетъ, хотя играетъ иногда весьма значительную роль въ генезисѣ формъ мысли и ея продуктовъ.

За источники всей эволюціи человѣческой мысли приходится, по видимому, принять мысль *техническую* и *творчество общественныхъ формъ*. И то и другое вырабатываются въ психической дѣятельности человѣка, какъ орудія въ борьбѣ за существованіе, подобно тому какъ различные біологическіе органы и функціи развиваются въ мірѣ біологическихъ организмовъ. Какъ орудія этой борьбы, двѣ упомянутыя области мысли оказываются у человѣка унаслѣдованными отъ его зоологическихъ предковъ. Подобно

этимъ предкамъ и человѣкъ путемъ технической мысли устанавливаетъ отдѣльные пріемы для достиженія отдѣльныхъ частныхъ цѣлей, которыя онъ себѣ ставитъ въ разнообразныхъ сферахъ своей дѣятельности; затѣмъ онъ опредѣляетъ іерархію этихъ цѣлей по степени ихъ непосредственной требовательности и полезности для него. Многія изъ животныхъ пошли въ техникѣ настолько далеко, на сколько это было возможно для нихъ при условіи, что орудія труда были имъ *даны* формою ихъ организма, а не *изготовлялись* ими: это изготовленіе оказалось доступнымъ только человѣку. Въ формахъ солидарнаго общежитія нѣкоторыя изъ упомянутыхъ животныхъ даже превзошли его, хотя лишь въ такихъ проявленіяхъ солидарности, при которыхъ развитіе сознательныхъ процессовъ, помимо служенія элементарнымъ инстинктамъ особи, осталось на очень низкой ступени. Цѣлью мысли технической, какъ орудія въ борьбѣ за существованіе особи и породы, было всегда для человѣка вообще господство надъ природою и, въ частности, подчиненіе себѣ другихъ организмовъ. Точно также цѣлью творчества общественныхъ формъ было въ огромномъ числѣ случаевъ въ мірѣ зоологическомъ и человѣческомъ укрѣпленіе и расширеніе солидарности въ данномъ обществѣ. Гераздо позже цѣлью этого творчества сдѣлалось для человѣка осуществленіе такихъ общественныхъ формъ, которыя наилучшимъ образомъ удовлетворили бы потребностямъ особи вообще. Еще позже и въ совершенно исключительныхъ случаяхъ въ число этихъ потребностей вошла потребность развитія. Это еще болѣе опредѣленно можно утверждать относительно представленія о возможной солидарности всего человѣчества.

Но именно только что указанныя цѣли мысли технической и раннихъ фазисовъ творчества общественныхъ формъ имѣли слѣдствіемъ, что обѣ эти области мысли сами по себѣ проявляли склонность принять

форму привычки, обычая или эмпирической случайности, а потому перейти изъ сферы работы мысли въ сферу культуры.

Чѣмъ далѣе шло развитіе человѣчества въ научномъ отношеніи, тѣмъ болѣе разросталась возможность техническихъ примѣненій научной мысли; однако въ то же время и тѣмъ опредѣленнѣе противуполагалась область *пониманія* области *умѣнія*, область теоретическаго мышленія — области техническихъ пріемовъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ происходило почти неизбѣжно дифференцированіе: научная подкладка позднѣйшей техники становилась однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ проявленій работы мысли; но собственно техника, какъ *умѣнье*, противуполагаясь своей научной подкладкѣ, какъ *пониманію*, выдѣлялась все болѣе изъ сферы этой работы. Разъ мы усвоили это противуположеніе, мы можемъ сказать, что собственно-техническая мысль повторяетъ и въ доисторическій и въ историческій періодъ все тѣ же явленія случайныхъ находокъ и полусознательныхъ приспособленій, которыя мы встрѣчаемъ въ техникѣ первобытныхъ дикарей, такъ что даже въ идеалѣ будущаго мыслитель всего охотнѣе рисуетъ себѣ личность человѣка, лишь отдыхающею на техническомъ трудѣ отъ труда напряженнаго мышленія, чтобъ затѣмъ возвратиться къ послѣднему съ новой энергіей. Въ техникѣ исторію мысли интересуетъ лишь степень научнаго пониманія, предполагаемая даннымъ техническимъ пріемомъ, и вліяніе тѣхъ или другихъ формъ техническаго труда на эволюцію мысли вообще и на явленія общественной жизни въ особенности.

Пока творчество общественныхъ формъ оставалось эмпирическимъ и не переходило на высшій свой фазисъ осуществленія общественныхъ идеаловъ, до тѣхъ поръ въ процессѣ этого творчества преобладалъ элементъ консервативный, элементъ отстаиванія наличныхъ формъ культуры отъ напора развивающейся

мысли, и самый процессъ едва ли не цѣликомъ приходится отнести къ сферѣ культуры съ ея непреднамѣренными измѣненіями. Но весьма скоро творчество общественныхъ формъ обнаружило особенность, не встрѣчающуюся въ области технической мысли. Предъ общественными формами, при самомъ ихъ появленіи,— вполнѣ непреднамѣренномъ — стало уже требованіе не только смѣны общественныхъ формъ подъ вліяніемъ случайностей, но и требованіе *развитія* этихъ формъ въ смыслѣ личнаго удовлетворенія аффектовъ, интересовъ и убѣжденій особи; требованіе работы мысли надъ расширеніемъ общества, надъ скрѣпленіемъ его солидарности, надъ усовершенствованіемъ его органовъ и функцій. При всемъ стремленіи всякаго общежитія къ прочнымъ и неизмѣннымъ формамъ культуры, можно сказать, что, при первомъ же сплоченіи родоваго союза дикарей въ самой элементарной и грубой формѣ этого сплоченія, предъ человѣкомъ возникли уже въ своемъ зародышѣ задачи соціологіи, какъ науки пониманія формъ и законовъ общественной солидарности, и какъ нераздѣльно связаннаго съ этимъ искусства переработки формъ общежитія въ виду личныхъ и общественныхъ интересовъ и идеаловъ. На логическій процессъ уясненія и рѣшенія этихъ задачъ могли потребоваться тысячелѣтія, но, по самому логическому существу работы мысли въ этой области, этотъ процессъ долженъ былъ имѣть мѣсто и придти къ нынѣшней научной постановкѣ теоретическихъ и практическихъ задачъ соціологіи. Въ эволюціи творчества общественныхъ формъ исторію мысли преимущественно интересуетъ подготовленіе на эмпирической почвѣ раціональныхъ задачъ соціологіи, коллективной и личной нравственности, а иногда и раннее угадываніе истинной постановки этихъ задачъ въ нѣкоторой ихъ долѣ.

Однако и цѣль господства надъ природою, рано проявлявшаяся въ работѣ технической мысли чело-

вѣка, и стремленіе не только пользоваться солидарностью общежитія для практическихъ цѣлей, но и наслаждаться различными нервными возбужденіями, которыя могло доставить общежитіе, давали двумъ основнымъ областямъ работы мысли еще и другое значеніе. Онѣ вызывали дифференцированіе техническихъ пріемовъ и усложненіе задачъ непроизвольнаго творчества общественныхъ формъ, а то и другое образовало почву для новыхъ областей мысли.

Таковы были двѣ области втораго слоя ея, именно мысли *эстетической* и *религіозной*, при чемъ нѣкоторыя проявленія первой вполнѣ опредѣленно можно возвести къ зоологическому міру, для второй же тамъ можно найти лишь зародыши, самое существованіе которыхъ еще гипотетично.

Работа мысли *эстетической* развилась на почвѣ мысли технической вообще, выдѣляя тѣ формы послѣдней, которыя были вызваны побужденіями *украшать жизнь*, стремленіемъ къ *привлекательному*. Здѣсь выработалась и элементарная область *игры* и *забавы*, и позднѣйшее творчество *правдивыхъ эстетическихъ образовъ* и *правдивыхъ патетическихъ настроеній*, т. е. область искусства; на высшей стадіи эволюціи, подъ вліяніемъ общаго стремленія къ развитію мысли, получило мѣсто въ искусствѣ творчество *изящныхъ формъ съ идейнымъ содержаніемъ*. Такимъ образомъ въ области мысли эстетической приходится брать въ соображеніе отношеніе ея и къ мысли технической, изъ которой она выдѣлилась, и къ забавѣ, параллельно съ областью которой искусство выработалось, и къ сферамъ мысли религіозной, философской, научной и нравственной, доставлявшимъ искусству, на высшей ступени его развитія, надлежащее идейное содержаніе. Кромѣ того, вслѣдствіе неизбѣжнаго отраженія общественныхъ заботъ на продукты всѣхъ областей мысли человѣка, слѣдуетъ имѣть въ виду и общественную роль искусства, по

отношенію къ подобной же роли всѣхъ только что упомянутыхъ, сосѣднихъ съ ней областей.

Связь техники эстетической съ техническою мыслью вообще не только не ослабѣла въ процессѣ эволюціи искусства, но становилась все тѣснѣе, а потому исторія искусства есть настолько же исторія художественной техники, принадлежащей почти вполнѣ области культуры, какъ и эволюція чувства красоты въ его связи съ идейнымъ содержаніемъ, что *одно* входитъ въ эволюцію мысли. Изъ области наслажденія привлекательнымъ и творчества привлекательнаго эта послѣдняя эволюція имѣетъ дѣло лишь съ тою долею привлекательнаго, которая заключаетъ въ себѣ наслажденіе и творчество *развивающее*. Къ области культуры относятся всѣ тѣ произведенія, которыя имѣютъ въ виду лишь забаву привлекательными ощущеніями или игрою смѣняющихся болѣе или менѣе привлекательныхъ представленій. Но за то внѣ области эстетической мысли остается почти вполнѣ искусство *дидактическое*, которое, хотя и употребляетъ пріемы привлекательнаго, но болѣе или менѣе чуждо образному мышленію; внѣ этой области остается также всякое творчество, направленное на вызовъ патетическаго настроенія внѣ художественныхъ пріемовъ. Патетическій элементъ и идейное содержаніе могутъ придать продуктамъ художественнаго творчества высокое мѣсто въ развитіи мысли индивидуальной и коллективной, но мѣсто этихъ продуктовъ въ области чисто-эстетической опредѣляется преимущественно художественной правдивостью образовъ и настроеній въ произведеніяхъ художниковъ.

Отсюда и сложность общественной роли произведеній искусства. Въ эпоху доисторическаго общества оно есть исключительно отраженіе коллективнаго аффекта и коллективной мысли. Затѣмъ именно въ его области завоевываетъ себѣ мѣсто самое раннее проявленіе индивидуализма, и, съ тѣхъ поръ, художе-

ственное совершенство произведенія почти нераздѣльно отъ степени отраженія въ немъ индивидуальности художника. При этомъ, можетъ быть, представляютъ исключеніе весьма немногіе геніальные *объективные* художники, индивидуальное творчество которыхъ настолько прониклось высшимъ угадываніемъ духа времени, что лишь особенно тонкій цѣнитель въ состояніи разглядѣть въ ихъ произведеніяхъ ихъ индивидуальность. Вообще же говоря, противуположеніе искусства индивидуальнаго искусству коллективному едва ли не составляетъ самой опредѣленной внѣшней характеристики историческихъ періодовъ въ отличіе отъ доисторической ступени жизни народовъ.

Однако и въ фазисѣ общественной забавы, точно такъ же какъ въ фазисѣ отраженія въ искусствѣ общественныхъ аффектовъ и общественнаго міросозерцанія, наконецъ и въ фазисѣ индивидуальнаго патетическаго творчества и индивидуальнаго воплощенія идейнаго содержанія въ изящныя формы, искусство могло быть иногда въ своихъ продуктахъ однимъ изъ самыхъ могучихъ элементовъ общественной солидарности а, въ другихъ случаяхъ, могло оставаться, при высокой ступени техническаго совершенства, или вполнѣ чуждымъ жизненнымъ задачамъ эпохи, орудіемъ общественнаго индифферентизма, или даже обращаться въ орудіе общественной деморализаціи. По своему существу область эстетической мысли не обусловливаетъ опредѣленно ни того, ни другаго направленія въ общественной жизни; общественная роль его опредѣляется тѣмъ, на сколько въ *другихъ* отношеніяхъ развилось и общество, гдѣ мы его наблюдаемъ, и личность художника.

На основаніи предыдущаго можно окончательно установить слѣдующимъ образомъ отношеніе области эстетической мысли къ эволюціи мысли вообще. Эстетическое творчество отпадаетъ въ область культуры всею долею техническаго элемента, изъ него невы-

дѣлимаго ни на какой ступени развитія, и входитъ въ эволюцію мысли какъ своимъ внѣшнимъ элементомъ общественнаго вліянія, такъ и всѣми тѣми своими проявленіями, въ которыхъ оно достаточно выполняетъ свою существенную задачу: воплощеніе въ прекрасныя формы той правды, которую художникъ умѣетъ уловить въ природѣ и въ жизни, и другой правды, находящейся въ гармоніи съ первой, правды, которая живетъ въ нравственномъ убѣжденіи художника, какъ развитаго человѣка.

Работа мысли *религіозной* требуетъ отъ изслѣдователя эволюціи мысли вообще особенной осторожности, какъ потому что религіозная мысль въ своей эволюціи проходитъ чрезъ весьма различные фазисы, такъ и потому, что сила религіознаго аффекта втягиваетъ въ сферу мысли религіозной множество элементовъ, вовсе къ этой сферѣ не принадлежащихъ, и законы психологическаго вліянія которыхъ, по этому самому, совсѣмъ иные, чѣмъ законы вліянія мысли религіозной.

Въ мірѣ зоологическомъ можно, повидимому, допустить лишь зародышное присутствіе религіознаго аффекта въ формѣ ужаса передъ неизвѣстною силою; вѣроятно не далѣе этой зародышной формы пошло проявленіе религіозной мысли и въ первые періоды существованія человѣка, какъ обособленнаго примата; но здѣсь можно говорить лишь о вѣроятности, потому что ни одно племя человѣческое не осталось на этомъ низшемъ фазисѣ религіозной эволюціи.

У всѣхъ дикихъ народовъ, намъ извѣстныхъ, религіозная мысль проявлялась уже въ той формѣ своего развитія, которая ее всего тѣснѣе связываетъ съ мыслью техническою и какъ бы свидѣтельствуетъ о ея древнемъ дифференцированіи изъ области этой мысли. Въ борьбѣ человѣка за власть надъ природою, рядомъ съ обыденною техникою, мы находимъ технику, имѣющую цѣлью *обезпечить удачу* въ предпріятіяхъ, при смут-

номъ сознаніи, что нѣтъ прямой связи между совершаемымъ техническимъ пріемомъ обряда или выбраннымъ амулетомъ и цѣлью, достигаемою при помощи этого дѣйствія или амулета. Неизвѣстная сила, вызывавшая ужасъ у животнаго, есть и здѣсь источникъ подобнаго же аффекта, но уже болѣе сложнаго. Это не только *ужасъ*, но въ то же время и *любопытство*, направленное на отъисканіе средства разгадать будущее, обезпечить себѣ удачу, подчинить себѣ ту грозную силу, которая *можетъ* служить для этой цѣли; это, наконецъ, и особое удовольствіе войти въ общеніе съ этою фантастическою силою. Лѣнь мысли и дѣйствія, присущая дикарю, и которой противодѣйствовало только побужденіе украсить жизнь,—побужденіе здоровое, но сравнительно слабое—встрѣчаетъ теперь гораздо сильнѣйшее противодѣйствіе въ желаніи усвоить содѣйствіе фантастическихъ помощниковъ. Начинается въ человѣчествѣ сильная работа фантазіи. Она начинаетъ вызывать *представленія* объ этихъ таинственныхъ силахъ, сопровождаемыя только что упомянутымъ сложнымъ религіознымъ аффектомъ ужаса, любопытства и своеобразнаго удовольствія. Міръ дикаря наполняется *существами*, способными вредить и помогать ему. Область *творчества общественныхъ формъ* находитъ себѣ и здѣсь немедленно приложеніе. Предъ человѣкомъ встала вполнѣ опредѣленная задача установить *общеніе* между людьми и фантастическими существами, а солидарность реальнаго общества усилилась возникновеніемъ *фантастическихъ представленій, скрѣпляющихъ рядъ обычаевъ*. Это и есть золотой вѣкъ фантастическаго творчества, когда изъ него и культура черпаетъ свои самыя выработанныя формы, и мысль свои самые плодотворные мотивы къ дѣятельности. Религіозная мысль охватываетъ въ этотъ періодъ почти всѣ психическія проявленія, которыми умъ человѣка отличается отъ инстинктивной жизни животныхъ. Въ вѣрованіяхъ этихъ эпохъ мы встрѣ-

чаемъ зародыши искусства, философіи, науки, нравственности, для которыхъ не было другаго источника. И для позднѣйшихъ періодовъ эта эпоха оказывается главнымъ источникомъ собственно - фантастическаго творчества и эмоціональнаго элемента того, что полинезіецъ и Францискъ ассизскій понимаютъ подъ однимъ и тѣмъ же самымъ внушительнымъ для нихъ терминомъ. Разберемъ тщательно все то, что въ эти послѣдующіе періоды охватывается этимъ названіемъ: выдѣлимъ изъ этихъ комплексовъ то, что относится къ областямъ искусства, философіи, науки, нравственности, выросшимъ большею частью на почвѣ вѣрованія; и передъ нами останется исключительно этотъ элементъ. Онъ *одинъ* былъ плодотворенъ въ этой области, создавъ формы натуризма, анимизма, фетишизма, шаманизма, творчество миѳовъ, символовъ, областъ мистическаго обряда и мистической обязанности.

Однако въ этомъ самомъ процессѣ созданія религіозныхъ представленій, въ выработкѣ спеціальныхъ хранителей мистическаго знанія и мистической обрядности, въ размышленіи о волѣ духовъ и боговъ, и т. под. этотъ же періодъ подготовлялъ также подрывъ того, что продолжало сохранять прежнее внушительное названіе, элементами, заимствованными изъ другихъ областей мысли. И вотъ, въ историческій періодъ *обособленныхъ цивилизацій*, рядомъ съ переживаніемъ въ массахъ доисторическихъ вѣрованій, историческая роль комплекса, о которомъ мы здѣсь говоримъ, дѣлается уже чисто соціологической. Забота о прочности реальнаго общенія между людьми заслоняетъ собою заботу объ общеніи человѣка съ его фантастическими помощниками. Религія господствующихъ языческихъ классовъ теперь — *обрядный комплексъ, являющійся символомъ культурнаго единства* обособленной націи или государства, комплексъ, въ которомъ все болѣе ослабѣваетъ роль представленій о богахъ и религіознаго аффекта, все меньшее зна-

ченіе получаетъ работа мысли и все большее—форма религіознаго обряда, самымъ тѣснымъ образомъ связанная съ формами государственнаго союза, культурной жизни и вызывающая весьма значительную самостоятельную дѣятельность мысли эстетической и философской.

Опять новый фазисъ того, что продолжаетъ сохранять прежнее названіе, настаетъ съ выработкой *критической мысли*, которая ставитъ заразъ задачи научнаго пониманія, сознательной нравственности и человѣческаго универсализма. Съ первымъ пробужденіемъ мысли научной обнаруживается для меньшинства, которому она стала доступна, что она прямо-противуположна эмоціонально-фантастической работѣ мысли: обѣ стремятся обладать истиной, но для мысли научной истина не существуетъ внѣ критики, она вся — въ пониманіи, тогда какъ мысль эмоціонально-фантастическая пытается рѣшить эту задачу совсѣмъ инымъ способомъ. Критика въ ней отсутствуетъ; понятіе о вѣроятномъ и сомнѣніе ей чужды; для нея *все* или принимается какъ вполнѣ достовѣрное или же отвергается какъ безусловно-ложное; она стремится уловить истину лишь въ той сферѣ, которая вызываетъ къ дѣятельности своеобразный аффектъ, гдѣ смѣшаны страхъ и привлекательность; она жаждетъ освобожденія отъ чувства зависимости и безсилія предъ личными жизненными задачами; она не стремится *понять* окружающее, а хочетъ господствовать надъ нимъ независимо отъ всякаго пониманія.

Такимъ образомъ въ эту эпоху наиболѣе развитое меньшинство неизбѣжно сознаетъ противурѣчіе между двумя пріемами отысканія истины; но, одновременно съ этимъ, въ большинствѣ происходитъ взаимодѣйствіе двухъ различныхъ фазисовъ работы эмоціонально-фантастической мысли: первый и древнѣйшій фазисъ продолжаетъ преобладать среди массъ, оставшихся подъ господствомъ переживанія фантастиче-

скихъ представленій доисторическихъ вѣрованій; въ другомъ, позднѣйшемъ фазисѣ находятся господствующіе классы, которые охраняютъ общественную обрядность, символъ единства націи или государства, но даютъ широкій просторъ эстетической и философской мысли. Доисторическія вѣрованія массъ проникаются требованіями сознательной нравственности и универсалистическаго единства. Личное убѣжденіе противуполагается обряду.

На этой почвѣ философскихъ и нравственныхъ требованій мы наблюдаемъ появленіе *универсалистическихъ религій* съ ихъ догматическими затрудненіями, рядомъ съ критическою мыслью, стремящеюся неизбѣжно устранить эти затрудненія. Происходитъ какъ бы религіозное возрожденіе. Рядомъ съ переживаніями прежнихъ представленій о роли вѣрованій, эмоціонально-фантастическій элементъ ставитъ теперь предъ передовою интеллигенціею совсѣмъ уже иную задачу: *общечеловѣческое нравственное ученіе, опирающееся на философское міросозерцаніе*. Вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ попытка создать новую обычную культуру на почвѣ догмата, подчиняя послѣднему всѣ проявленія мысли эстетической, философской и нравственной. Но, въ сущности, все это возрожденіе совершилось исключительно въ областяхъ мысли философской и нравственной: первая требуетъ болѣе логическаго единства и послѣдовательности въ мысли и жизни; вторая—жизни по убѣжденію. Въ новомъ комплексѣ представленій, продолжающемъ носить прежнее названіе, произошла полная атрофія роли элемента эмоціально-фантастическаго. Въ культурѣ онъ остается все тѣмъ же доисторическимъ переживаніемъ. Вся же работа мысли, характеризующая этотъ новый періодъ, получила совершенно иное теченіе: она требуетъ личнаго убѣжденія, рядомъ съ единообразнымъ обрядомъ; поддержки существующихъ формъ общества религіозными представленіями, рядомъ съ перестройкою этихъ формъ

по типу церковнаго единства; а потому она идетъ неизбѣжно къ логическому пониманію несовмѣстимости прогрессивной цивилизаціи съ какой-либо эмоціонально-фантастической подкладкой и невозможности объединить человѣчество на почвѣ подобнаго вѣрованія. Даже работа мысли эстетической, наиболѣе индифферентной къ общимъ историческимъ теченіямъ мысли, направлена въ это время къ подрыву эмоціонально-фантастическаго настроенія. Такимъ образомъ въ опредѣленную эпоху всѣ отрасли работы мысли получили сходное направленіе, характеризованное только что указаннымъ подрывомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, требованія того, что̀ продолжаетъ сохранять прежнее названіе, принявъ въ себя совершенно иной смыслъ, стали, собственно, требованіемъ *свѣтской цивилизаціи,* не заботящейся уже объ „общеніи между богами и людьми“ и ищущей почвы для прочнаго и развивающаго общественнаго союза въ реальныхъ источникахъ мысли и жизни, чуждыхъ всякой мистической обрядности и всякаго фантастическаго представленія.

Съ наступленіемъ эпохи сознательно-свѣтской цивилизаціи новаго времени, эволюція, о которой мы только что говорили, собственно кончается, и дѣло идетъ лишь о процессѣ распаденія эмоціонально-фантастическаго элемента во всѣхъ его переживающихъ еще формахъ. Дѣло идетъ о ростѣ наступающаго и развивающагося—прямо-противуположнаго прежнему—направленія мысли, ростѣ, проявляющемся все болѣе опредѣленно даже во временныхъ попыткахъ мистической реакціи въ послѣдній вѣкъ: онѣ имѣютъ лишь значеніе поддержки переживаній прежнихъ періодовъ, при полномъ противурѣчіи этихъ переживаній съ теоретическими и практическими задачами настоящаго и будущаго.

Дальнѣйшія области мысли возникаютъ уже на почвѣ исторической мысли и представляются въ формѣ дѣйствія исторической интеллигенціи на массы.

Это, сперва, область объединяющей *философской мысли.* Она подготовляется въ инстинктивныхъ психическихъ процессахъ выработки общихъ представленій и понятій, въ процессѣ развитія рѣчи. Она проявляется въ зародышной формѣ въ вѣрованіяхъ натуризма и анимизма, пытающихся инстинктивно внести единство въ пониманіе міра и въ формы культуры. Она выступаетъ уже какъ самостоятельная сила въ первый періодъ исторической жизни, пытаясь слить всѣ умственныя пріобрѣтенія и всѣ отрасли культурной жизни господствующихъ классовъ въ одно стройное, хотя и вовсе не критическое, цѣлое. При первомъ пробужденіи мысли критической философская мысль выступаетъ съ задачами *мудрости,* охватывающей въ единствѣ послѣдовательнаго цѣлаго всѣ вопросы пониманія и жизненныхъ цѣлей. Наука и нравственность, вырабатывающіяся на этомъ фазисѣ развитія, доставляютъ ей весь главный матеріалъ ея всеобъемлющихъ, болѣе или менѣе систематическихъ задачъ. По мѣрѣ того, какъ эти двѣ области развиваются при помощи болѣе или менѣе критическихъ пріемовъ мысли и ставятъ опредѣленнѣе свои задачи, философская мысль слѣдуетъ покорно накопляющемуся внѣ ея матеріалу науки и нравственности, только что указаннымъ фазисамъ измѣняющагося содержанія въ мысли религіозной, и колебаніямъ общественныхъ аффектовъ подъ вліяніемъ историческихъ событій и борьбы классовъ. Въ этомъ сложномъ процессѣ эволюціи она получаетъ характеръ то болѣе религіозный, то преимущественно метафизическій, то съ преобладаніемъ научныхъ задачъ. Она выдвигаетъ на первый планъ то вопросы пониманія міра, то смѣну жизненныхъ цѣлей, то изслѣдованіе самихъ интеллектуальныхъ орудій этого пониманія и возможности ставить себѣ тѣ или другіе цѣли.

Философская мысль выступаетъ преимущественно въ четырехъ формахъ болѣе или менѣе сознательна-

го объединенія всѣхъ сосуществующихъ въ данную эпоху теченій мысли. Это, во-первыхъ, безсознательное единство *литературы* и *практической* дѣятельности эпохи, которое, въ своемъ разнообразіи, обусловливаетъ комбинацію переживаній стараго, зародышей новаго и характеристическихъ чертъ эпохи. Это, во-вторыхъ, *критика литературы и нравовъ* у наиболѣе развитыхъ личностей, критика, единство которой лишь отчасти сознательно, тѣмъ болѣе, что она направлена всего чаще на отдѣльные эпизоды и симптомы личной и общественной жизни, рѣдко достигая общаго міросозерцанія. Это, въ третьихъ, та форма, которою преимущественно занимаются историки философіи, форма сознательно - построенныхъ *философскихъ системъ*, охватывающихъ болѣе или менѣе широко матеріалъ мысли и жизни, и заключающихъ въ себѣ болѣе или менѣе элементовъ религіозныхъ, метафизическихъ, научныхъ и жизненныхъ. Это, наконецъ, *примѣры послѣдовательной личной жизни и дѣятельности*, единство которыхъ иногда есть не болѣе, какъ результатъ выработки личнаго *характера*, обусловливающаго почти инстинктивно частности дѣятельности; въ другихъ случаяхъ жизненное единство обусловлено натянутымъ и театральнымъ *доктринерствомъ отвлеченныхъ и условныхъ принциповъ*, пытающихся искалѣчить жизнь и отчасти достигающихъ этой цѣли; наконецъ, иногда это—сознательное *служеніе жизненному идеалу*, гармонически соглашенному съ общимъ міросозерцаніемъ, при чемъ построеніе этого міросозерцанія болѣе или менѣе тѣсно связывается съ требованіями послѣдовательности въ жизни. Но во всѣ періоды своей эволюціи эта область сохраняетъ свой характеристическій признакъ: она не создаетъ никакого *своего, особеннаго* содержанія, заимствуя его изъ другихъ областей мысли и изъ задачъ жизни. Ей спеціально принадлежитъ лишь стремленіе къ объединенію въ мыш-

ленія, къ послѣдовательности въ жизни, къ гармоніи между пониманіемъ и дѣйствіемъ.

Опредѣленія философіи многочисленны, и для значительнаго числа мыслителей стараго и новаго времени это не только область интеллектуальной дѣятельности, гдѣ функціонируетъ особый пріемъ мышленія (именно объединяющій), но еще область науки, имѣющая свое особенное фактическое содержаніе. Пишущій это принужденъ стать на совсѣмъ иную точку зрѣнія. Такъ называемыя „философскія" науки (логика, психологія, этика и т. под.) ставятъ, на его взглядъ, изслѣдователямъ совершенно такія же требованія относительно точныхъ фактовъ и ихъ частныхъ законовъ, какъ геометрія, біологія или соціологія. Нѣтъ ни одного, такъ называемаго „философскаго" принципа, который не принадлежалъ бы, при внимательномъ разсмотрѣніи, или къ комплексу обычаевъ и вѣрованій одной изъ эпохъ жизни человѣчества, или къ одной изъ наукъ, которыя устанавливаютъ въ разныхъ областяхъ точные факты и частные обобщающіе законы, ставятъ болѣе или менѣе строгія гипотезы и опредѣляютъ степень возможности, вѣроятности или ошибочности этихъ гипотезъ. Нѣтъ ни одного такъ называемаго „философскаго" метода, который не входилъ бы или въ пріемы мистики или въ область естествознанія, логики, психологіи, этики или соціологіи, какъ методъ болѣе или менѣе точный и допускающій болѣе или менѣе широкое примѣненіе. По этому трудно даже представить себѣ особую науку—философію. За то философскій элементъ объединенія представленій и понятій путемъ ихъ сближенія по аналогіи, путемъ ихъ систематизаціи и т. под. присутствуетъ и во всѣхъ наукахъ и въ элементарныхъ вѣрованіяхъ, и въ значительной долѣ замѣчательнѣйшихъ произведеній искусства и въ продуманной нравственности, и въ жизни личностей, воплощающихъ наилучше въ этой своей жизни историческую эпоху, и въ исторической эволюціи событій, общественныхъ формъ и продуктовъ мысли и жизни. Потребность объединенія, создающая область философіи и придающая ей жизненность, есть столь же неустранимая и важная потребность развивающагося человѣка, какъ въ области науки потребность точной установки фактовъ и ихъ законовъ, постановки гипотезъ и ихъ критики, или, въ области нравственности, потребность вносить іерархію въ жизненныя цѣли и оцѣнивать дѣйствія, свои и чужія, во имя этой іерархіи.

Лишь эпоха появленія *критической мысли* въ человѣчествѣ дала и могла дать начало области *мысли научной*, подкладкой которой служило непроизволь-

ное накопленіе фактовъ знанія, размышленіе надъ предметами вѣрованія, и, затѣмъ, —нѣсколько позже возникшее и выработанное на почвѣ двухъ предыдущихъ побужденій—любопытство къ предметамъ и явленіямъ, собственно чуждымъ прямому интересу особи.

Разъ пробудившись, научная мысль, въ своемъ самостоятельномъ ходѣ, обусловленномъ ея особенностями, была характеризована тѣмъ, во-первыхъ, что въ своихъ завоеваніяхъ она постоянно шла впередъ, никогда не отступая ни въ сферѣ точныхъ или вѣроятныхъ фактовъ и обобщающихъ законовъ, ни въ сферѣ усвоенныхъ и критически оцѣниваемыхъ методовъ, но мѣняя лишь вспомогательныя гипотезы, которыя, въ сущности, настолько же принадлежатъ мысли объединяющей, сколько мысли научной.

Отступленія въ области мысли чисто-научной представляются лишь въ формѣ того эпизодическаго обстоятельства, что истины, прежде усвоенныя, были временно забыты, чтобъ быть снова открытыми самостоятельно или припомненными въ позднѣйшую эпоху; но сознательное оставленіе научнаго пріобрѣтенія имѣло мѣсто иногда лишь въ сферѣ гипотезъ и болѣе или менѣе философскихъ теорій, а также вслѣдствіе лицемѣрнаго прислуживанія ученаго интересамъ личнымъ или классовымъ.

Во-вторыхъ, мысль научная характеризована тѣмъ, что въ этой области болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой, господствовала логическая необходимость полученія дальнѣйшихъ слѣдствій изъ усвоенныхъ уже истинъ. Это самое ставило успѣхи мысли научной, исключительно критической, въ прямую зависимость отъ упадка и атрофіи мысли некритической.

Колебаніе прогрессивныхъ и регрессивныхъ элементовъ въ области научной мысли обусловливалось лишь тою связью, въ которую вступала эта мысль въ разныя эпохи съ мыслью философскою и съ жизненными цѣлями, сознательно или безсознательно подпадая подъ ихъ вліяніе. Недостаточно-строгое раздѣленіе задачъ научныхъ отъ задачъ философскихъ подчи-

няло ученыхъ всѣмъ колебаніямъ, которыя были неизбѣжны въ философіи, при отсутствіи содержанія *ей* собственно принадлежащаго и при ея зависимости отъ различія элементовъ, требовавшихъ объединенія въ данную эпоху. Неизбѣжная спеціализація разныхъ сферъ научныхъ фактовъ и законовъ вызывала въ однихъ ученыхъ наклонность выдѣлять задачи науки изъ задачъ жизни, относиться къ послѣднимъ индифферентно или дѣлаться сторонниками общественной реакціи. Переходъ техники элементарной во всѣхъ ея сферахъ въ технику научную и огромное общественное значеніе, которое получала въ этомъ случаѣ наука, уже не какъ источникъ *пониманія*, а какъ источникъ *умѣнья*, какъ орудіе въ борьбѣ за личные и групповые интересы обогащенія и власти, вызывали въ другихъ ученыхъ наклонность подчинять изслѣдованіе истины и оцѣнку пріемовъ методическаго мышленія практическимъ интересамъ. Оттого, рядомъ съ логическимъ и неустранимымъ ходомъ научной мысли къ новымъ и новымъ завоеваніямъ, міръ ученыхъ представлялъ иногда поразительныя патологическія явленія. Таковы были, въ трудахъ иныхъ ученыхъ, смутные и измѣняющіеся выводы, полученныя вслѣдствіе нераціональнаго внесенія въ научныя работы чисто-философскихъ гипотезъ и споровъ. Таково было съуживаніе мысли спеціалистовъ вслѣдствіе самой ихъ спеціализаціи. Въ другихъ случаяхъ ученые обнаруживали прямую враждебность къ здоровымъ общественнымъ задачамъ, развивая въ средѣ своихъ учениковъ политическій индиферентизмъ и поддерживая реакцію будто бы въ виду болѣе интенсивныхъ успѣховъ чисто-научныхъ завоеваній. Встрѣчались, наконецъ, и случаи позорнаго служенія представителей знанія интересамъ личнымъ и классовымъ. Лишь въ этихъ *внѣшнихъ* для науки вліяніяхъ ея эволюція представляетъ колебанія въ тѣсной зависимости отъ общихъ задачъ культуры и мысли въ каждую эпоху.

Установленіе вполнѣ—логическаго хода ея завоеваній (лежащаго въ самой сущности научнаго мышленія) можно ожидать лишь въ эпоху, когда *въ другихъ* областяхъ мысли будутъ устранены вредныя вліянія ненормальной специализаціи мысли и общественной конкурренціи, вліянія, искажающія не пріемы научной мысли, а жизненныя заботы ученыхъ. Въ прошедшемъ, въ настоящемъ и въ будущемъ болѣе или менѣе раціональный ходъ научныхъ завоеваній *исключительно* зависѣлъ, зависитъ и будетъ зависѣть отъ успѣховъ или болѣзней общественнаго строя,

Та же самая эпоха появленія критической мысли дала начало и *мысли сознательно-нравственной*, которая въ мірѣ доисторическомъ представляла подготовленія лишь зародышныя. Таково было обязательное подчиненіе особи обычаю, противъ котораго не протестовалъ и тотъ, кто былъ его жертвою; таково было столь же *обязательное* подчиненіе вѣрующаго повелѣнію фантастическаго міра духовъ и боговъ, съ которыми религія устанавливала „общеніе“ для человѣка; подчиненіе обусловленное опасеніемъ худшаго наказанія въ случаѣ неповиновенія. Разъ въ исторической цивилизаціи пробудилась потребность наслажденія собственнымъ развитіемъ, одна изъ первыхъ и самыхъ существенныхъ формъ послѣдняго состояла въ выработкѣ представленія объ *обязательности*, налагаемой самимъ человѣкомъ на себя сознательно, не изъ опасенія внѣшнихъ послѣдствій а вслѣдствіе требованій *личнаго убѣжденія*. Внесеніе болѣе развитыми людьми *нравственнаго* элемента въ доисторическое представленіе о личномъ *достоинствѣ*, критическая выработка ими *этого* взгляда на достоинство человѣка, требованіе жизни по *убѣжденію* и социологическое развитіе идеи *справедливости*, составляли впродолженіи всей исторической эволюціи этики существенные мотивы этой эволюціи, внѣшность которой разнообразилась разными казуистическими и доктринерными заповѣдями,

большею частью лишенными собственно-этическаго содержанія. Именно въ области нравственности всего опредѣленнѣе обнаружилось противуположеніе въ историческое время развитаго и развивающаго меньшинства интеллигенціи большинству дикарей высшихъ культуръ. Передовая доля исторической интеллигенціи болѣе или менѣе успѣшно вырабатывала въ своемъ пониманіи и въ своей дѣятельности основные этическіе мотивы; тогда какъ, для дикарей разныхъ культуръ, формы, въ которыя воплощались въ каждую эпоху эти самые развивающіе принципы нравственности, обращались въ формулы обычныхъ нравовъ, въ чисто-внѣшнія правила катехизиса культурнаго обихода, чуждыя всякаго живаго содержанія. Вслѣдствіе сложности вопросовъ этики и трудности прилагать къ нимъ научные методы, выработанные преимущественно въ вопросахъ совсѣмъ иныхъ сферъ, попытки *научной этики* были явленіемъ очень позднимъ въ исторіи. Нравственныя задачи прежде всего были сознательно или безсознательно поставлены въ области вѣрованій, что̀ и обусловило переходъ отъ господства обрядныхъ культовъ къ нравственно-метафизическимъ системамъ *) съ подрывомъ фантастическаго ихъ элемента. Затѣмъ, уже съ гораздо бо̀льшими затрудненіями, область нравственной мысли пыталась проникнуть въ область эмпирическаго творчества общественныхъ формъ; борьба ея съ обычаемъ и съ интересами была, въ большинствѣ случаевъ, безуспѣшна, хотя логическая необходимость вывода слѣдствій изъ усвоенныхъ уже — хотя бы и очень незначительныхъ — элементовъ нравственности въ общественномъ строѣ мало-по-малу дѣлала свое дѣло: она отвоевала себѣ признаніе, чаще теоретическое, однако иногда и практическое. Въ продолженіи всего историческаго преобладанія борьбы интересовъ, мы присутствуемъ при эпизодическихъ

---

*) См. стр. 73 и сл.

протестахъ нравственнаго убѣжденія противъ этого преобладанія. Подобные протесты были вполнѣ безнадежны при тѣсной связи нравственности съ догматическимъ элементомъ, такъ какъ это самое придавало имъ характеръ нереальный и противунаучный. Самая возможность успѣшности этихъ протестовъ явилась лишь въ свѣтской цивилизаціи. Съ тѣхъ поръ классовая борьба, разростаясь и обостряясь, поставила предъ развивающеюся социологіею, одновременно и въ тѣсной зависимости одинъ отъ другаго, вопросъ соціологическій о прекращеніи классовой борьбы путемъ устраненія разницы классовъ, о всемірной трудовой кооперацiи, и вопросъ нравственный о царствѣ справедливости. При самыхъ ожесточенныхъ столкновеніяхъ классовъ въ наше время, едва ли кто рѣшался отрицать въ принципѣ требованія справедливости. Борьба двухъ направленій происходитъ на почвѣ столкновенія интересовъ различныхъ классовъ и научная подкладка этой борьбы есть обусловленіе историческихъ явленій въ прошедшемъ экономическими интересами. Однако, научное пониманіе строя, который получится въ результатѣ ожидаемыхъ столкновеній и катастрофъ, побуждаетъ писателей нѣкоторыхъ группъ выставить, какъ научную гипотезу, что этотъ строй, за прекращеніемъ конкурренціи съ устраненіемъ разницы классовъ, долженъ неибѣжно повести къ упомянутому выше подавленію экономическихъ интересовъ, какъ основнаго мотива исторіи въ прошедшемъ и въ настоящемъ, идеалами нравственными (или, пожалуй, *высшими интересами* нравственнаго развитія), какъ преобладающаго мотива *будущей* исторіи.

Область этики вызывала и вызываетъ до сихъ поръ весьма обширную литературу, но при этомъ остаются еще спорными многіе вопросы, относящіеся къ самымъ основнымъ пунктамъ этой области, именно къ ея объему, къ ея методу, къ ея развѣтвленіямъ, къ тому, допускаетъ или недопускаетъ она эволюцію своихъ главныхъ идей и т. д. Рядомъ съ этикою, какъ метафизическимъ ученіемъ о высшемъ

благѣ, мы видимъ этику, путающуюся въ неразрѣшимыхъ задачахъ самой спеціальной казуистики. Рядомъ съ понятіемъ о нравственности, какъ долженствующей господствовать и руководить въ области права и обычая, мы встрѣчаемъ утвержденіе, что лишь въ эмпиризмѣ положительнаго права, установившагося обычая и колеблющагося общественнаго мнѣнія можно найти реальные устои нравственности. Здѣсь не мѣсто останавливаться на этихъ продолжающихся еще спорахъ, но по нѣкоторымъ частнымъ пунктамъ можно замѣтить слѣдующее.

Очень многіе авторы вводятъ въ категорію ***нравственныхъ*** побужденій и обязательность обычая и обязательность практической заповѣди, имѣющей миѳическій источникъ. Едва-ли это правильно, такъ какъ въ этомъ случаѣ весьма различные мотивы смѣшиваются подъ одною рубрикою: дѣйствія по убѣжденію не различаются ни отъ побужденія исполнять необсуждаемый обычай—побужденія противуположнаго требованіямъ расширенія области сознанія въ поступкахъ, — ни отъ побужденія дѣйствовать такъ или иначе изъ страха наказанія, — побужденія, прямо деморализующаго личность. Конечно, можно отличать ихъ терминами ***обычной***, ***религіозной*** и ***сознательной*** нравственности, но можетъ быть желательнѣе въ самой основной номенклатурѣ рѣзче противуположить неразвивающіе и развивающіе мотивы дѣйствія.

Многіе авторы не признаютъ и за новѣйшими попытками обработки этики характеръ научный, но, кажется, можно допустить, что кое-что въ этомъ случаѣ сдѣлано или дѣлается.

Какъ только человѣчество вступило въ періодъ свѣтской цивилизаціи, предъ нимъ стало логическое требованіе внести во всѣ области мысли, въ ихъ связи и въ ихъ взаимодѣйствіи, систематическую зависимость на почвѣ научнаго пониманія и нравственныхъ требованій. Съ точки зрѣнія, достигнутой на этомъ фазисѣ эволюціи мысли нашего времени, рядомъ съ задачею *генетическаго* пониманія областей мысли, которое мы здѣсь преимущественно имѣемъ въ виду, становится задача ихъ пониманія *систематическаго*. Она, по видимому, могла бы быть формулирована слѣдующимъ образомъ:

Объединяющимъ элементомъ является здѣсь *научная философія*, устраняющая элементъ догматическій и метафизическій. Она связываетъ въ одно цѣ-

лое область *науки,* направленной къ пониманію міра, человѣка, общества и исторіи въ виду нравственной дѣятельности особи и общества—и область этой *нравственной дѣятельности,* проникнутой, во всѣхъ ея элементахъ, столь широкимъ пониманіемъ, какое только возможно для человѣка въ каждую эпоху. Нераздѣльное вліяніе этихъ двухъ областей должно обусловливать дальнѣйшія формы работы *технической мысли,* служащей теперь уже не обычаю, неподлежащему обсужденію, не фантастическимъ вѣрованіямъ, не интересамъ личностей или классовъ, а научно-продуманнымъ задачамъ коопераціи человѣчества въ виду наиболѣе тѣснаго скрѣпленія его солидарности и наиболѣе широкаго развитія сознательности въ особи и въ коллективности. Это же вліяніе должно обусловить дальнѣйшее *творчество общественныхъ формъ* въ виду тѣхъ же цѣлей и постановку личностью и коллективностью себѣ вообще *жизненныхъ задачъ.* При этомъ сохранившееся еще отъ зоологическихъ предковъ человѣка побужденіе украшать жизнь ставитъ теперь себѣ задачей въ области *здоровой эстетической мысли*—придать всѣмъ формамъ культуры содержательную привлекательность и внести во всѣ формы творчества мысли и жизни содержательный художественный элементъ.

ГЛАВА VI.

Объективные и субъективные элементы въ соціологіи и въ исторіи.

Историческое знаніе и научное пониманіе исторіи.—Вопросъ о субъективномъ элементѣ.

Требованія объективнаго мышленія въ исторіи.– (Примѣры.—То же въ соціологіи.— Субъективный методъ и изслѣдованіе субъективныхъ процессовъ).

Основныя приложенія субъективныхъ пріемовъ къ исторіи.

Вопросъ о важности явленій.— Законы повторяющихся явленій.— Попытки приложенія объективнаго критерія къ исторіи.—Неизбѣжность критерія субъективнаго. — Роль личнаго развитія историка.—(Примѣры).

Здоровыя и болѣзненныя явленія.—Нормальный порядокъ явленій и отклоненія.—Наслажденіе и страданіе. — Существованіе какъ благо.—(Примѣры благопріятныхъ страданій).—Эволюція въ единственномъ экземплярѣ. — (Спорные вопросы о патологичности явленій).

Оцѣнка возможностей для данной эпохи и для настоящаго.—Роль объективнаго и субъективнаго элементовъ.—(Примѣры).

Необходимый и научный субъективизмъ въ соціологіи и въ исторіи.

(Русская субъективная школа, Эд. Майеръ и Іерингъ).

Данныя исторіи представляются намъ отчасти въ видѣ повторяющихся фактовъ культуры, составляющихъ почву изучаемаго процесса, отчасти въ видѣ неповторяющихся явленій въ той или другой области работы мысли, вырабатываемыхъ на этой почвѣ и видоизмѣняющихъ ее. Онѣ образуютъ группы, которыя характеризуютъ ту или другую эпоху, или представляютъ въ ней отчасти жизненные элементы прошлаго, отчасти его переживанія, наконецъ, въ иныхъ случаяхъ, зародыши будущаго. Эти данныя каждый добросовѣстный и старательный изслѣдователь можетъ усвоить какъ элементы историческаго *знанія*. Но для *научнаго пониманія* процесса исторіи остается еще ихъ распредѣлить на категоріи *существеннаго* и *случайнаго, важнаго* и *второстепеннаго, здороваго* и *патологическаго;* на задачи, которыя могли быть поставлены предъ работою мысли лишь на опредѣленномъ ея фазисѣ, но не могли быть устранены на этомъ фазисѣ, и другія, которыя не имѣли этой особенности. Можно ли сказать, что и эта переработка историческаго *знанія* въ историческое *пониманіе* представляетъ одинаковыя трудности для всякаго ученаго, требуетъ отъ каждаго изъ нихъ одинаковыхъ условій лишь добросовѣстнаго изслѣдованія данныхъ и критической ихъ оцѣнки? Или не прибавляются ли здѣсь къ упомянутымъ *объективнымъ* требованіямъ еще иныя, *субъективныя,* зависящія отъ *общаго* развитія историка, неизбѣжно-различныя для различныхъ изслѣдователей, но столь же научныя, какъ и требованія объективныя? Такъ какъ этотъ вопросъ именно въ наше время вызываетъ наиболѣе споровъ и такъ какъ значительная часть этихъ споровъ вызвана, повидимому, недоразумѣніями относительно точнаго смысла и употребленія терминовъ: *объективные* и *субъективные* пріемы мышленія—то едва ли не необходимо нѣсколько подробнѣе остановиться на этомъ вопросѣ.

Здѣсь будутъ разсматриваться какъ объективные всѣ тѣ результаты мышленія, которые могутъ быть усвоены *всякимъ* изслѣдователемъ при достаточномъ знаніи и достаточной добросовѣстности, каково бы ни было его отношеніе къ другимъ областямъ вѣрованія, философскаго міросозерцанія, личныхъ и общественныхъ влеченій, страстей и жизненныхъ цѣлей. Разъ эти результаты мышленія одинаково доступны для всѣхъ, они составляютъ неуклонное *научное требованіе*, и всякій изслѣдователь, ихъ не выполняющій и сознательно или безсознательно отъ нихъ уклоняющійся, столь же мало заслуживаетъ названіе работника въ области науки, какъ астрономъ, который допускаетъ, что движеніе небесныхъ тѣлъ могло измѣниться по желанію того или другого чудотворца, или физикъ, для котораго законы тяжести допускали бы исключеніе въ случаѣ, когда дѣло идетъ о столахъ, надъ которыми спиритисты совершаютъ свои манипуляціи. Безусловное требованіе *объективизма* въ этихъ пріемахъ мышленія исключаетъ изъ области науки и *субъективизмъ личнаго аффекта*, искажающаго пониманіе некритическимъ пристрастіемъ (къ личности, къ сословію, къ національности, къ привычной культурѣ, къ религіозному догмату и т. под.) и *логическій субъективизмъ* случайнаго и произвольнаго мнѣнія, не подвергнутаго той критикѣ, которая выдѣляетъ гипотезу научную изъ массы гипотезъ ненаучныхъ, и *субъективизмъ невѣдѣнія*, обусловленный недостаткомъ знанія и правильнаго умозаключенія. Эти пріемы ненаучны не потому, что они субъективны, а потому, что ихъ субъективизмъ можетъ всякимъ изслѣдователемъ быть устраненъ изъ его работъ, если этотъ изслѣдователь усвоилъ достаточно всѣмъ доступной критики и всѣмъ доступнаго знанія фактовъ.

Вѣрующіе и невѣрующіе могутъ и обязаны совершенно одинаково констатировать фактическое содержаніе самыхъ уважаемыхъ текстовъ и ихъ противурѣчія. Тотъ и другой могутъ и обязаны

знать, какъ комментировали эти тексты и какъ относились къ ихъ противорѣчіямъ провиденціалисты, раціоналисты и мифологи. Это—*объективныя* требованія и отклоненіе отъ нихъ было бы безусловно не научно. Но мѣсто, которое историкъ счелъ бы необходимымъ удѣлить въ общей картинѣ эпохи или въ попыткѣ ея научнаго уясненія словамъ той или другой проповѣди сравнительно съ паденіемъ Сеяна, съ поэмой Лукреція или съ работами Гиппарха, зависѣло бы отъ его пониманія эпохи по *субъективному* развитію его, историка; и степень его добросовѣстности тутъ ни при чемъ: чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить сравнительную *важность* этихъ явленій, здоровое или болѣзненное значеніе какого либо традиціоннаго вѣрованія или эпикуреизма, возможность для развитаго человѣка той эпохи поставить себѣ вопросъ о сравнительномъ значеніи того или другаго тауматурга или объ обществѣ безъ рабовъ – историку нужна не болѣе критическая установка фактовъ, а болѣе упорная работа надъ своимъ общимъ личнымъ развитіемъ, выработка болѣе широкаго личнаго міросозерцанія, личное усвоеніе высокихъ жизненныхъ цѣлей. Лишь этотъ *субъективный* элементъ можетъ доставить ему надлежащее пониманіе эпохи: и, въ то же время, то или другое субъективное отношеніе къ этимъ вопросамъ настолько неизбѣжно, что вполнѣ устранить его не можетъ ни историкъ-художникъ, ни историкъ-мыслитель, не отказавшись отъ своей существенной задачи: осмыслить свой трудъ. Совершенно подобное отношеніе существовало бы для политическаго историка первой французской революціи по отношенію, съ одной стороны, къ фактическому содержанію, съ другой—къ сравнительной важности террора или цезаризма, или къ патологическому элементу въ нихъ; или, для историка новѣйшаго рабочаго движенія, будь онъ соціалистъ или манчестерецъ, когда дѣло идетъ, въ одномъ случаѣ, о фактическомъ содержаніи того, что происходило въ Базелѣ или въ Гаагѣ, въ другомъ—о значеніи этихъ собраній для общаго хода событій эпохи. *Объективность*, обязательная для научности историческаго труда въ одной его части, смѣняется столь же неизбѣжною, а потому столь же научною *субъективностью* въ другой его части. Было бы недостойно ученаго исказить текстъ Маркса или варварства „кровавой недѣли“, или даже намѣренно умолчать о нихъ въ виду извращенія фактовъ; но никакія усилія быть безпристрастнымъ не могутъ устранить неизбѣжность для историка оцѣнить *субъективно* сравнительную важность того или другого изъ этихъ фактовъ хотя бы тѣмъ пріемомъ, что историкъ удѣляетъ одному изъ нихъ болѣе мѣста чѣмъ другому, упоминая объ нихъ.

Сказанное здѣсь о пониманіи исторіи распространяется въ значительной мѣрѣ и на пониманіе соціологіи. Хотя, какъ было сказано выше, явленія укрѣпленія и ослабленія солидарности изуча-

ются какъ бы они были явленія повторяющіяся, однако условія при которыхъ эти явленія обнаруживаются, оказываются существенно-различными для разныхъ эпохъ; и допущеніе, что подобныя условія, констатированныя для одной эпохи, прилагаются безъ всякихъ измѣненій къ другой, можетъ повести къ крупнымъ ошибкамъ въ пониманіи роли общественныхъ формъ и процессовъ, которые остаются *категоріями историческими*. Роль частной собственности, напримѣръ, для солидарности общества совершенно иная въ эпоху распаденія родового строя и замѣны его другимъ, гдѣ характеристическими формами оказывались государство и тѣсная семья, и въ эпоху современнаго громаднаго развитія пролетаріата и его нынѣшняго положенія въ индустріи. Точно также связующее вліяніе мистической обрядности въ періодъ обособленныхъ цивилизацій не только атрофировалось, но скорѣе замѣнилось вліяніемъ противуположнаго характера, когда мысль въ этой области усвоила требованіе личнаго убѣжденія, а въ составѣ этого самаго убѣжденія элементы научные и метафизическіе все болѣе вытѣснили элементы мистическіе. Но правильное усвоеніе этого соціологическаго различія зависитъ опять таки гораздо болѣе отъ *субъективнаго* развитія изслѣдователя, способнаго болѣе или менѣе вѣрно, на основаніи этого самаго субъективнаго развитія, оцѣнить эволюціонное значеніе собственности и фантастической обрядности, чѣмъ отъ точнаго знанія формъ солидарности въ данную эпоху и событій, вызванныхъ усиленіемъ или ослабленіемъ этой солидарности, такъ какъ борьба за преобладаніе одной формы собственности надъ другой, или протестантскаго мотива „вѣры“ надъ католическимъ мотивомъ „дѣлъ“ въ праведной жизни, при одинаковомъ знаніи изслѣдователей и при одинаковой ихъ добросовѣстности — могла представляться совершенно иначе, въ своихъ здоровыхъ и патологическихъ элементахъ, двумъ изслѣдователямъ различнаго общаго развитія. Это обусловливаетъ важную и неизбѣжную роль субъективныхъ пріемовъ мысли въ соціологіи, на сколько категоріи, въ ней разсматриваемыя, оказываются категоріями историческими.

Не лишнее, можетъ быть, обратить здѣсь вниманіе читателей и еще на одно смѣшеніе терминовъ, которое можетъ повести къ ошибкамъ въ пониманіи. Вопросъ о приложеніи *субъективнаго метода* къ пониманію историческихъ и соціологическихъ явленій совершенно отличенъ отъ вопроса о научномъ изслѣдованіи *субъективныхъ процессовъ* въ особи и въ группахъ особей. Уже въ физикѣ процессъ объективнаго пониманія звуковыхъ и оптическихъ различій какъ различныхъ системъ колебаній опредѣленной среды, съ одной стороны, и изученіе субъективно—различныхъ для насъ звуковъ и красокъ, съ другой, требуютъ совершенно одина-

ковыхъ пріемовъ объективнаго мышленія, такъ какъ дѣло идетъ о повторяющихся явленіяхъ, совершенно также изучаемыхъ всякимъ физикомъ. Въ психологіи передъ нами исключительно явленія *субъективныя*, которыя можетъ, въ сущности, исключительно наблюдать въ самой себѣ отдѣльная особь, лишь *умозаключая*, по признакамъ, воспринятымъ ею опять таки *субъективно*, что въ другихъ особяхъ совершаются подобные же субъективные процессы. Тѣмъ не менѣе едва ли можно назвать иначе, какъ пріемами чисто-объективными чуть ли не всѣ способы изученія всѣхъ областей психологіи, начиная съ психо-физическихъ опытовъ надъ быстротою перехода внѣшняго впечатлѣнія въ движеніе, обращаясь затѣмъ къ эволюціи ощущеній въ представленія и понятія, къ искаженію этихъ интеллектуальныхъ процессовъ процессами аффективными, къ развитію и къ видоизмѣненію личныхъ психическихъ явленій подъ вліяніемъ общественной жизни и, наконецъ, къ психологіи коллективностей, которая заимствуетъ весь свой матеріалъ изъ исторіи и статистики. Во всѣхъ этихъ случаяхъ разница субъективная между изслѣдователями различнаго общаго развитія имѣетъ не болѣе значенія какъ личная поправка къ наблюденіямъ астронома, поправка, существованіе которой не вызываетъ вопроса объ объективности астрономическихъ изслѣдованій вообще. Субъективныя явленія могутъ быть совершенно точно констатированы и изучаемы во всѣхъ ихъ частностяхъ всякимъ изслѣдователемъ, усвоившимъ себѣ достаточно знанія и добросовѣстности, слѣдовательно, чисто—*объективными* пріемами мышленія, точно также какъ явленія вполнѣ объективныя (какъ, напримѣръ, явленія историческія и соціологическія) для научнаго ихъ пониманія требуютъ довольно часто отъ изслѣдователя опредѣленной ступени общаго личнаго развитія, слѣдовательно чисто-субъективныхъ условій, безъ которыхъ это пониманіе невозможно.

Научное приложеніе субъективныхъ пріемовъ мышленія къ исторіи обнаруживается преимущественно въ трехъ задачахъ историческаго пониманія: въ оцѣнкѣ сравнительной важности того или другого элемента культуры или той или другой отрасли работы мысли въ опредѣленную эпоху; въ признаніи того или другого элемента культуры или работы мысли здоровымъ или патологическимъ для опредѣленной эпохи; въ допущеніи, что для той или для другой группы явленій и событій существовала общая возможность имѣть мѣсто въ данную эпоху, хотя конкретныя случайныя

распредѣленія интеллектуальныхъ и общественныхъ силъ и общій ходъ событій подорвали эту возможность въ эту эпоху и, напротивъ, способствовали иному ходу событій въ другую.

Вопросъ о сравнительной важности того или другого элемента мысли или жизни въ данной области фактовъ обусловливаетъ открытіе законовъ въ этой области. При изслѣдованіи законовъ явленій *повторяющихся*, это самое повтореніе способствуетъ отличенію фактовъ важныхъ и существенныхъ отъ частностей, не имѣющихъ значенія для разсматриваемыхъ фактовъ, и отъ случайностей, обусловленныхъ извѣстнымъ трюизмомъ, что нѣтъ ни двухъ предметовъ, ни двухъ опытовъ совершенно сходныхъ между собою во всѣхъ ихъ частностяхъ: для законовъ повторяющихся явленій важны именно тѣ элементы предмета или процесса, которые повторяются, и въ той степени, въ какой они повторяются.

Но когда дѣло идетъ о законахъ послѣдовательности фазисовъ эволюціи въ явленіяхъ неповторяющихся, то именно эти объективные признаки отсутствуютъ и приходится прибѣгать къ инымъ пріемамъ, чтобы установить разницу между существеннымъ и случайнымъ, между важнѣйшимъ и второстепеннымъ.

Какимъ же объективнымъ признакомъ, т. е. одинаково доступнымъ всякому наблюдателю, можно руководствоваться для установленія этой разницы въ исторической эволюціи?

Не считать ли важнѣйшими тѣ явленія, которыя охватываютъ большее число личностей и болѣе обширную территорію? Но въ такомъ случаѣ эпидеміи пришлось бы признать болѣе значительнымъ историческимъ явленіемъ, чѣмъ проповѣдь Виклифа и Яна Гуса, а романтизму, охватившему литературы значительнаго числа народовъ, дать, въ исторіи мысли, гораздо большее мѣсто, чѣмъ системѣ Спинозы.

Или не слѣдуетъ ли руководиться мнѣніемъ совре-

менниковъ того или другого событія о значеніи послѣдняго, независимо отъ позднѣйшихъ вліяній и оцѣнокъ? Но, съ этой точки зрѣнія, философъ Огюстъ Контъ былъ бы совершенно маловажнымъ явленіемъ сравнительно съ эклектизмомъ, крестовый походъ Людовика IX въ Африку имѣлъ бы несравненно болѣе значенія чѣмъ разрушеніе провансальской цивилизаціи другими крестоносцами той же эпохи, и даже процессъ созданія христіанской церкви въ II и III вѣкахъ послѣ нашей эры пришлось бы отнести къ явленіямъ маловажнымъ, какъ и цѣнило его большинство гражданъ Римской Имперіи, сравнительно съ борьбою этой имперіи противъ пароянъ и маркомановъ.

Едва ли не подобныя же возраженія можно привести при разсмотрѣніи всякаго другого *объективнаго* критерія для различенія важнаго и второстепеннаго въ историческомъ процессѣ. Между тѣмъ отказаться отъ всякаго различенія подобнаго рода—все равно что отказаться отъ всякаго отчетливаго представленія о данной эпохѣ, какъ о конкретномъ индивидуализированномъ историческомъ образѣ, и отъ всякаго пониманія этой эпохи, какъ одного изъ фазисовъ общаго эволюціоннаго процесса человѣчества. Этого не дѣлалъ и не могъ сдѣлать ни одинъ авторъ историческаго труда. Наивный лѣтописецъ заносилъ въ сухой рядъ отмѣчаемыхъ имъ событій лишь нѣкоторыя событія, которыя *для него* были наиболѣе достойны вниманія, т. е. *наиболѣе важны*. Ученый прагматикъ останавливался преимущественно на тѣхъ изъ событій предшествовавшей эпохи, которыя наилучшимъ образомъ *для него* объясняли необходимость событій эпохи слѣдующей, т. е. опять таки, которыя казались ему *наиболѣе важными* въ этомъ отношеніи. Историкъ-художникъ ставилъ на разные планы своей картины, которая должна была воскресить минувшее, личности и событія смотря потому, которыя изъ нихъ

для него лучше иллюстрировали наиболѣе характеристическія особенности эпохи. Философское пониманіе исторіи совершенно немыслимо безъ того, чтобы историкъ не группировалъ отдѣльныя явленія, ихъ комбинаціи и цѣлые періоды сообразно тому міросозерцанію, которое *для него* обусловливаетъ во всѣхъ сферахъ мысли и жизни существенное и случайное. Историкъ-философъ поступаетъ въ этомъ случаѣ лишь сознательно и преднамѣренно, но совершенно также, какъ принуждены поступать и поступаютъ болѣе или менѣе сознательно и преднамѣренно всѣ писатели пытающіеся понять историческій процессъ или воскресить прошлое въ живомъ образѣ.

Какой же источникъ этого неизбѣжнаго явленія?

Едва ли его можно искать внѣ личнаго развитія писателя, внѣ іерархіи существеннаго и случайнаго, важнаго и незначительнаго, какъ она вырабатывалась въ *его* мысли на основаніи *его* знанія и вѣрованія, *его* интересовъ, личныхъ и классовыхъ, *его* жизненныхъ задачъ и нравственныхъ убѣжденій. Государственникъ и религіозный мистикъ, политическій индифферентистъ и народникъ-фанатикъ, пессимистъ и вѣрующій въ фатальность прогресса, художникъ, мыслящій образами, и мыслитель, невольно обобщающій все имъ воспринимаемое—всѣ они могутъ обладать одинаковымъ знаніемъ и одинаковою добросовѣстною рѣшимостью передавать и группировать факты, какъ они восприняли и поняли эти факты, не искажая намѣренно ни одной подробности; и тѣмъ не менѣе эти факты будутъ въ ихъ умѣ иначе распредѣляться, иначе окрашиваться, будутъ иначе входить въ общую картину прошлаго, будутъ иначе поняты въ ихъ іерархіи и въ ихъ комбинаціи. Различеніе существеннаго отъ случайнаго, важнаго отъ незначительнаго, при одинаковыхъ *объективныхъ* условіяхъ, будетъ весьма различно вслѣдствіе совершенно-неизбѣжнаго внесенія въ пониманіе эпохи или въ ея

картину *субъективнаго* элемента, лежащаго въ личномъ развитіи писателя, и продуктъ работы мысли будетъ при этомъ тѣмъ научнѣе—помимо всѣхъ объективныхъ условій—чѣмъ субъективное развитіе писателя выше.

Возьмемъ нѣсколько историковъ, съ одинаковымъ знаніемъ фактовъ, но изъ которыхъ одинъ придаетъ болѣе значенія личной иниціативѣ въ ходѣ событій; другой убѣжденъ въ томъ, что экономическіе интересы лежатъ въ основѣ какъ всѣхъ историческихъ событій, такъ и всѣхъ устанавливающихся обычаевъ и всѣхъ идейныхъ продуктовъ; для третьяго степень развитія государственной жизни есть единственное мѣрило прогресса: четвертый оцѣниваетъ прогрессъ лишь по успѣхамъ философскаго и научнаго мышленія; наконецъ, для пятаго, важнѣе всего расширеніе и укрѣпленіе солидарности между людьми. Каждый изъ нихъ распредѣляетъ одни и тѣ же извѣстные всѣмъ имъ факты въ различную перспективу; при этомъ иногда одинъ умалчиваетъ совсѣмъ, какъ о ничтожной детали, о фактѣ, которому другой придаетъ первостепенную важность. Каждый изъ нихъ придаетъ біографическому элементу совсѣмъ иное значеніе: для одного, это—двигатель исторіи; для другого—подчиненное проявленіе коллективныхъ ея теченій; для третьяго здѣсь важно лишь наблюденіе надъ экземплярами, иллюстрирующими эти теченія; передъ четвертымъ здѣсь продуктъ общественной жизни, столь же цѣнный для пониманія данной эпохи, какъ государственныя формы или философскія системы. Каждый изъ этихъ историковъ придастъ цѣлымъ народамъ—напримѣръ Греціи и Риму—совершенно иное мѣсто въ такъ или иначе понятой исторіи классическаго міра: съ точки зрѣнія выработки государственнаго начала или роли иниціатора критической мысли, эстетическаго вкуса и идейной жизни. Но можно ли отвергнуть, что, независимо отъ одинаковаго (по предположенію) объективнаго достоинства всѣхъ этихъ историческихъ произведеній, то изъ нихъ должно быть поставлено выше съ научной точки зрѣнія, въ которомъ субъективное превосходство автора, по его личному развитію, позволило ему выработать болѣе вѣрное пониманіе важныхъ и значительныхъ элементовъ общественнаго строя и историческаго процесса, а, слѣдовательно, что всякій историкъ, чтобы сдѣлать свой трудъ болѣе *научнымъ*, долженъ стремиться, помимо расширенія своего знанія и помимо выработки критическаго безпристрастія въ передачѣ фактовъ, еще къ высшему *субъективному* развитію своей личности.

Нѣсколько бо́льшая доля объективныхъ пріемовъ

мысли входитъ въ составъ рѣшенія вопроса о раздѣленіи явленій эволюціи вообще на двѣ группы: явленій здоровыхъ и болѣзненныхъ. Въ процессахъ эволюціи міровъ или перехода зародыша біологическаго организма въ зрѣлое существо, или психическаго перехода ощущенія въ понятіе и въ актъ воли, объективный элементъ повторенія — отсутствующій по отношенію къ каждому отдѣльному небесному тѣлу, къ каждому органическому индивидууму, или къ каждому данному психическому акту—получаетъ свое мѣсто въ научномъ изслѣдованіи вслѣдствіе возможности сравнить совершенно подобные процессы для нѣсколькихъ астрономическихъ тѣлъ, для огромнаго числа сходныхъ зародышей, подвергающихся совершенно одинаковымъ процессамъ, для длиннаго ряда понятій и актовъ воли, получающихся въ результатѣ эволюцій, подобныхъ одна другой по своимъ фазисамъ. Отсюда объективное представленіе о *нормальномъ* процессѣ эволюціи міровъ, отдѣльныхъ организмовъ и отдѣльныхъ понятій и актовъ воли. Этому представленію о *нормальномъ* порядкѣ послѣдовательныхъ фазисовъ логически противуполагается представленіе о частныхъ и исключительныхъ случаяхъ, когда этотъ порядокъ претерпѣваетъ *отклоненія,* когда мы констатируемъ *аномаліи,* когда продуктъ эволюціи признается *уродствомъ.*

Для астрономическаго процесса эволюціи далѣе этого изученіе не идетъ, такъ какъ міры не могутъ научно быть признаны сознательными, именно страждущими или наслаждающимися, а потому къ нимъ не приложимъ терминъ процессовъ *болѣзненныхъ*, а измѣненія, въ нихъ совершающіяся при какомъ нибудь сплоченіи туманности въ звѣзду или при разсыпаніи большой планеты на сотни маленькихъ астероидовъ, имѣютъ въ глазахъ изслѣдователя-мыслителя совершенно одинакій характеръ.

Но когда дѣло идетъ объ эволюціи организмовъ или

психическихъ процессовъ интеллектуальныхъ или волевыхъ, то вопросъ усложняется. Большинство зоологическихъ организмовъ можетъ страдать и наслаждаться. Такъ какъ человѣкъ, изучающій эти *субъективные* процессы, самъ ихъ испытываетъ, какъ самое обычное противуположеніе, то онъ не можетъ не переносить это врожденное для него различіе и на пониманіе процессовъ эволюціи, внѣ его совершающихся. Онъ *знаетъ,* что то или другое существо страдаетъ въ одномъ случаѣ, наслаждается въ другомъ. Это—явленія *субъективныя,* но они могутъ быть приложены къ совершенно *объективной* классификаціи процессовъ на процессы *наслажденія, страданія* и *безразличные* въ этомъ отношеніи. Точно также человѣкъ знаетъ по личному опыту, что подъ вліяніемъ болѣзни или страсти, по недостатку пониманія и энергіи, психическій процессъ перехода ощущеній въ понятія и въ актъ воли совершается въ немъ совершенно иначе, чѣмъ при благопріятныхъ условіяхъ работы мысли и, по сравненію съ послѣднимъ, *нормальнымъ,* процессомъ, онъ *объективно* признаетъ первую группу *патологическою.* И здѣсь изучаемыя явленія *субъективны,* но они могутъ быть изучаемы и различными *объективными* пріемами.

Однако и на этомъ дѣло не останавливается. Наука констатируетъ съ достаточною убѣдительностью, что процессы дряхленія и умиранія совершенно аналогичны процессамъ пріобрѣтенія зрѣлости и усиленія жизненной энергіи, и что ошибочное разсужденіе маніака, человѣка охваченнаго страстью, невѣжды или лишеннаго способности мыслить логически совершаются по тѣмъ же самымъ законамъ, какъ мышленіе самаго строгаго ученаго, самаго талантливаго художника, самаго геніальнаго философа. Однако, на первыхъ же шагахъ изученія всѣхъ тѣхъ явленій, которыя подходятъ подъ формулу *жизни,* мысль человѣческая обособляетъ процессы, поддерживающіе существованіе

отдѣльнаго организма, отъ процессовъ, въ которыхъ обнаруживается его ослабленіе и приближеніе его смерти; на высшей точкѣ, которой въ наше время достигло мышленіе въ этой области, это элементарное представленіе вырабатывается въ понятіе *борьбы за существованіе,* какъ за нѣкоторое *объективное* благо, съ противуположеніемъ побѣды однихъ существъ гибели другихъ, хотя отнесеніе существованія къ *благамъ* есть процессъ исключительно *субъективный,* точно также какъ на низшемъ фазисѣ эволюціи мысли мы констатируемъ смутное представленіе такъ называемаго *инстинкта самосохраненія.* (Субъективность признанія существованія благомъ подтверждается и тѣмъ, что теорія нирваны и новый пессимизмъ принципіально отвергаютъ это признаніе). Всѣ эти *субъективные инстинкты, блага* и т. под. въ своихъ фактическихъ проявленіяхъ доступны одинаковому *объективному* констатированію со стороны всякаго критически мыслящаго и добросовѣстнаго наблюдателя, и потому ихъ научное изслѣдованіе происходитъ пріемами объективными. Мало того: только что указанное передъ этимъ различеніе явленій на субъективно-болѣзненныя и субъективно-пріятныя, съ точки зрѣнія пониманія области явленій жизни вообще, теряетъ свое значеніе предъ различеніемъ фактовъ, поддерживающихъ жизнь, отъ фактовъ, ослабляющихъ ея процессы, фактовъ благопріятныхъ и неблагопріятныхъ въ борьбѣ за существованіе. Изслѣдователь относитъ вполнѣ научно къ благамъ страданія, неизбѣжныя для расширенія области жизни, и къ патологическимъ явленіямъ—наслажденія, слѣдствіемъ которыхъ является ея ослабленіе или прекращеніе. Чисто-субъективное отношеніе къ жизни какъ къ благу ложится въ основаніе столь же чисто-объективнаго изученія, съ одной стороны — процессовъ, устраняющихъ или усиливающихъ страданіе и наслажденіе, съ другой — процессовъ, поддерживающихъ жизнь или

опасныхъ для нея. Здѣсь *субъективный* элементъ различенія наслажденія и страданія и субъективное отношеніе къ жизни какъ къ благу столь же научно-необходимы для изслѣдователя, какъ и объективные пріемы изученія области знанія и пониманія, выдвигающіеся на почвѣ этихъ субъективныхъ элементовъ.

Какъ примѣръ можно привести процессы беременности, родовыхъ болей, иногда прорѣзываніе зубовъ у младенца, процессы безспорно болѣзненные, а иногда и опасные для жизни особей, но которые, съ точки зрѣнія расширенія жизни какъ *блага*, тоже являлись *благами* даже въ періоды, когда научная техника не давала и не даетъ средствъ уменьшить или устранить болѣзненность и опасность этихъ процессовъ.

Но значительный объективный элементъ мышленія въ только что разсмотрѣнныхъ областяхъ обусловливался фактомъ, что мы можемъ наблюдать и сравнивать процессы астрономической, эмбріологической и психической эволюціи въ многочисленныхъ экземплярахъ. Дѣло измѣняется какъ только мы переходимъ въ область, гдѣ эволюція подлежитъ нашему изслѣдованію въ *единственномъ* экземплярѣ, именно въ случаѣ эволюціи органическаго міра въ его цѣломъ и въ историческомъ процессѣ развитія цивилизацій на почвѣ доисторической культуры и позднѣйшихъ формъ культуры и продуктовъ работы мысли на почвѣ болѣе раннихъ формъ и продуктовъ. Здѣсь большею частью предъ нами фактъ, который сравнивать не съ чѣмъ; но даже тамъ, гдѣ въ частныхъ случаяхъ гипотетическое сравненіе возможно для двухъ или болѣе группъ организмовъ и обществъ (какъ, напримѣръ, для выработки центральнаго мозга у безпозвоночныхъ и у позвоночныхъ, общежитія у муравьевъ и у человѣка, или для феодализма у самыхъ различныхъ и отдаленныхъ между собою народовъ, для греческой философіи и для философіи новой Европы и т. под.), при внимательномъ изученіи сходства относятся гораздо болѣе къ необходимымъ органическимъ условіямъ физіологическихъ процессовъ,

или къ соціологическимъ (отчасти повторяющимся) требованіямъ солидарности, чѣмъ къ эволюціонному закону послѣдовательности фазисовъ общественной жизни и работы мысли, для котораго характеристичны болѣе различія чѣмъ сходства. За отсутствіемъ возможности сравнивать сходные процессы и отсюда объективно различать нормальный ходъ эволюціи отъ ея случайныхъ отклоненій, здоровыхъ процессовъ отъ патологическихъ, приходится искать, внѣ всякихъ фактовъ повторяющихся или допускающихъ точное объективное сравненіе, указаній на то, что̀ принадлежитъ къ тому или къ другому порядку явленій. Всѣ попытки *объективно* различить здоровые и патологическіе процессы общественной жизни здѣсь едва ли не столь же ненаучны, какъ это было показано для различія важнаго отъ неважнаго въ калейдоскопѣ событій. Самое точное знаніе, самая строгая добросовѣстность въ передачѣ фактовъ здѣсь могутъ служить лишь очень недостаточнымъ пособіемъ. Изслѣдователю приходится особенно заботиться здѣсь о своемъ *личномъ* развитіи вообще, такъ какъ лишь это развитіе можетъ доставить ему нужный ему критерій. Объективно процессъ исторіи неизбѣженъ во всѣхъ его подробностяхъ; но внѣ этого философскаго детерминизма — приложить который къ частнымъ явленіямъ данной эпохи съ какою либо точностью большею частью историку невозможно — всякая попытка научно понять какую-либо эпоху представляетъ историку нѣсколько *возможностей* дальнѣйшаго хода событій. Ученый можетъ довольно часто *объективно* установить всѣ эти возможности, но, перенося на нихъ понятіе о нормальномъ ходѣ событій и объ отклоненіи отъ него, о здоровомъ развитіи общества и о патологическихъ явленіяхъ, онъ принужденъ, въ виду задачъ научнаго пониманія, оцѣнить нормальность совершающагося. Онъ не можетъ отказаться отъ попытки оцѣнить ее, не отказываясь отъ пониманія историческаго процесса вообще.

Именно различіе личнаго развитія писателя—элемента чисто-субъективнаго—вызываетъ самые ожесточенные споры относительно того, что̀ въ данный моментъ исторіи было явленіемъ здоровымъ или патологическимъ, совершенно независимо отъ страданій, вносимыхъ этими явленіями въ общество. Именно вырабатывая въ себѣ это *субъективное* развитіе историкъ можетъ приблизиться къ пониманію исторіи какъ эволюціи, въ которой одни фазисы были здоровы, другіе—патологичны.

Разнообразіе оцѣнокъ событій, личностей и цѣлыхъ эпохъ въ этомъ случаѣ слишкомъ обычно, чтобы стоило на этомъ долго останавливаться. Прежде всего бросаются въ глаза группы писателей, изъ которыхъ одни признаютъ здоровыми лишь тѣ явленія, которыя скрѣпляютъ солидарность обществъ и придаютъ имъ прочность, совершенно пренебрегая явленіями прогресса, неизбѣжно потрясающими прочность существующаго; другіе же придаютъ значеніе лишь яркимъ проявленіямъ индивидуальной мысли и энергіи, обращая мало вниманія на ростъ и расширеніе или на обособленіе и съуженіе солидарности между особями.—Многочисленны и частные примѣры. Процессъ развитія и господства капиталистическаго строя вызываетъ очень различныя оцѣнки. Противники соціализма торжественно прославляютъ капитализмъ; одна часть соціалистовъ смотритъ на этотъ строй, какъ на болѣзненное, но ***необходимое*** подготовленіе соціализма; есть и такіе, которые вносятъ въ это положеніе нѣкоторое видоизмѣненіе: они вполнѣ признаютъ эту подготовительную роль капитализма, какъ *господствующаго* начала у многихъ народовъ, достигшихъ опредѣленнаго фазиса развитія индустріи; однако они не считаютъ самое это господство ***неизбѣжнымъ*** фазисомъ подготовленія соціализма у другихъ націй; они полагаютъ возможнымъ—а потому и необходимымъ—довести въ настоящемъ проявленія капитализма до возможно меньшаго минимума, какъ это желательно для всякаго процесса, признаннаго патологическимъ. Потеря личностью религіозныхъ убѣжденій, составлявшихъ прежде главную почву ея психической жизни, будетъ неизбѣжно признана однимъ біографомъ этой личности какъ процессъ правильнаго развитія, другимъ—какъ явленіе патологическое, хотя и тотъ и другой признаютъ, что это, для самой личности, процессъ болѣзненный. Точно также, субъективная оцѣнка почти неизбѣжна для оцѣнки фактовъ той борьбы, которая шла и продолжаетъ идти въ европейскомъ обществѣ, впродолженіи послѣднихъ вѣковъ, между догматическими и научными элементами.

Наконецъ, нельзя не отмѣтить еще одного случая, гдѣ объективные пріемы мышленія приходится, для полученія научныхъ результатовъ, употреблять одновременно съ субъективными, не имѣя всегда возможности установить долю того или другого элемента. Въ каждую данную эпоху, какъ было только что указано выше, рядомъ съ реальнымъ ходомъ событій *совершившихся*, историку приходится, при недостаточности его фактическаго знанія, допускать нѣсколько *возможныхъ*, но не осуществившихся рядовъ событій. Эти возможности обусловливали, какъ было сказано, *субъективное* признаніе того или другого явленія здоровымъ или болѣзненнымъ. Но, при самомъ признаніи *возможными* различныхъ процессовъ, далеко не всегда мы имѣемъ предъ собою достаточно объективныхъ данныхъ, чтобы устранить колебанія. Возможна ли была для греческаго міра иная постановка политическихъ задачъ, чѣмъ та, которая привела къ господству надъ нимъ сначала Македоніи, потомъ Рима? Возможенъ ли былъ, независимо отъ личной силы мысли Платона и Аристотеля, иной процессъ эволюціи греческой философской мысли, чѣмъ тотъ, который поставилъ на первое мѣсто ученія этихъ двухъ философовъ, отодвигая на второй планъ интеллектуальную традицію Демокрита и Эпикура? Возможно ли было, при столкновеніи религіозно-философскихъ теченій около эпохи нашей эры, фактическое торжество иного метафизико-нравственнаго ученія чѣмъ то, къ которому пришли христіанскіе соборы и богословы IV-го и слѣдующихъ вѣковъ? Могла ли быть поставлена раціонально и разрѣшена сколько либо удовлетворительно въ эпоху Карла Великаго задача бюрократическаго и полицейскаго государства, а въ древнемъ мірѣ задача организаціи рабочаго класса? Можетъ ли теперь быть раціонально поставлена задача общественнаго строя, который рисуется въ воображеніи крайнихъ критиковъ строя государствен-

наго? или задача о философскомъ міросозерцаніи, въ которомъ детерминистическое пониманіе міра не только не представляло бы антиномію съ требованіемъ энергической дѣятельности, воодушевленной желаніемъ общественнаго прогресса, но усиливало бы это требованіе? Можетъ ли, на почвѣ борьбы труда съ капиталомъ, установиться солидарность всего трудящагося человѣчества и можетъ ли выработаться при этомъ общество, гдѣ низшіе интересы (экономическіе) уступали бы въ историческомъ значеніи высшимъ (нравственнымъ)?—Многое для приближенія къ рѣшенію этихъ вопросовъ можетъ дать *объективное* изученіе того, что было логически необходимо, констатированіе распредѣленія экономическихъ, политическихъ и умственныхъ силъ въ обществѣ данной минувшей эпохи, и нѣкоторыхъ вѣроятностей въ прежнихъ комбинаціяхъ жизненныхъ элементовъ прошлаго и его переживаній. Однако большею частью эти пріемы мысли окажутся недостаточны, и историкъ, поднявшійся болѣе или менѣе высоко въ своемъ *общемъ* развитіи, будетъ склоняться къ тому или другому рѣшенію этихъ вопросовъ преимущественно во имя своего *субъективнаго* пониманія соціологическихъ и историческихъ задачъ, помимо своего фактическаго знанія и своей критической добросовѣстности. Всего чаще лишь это субъективное пониманіе подскажетъ ему: *это* было возможно въ прошедшемъ, хотя и не совершилось; *это* возможно въ ближайшемъ будущемъ; *это-же* должно быть устранено изъ предѣловъ исторической возможности.

Какъ примѣры болѣе или менѣе вѣроятныхъ заключеній о возможномъ и невозможномъ въ данную эпоху можно привести слѣдующее.—Въ періодъ обособленныхъ національныхъ цивилизацій возможно было появленіе универсалистическихъ ученій даже въ зародышѣ, повидимому, лишь при ходѣ событій, показывавшемъ на дѣлѣ непрочность государствъ этого типа, или смѣшавшемъ національности на почвѣ колоній, независимо отъ всякихъ болѣе широкихъ соціологическихъ тенденцій; однако въ очень древнихъ идеалахъ всемірнаго государства присутствовали уже зародыши

позднѣйшаго универсализма. Идеалъ свѣтскаго общества могъ быть, по всей вѣроятности, поставленъ лишь тогда, когда исторія подорвала сначала религіозное обособленіе языческихъ народовъ, а потомъ обусловила иной ходъ эволюціи соціальныхъ идей въ Средніе Вѣка; однако подготовительныя попытки основать свѣтское государство новые ученые изслѣдователи возводятъ уже къ XII-му вѣку. Самое представленіе о союзѣ рабочихъ, какъ класса, для борьбы за обладаніе орудіями труда, было невозможно, пока, съ одной стороны, не выработался въ достаточномъ количествѣ рабочій пролетаріатъ, пока, съ другой, индустрія и рынки не получили космополитическаго характера; тѣмъ не менѣе и тутъ можно констатировать кое-какіе ранніе, подготовительные факты.

Такимъ образомъ, при разсмотрѣніи спорнаго вопроса объ объективныхъ и субъективныхъ пріемахъ мышленія въ научномъ изученіи соціологіи и исторіи, едва ли не всего правильнѣе допустить, что всюду, гдѣ достаточно знанія и добросовѣстности, чтобы понять историческія явленія или воспринять ихъ цѣльную картину, субъективные пріемы не только излишни, но и ненаучны. Но во многихъ случаяхъ изученіе эволюціи неповторяющихся явленій не даетъ объективнаго средства для рѣшенія только-что указанныхъ вопросовъ, въ особенности для оцѣнки *важности* явленія, ни для отнесенія его къ явленіямъ *здоровымъ* или *патологическимъ*, ни даже для опредѣленія для данной эпохи, какія эволюціонныя *возможности* для нея имѣли мѣсто. Тѣмъ не менѣе отказаться отъ попытки рѣшать эти вопросы значило бы отказаться отъ научнаго пониманія процесса исторіи. Рѣшить ихъ возможно бо̀льшею частью лишь путемъ заботы историка о своемъ *общемъ* развитіи, дозволяющемъ все болѣе правильные *субъективные* пріемы этого рѣшенія. Отсюда въ исторіи и въ соціологіи цѣлая область, гдѣ долженъ господствовать *необходимый и научный субъективизмъ*.

Вопросъ о субъективизмѣ въ соціологіи и въ исторіи, насколько мнѣ извѣстно, обратилъ на себя вниманіе преимущественно въ русской литературѣ, однако были и въ западной Европѣ замѣча-

тельные историческіе труды, гдѣ этотъ вопросъ былъ поднятъ и рѣшенъ въ смыслѣ, близкомъ къ тому, который высказанъ здѣсь. Такъ, находимъ слѣдующія выраженія у *Ed. Meyer*: „Geschichte d. Alterthums“ I (1884), 18—19: „Задача историка заключается въ выдѣленіи изъ всей массы переданнаго ему матеріала тѣхъ фактовъ, которые исторически важны, въ изложеніи развитія въ его связи, въ указаніи господствующихъ теченій. Для этого ему нужны общія идеи и руководящія воззрѣнія. Всякій историческій трудъ по необходимости субъективенъ; объективны лишь второстепенные факты, дѣйствительная современная историку жизнь, но никогда не обобщающее изображеніе прошлаго. Въ трудѣ историка должны отражаться его время и его собственная индивидуальность; безъ этого его произведеніе не возвысится надъ сухимъ отчетомъ о рядѣ событій. Внѣ отношенія къ настоящему не мыслимъ историческій трудъ; прошедшее представляется въ послѣднемъ, какъ ступень, предшествующая настоящему періоду, и лишь изъ круга идей, возможныхъ въ настоящемъ, могутъ быть заимствованы точки зрѣнія, способныя служить основаніемъ изложенію. Наше критическое время отличается лишь тѣмъ отъ предъидущихъ эпохъ, что для него яснѣе эта зависимость, но ни одинъ историкъ не можетъ не предпослать своему труду, какъ основное предположеніе, свою точку зрѣнія (vonauszetzungslos kann kein Historiker sein)... Она (исторія) есть изложеніе прошедшаго и судъ надъ нимъ при освѣщеніи его настоящимъ“.

Точно также знаменитый *Rud. v. Ihering* въ своемъ посмертномъ трудѣ „Entwickelungsgeschichte des römischen Rechts“ (1894), I и слѣд. говоритъ о „внутренней связи историческихъ событій“: „Эта связь не выступаетъ въ ихъ внѣшности; она опирается на умозаключеніе, дѣлаемое субъектомъ, и въ этомъ смыслѣ каждое истинное изложеніе исторіи *субъективно*; требованіе отъ этого изложенія объективности обусловливается ошибочнымъ пониманіемъ (Verkennung) сущности человѣческаго познанія. Все совершающееся въ мірѣ, чтобы быть изложеннымъ, должно пройти чрезъ человѣческій духъ и съ тѣмъ самымъ получаетъ отпечатокъ субъективности. In dem Berichten steckt ein Richten... wer berichtet, richter, er mag wollen oder nicht... Образъ прошлаго, набросанный историкомъ, зависитъ отъ его индивидуальности... Этотъ субъективный моментъ обусловливаетъ возможность прогресса въ изложеніи исторіи... Римская исторія получила теперь совсѣмъ иной видъ, чѣмъ тотъ, который она имѣла тому сто лѣтъ, исторія французской революціи—совсѣмъ иной, чѣмъ тотъ, который она имѣла еще 50 лѣтъ тому. Почему? Не только потому, что нашлись новые источники, но потому, что произошло измѣненіе въ способѣ пониманія этихъ исторій. Каждая эпоха приноситъ свой способъ пониманія и это придаетъ прош-

лому новый видъ, сравнительно съ прежнимъ. Прошлое оставалось всегда такимъ, какимъ было, поэтому новый видъ его зависитъ исключительно отъ субъективнаго момента: отъ общаго способа пониманія, присущаго данной эпохѣ, и отъ индивидуальнаго способа пониманія историка. Все новое, совершающееся въ мірѣ, отражается на прошломъ; многое, принадлежащее давно минувшему періоду жизни человѣчества, стало лишь теперь для насъ понятнымъ".

ГЛАВА VII.

Философское пониманіе исторіи.

Задачи мысли философской.

Роль личностей въ исторіи.—Волевые аппараты и соглашеніе ихъ съ детерминизмомъ. — Міръ причинъ и слѣдствій и міръ цѣлей и средствъ.—Аналогіи въ астрономіи и въ физикѣ.—Два различные слоя, доступные научному изслѣдованію.—(Въ чемъ противурѣчіе?—Ступени устанавливающейся связи).

Личность и общество.—Двѣ различныя точки зрѣнія.— Личность, какъ единственный реальный дѣятель въ исторіи. —Общество, какъ единственная дѣйствительная почва выработки личностей.—Призрачность противурѣчія. — (Двѣ стороны вопроса).

Слѣдствія. — Разнообразіе проявленій одного и того же историческаго теченія.—Вліяніе индивидуальныхъ особенностей на ходъ событій.—(Примѣры).

Различная роль интеллигенціи въ разныя эпохи.

Судъ надъ личностью и надъ событіями. — Обязанность личности предъ собственною волею и предъ собственнымъ пониманіемъ.

Вопросы воспитанія.

Личности реальныя и художественныя, какъ продукты историческихъ эпохъ.—(Недостаточность матеріала).

Формула общаго смысла исторіи.—Явленія прогрессивныя

и регрессивныя, здоровыя и болѣзненныя въ исторіи. — Ростъ солидарности и ростъ сознанныхъ процессовъ. — Формула прогресса. — Возможность прогресса. — Орудія суда надъ прошлымъ и жизненная цѣль въ настоящемъ.

Вопросъ о сведеніи процессовъ соціологическихъ и историческихъ на болѣе общія области, на личную психологію, на біологію, на физику земли и на факты, относящіеся къ населенію; (Примѣры, Теорія густоты населенія), на механику.

Для научнаго пониманія отдѣльныхъ явленій, процессовъ или даже цѣлыхъ эпохъ, входящихъ въ составъ исторіи, можно было бы, повидимому, ограничиться тѣми обобщеніями и эволюціонными законами, которые обусловлены понятіями сосуществованія и взаимодѣйствія въ ходѣ событій жизненныхъ элементовъ разныхъ эпохъ, переживаній прошлаго, зародышей будущаго и характеристическихъ чертъ каждой эпохи или каждой группы историческихъ явленій; понятіями о культурѣ и о мысли въ ихъ взаимодѣйствіи; понятіемъ о растущей или понижающейся роли различныхъ человѣческихъ потребностей въ отдѣльные періоды или при смѣнѣ этихъ періодовъ; наконецъ понятіемъ о необходимомъ и научно-обязательномъ приложеніи къ изслѣдованію явленій и законовъ исторіи того или другаго метода мышленія и т. под. Если мы пойдемъ далѣе этого, то можно думать, что мы ставимъ себѣ задачи уже совсѣмъ инаго рода. Это уже не задачи мысли *научной*, озабоченной отдѣленіемъ достовѣрнаго отъ вѣроятнаго, установленіемъ степени вѣроятности и возможности каждаго отдѣльнаго факта или же каждой гипотетической связи между фактами. Это — задачи мысли *философской*, объединяющей. Для нея только что упомянутыя научныя задачи составляютъ лишь прочную почву для дальнѣйшихъ построеній. Эти построенія не имѣютъ права отрицать результаты научной критики, но позволяютъ себѣ тамъ,

гдѣ степень вѣроятности гипотезъ установить въ настоящую эпоху невозможно, расширять область научныхъ гипотезъ всѣми элементами научно-возможнаго, желательнаго и допускающаго элементъ вѣрованія, насколько эти элементы способствуютъ единству всей сферы понимaнія послѣдовательности въ постановкѣ всѣхъ жизненныхъ задачъ, наконецъ согласію теоретическаго міросозерцанія съ практическимъ воплощеніемъ убѣжденія въ жизнь.

Разсмотримъ нѣкоторыя задачи этого рода, которыя намъ кажутся важнѣйшими.

Такою философскою задачею историческаго мышленія можно считать вопросъ о томъ, насколько пониманіе историческаго процесса, въ формѣ этого пониманія, которая только-что была изложена, можетъ быть соглашено съ тѣмъ или другимъ общимъ міросозерцаніемъ, выработаннымъ нашимъ временемъ, или представляетъ кажущіяся противурѣчія съ нимъ; при этомъ, въ частности, имѣются, въ виду безусловный *детерминизмъ* всего совершающагося и инициатива *индивидуальной воли*, выступающей въ процессѣ исторіи какъ единственный реальный дѣятель.

Къ философіи исторіи относится и вопросъ о такой объединяющей формулѣ для историческаго процесса, которая охватывала бы и всѣ объективныя задачи историческихъ и неисторическихъ обществъ, стремящихся автоматически отстоять себя въ борьбѣ за существованіе и восторжествовать въ этой борьбѣ надъ своими соперниками, и всѣ субъективные идеалы развитыхъ и развивающихся личностей, которыя стремятся придать этой неумолимой борьбѣ за существованіе характеръ борьбы за созданіе и воплощеніе въ жизнь идеаловъ все болѣе высокихъ, все болѣе широкихъ, все болѣе научно-оправдываемыхъ и практически-осуществимыхъ. Здѣсь вопросъ преимущественно идетъ объ установленіи *теоріи прогресса*, какъ философскаго смысла исторіи; при этомъ приходится разобрать,

на сколько этотъ смыслъ исторіи можетъ считаться *осуществленнымъ* дѣйствительнымъ процессомъ коллективной и индивидуальной жизни; на сколько процессъ прогрессивной эволюціи *не можетъ* быть признанъ явленіемъ фатальнымъ, вовсе не зависящимъ отъ сознательныхъ процессовъ въ личностяхъ; наконецъ, каковы условія его *реальнаго осуществленія,* если допустить, что онъ *осуществимъ,* но *не фатально.*

Такого же рода вопросъ о томъ, на сколько, для лучшаго пониманія историческаго процесса въ его отдѣльныхъ проявленіяхъ и въ его цѣлости, удобно сводить усвоиваемое исторіею, какъ наукою, непосредственное представленіе о коллективной жизни въ ея конкретныхъ проявленіяхъ—т. е. о явленіяхъ и формахъ *соціологическихъ*—на представленіе о комбинаціи болѣе простыхъ явленій, именно, прежде всего, явленій *индивидуальной психологіи,* за тѣмъ явленій *біологическихъ*, обусловливающихъ психическій міръ, наконецъ на представленіе о *механической* системѣ движущихся массъ, между которыми существуютъ различныя связи, происходятъ метаморфозы энергіи, и въ этихъ основныхъ механическихъ процессахъ обнаруживается почва для всѣхъ послѣдующихъ комбинацій, воспринимаемыхъ нами какъ явленія біологическія, психическія - индивидуальныя, психическія - коллективныя, историческія.

Первая изъ этихъ задачъ можетъ быть вообще формулирована какъ задача о роли личности въ исторіи.

Научный фактъ—тотъ, что въ исторіи мы непосредственно наблюдаемъ лишь человѣческія личности, какъ *волевые аппараты,* составляющіе реальную почву всѣхъ историческихъ событій, реальные элементы всѣхъ культурныхъ общественныхъ формъ, реальный источникъ всей работы мысли. А въ то же самое время научное мышленіе во всѣхъ его областяхъ дѣлаетъ для насъ невозможнымъ понимать міръ иначе, какъ подчиненный безусловному детерминизму. Такъ что автономія воле-

выхъ аппаратовъ (сознательныхъ личностей) субъективно неустранима, объективно немыслима. Возможно ли соглашеніе детерминистическаго пониманія міра вообще—а, слѣдовательно и процесса исторіи въ немъ происходящаго—съ тою ролью обычаевъ, аффектовъ, интересовъ и убѣжденій, которая положена выше въ основаніе историческаго процесса? Если же возможно, то какимъ путемъ наше объединяющее мышленіе можетъ согласить ихъ?

Детерминизмъ составляетъ необходимую точку исхода для всякаго научнаго мышленія. Она логически приводитъ къ представленію о необходимыхъ процессахъ, совершающихся въ міровомъ веществѣ, и которые даютъ въ однихъ случаяхъ группы повторяющихся явленій, въ другихъ — эволюцію, проходящую неизбѣжно чрезъ рядъ послѣдовательныхъ неповторяющихся фазисовъ. Мы констатируемъ, что въ опредѣленный моментъ существованія нашей планеты на ней обнаружилось то, что принято называть явленіями жизни; что, затѣмъ, въ организмахъ пробудилось и стало развиваться сознаніе въ его разныхъ проявленіяхъ. *Для этихъ* сознательныхъ органическихъ существъ субъективный міръ ощущеній, представленій, понятій, аффектовъ и волевыхъ процессовъ, возникавшій и развивавшійся по условіямъ безусловнаго детерминизма, сдѣлался столь же безспорнымъ фактомъ наблюденія, опыта и мотива дальнѣйшихъ фактовъ субъективнаго и объективнаго міра, какъ паденіе камня или измѣненіе свѣтовыхъ явленій. Процессъ эволюціи животнаго міра выработалъ человѣческія личности, способныя ставить себѣ вопросы пониманія, вопросы науки. Эти научные вопросы съ одинаковою неизбѣжностью пришлось поставить и для фактовъ объективнаго міра, понимать который возможно было лишь какъ систему необходимыхъ причинъ и слѣдствій, систему подчиненную безусловному детерминизму, и для фактовъ міра субъективнаго, гдѣ основнымъ явленіемъ

были акты воли, подготовляемые процессами интеллектуальными и аффективными, приводящіе къ объективнымъ дѣйствіямъ, но, въ процессѣ своего проявленія, сознаваемые исключительно какъ *міръ цѣлей и средствъ* для достиженія этихъ цѣлей. Этотъ міръ цѣлей и средствъ—подобно всѣмъ другимъ субъективнымъ явленіямъ—надо было научно изучать не только какъ необходимый результатъ процессовъ механическихъ, химическихъ и біологическихъ, подчиненный безусловному детерминизму, но еще въ тѣхъ его особенностяхъ, которыя воспринимались исключительно субъективно, точно также какъ научное мышленіе разрабатываетъ систему *видимаго* движенія свѣтилъ рядомъ съ понятіемъ о ихъ *дѣйствительныхъ* движеніяхъ, эстетическіе вопросы о гармоніи красокъ и звуковъ рядомъ съ теоріей вибраціонныхъ движеній, составляющихъ, для научнаго пониманія, сущность оптическихъ и акустическихъ процессовъ. Каковъ ни былъ бы настоящій источникъ нашихъ представленій о *цѣляхъ,* которыя мы себѣ ставимъ, и о *средствахъ,* избираемыхъ нами для ихъ достиженія, мы не можемъ устранить признанія ихъ какъ *фактовъ* нашего субъективнаго міра; мы принуждены ихъ изучать въ ихъ іерархіи съ точекъ зрѣнія пользы, привлекательности, обязательности, хотя бы считали всѣ эти категоріи такими же субъективными иллюзіями какъ самостоятельное движеніе солнца по горизонту, впечатлѣніе гармоніи или диссонанса тамъ, гдѣ происходятъ лишь разнообразныя колебанія воздуха и т. под. Детерминизмъ астрономическихъ и акустическихъ явленій, въ одномъ случаѣ, и детерминизмъ нашихъ волевыхъ актовъ въ другомъ—не отрицается при этомъ ни на минуту, но мы констатируемъ, что мы находимся въ области гдѣ, *для научнаго* изученія явленій, мы не можемъ получить никакихъ полезныхъ результатовъ отъ приложенія этого общаго философскаго понятія. Орудіемъ детерминизма мы не въ состояніи изучить разницу, которую созна-

емъ между цѣлью полезною и вредною, высшею и низшею, между средствомъ цѣлесообразнымъ и нелѣпымъ. Если мы интересуемся этою разницею, хотимъ классифицировать факты, сюда относящіеся, установить ихъ іерархію, ихъ взаимную зависимость, то намъ приходится ихъ изучать, *какъ бы* ихъ детерминизмъ не существовалъ. Міръ цѣлей и средствъ, который для нашего философскаго его пониманія, есть въ своемъ цѣломъ и въ своихъ подробностяхъ не что иное какъ продуктъ безусловнаго детерминизма явленій механическихъ и біологическихъ (то, что называется *эпифеноменомъ*) можетъ быть научно изучаемъ лишь въ формахъ его субъективнаго воспріятія. Но не ставить себѣ цѣлей и не отыскивать средствъ для ихъ достиженія мы не можемъ; слѣдовательно намъ приходится искать научнаго пониманія міра цѣлей и средствъ въ особенностяхъ его субъективнаго воспріятія и развитія.

Въ изученіи историческаго процесса предъ нами реальныя личности, которыя побуждаются къ дѣятельности мотивами обычая, аффекта, интереса или убѣжденія, борятся за существованіе орудіями солидарности и развитія сознательныхъ процессовъ, создавая культурныя формы и направляя свою мысль на ихъ переработку. Все это относится къ *міру цѣлей и средствъ*, къ той *субъективной надстройкѣ* надъ міромъ механическихъ и біологическихъ явленій, которая нисколько не противурѣчитъ всеобщему детерминизму, но должна быть изучаема въ ея особенностяхъ иными пріемами мысли, точно также какъ эстетическое изученіе комбинаціи красокъ и звуковъ имѣетъ мѣсто, не прибѣгая къ обсужденію теоріи волнообразнаго движенія. Мы имѣемъ предъ собою два различные слоя фактовъ, одинаково доступныхъ научному изученію.

Эти факты пришлось бы, по видимому, признать противурѣчивыми лишь въ томъ случаѣ, если бы мы захотѣли приложить къ одному изъ этихъ слоевъ пріемы мысли, годныя для другаго.

Напримѣръ, если бы мы захотѣли отрицать необходимую объективную связь причинъ и слѣдствій на томъ основаніи, что мы субъективно ставимъ себѣ цѣль *какъ-бы* совершенно произвольно: какъ будто этотъ *произволъ* не приходится понимать какъ неизбѣжное слѣдствіе ряда предшествовавшихъ несознанныхъ причинъ! Или если бы мы вздумали воздерживаться отъ постановки себѣ какой либо цѣли жизни на томъ основаніи, что детерминизмъ обусловливаетъ всѣ событія и наша воля тутъ не при чемъ: какъ будто это самое воздержаніе не есть особая *цѣль* жизни, нами себѣ поставленная; какъ будто самая ея постановка не составляетъ опредѣленнаго участія въ послѣдовательности причинъ и слѣдствій; и какъ будто мы, съ нашимъ актомъ воли, не составляемъ, какъ *волевой аппаратъ*, невыдѣлимаго звена въ сѣти міровыхъ процессовъ!

Между пониманіемъ исторіи какъ процесса. совершающагося въ коллективностяхъ личностей, которыя ставятъ себѣ цѣли и отыскиваютъ для нихъ средства, и философскимъ представленіемъ о детерминизмѣ всего совершающагося, не только нѣтъ противурѣчія, но не особенно трудно указать ступени идейнаго процесса, связывающаго эти два—на первый взглядъ противурѣчивые—момента пониманія всего сущаго.

Принимая за точку исхода необходимый объективный процессъ, мы имѣемъ ступени: механическій детерминизмъ міроваго процесса; выработка механическимъ процессомъ живыхъ и сознательныхъ организмовъ; эволюція ихъ сознанія, какъ необходимаго оружія въ борьбѣ за существованіе; выработка въ этомъ сознаніи потребности развитія, научной критики и нравственныхъ идеаловъ, какъ ряда необходимыхъ эпифеноменовъ міровыхъ механическихъ процессовъ на опредѣленномъ фазисѣ послѣднихъ; научная обработка этихъ эпифеноменовъ *въ ихъ особенностяхъ*; научное пониманіе исторіи въ ея субъективныхъ элементахъ.

Принимая за точку исхода постановку личностью себѣ цѣлей, какъ бы эта личность была автономною, мы имѣемъ подобный же рядъ ступеней: личность ставитъ себѣ цѣли эмпирически (какъ бы произвольно) по самымъ разнообразнымъ побужденіямъ; въ ней пробуждается наслажденіе развитіемъ и потребность развитія; однимъ изъ путей этого развитія является пониманіе міра на почвѣ научной критики; эта критика, какъ логически-обусловленное орудіе мысли, приводитъ къ пониманію міра въ его цѣломъ какъ подчиненнаго безусловному детерминизму.

Міръ цѣлей и средствъ, подлежащій нашему изученію для научнаго пониманія исторіи, вырабатывается въ сознаніи *личностей*, которыя группируются въ

общество, и, при этомъ, приходится установить отношеніе между этими двумя понятіями, принадлежащими опять таки къ двумъ различнымъ категоріямъ продуктовъ мысли, которые, на первый взглядъ, вызываютъ кажущееся противурѣчіе и, во всякомъ случаѣ, требуютъ отъ объединяющей мысли соглашенія.

Роль личности въ ходѣ исторіи составляетъ въ послѣдній періодъ одинъ изъ спорныхъ вопросовъ историческаго пониманія. Еще не особенно давно въ историческихъ трудахъ интересъ къ крупнымъ личностямъ и къ ихъ индивидуальнымъ побужденіямъ какъ бы заслонялъ собою коллективный характеръ историческихъ событій. По тому самому, въ ближайшее къ намъ время тѣмъ рѣшительнѣе выступилъ другой пріемъ историческаго пониманія, когда личности разсматриваются исключительно какъ продукты коллективныхъ задачъ эпохъ и какъ представители увлеченій коллективнаго аффекта, разсчетовъ коллективныхъ интересовъ, требованій коллективныхъ вѣрованій и убѣжденій. Едва ли не слѣдуетъ признать, что оба эти взгляда опираются на правильныя задачи мысли, но становятся ненаучными лишь въ своей исключительности, которая въ обоихъ случаяхъ заслоняетъ нѣкоторыя, очень важныя соображенія для надлежащаго пониманія исторіи.

Здѣсь, прежде всего, приходится противупоставить реальные элементы историческихъ событій дѣйствительнымъ источникамъ побужденій, которыя вызываютъ къ дѣятельности эти самые реальные элементы.

Въ функціонированіи общественнаго союза, въ историческомъ движеніи и въ жизни историческихъ эпохъ вообще реальны лишь *особи*. Лишь въ бòльшемъ или меньшемъ числѣ этихъ особей воплощаются коллективные обычаи, аффекты, интересы и убѣжденія. Съ этой точки зрѣнія можно сказать, что всѣ явленія въ соціологіи и въ исторіи совершаются исключительно *личностями*, которыя создаютъ общество съ его разнообразными пріемами солидарности, съ его пе-

стрыми формами культуры, съ его продуктами мысли, переработывающими эти формы культуры.

Но въ то же самое время, эти единственно-реальные агенты исторіи—сознательныя личности—суть ни что иное, какъ продукты общественныхъ процессовъ, обусловленные во всѣхъ своихъ актахъ интеллектуальной и аффективной жизни, во всѣхъ своихъ жизненныхъ цѣляхъ и практическихъ проявленіяхъ своей воли—строемъ и жизнью того коллективнаго организма, часть котораго составляютъ эти личности. Въ отдѣльныхъ личностяхъ въ дѣйствительности воплощается безъ остатка жизнь общества. Ни одна личность не можетъ черпать ни побужденій, ни пониманія, ни привычекъ мысли и жизни, ни цѣлей, ни средствъ—ниоткуда внѣ общества, среди котораго личиость выработалась и живетъ, продуктъ котораго она составляетъ.

Ни тотъ, ни другой изъ этихъ двухъ одинаково важныхъ фактовъ не могутъ быть оставлены въ сторонѣ при научномъ пониманіи исторіи. Ненаучно видѣть въ историческомъ процессѣ исключительно комбинацію личныхъ аффектовъ и интересовъ, личнаго пониманія событій и личнаго творчества соціологическихъ идей и общественныхъ формъ, комбинацію какъ бы вполнѣ зависящую отъ индивидуальныхъ особенностей историческихъ героевъ. Но столь же ненаучно разсматривать этотъ историческій процессъ какъ безличный, пренебрегая соображеніемъ, что его единственными реальными совершителями были, будутъ и могутъ быть лишь личности въ ихъ индивидуальномъ разнообразіи; въ ихъ конкретномъ общественномъ положеніи, въ узлѣ событій или въ одной изъ второстепенныхъ ихъ комбинацій; въ ихъ личныхъ побужденіяхъ. Ни исторія борьбы личностей за ихъ индивидуальныя привычки, интересы и убѣжденія, ни абстрактная исторія послѣдовательно-возникающихъ и ослабѣвающихъ общихъ теченій исторіи не есть, въ

ихъ отдѣльности, *научно-понятая* исторія. Послѣдняя требуетъ, чтобы обѣ эти стороны въ ходѣ событій были одинаково взяты въ соображеніе какъ въ ихъ особенности, такъ и въ ихъ взаимодѣйствіи.

И противорѣчіе, котораго можно было бы опасаться при этомъ, есть едва ли не исключительно призрачное. Да, реальны въ историческомъ процессѣ лишь отдѣльныя личности съ ихъ привычками и съ ихъ критикою, съ ихъ ролью *мыслящихъ аппаратовъ*, создающихъ науку, искусство, философію, съ ихъ ролью *волевыхъ аппаратовъ*, создающихъ исторію; но въ этихъ процессахъ творчества идейнаго и практическаго, совершающихся въ милліонахъ отдѣльныхъ мозговъ, для научной исторіи важно въ особенности то, что̀ сближало всѣ эти процессы въ немногія могучія историческія теченія желаній, убѣжденій и событій, стирая всякую индивидуальную обособленность реальныхъ агентовъ исторіи и обращая ихъ въ безличные органы жизни коллективной. Да, предъ продуктомъ коллективной жизни въ области творчества общественныхъ формъ, какъ и творчества идей въ исторіи, совершенно незначительна роль личной иниціативы каждаго отдѣльнаго мыслящаго и волеваго аппарата; тѣмъ не менѣе лишь эти индивидуальные аппараты общаго безличнаго процесса позволяютъ ему совершаться, составляютъ исключительные его органы и, въ этой своей роли, придаютъ проявленіемъ этого процесса во всемъ его протяженіи индивидуальное разнообразіе, которое историкъ *долженъ* взять въ соображеніе; иногда же обусловливаютъ какой либо личности, поставленной случайными обстоятельствами въ узлѣ событій, большее вліяніе на ходъ послѣднихъ, чѣмъ можно было бы ожидать, принимая исключительно въ соображеніе могущество общихъ историческихъ теченій и индивидуальныя качества и способности того мыслящаго и волеваго аппарата, который въ данномъ случаѣ имѣется въ виду. Никакого дѣйствительнаго

противорѣчія не можетъ существовать между инициативою отдѣльной личности, стремящейся своею волею влiять на ходъ историческихъ событій, и тѣмъ фактомъ, что это самое стремленіе особи есть цѣликомъ продуктъ эпохи и общественной среды, обусловливающихъ всѣ мысли и дѣйствія особей: личная иниціатива — въ дѣйствіи и въ воздержаніи отъ дѣйствій, въ критической борьбѣ съ существующимъ и въ подчиненіи рутинѣ—есть именно тотъ пріемъ, который исключительно доступенъ для историческаго теченія, самаго могущественнаго какъ и самаго слабаго, чтобы воплотиться въ событія и въ идейные продукты.

По этому едва ли можно отнести къ противорѣчіямъ или къ уступкамъ выраженія одного и того же автора, который въ одномъ мѣстѣ своихъ работъ говоритъ: „Личности создали исторію", а въ другомъ: „все въ личности есть неизбѣжное слѣдствіе предшествующихъ причинъ" и „наука исторіи начинается лишь съ усвоенія... подчиненія личности общимъ законамъ личной и общественной жизни". Это лишь отдѣльное констатированіе двухъ сторонъ, фактически-сосуществующихъ въ историческомъ процессѣ: въ одномъ случаѣ—роли иниціативы личности, какъ необходимаго способа осуществленія всякихъ безличныхъ историческихъ теченій; въ другомъ—роли среды и эпохи въ выработкѣ этой самой иниціативы. Желающіе могутъ назвать, если это имъ угодно, первое изъ этихъ констатированій „субъективно-идеалистической точкою зрѣнія", второе—какъ нибудь иначе; но какъ-то странно представить себѣ, чтобы эти объективисты рѣшились утверждать, что ходъ историческаго процесса можетъ совершаться безъ всякаго посредства и внѣ всякой иниціативы индивидуальныхъ мыслящихъ и волевыхъ аппаратовъ.

Разъ мы допустили, что для пониманія исторіи необходимо взять въ соображеніе роль личностей, *какъ таковыхъ*, въ теченіи событій, въ измѣненіи культурныхъ формъ и въ работѣ мысли въ разныхъ областяхъ ея,—приходится обратить вниманіе на нѣкоторыя особенности процесса исторіи, обусловленныя этимъ обстоятельствомъ.

Во первыхъ, слѣдствіемъ его оказывается разнообразіе проявленій всякаго историческаго теченія въ

личностяхъ разнаго общественнаго положенія, разнаго развитія и разной подготовки; а у личностей, поставленныхъ случайностями жизни въ узелъ событій, иногда обнаруживается особенное вліяніе на ходъ событій. Необходимость воплощаться въ личную мысль и въ индивидуальныя дѣйствія сообщаетъ коллективнымъ процессамъ неизбѣжный элементъ разнообразія; на сцену выступаютъ индивидуальныя особенности, индивидуальное общественное положеніе личностей, дѣлающихся орудіями того историческаго дѣла, которое становится на очередь въ данную историческую минуту. Личность не можетъ не черпать причинъ своей дѣятельности и своихъ побужденій изъ общества, въ которомъ она живетъ, но эти соціальныя причины и побужденія, дѣйствуя одинаково на всѣ особи общества, не могутъ также не дифференцироваться въ своихъ проявленіяхъ и результатахъ соотвѣтственно разнообразію этихъ особей по ихъ индивидуальнымъ особенностямъ, привычкамъ и положенію. Поэтому для научнаго пониманія исторіи приходится одинаково брать въ соображеніе не только общій характеръ коллективныхъ общественныхъ теченій, дѣйствующихъ на всѣ особи и разнообразящихся по групповой и классовой разницѣ ихъ общихъ привычекъ, общихъ интересовъ и общихъ убѣжденій—теченій, составляющихъ сущность хода исторіи — но также индивидуальную разницу тѣхъ личностей, которыхъ въ разные историческіе моменты обстоятельства помѣстили въ узелъ переплетающихся нитей конкретной комбинаціи событій, неизбѣжно окрашивая при этомъ, въ большей или въ меньшей мѣрѣ, ходъ событій личными особенностями того или другаго дѣятеля.

Примѣры вліянія особенностей той или другой личности на ходъ исторіи многочисленны. Общій характеръ политической и экономической исторіи Европы во второй половинѣ XVIII-го вѣка обусловленъ историческими теченіями, независѣвшими отъ личностей, участвовавшихъ въ этой исторіи; однако роль Пруссіи

въ эту эпоху,—а, съ тѣмъ вмѣстѣ, и много отдѣльныхъ событій этого и послѣдующаго времени—была бы совершенно иною, если бы Елисавета Петровна, умерла годомъ позже, и еслибы наслѣдникъ ея имѣлъ другія личныя особенности.—Точно также судьбы Польши въ ту же эпоху, въ *общемъ* неизбѣжныя, могли бы быть иными, вѣроятно, въ частности, если бы Екатерина и Фиридрихъ II были иныя личности.—Относительно другой эпохи можно сказать, что личности Лютера и Кальвина, съ ихъ особенностями придали первому періоду реформаціи окраску, которая могла бы быть совсѣмъ иная, если бы въ „узлѣ комбинаціи событій" стояли другіе люди. —Даже въ области науки личный характеръ Кювье, а въ философіи личный характеръ Кузена, можетъ быть, не остались безъ вліянія на задержку одной отрасли ученыхъ работъ и философской мысли и на расширеніе другихъ направленій въ тѣхъ же областяхъ.

Во вторыхъ, признавъ роль мысли и воли личностей, какъ неизбѣжныхъ органовъ въ коллективныхъ процессахъ, мы почти неизбѣжно приведены къ вопросу: во всѣ ли эпохи одинаково историку приходится, для научнаго пониманія хода событія, брать въ соображеніе эту роль, какъ значительный мотивъ, и, въ особенности, не вытекаетъ ли изъ этихъ соображеній болѣе или менѣе важное различіе въ роли этой интеллигенціи, которую мы выше признали единственнымъ агентомъ пробужденія, продолженія и развитія исторической жизни въ обществахъ?

Дѣйствительно, мы можемъ здѣсь подмѣтить два весьма различные случая.

Въ одномъ изъ нихъ экономическія и политическія условія общественной жизни проявляются съ полною опредѣленностью; задачи мысли и жизни, столкновенія интересовъ, группировка убѣжденій и вліяніе установленныхъ обычаевъ комбинируются съ такимъ явнымъ детерминизмомъ, послѣдующія событія такъ неизбѣжно вытекаютъ изъ предыдущихъ, что весь ходъ исторіи получаетъ какъ бы автоматическій характеръ. Тогда роль интеллигенціи заключается лишь въ томъ, что этотъ общественный элементъ, съ бо̀льшею ясностью и съ бо̀льшей сознательностью идетъ тѣмъ путемъ, которымъ по необходимости идетъ все общество.

Интеллигенціи приходится лишь приспособляться къ ходу событій, облегчать ихъ неизбѣжное теченіе и историкъ-мыслитель съ нѣкоторымъ правомъ говоритъ, что ходъ событій остался бы, вообще говоря, почти тѣмъ же самымъ, если бы вмѣсто личностей, имена которыхъ теперь характеризуютъ подобную эпоху, болѣе крупными дѣятелями были бы совсѣмъ иныя личности, или если бы даже ни одной особенно-крупной особи, типической для данной эпохи и для даннаго общества, не было бы на лицо.

Но представляются и случаи иного рода. Тогда экономическія и политическія условія имѣютъ гораздо менѣе опредѣленный характеръ и *сами собою* не указываютъ на возможные пути выхода изъ общественныхъ затрудненій. Подготовленность общества въ его цѣломъ недостаточна. Задачи жизни, прежде чѣмъ онѣ становятся опредѣленно предъ обществомъ, принуждены воплотиться въ идею, требующую себѣ осуществленія въ индивидуальномъ дѣлѣ. Представители этой идеи становятся необходимымъ органомъ историческаго движенія. Лишь при ихъ неизбѣжномъ посредствѣ можетъ дѣйствовать детерминизмъ исторіи. Прежде чѣмъ задача времени можетъ выработаться въ формѣ реальнаго историческаго теченія, стремленіе къ прогрессу принимаетъ форму идейнаго движенія, которое получаетъ начало сперва въ меньшинствѣ интеллигенціи, чтобы уже впослѣдствіи обратиться въ общественную силу. Въ подобныхъ случаяхъ особенности личностей, которыя составляютъ какъ бы узлы въ исторической сѣти событій данной эпохи, получаютъ болѣе или менѣе важное значеніе для историка, стремящагося понять эту эпоху. Нельзя уже тогда раціонально исключить этотъ элементъ изъ исторической комбинаціи. Могущество убѣжденія и энергія воли личностей становятся историческими силами. Во имя этого могущества и этой энергіи судитъ ихъ исторія, преклоняются передъ ними или

предаютъ ихъ проклятію ихъ современники, и предъ ними самими встаютъ требованія ихъ общественной обязанности и общей цѣли ихъ жизни. Въ этомъ случаѣ, конечно, не устраняется ни неумолимый законъ историческаго детерминизма, ни вліяніе экономическихъ и политическихъ условій на ходъ событій, однако эти основные двигатели исторіи принимаютъ лишь особенную форму.

Но весьма существенная роль, принадлежащая въ разсматриваемыхъ случаяхъ субъективному элементу жизни личностей, входящихъ реальнымъ органомъ въ исторію, вызываетъ еще дальнѣйшее соображеніе, тѣмъ болѣе важное, что оно является, для *прошлаго* исторіи, однимъ изъ пособій для установленія раціональной іерархіи жизненныхъ цѣлей, служившихъ мотивами дѣятельности личностей разныхъ эпохъ, и средствъ, употребленныхъ ими для достиженія этихъ цѣлей; а, въ то-же время, для *настоящаго,* здѣсь дѣло касается опредѣляющихъ началъ созданія будущаго фазиса исторіи.

Какъ приходится личности, добровольно или невольно участвующей въ исторической жизни, смотрѣть на это свое участіе?

Она есть единственный реальный дѣятель общественной и исторической жизни, а потому не имѣетъ ли она права думать о себѣ, что она, эта личность, можетъ придать исторіи актомъ своей воли то или другое теченіе, и что на ней самолично лежитъ въ той или другой степени отвѣтственность за все возмутительное, какъ и за все великое въ современныхъ ей событіяхъ?

Но она есть въ то же время продуктъ общества во всемъ, что она думаетъ, испытываетъ, ставитъ себѣ задачею и совершаетъ: не имѣетъ ли личность поэтому, съ другой стороны, такого же основанія смотрѣть на себя, какъ на игрушку историческаго детерминизма, подчиненную общему ходу событій на столько

же, на сколько снѣжинка падаетъ, принимаетъ ту или другую форму и окончательно таетъ по общимъ законамъ механики и физики?

Усвоивъ представленіе о мірѣ, какъ подчиненномъ, въ его цѣльности, безусловному господству детерминизма, критически-мыслящая личность не можетъ не понимать, что ея побужденія и рѣшенія, постановка ею цѣлей и выборъ средствъ—суть явленія, неизбѣжно имѣющія мѣсто въ опредѣленной послѣдовательности, помимо всякой произвольной инициативы ея будто бы независимаго *я*. Но, рядомъ съ этимъ, подобная личность сознаетъ и то, что въ неразрывную сѣть причинъ и слѣдствій входятъ неустранимымъ элементомъ представленія различныхъ психическихъ *я;* что эти *я* преслѣдуютъ *свои* цѣли, осуществляютъ *свои* идеалы и, слѣдовательно, играютъ въ сознаваемомъ ими историческомъ движеніи своего времени роль не какъ автоматическія орудія, а какъ орудія, проникнутыя сознаніемъ своей роли и дѣйствующія во имя процесса *собственной воли,* представленіе которой для нихъ практически неустранимо. Метафизическая подкладка детерминизма не имѣетъ никакого значенія для ихъ *дѣятельности,* въ той ея формѣ, въ какой *они сами* сознаютъ ее. Они для *себя,* какъ дѣйствующаго *я,* суть аппараты *волевые.* Помимо этихъ волевыхъ аппаратовъ ничто въ исторіи совершаться не можетъ, такъ какъ именно въ *этой* формѣ самоотверженія и преданности идеалу, или индифферентизма и низменнаго разсчета, эти волевые аппараты входятъ въ *сознанную* сѣть причинъ и слѣдствій. Отсюда любопытное и въ то же время неустранимое явленіе, что личность признаетъ себя *нравственно-отвѣтственною* за свои поступки, наслаждаясь въ той или другой аффективной формѣ тѣми изъ нихъ, въ которыхъ она видитъ свою *заслугу;* осуждая такъ или иначе себя за другіе, которые, по ея убѣжденію, принижаютъ ея достоинство. Въ сознаніи личностей возникаетъ нравственный міръ *обязан-*

ностей передъ собою. Здѣсь, для разсматриваемаго вопроса, на первомъ мѣстѣ становятся двѣ различныхъ обязанности. Это, во первыхъ, обязанность *предъ своею волею* осуществлять практически то, на что личность рѣшилась, какъ будто бы это рѣшеніе было вполнѣ автономно и произвольно. Это, во вторыхъ, обязанность *передъ своимъ пониманіемъ,* признавать истиннымъ лишь то, что выдерживаетъ критику этого пониманія, т. е. въ разсматриваемомъ случаѣ, обязанность признавать всѣ свои *совершившіеся* психическіе процессы неизбѣжными. Уже на почвѣ этихъ двухъ основныхъ психическихъ обязанностей, при выработкѣ убѣжденій, устанавливающихъ классификацію и іерархію цѣлей и средствъ, возникаетъ для личности дальнѣйшая *теоретическая* обязанность вырабатывать и формулировать идеалы, сознавать факты и поступки какъ согласимые или несогласимые со своими идеалами, и *практическая* обязанность бороться за эти идеалы противъ застоя и реакціи, за здоровыя историческія побужденія противъ патологическихъ.

Съ вопросомъ о взаимодѣйствіи личности, какъ ставящей себѣ автономно цѣли жизни,—и общества, какъ среды, обусловливающей всю дѣятельность личности, тѣсно связанъ и вопросъ о преднамѣренномъ и о непреднамѣренномъ вліяніи взрослаго поколѣнія на растущее, отцовъ на дѣтей. „Отцы" сознательно стремятся воспитывать „дѣтей" въ опредѣленномъ направленіи, преимущественно въ томъ, которое поддерживаетъ культурный обычай и сходство между послѣдовательными поколѣніями. Но среда безсознательно дѣйствуетъ на ростущее поколѣніе отчасти въ томъ-же консервативномъ направленіи, отчасти же воспитывая въ немъ стремленіе къ постановкѣ новыхъ задачъ мысли и жизни. Отсюда, для пониманія каждой эпохи, возникаетъ важный вопросъ о томъ, съ одной стороны, въ какой мѣрѣ сознательное и въ какой безсознательное воспитаніе новыхъ поколѣній обусловило

ихъ отличія отъ предшествовавшихъ; съ другой, въ какой мѣрѣ это сознательное и безсознательное дѣйствіе было направлено на сохраненіе традицій въ области мысли и жизни—особенно въ эпохи, характеризованныя попытками создать новую культуру или поддержать старую;—и въ какой оно дѣйствовало въ смыслѣ какъ бы естественнаго противуположенія „отцовъ“ и „дѣтей“, особенно въ переходныя эпохи.

Для научнаго пониманія исторіи и даже для надлежащаго изученія ея фактическаго содержанія въ его существенныхъ элементахъ, важенъ, помимо субъективнаго элемента, вносимаго въ исторію соображеніемъ о роли всякой личности, еще другой—уже объективный — элементъ историческихъ понятій, относящійся къ представленію о личностяхъ, какъ реальныхъ воплотительницахъ общаго теченія событій и характеристическихъ особенностей эпохъ.

Эволюція человѣчества создаетъ не только новыя формы культуры и новыя продукты работы мысли. Она въ каждую эпоху воплощается еще въ конкретныя типическія или исключительныя *личности.* Однѣ изъ этихъ личностей суть реальные органы совершающейся общественной эволюціи. Но, рядомъ съ ними, въ миѳѣ, въ произведеніяхъ искусства и болѣе или менѣе сознательной литературы возникаютъ еще другія личности, цѣликомъ созданныя фантазіей общества или индивидуальнаго художника. Личности второго рода суть иногда даже болѣе вѣрные и цѣльные документы для пониманія эпохъ, чѣмъ ихъ реальные современники, почти неизбѣжно примѣшивающіе къ своимъ типическимъ или исключительнымъ особенностямъ ту кору случайнаго, незначительнаго или пошлаго, которую искусство устраняетъ изъ своихъ наиболѣе совершенныхъ произведеній. Пониманіе исторіи требовало бы столь же внимательнаго изученія въ отдѣльныхъ личностяхъ, реальныхъ или художественно созданныхъ, тѣхъ переживаній, тѣхъ за-

родышей будущаго или тѣхъ характеристическихъ особенностей данной эпохи, которыя мы ищемъ, имѣя въ виду то же самое пониманіе, въ формахъ культуры и въ продуктахъ разныхъ областей мысли вообще. Для историка имѣютъ существенную важность реальныя личности, какъ конкретныя иллюстраціи мысли и жизни данной эпохи съ ея характеристическими чертами, переживаніями прошедшаго и зародышами будущаго. Въ этомъ отношеніи интересна и та доля особенностей личности, которая есть не иное что, какъ проявленіе культурныхъ привычекъ мысли и жизни, общихъ цѣлымъ группамъ и классамъ, независимо отъ индивидуальныхъ особенностей; и тѣ оригинальныя, исключительныя — иногда патологическія — проявленія личнаго характера, которыя свидѣтельствуютъ о томъ, какія отступленія отъ обычнаго средняго хода мышленія могли имѣть мѣсто въ данную эпоху, или какъ странныя переживанія или какъ неопредѣленныя предугадыванія еще не организовавшихся историческихъ теченій. Біографическій элементъ исторіи, разрабатываемый въ этомъ направленіи, не уступаетъ, по важности его для пониманія эпохи, никакимъ другимъ работамъ съ тою же цѣлью.

Къ сожалѣнію, для огромной доли прежнихъ эпохъ матеріалъ для подобной обработки біографическаго элемента исторіи или крайне-недостаточенъ или даже прямо недостовѣренъ, такъ что для древней и средневѣковой исторіи возможны въ этомъ направленіи бо́льшею частью лишь вполнѣ-гипотетическія возстановленія личностей. Но и для болѣе новаго времени отрывочность матеріала въ перепискахъ и документахъ и сомнительность окраски личностей, доставляемой мемуарами, дѣлаютъ эту задачу очень затруднительной.

Дальнѣйшимъ философскимъ вопросомъ исторіи можно признать задачу найти обобщающую формулу, которая охватила бы всѣ только что указанныя антиноміи, возникающія при стремленіи научно и философски

понять исторію: какъ процессъ, объективно обусловленный міровымъ детерминизмомъ и въ то же самое время осуществляющійся лишь при помощи субъективно-автономной дѣятельности ряда волевыхъ аппаратовъ; какъ процессъ соціологической борьбы обществъ за существованіе, для которой личности служатъ лишь необходимыми орудіями. вырабатываемыми во всѣхъ подробностяхъ ихъ теоретической и практической дѣятельности коллективными организмами; и, въ то же самое время, какъ процессъ борьбы, единственные реальные элементы которой суть эти самыя личности, создающія обычаи, волнуемыя аффектами, стремящіяся понять и осуществить свои личные и коллективные интересы, ставящія жизненною цѣлью воплощеніе въ жизнь своихъ убѣжденій. Задачею подобной обобщающей формулы было бы дать возможность историку отличить въ объективномъ процессѣ событій то, что совершается какъ бы автоматически, при наименьшей доли иллюзіонной автономіи мыслящихъ и волевыхъ индивидуальныхъ аппаратовъ, отъ явленій, въ которыхъ, для научнаго пониманія эпохи, необходимо принять въ соображеніе именно формы упомянутой иллюзіонной автономіи и ихъ связь съ теченіемъ событій. Ея задачею было бы установить, какія явленія при этомъ приходится признать здоровыми и какія патологическими, во-первыхъ, съ точки зрѣнія объективнаго существованія, усиленія, ослабленія и разрушенія коллективныхъ организмовъ; во-вторыхъ—съ точки зрѣнія воплощенія въ жизнь данной эпохи привычекъ, аффектовъ, интересовъ и убѣжденій реальныхъ личностей, составляющихъ эти общества; въ третьихъ,— съ точки зрѣнія развитой личности *нашего* времени, которая прилагаетъ по необходимости къ прошлому свое объективное знаніе или угадываніе возможнаго и невозможнаго въ данную эпоху, свое субъективное пониманіе исторіи въ ея частностяхъ и въ ея цѣломъ. Задачею этой формулы было бы, наконецъ, не только

позволить субъективную оцѣнку историческихъ личностей и событій на почвѣ объективнаго знанія и съ точки зрѣнія развитія историка, но и указать личностямъ нашего времени и возможное и желательное для ихъ дѣятельности, какъ развитыхъ и единственно-реальныхъ двигателей исторіи.

Эта обобщающая формула *смысла исторіи* есть, съ точки зрѣнія детерминизма, одинъ изъ частныхъ случаевъ міровой эволюціи, случай обособленный тѣмъ обстоятельствомъ, что эта эволюція совершается при помощи индивидуальныхъ мыслящихъ и волевыхъ аппаратовъ, живущихъ обществами. Съ точки зрѣнія пониманія дѣятельности этихъ сознательныхъ аппаратовъ, это есть стремленіе все лучше и полнѣе осуществить всю совокупность своихъ потребностей въ ихъ сознанной іерархіи. Пониманіе историческаго процесса при нераздѣльномъ взятіи въ соображеніе обѣихъ этихъ точекъ зрѣнія дозволительно можетъ быть обозначить терминомъ пониманія *историческаго прогресса*. Въ этомъ понятіи одинаково существенъ и элементъ *необходимаго*, являющійся для акта воли ничѣмъ инымъ, какъ ограниченіемъ ея произвола, и элементъ *лучшаго и высшаго*, не имѣющій никакого смысла съ точки зрѣнія детерминизма.

Смыслъ исторіи, какъ одного изъ проявленій міроваго детерминизма, обязываетъ историка прежде всего констатировать явленія, которыя мы будемъ называть прогрессивными, въ ихъ отличіи отъ явленій, для насъ регрессивныхъ, и тѣмъ самымъ признать возможность первыхъ, обращающуюся фактически въ необходимость въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однако далеко не во всѣхъ. Для установленія этого отличія теорія всеобщаго детерминизма намъ орудій не даетъ. Эти орудія мы можемъ черпать лишь изъ міра цѣлей и средствъ, вырабатываемаго отдѣльными мыслящими и волевыми аппаратами, какъ таковыми. Понятіе о прогрессѣ и регрессѣ, заключая въ себѣ представленіе о лучшемъ и высшемъ, на почвѣ исключительнаго детерминизма не

мыслимо, а потому самый вопросъ о фатальности прогресса *вообще* есть вопросъ, заключающій въ себѣ логическое противорѣчіе и чисто-метафизическое перенесеніе пріемовъ мысли, раціонально приложимыхъ въ одной области, къ другой, гдѣ они теряютъ смыслъ. Это неизбѣжное обращеніе къ міру цѣлей и средствъ приходится допустить при всякомъ пріемѣ внесенія въ общій процессъ исторіи опредѣленнаго смысла. Одинъ историкъ (провиденціалистъ) находитъ этотъ смыслъ въ осуществленіи таинственнаго плана, установленнаго волею и разумомъ высшаго существа; при чемъ внѣ этой воли и этого разума, провиденціальный планъ не могъ бы быть осуществленъ самъ собою. Другой видитъ этотъ смыслъ въ самомъ широкомъ удовлетвореніи основныхъ потребностей все растущаго большинства отдѣльныхъ личностей, сознавая, что, фактически, это удовлетвореніе не только не всегда расширяется, но большею частью и съуживается для большинства, такъ что неизбѣжнымъ его признать нельзя. Точно также, третій, принимающій за критерій прогресса ростъ солидарности и процессовъ сознанія въ личностяхъ, очень хорошо знаетъ, что эти процессы роста лишь *возможны* отдѣльно и въ совокупности, но далеко не совершаются сами собою. Вообще, автоматическій прогрессъ, предполагающій, по самому смыслу этихъ словъ, опредѣленную и желательную цѣль (что́ прямо противорѣчиво автоматизму) есть представленіе ненаучное. Единственный вопросъ, который дозволительно поставить съ точки зрѣнія науки, это: насколько реальное теченіе фактовъ въ его строгомъ детерминизмѣ совпадаетъ или не совпадаетъ съ тѣмъ *желательнымъ* прогрессомъ, представленіе о которомъ создавала мысль развитой личности подъ названіемъ прогресса, считала ли личность этотъ желательный процессъ осуществляемымъ волею Провидѣнія или осуществимымъ усиліями автономныхъ личностей, совершенно оставляя въ сторонѣ въ послѣднемъ случаѣ вопросъ

о томъ, дѣйствительна ли или призрачна эта автономія мыслящихъ или волевыхъ аппаратовъ, дѣйствующихъ въ исторіи?

Какія же явленія въ мірѣ цѣлей и средствъ мы можемъ отличить какъ *прогрессивныя* отъ другихъ, которыя для насъ *регрессивны* или остаются безразличными съ этой точки зрѣнія?

Цѣли и средства въ области исторіи констатируются исключительно какъ явленія жизни организмовъ коллективныхъ и индивидуальныхъ. Исторія имѣетъ дѣло съ обществомъ, вырабатывающимъ личности, и съ личностями, своею теоретическою и практическою дѣятельностью создающими жизнь общества. Какъ организмы, и тѣ и другіе допускаютъ приложеніе къ нимъ категорій *здоровыхъ* и *болѣзненныхъ*. Попробуемъ формулировать для исторіи эти категоріи какъ явленія *прогрессивныя* и *регрессивныя*.

Что можно считать здоровыми явленіями для общества и что—явленіями патологическими?

Сущность понятія объ обществѣ, какъ о формулѣ, обобщающей процессы, которые совершаются одновременно въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ личностей, есть его *солидарность*. Соціологію дозволительно понимать исключительно какъ науку *солидарности* сознательныхъ особей, въ установленіи, усиленіи, ослабленіи и разрушеніи этой солидарности. Пріемы изученія общества, какъ обобщающей формулы, прилагаются совершенно научно и къ обществу какъ конкретному наблюдаемому и изучаемому коллективному организму, по необходимости вырабатывающему для своего существованія сознательныя личности. По этому является вполнѣ дозволительнымъ для общества—и какъ понятія и какъ конкретнаго организма,—признать здоровымъ все то, что способствуетъ установленію и укрѣпленію солидарности въ обществѣ, патологическимъ—то, что ее подрываетъ. Это самое позволяетъ поставить научно гипотезу о *прогрессивности*

всякаго явленія, указывающаго на ростъ солидарности, причемъ оправданіе или отрицаніе гипотезы обусловливается уже значеніемъ разсматриваемаго явленія для *другихъ* здоровыхъ процессовъ въ личныхъ и въ коллективныхъ организмахъ, помимо солидарности послѣднихъ.

Эти послѣдніе процессы приходится искать въ организмахъ индивидуальныхъ, входящихъ въ процессъ исторіи. А потому едва ли можно здѣсь устранить вопросъ: чтò можно считать здоровымъ явленіемъ и чтò—патологическимъ для личности, въ ея качествѣ необходимаго органа всѣхъ соціологическихъ и историческихъ процессовъ?

Выше было указано, что, для точки зрѣнія, здѣсь принятой, исторія начинается для всякаго общества лишь тогда, когда въ этомъ обществѣ не только образовалась, но получила вліяніе на него группа личностей, усвоившихъ потребность *развитія*. Существованіе, усиленіе въ числѣ и въ энергической дѣятельности этой *исторической интеллигенціи* обусловливаетъ и степень дальнѣйшаго участія общества въ исторической жизни. Это предполагаетъ *ростъ сознательныхъ процессовъ* въ личностяхъ, какъ *нормальное* явленіе исторической жизни, застой и атрофію ихъ, какъ отклоненіе отъ нормы. Слѣдовательно, приходится признать здоровымъ процессомъ для интеллигенціи всякаго историческаго народа все то, чтò способствуетъ указанному росту, и патологическимъ—все то, чтò замедляетъ или вовсе останавливаетъ его. Отсюда научность гипотезы о *прогрессивности* всего, что дѣйствуетъ на интеллигенцію въ первомъ направленіи, причемъ—подобно тому, что было сказано сейчасъ—оправданіе или отрицаніе гипотезы слѣдуетъ искать въ значеніи изучаемаго явленія для *другихъ* здоровыхъ общественныхъ явленій: въ данномъ случаѣ само собою разумѣется, что дѣло можетъ идти въ особенности объ общественной солидарности.

Такимъ образомъ обобщающая формула смысла ис-

торіи, какъ понятія, охватывающаго и согласующаго точку зрѣнія детерминизма и личной автономіи, представленіе объ обществѣ, вырабатывающемъ личности, и о личностяхъ, перерабатывающихъ общество подъ вліяніемъ индивидуальныхъ потребностей,—сводится на понятіе о двухъ прогрессивныхъ процессахъ, имѣющихъ мѣсто въ двухъ нераздѣльныхъ элементахъ исторической жизни: о фазисахъ эволюціи *солидарности* въ организмахъ коллективныхъ и о фазисахъ эволюціи *процессовъ сознательныхъ* въ организмахъ индивидуальныхъ. Оба эти элемента одинаково необходимы для прогресса, какъ объективно-возможнаго и субъективно-желательнаго теченія событій, при помощи которыхъ совершается переходъ не только отъ неизбѣжно-предшествующаго фазиса исторіи къ неизбѣжно послѣдующему, отъ возможнаго вчера къ возможному сегодня, но и отъ лучшаго и желательнаго, какъ оно сознавалось менѣе развитымъ поколѣніемъ интеллигенціи, къ лучшему и желательному для поколѣнія болѣе развитого. Но эта *одинаковая* необходимость двухъ элементовъ, существенно различныхъ, приводитъ къ возможности еще новаго рода патологическихъ явленій въ исторіи, именно такихъ формъ солидарности, которыя мѣшаютъ росту сознательныхъ процессовъ въ интеллигенціи, и такихъ условій роста послѣднихъ, которыя подрываютъ общественную солидарность. Подобный патологическій конфликтъ двухъ здоровыхъ историческихъ процессовъ констатируется фактически во многихъ случаяхъ; слѣдовательно можетъ быть признанъ возможнымъ еще въ большемъ числѣ ихъ. Отсюда, формула прогресса должна принять ограничительную форму: *прогрессъ,* какъ смыслъ исторіи, осуществляется *въ ростѣ и въ скрѣпленіи солидарности, насколько она не мѣшаетъ развитію сознательныхъ процессовъ и мотивовъ дѣйствія въ личностяхъ; точно также какъ въ расширеніи и въ уясненіи сознательныхъ процессовъ и мотивовъ дѣйствія въ личностяхъ, насколько*

это не препятствуетъ росту и скрѣпленію солидарности между возможно бо́льшимъ числомъ личности.

Отсюда, опредѣляя точнѣе приложеніе термина прогресса къ отдѣльнымъ событіямъ и личностямъ, приходится признавать прогрессивною роль тѣхъ изъ нихъ, которыя полнѣе другихъ воплощали въ себѣ хотя бы одинъ изъ двухъ указанныхъ элементовъ прогресса, наименѣе поддаваясь наклонности подавить другой; въ особенности же тѣхъ, въ которыхъ проявлялись оба эти элемента. Противуположное направленіе характеризуетъ регрессивныя событія и личности. Для историка нашей эпохи этотъ критерій можно считать безусловнымъ съ точки зрѣнія философскаго пониманія исторіи. Для практическаго дѣятеля, раціональный субъективный идеалъ формулируется въ стремленіи содѣйствовать росту солидарности и сознательныхъ процессовъ въ обществѣ, которому личность принадлежитъ, настолько, насколько это возможно.

Вопросъ о томъ, *насколько* именно это было *возможно* для развитой личности въ разныя эпохи и насколько теперь возможно ставить себѣ эту задачу и стремиться къ ея благопріятному рѣшенію, есть уже вопросъ, который здѣсь ставить едва ли правильно, такъ какъ на него можно отвѣтить не на основаніи общихъ соображеній, а лишь на основаніи тщательнаго объективнаго изученія и широкаго субъективнаго пониманія самаго процесса исторіи въ его фактическомъ содержаніи.

Тѣмъ не менѣе не лишнее будетъ указать, что ни логическій анализъ понятій, имѣющихся въ виду, когда дѣло идетъ о солидарности и о ростѣ сознательныхъ процессовъ, ни фактическое содержаніе исторіи въ ея главныхъ чертахъ — не только не побуждаютъ изслѣдователя считать непримиримыми эти два требованія отъ историческаго прогресса, но скорѣе поддерживаютъ гипотезу о возможности и даже вѣроятности

наступленія эпохи, когда эти требованія окажутся согласимыми и будутъ соглашены.

Представленіе о солидарномъ общежитіи, способствующемъ развитію сознательныхъ процессовъ въ особяхъ, точно также какъ и представленіе о развитыхъ личностяхъ, ставящихъ себѣ сознательною цѣлью жизни, вслѣдствіе самого своего развитія, усиленіе и расширеніе общественной солидарности, едва ли можно считать противурѣчивыми или даже несогласимыми. Скорѣе можно склоняться къ предположенію, что прочная солидарность общества, формы жизни котораго подавляютъ всякое стремленіе личности къ развитію своихъ сознательныхъ процессовъ, рискуетъ создать значительныя опасности для существованія этого общества, въ случаѣ, если его сосѣди пользуются въ борьбѣ съ нимъ болѣе совершенными процессами сознанія; и что другое общество, въ которомъ интеллектуальное развитіе меньшинства происходитъ на счетъ подрыва солидарности этого меньшинства съ остальнымъ населеніемъ, чуждымъ задачъ интеллигенціи, подвергается риску, что, въ процессѣ борьбы за существованіе между группами людей, именно интеллигентное меньшинство будетъ унесено историческою катастрофою и уровень развитія опустится до полнаго интеллектуальнаго преобладанія въ обществѣ пасынковъ цивилизаціи и дикарей высшей культуры. Иначе выражаясь, исключительное или даже слишкомъ значительное преобладаніе одного изъ двухъ упомянутыхъ элементовъ прогресса логически какъ будто ведетъ къ возможному или даже вѣроятному подрыву не только другого изъ нихъ, но и того самаго элемента, который, повидимому, господствовалъ въ соціальномъ строѣ.

Фактически во всемъ процессѣ прошлой исторіи можно прослѣдить болѣе или менѣе сознательное стремленіе къ поддержкѣ обоихъ элементовъ прогресса и даже къ ихъ соглашенію, причемъ, можетъ быть до-

зволительно констатировать, что это послѣднее стремленіе становилось все болѣе сознательнымъ и раціональнымъ. Забота о солидарности общества, хотя бы механической (при помощи коэрситивныхъ мѣръ, употребляемыхъ государственною властью), была заботою человѣческихъ (и даже зоологическихъ) обществъ во всѣ эпохи исторіи, и, при этомъ, въ эту заботу входило самымъ обыкновеннымъ элементомъ стремленіе улучшить работу технической мысли, въ особенности въ сферѣ обороны и нападенія. Господствующіе классы и обладатели власти весьма часто приходили къ стремленію, въ виду своихъ классовыхъ интересовъ, монополизировать интеллектуальное и эстетическое развитіе, выработать высшій идеалъ личнаго достоинства, т. е. къ заботѣ о развитіи сознательныхъ процессовъ хотя бы въ привиллегированномъ меньшинствѣ. Универсалистическія религіи поставили себѣ уже задачею не только сплотить вѣрующихъ въ солидарный организмъ, но и развить этихъ вѣрующихъ въ личности, индивидуально-убѣжденныя и все полнѣе воплощающія въ свою жизнь эти убѣжденія; причемъ препятствіемъ какъ этому сплоченію такъ и этимъ жизненнымъ цѣлямъ было лишь обстоятельство, что именно на почвѣ догматическаго вѣрованія было и оказалось невозможнымъ и рѣшеніе этихъ задачъ и сама правильная ихъ постановка. Въ новый періодъ свѣтской цивилизаціи всего опредѣленнѣе, повидимому, не только отдѣлились одна отъ другой, но какъ бы прямо противуположились одна другой задача индивидуалистическаго развитія (преимущественно научнаго и индустріальнаго) и задача солидарности (преимущественно механической, государственной). Тѣмъ не менѣе именно въ нашу эпоху не только выработались новые соціальные идеалы, но они создали себѣ и опору въ новыхъ общественныхъ организмахъ, ставящихъ себѣ одновременно задачею солидарность всего человѣчества, живущаго своимъ трудомъ, и ин-

тегральное развитіе всѣхъ личностей способныхъ къ этому развитію, какъ существенный элементъ этой самой солидарности.

Такимъ образомъ, во взаимодѣйствіи культуры и мысли, въ смѣнѣ фазисовъ общественной жизни, то оказывающихся попытками создать новую культуру, то переходными эпохами къ новымъ общественнымъ задачамъ, въ разнообразныхъ комбинаціяхъ характеристическихъ особенностей каждой эпохи, живыхъ элементовъ общественной жизни, переживаній прошлаго и зародышей будущаго—существенно объединяющею, философскою идеею исторіи въ ея цѣломъ дозволительно, повидимому, признать *прогрессъ,* какъ процессъ совокупнаго и индивидуальнаго развитія; процессъ, который оказывается возможнымъ, вѣроятнымъ и раціональнымъ смысломъ исторіи. Событія и ихъ двигатели, безличныя историческія теченія и выработанныя ими реальныя и идейныя личности, не только составляютъ научный матеріалъ историческаго пониманія, но и подлежатъ суду развитого историка во имя ихъ отношенія къ прогрессу, въ томъ его значеніи, которое только что было установлено. Содѣйствіе прогрессу въ этомъ же его значеніи есть высшая жизненная цѣль, доступная современному практическому дѣятелю, который сознаетъ себя необходимымъ органомъ въ процессѣ исторіи и стремится участвовать въ этомъ процессѣ, какъ сознательный мыслящій и волевой аппаратъ.

Взаимодѣйствіе общества и личности, стремленіе къ солидарности и стремленіе къ индивидуальному развитію суть явленія соціологическія или относящіяся къ той вырабатывающейся и дифференцирующейся молодой наукѣ (можетъ быть, вѣрнѣе, отдѣлу психологіи), которую нѣкоторые писатели называютъ *психологіей обществъ*. Для научной философіи *въ этой ея отрасли* совершенно достаточно указать единство и взаимную зависимость фактовъ, законовъ и гипотезъ,

принадлежащихъ къ этимъ областямъ и къ исторіи. Но научная философія *вообще* имѣетъ основаніе поставить еще одинъ вопросъ: не слѣдуетъ ли, для лучшаго научнаго пониманія только что указанныхъ фактовъ, законовъ и гипотезъ, подъ совокупностью элементовъ историческихъ, соціологическихъ и общественно-психологическихъ, искать и ввести въ наше построеніе исторіи по отношенію къ прогрессу слой болѣе элементарныхъ фактовъ, законовъ и гипотезъ индивидуальной психологіи, біологіи, физико-химіи, наконецъ механики? Исторія наукъ показала, что научное пониманіе космическихъ явленій сдѣлалось возможнымъ лишь тогда, когда, подъ *видимыми* движеніями наблюдаемыхъ нами небесныхъ тѣлъ, астрономы констатировали ихъ дѣйствительныя движенія. Для научнаго пониманія физическихъ явленій теплоты, свѣта и электричества, точно также какъ и химическаго разнообразія элементовъ, входящихъ въ составъ наблюдаемаго и испытуемаго вещества, значительное пособіе оказала не только механическая гипотеза о единомъ веществѣ такъ или иначе нами воспринимаемомъ подъ вліяніемъ трансформаціи энергіи, но даже гипотеза невѣсомаго эѳира. Прежняя психологія совершенно преобразовалась и выработала совершенно новыя отрасли фактовъ и законовъ, когда, для пониманія послѣднихъ, она стала употреблять орудіе психо-физики, психологіи коллективностей и стала опираться во многихъ своихъ задачахъ (отчасти лишь гипотетически) на физіологію нервовъ, какъ на реальную подкладку процессовъ индивидуальной психологіи. Нельзя ли точно также расширить и уяснить пониманіе историческаго процесса, устанавливая или допуская его зависимость уже не только отъ соціологіи и отъ психологіи коллективностей, но и отъ болѣе элементарныхъ областей знанія и пониманія?

Такъ какъ, по сказанному выше, реальны лишь личности, и общество представляетъ не болѣе какъ фор-

мулу для удобнаго обобщенія процессовъ въ нихъ совершающихся или ими совершаемыхъ, то можно было бы предположить, что дальнѣйшее философское обобщеніе историческаго процесса повело бы исключительно къ задачамъ личной психологіи. Потребности и побужденія особи составляютъ, безъ сомнѣнія, подкладку всѣхъ явленій общественной солидарности и всѣхъ сознательныхъ процессовъ въ личности, такъ какъ внѣ этихъ потребностей и побужденій ни то, ни другое не могло бы имѣть мѣста. Однако здѣсь приходится замѣтить, во-первыхъ, что весьма часто въ исторіи пріемы удовлетворенія нѣкоторыхъ потребностей особей и дѣйствія, вызываемыя ихъ побужденіями, могутъ быть наблюдаемы непосредственно лишь какъ потребности и побужденія коллективныя, хотя и имѣютъ мѣсто реально лишь въ каждой личности особо; во-вторыхъ, что огромное число потребностей и побужденій въ особи даже не мыслимо въ ней, какъ обособленной единицѣ, а обусловливается ея жизнью въ обществѣ и ея солидарностью (фатальною, аффективною или сознательною) съ другими членами этого общества. Сведеніе событій и явленій историческихъ на факты психологіи исключительно личной едва ли не обязательно въ общемъ философскомъ представленіи этого процесса. Когда это сведеніе оказывается въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможнымъ на основаніи какихъ либо документовъ (напр. частной переписки, переданныхъ разговоровъ и т. п., при явленіяхъ, гдѣ индивидуальныя побужденія человѣческихъ личностей играли преобладающую роль), то оно становится и научно-обязательнымъ. Однако это бываетъ довольно рѣдко; а потому приходится сказать, что подобное сведеніе для научнаго пониманія событій имѣетъ лишь ограниченное приложеніе. Вообще же говоря, оказывается невозможнымъ, даже съ помощью гипотезъ, сколько нибудь научныхъ, прослѣдить связь между разнообразіемъ личныхъ побужденій и сложнымъ кол-

лективнымъ явленіемъ, которое имѣетъ передъ собою историкъ.

Это еще болѣе вѣрно для дальнѣйшаго философскаго сведенія историческихъ событій на болѣе элементарные процессы. Конечно всѣ проявленія аффективнаго и интеллектуальнаго міра представляются въ общемъ научно-философскомъ пониманіи процессами нервной системы біологической особи, вызываемыми дѣйствіемъ внѣшняго міра на эту особь. Въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, когда счастливая комбинація обстоятельствъ сохранила драгоцѣнные документы, существовали и будутъ имѣть мѣсто попытки показать біологическую подкладку важнаго для исторіи психологическаго процесса во вліятельной личности; но это, именно, случаи совершенно *исключительные*. Поэтому и историкъ можетъ пользоваться біологическими объясненіями лишь въ совершенно исключительныхъ условіяхъ своей работы.

Уже чаще удавалось болѣе или менѣе успѣшно разъяснять особенности хода исторіи того или другого народа въ опредѣленную эпоху климатическими, географическими и топографическими условіями страны, гдѣ событія совершались, или же передвиженіями населенія и распредѣленіемъ его въ болѣе или менѣе плотныя антропологическія скопленія, помимо всѣхъ мотивовъ солидарности, или потребности развитія. Послѣдній родъ явленій получаетъ научное значеніе большею частью косвенно, по своему вліянію (подобно нѣкоторымъ другимъ явленіямъ, какъ, напримѣръ, эпидеміямъ, геологическимъ катастрофамъ и т. под.) на дальнѣйшіе факты, гдѣ уже затронуты только что указанные мотивы. Что же касается до явленій перваго рода, то подобное восхожденіе къ элементарнымъ причинамъ историческихъ событій оказывалось очень рѣдко возможнымъ помощью научно-доказательныхъ пріемовъ; большая часть подобныхъ объясненій оставалась гипотетическою и допускала лишь самое общее представленіе о связи между

причиною и слѣдствіемъ. Объясненіе историческихъ событій вліяніемъ распредѣленія въ пространствѣ и во времени предметовъ и явленій внѣшняго міра, вполнѣ правильное и научное въ общихъ чертахъ, становится тѣмъ болѣе сомнительнымъ и тѣмъ менѣе научнымъ, чѣмъ спеціальнѣе историческій вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь.

Напримѣръ, вполнѣ безспорно общее вліяніе на нѣкоторые историческія явленія астрономическаго мѣста земли въ солнечной системѣ при посредствѣ распредѣленія временъ года, средней температуры и метеорологическихъ особенностей въ разныхъ странахъ; эти данныя объясняютъ совершенно наглядно не только разницу общественной жизни эскимосовъ и грековъ, но въ частности существованіе земледѣльческихъ праздниковъ въ опредѣленные сроки, сношенія между нѣкоторыми странами вслѣдствіе господствующихъ вѣтровъ и морскихъ теченій, Топографія Египта обусловливаетъ нѣкоторыя черты его исторіи въ древности, а форма береговъ Эгейскаго моря—иныя особенности исторіи древней Греціи. Однако едва ли было бы научно искать объясненія разницы и сходства миѳовъ Греціи и Полинезіи въ географическихъ условіяхъ этихъ странъ, или распредѣленія католицизма, протестантизма разныхъ толковъ и православія въ климатическихъ условіяхъ, гдѣ установилось господство того или другого изъ этихъ исповѣданій.

Въ послѣднее время нѣкоторые социологи, предшествующія работы которыхъ заставляютъ обратить особенное вниманіе на ихъ мнѣніе, выставили гипотезу, что „главнымъ двигателемъ“ въ ходѣ историческихъ событій (особенно „во всѣхъ измѣненіяхъ экономическаго строя“) слѣдуетъ признать „ростъ населенія“, что его ростъ есть „прямой двигатель всѣхъ эволюцій экономическаго строя“ и что обособленіе различныхъ періодовъ „экономической эволюціи“ обусловлено развитіемъ обмѣна „помѣрѣ того, какъ ростетъ густота населенія“. Безспорно, что здѣсь предъ нами важный вопросъ социологіи и что изслѣдователь „основъ даннаго экономическаго порядка“ обязанъ обратить особенное вниманіе на „степень густоты населенія данной страны и ея сосѣдей“, Начало цивилизаціи могло имѣть мѣсто лишь при достиженіи густотою населенія нѣкотораго наименьшаго численнаго предѣла, и существовавшая цивилизація должна была придти въ упадокъ, если какія либо причины понизили эту густоту за подобный же наименьшій предѣлъ. Легко указать во всѣ эпохи факты, „источникъ“ которыхъ нельзя не искать въ измѣненіи „густоты населенія“. Для доисторическаго періода ростъ этой густоты очевидно являлся „разлагающимъ началомъ“

первобытныхъ общественныхъ формъ. Скопленіе населенія въ городахъ было важнымъ моментомъ въ жизни народовъ. Однако уже тутъ приходится очень отличать историческое значеніе старинныхъ большихъ городовъ передней Азіи, раздѣленныхъ пустынями, черезъ которыя шли изрѣдка караваны, и совсѣмъ иныхъ городовъ древней Греціи или средневѣковой Европы, гдѣ предъ нами не иное что, какъ центры скопленія сельскаго населенія. Затѣмъ можно считать на первый взглядъ очень сомнительнымъ, чтобы для всѣхъ странъ, гдѣ густота населенія перешла за наименьшій предѣлъ, допускающій историческую цивилизацію, можно было установить опредѣленную функціональную зависимость между числомъ, выражающимъ густоту населенія, и другимъ числомъ, соотвѣтствующимъ тому или другому уровню производства и обмѣна. Взявъ это въ соображеніе, можетъ быть вѣрнѣе нѣсколько ограничить только что приведенную гипотезу, допуская, что *въ нѣкоторыя эпохи* доисторическаго быта и *при нѣкоторыхъ условіяхъ* среды, ростъ населенія приходится признать однимъ изъ главныхъ двигателей экономической эволюціи. Впрочемъ, въ ту минуту, когда пишутся эти строки, упомянутая гипотеза только что поставлена, и читатели ожидаютъ ея подтвержденія въ приложеніи къ достаточному числу конкретныхъ фактовъ.

Совершенно уже безполезно, для пониманія историческихъ событій въ ихъ сложности или въ ихъ единствѣ, восходить къ самому общему философскому представленію о мірѣ въ его цѣломъ, которое все полнѣе устанавливается въ умахъ современнаго развитого человѣчества; именно къ механической системѣ движущихся однородныхъ частицъ, взаимодѣйствіе которыхъ, при ихъ разнообразныхъ движеніяхъ, обусловливаетъ, съ совершенно неуклоннымъ детерминизмомъ, всѣ явленія, намъ доступныя. Конечно, приходится признать, что отъ *этого* общаго процесса и отъ перехода одной и той же неистребимой энергіи въ ту или другую форму зависитъ и наблюдаемое нами химическое разнообразіе веществъ, и распредѣленіе міровъ въ пространствѣ или горныхъ породъ въ земной корѣ, формы материковъ и океановъ на земной поверхности, и различныя ступени эволюціи міра организмовъ, и все разнообразіе психическихъ процессовъ пониманія, аффекта и воли, совершающихся въ человѣческихъ особяхъ, и, наконецъ, со-

бытія исторіи съ ихъ драматизмомъ и увлеченіями. Но самое глубокое убѣжденіе въ вѣрности этого общаго философскаго міросозерцанія не можетъ помочь намъ ни на одну іоту для пониманія какого нибудь конкретнаго явленія или процесса не только историческаго, но даже геологическаго или астрономическаго. Въ настоящемъ состояніи знанія и научно-дозволительныхъ построеній, даже гипотетическій переходъ отъ представленія объ механической системѣ однороднаго движущагося вещества къ наблюдаемому нами распредѣленію міровъ и химическихъ элементовъ на нашей планетѣ невозможенъ съ какою бы то ни было подробностью; попытка же внести хотя бы малѣйшій научный элементъ въ пониманіе исторіи при помощи механическаго объясненія того, какъ произошелъ въ фантазіи художника образъ Венеры милосской, въ умѣ математика—мысль объ интегральномъ исчисленіи, или въ убѣжденіи соціолога—задача объединенія пролетаріата всѣхъ странъ, не можетъ быть чѣмъ либо инымъ, какъ бредомъ безумца, или забавою юмориста.

ГЛАВА VIII.

Схема исторіи мысли: а) До пробужденія критической мысли.

Попытка построить схему исторіи мысли.—Раздѣленіе на періоды и эпохи.—(Примѣры отступленія отъ хронологическаго порядка).—Роль областей мысли въ разныя эпохи.

Различіе взглядовъ.—(Примѣры).—Составъ схемы исторіи мысли.

Подготовленіе человѣка.—(Ребенокъ).—Подготовленіе исторіи.

Канунъ исторіи.—(Возможность иного хода событій).—Общественныя формы въ канунъ исторіи.—(Націи, не образовавшія государствъ).—Государство и семья.—Зародыши индивидуализма.—(Выработка личностей).—Два теченія при началѣ исторической жизни.—(Признаки исторической жизни).

Выдѣленіе интеллигенціи и періодъ обособленныхъ цивилизацій.—Борющіяся партіи.—(Консерватизмъ).—Возможности и здоровыя явленія.—Исторія, какъ процессъ оздоровленія.—Характеристическія черты періода обособленныхъ цивилизацій.—Роль мысли эстетической и объединяющей.—(Переживанія родоваго строя).—Существованіе различныхъ элементовъ.—(Повторенія процесса).

На основаніи предъидущаго можно было бы попытаться построить схему исторіи мысли.

Она должна бы обозначать, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, послѣдовательные фазисы работы

этой мысли, которые привели человѣчество отъ первыхъ проявленій этой работы въ древнѣйшую эпоху до историческаго періода къ тѣмъ задачамъ будущаго, которыя та же работа ставитъ предъ современнымъ человѣкомъ.

Эта попытка *понять работу мысли въ исторіи* въ единствѣ этой работы, при помощи научныхъ пріемовъ критики и научно-философскаго построенія матерьяла, доступнаго изслѣдователю, неизбѣжно страдала бы неполнотою, не могла бы избѣжать и многочисленныхъ ошибокъ. Но на нее и слѣдовало бы смотрѣть лишь какъ на попытку.

Съ тѣмъ вмѣстѣ подобная попытка должна была бы имѣть нѣкоторыя особенности, какъ въ своемъ содержаніи, такъ и въ своей формѣ.

Какъ попытка понять работу *мысли* въ исторіи, подобный трудъ могъ бы вовсе не входить въ разсмотрѣніе частностей тѣхъ формъ, которыя принимала культура разныхъ эпохъ, лишь изрѣдка касаясь того или другаго явленія этой области, вызвавшаго опредѣленную работу мысли или иллюстрирующаго результатъ этой работы.

Въ этотъ очеркъ должны были бы войти всѣ области работы мысли, насколько онѣ не переходили въ культурные обычаи или не впадали въ спеціализацію, не дозволяющую до сихъ поръ связать ихъ съ жизненными цѣлями, которыя можно понимать какъ мотивы исторіи. Поэтому мысль *техническая* вошла бы въ этотъ очеркъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, насколько *умѣнье* или вело къ лучшему *пониманію*, или было имъ обусловлено. О мысли *эстетической* могла бы идти рѣчь лишь по отношенію къ ея идейному содержанію и къ ея общественному вліянію, оставляя вовсе въ сторонѣ измѣненіе художественной техники. Придавая огромное значеніе эволюціи мысли *нравственной,* лишь мимоходомъ пришлось бы остановиться на характеристикѣ *нравовъ* той или другой

эпохи. Наконецъ, пріобрѣтенія *науки*—которымъ во всякой исторіи мысли неизбѣжно придавать большое значеніе—могли бы быть разсматриваемы въ подобномъ трудѣ лишь въ тѣхъ предѣлахъ научной спеціализаціи, въ какихъ эти пріобрѣтенія или имѣли войти въ общее научно-философское міросозерцаніе, или имѣли общее вліяніе на работу мысли, или вызвали болѣе или менѣе обширныя отрасли дальнѣйшихъ работъ, или, наконецъ, имѣли значеніе для вопросовъ жизни.

Теченія, возникающія во всѣхъ областяхъ мысли, зарождаются гораздо ранѣе, чѣмъ пріобрѣтаютъ историческое значеніе, и нѣсколько разныхъ теченій имѣютъ мѣсто одновременно, при чемъ одни ослабѣваютъ, а другія ростутъ; однако борьба разныхъ теченій иногда продолжается гораздо позже того, когда исторія произнесла уже надъ ними свой приговоръ. Поэтому точныя хронологическія грани между разными теченіями или даже между продуктами этихъ теченій установить не только трудно, но почти невозможно Въ изложеніи хода исторіи не разъ приходится раздѣлять одновременныя теченія и сближать явленія, далеко отстоящія по времени одно отъ другаго. При распредѣленіи и при группировкѣ разсматриваемыхъ явленій, главное дѣло въ облегченіи пониманія сходнаго и различнаго по сущности самихъ историческихъ теченій.

Какъ примѣры необходимаго отступленія отъ строго-хроническаго порядка можно привести слѣдующее: американскія цивилизаціи, существовавшія въ XV вѣкѣ, правильнѣе, повидимому, разсматривать какъ „обособленныя" цивилизаціи рядомъ съ древнимъ Египтомъ. Явленія революціоннаго періода конца XVIII вѣка, попытки основать царство буржуазной культуры и ростъ соціалистическаго движенія принадлежатъ къ тремъ различнымъ фазисамъ исторической эволюціи; между тѣмъ нѣкоторая часть этихъ историческихъ теченій имѣла мѣсто одновременно и раздѣлять ихъ приходится лишь по ихъ характеристическимъ особенностямъ; и т. под.

Однако недостаточно констатировать, что со сдѣланными только что ограниченіями, всѣ области мысли входятъ въ схему ея исторіи въ своихъ продуктахъ и стремленіяхъ, какъ здоровыхъ, такъ и патологическихъ, а также въ характеристикахъ личностей, которыя воплощали въ себѣ эти стремленія, какъ двигатели мысли и жизни, или какъ иллюстраціи того или другого ихъ фазиса. Слѣдуетъ также замѣтить, что, по самой сущности дѣла, различныя области мысли должны получить болѣе или менѣе видное значеніе, смотря по тому, какую роль въ ту или другую эпоху играла та или другая изъ этихъ областей. Для пониманія одной эпохи характеристичны болѣе продукты эстетическаго творчества, для другой—мистическія стремленія. Въ переходныя эпохи приходится особенно подчеркнуть индивидуализацію личностей, которая блѣднѣетъ въ эпохи попытокъ установленія новаго обычая. Господствующія міросозерцанія то воплощаются въ болѣе или менѣе стройныя системы, то расплываются въ дробныхъ проявленіяхъ литературной и политической полемики. Соціальныя задачи то формулируются опредѣленно въ той или другой ихъ долѣ; то ихъ приходится угадывать въ рядѣ не особенно яркихъ событій, совершающихся подъ знаменами совершенно иныхъ задачъ и идей. Данную эпоху и данное историческое движеніе характеризуютъ именно различныя роли той или другой области мысли во всей совокупности работы послѣдней въ разсматриваемую эпоху; именно проявленіе, при опредѣленномъ историческомъ движеніи, задачъ времени въ той или другой культурной формѣ, какъ продуктѣ мысли, въ томъ или другомъ спеціальномъ теченіи въ послѣдней, болѣе или менѣе индивидуализировавшихся, въ болѣе или менѣе оригинальныхъ личностяхъ.

Изъ предыдущаго само собою слѣдуетъ, что принятое тѣмъ или другимъ историкомъ раздѣленіе всего

теченія событій на періоды и эпохи, принятыя при этомъ точки дѣленія и отнесеніе того или другого явленія къ болѣе или менѣе характеристическимъ чертамъ данной эпохи, къ жизненнымъ элементамъ, къ переживаніямъ въ ней прошлаго, или къ зародышамъ будущаго,—зависятъ преимущественно отъ пониманія этихъ явленій и, слѣдовательно, въ значительной мѣрѣ, отъ степени развитія историка или даже отъ его индивидуальныхъ наклонностей мысли. Не мудрено поэтому, что въ этой сферѣ мы встрѣчаемъ иногда разницу болѣе или менѣе значительную даже у одного и того же писателя въ разныя эпохи его работы надъ историческими вопросами, а тѣмъ болѣе у писателей, даже довольно близкихъ по общему направленію.

Мы позволяемъ себѣ констатировать, напримѣръ, что характеристическія черты эпохъ и роль переживаній или жизненныхъ элементовъ въ каждую изъ нихъ далеко не удовлетворительно указаны въ схемѣ, которую набросилъ авторъ „Опыта исторіи мысли", вып. I, стр. 67—76 (помѣщено въ „Знаніи" 1875 г.).

Предъ всякимъ историкомъ мысли развертывается одинъ и тотъ же объективный рядъ событій, обусловливаемый его *знаніемъ*. Эти событія группируются въ эпохи и періоды, распредѣляясь на болѣе или менѣе важныя, на здоровыя и патологическія, при чемъ эти группировки и распредѣленія зависятъ отъ пониманія и отъ личнаго развитія историка. Въ каждую эпоху предъ народами возстаютъ характеристическіе для этихъ народовъ вопросы, которые настоятельно требуютъ рѣшенія. Но для историка, стремящагося понять эпохи, каждая изъ нихъ представляетъ рядъ еще иныхъ вопросовъ, большею частью невидимыхъ для непосредственныхъ дѣятелей того или другого времени, но безъ болѣе или менѣе опредѣленнаго рѣшенія которыхъ пониманіе этого времени невозможно. Изъ этихъ объективныхъ и субъективныхъ элементовъ

знанія и пониманія, изъ этихъ вопросовъ, которые ставитъ *исторія* и другихъ, которые не можетъ не ставить *историкъ*, формируется для послѣдняго схема исторіи мысли.

Въ этой схемѣ первою задачею является открытіе или угадываніе условій, при которыхъ *было возможно* первое опредѣленное проявленіе жизни среди неорганическаго вещества; фазисовъ, которыми *подготовлялось* это проявленіе; наконецъ фактичестихъ данныхъ, въ которыхъ оно *обнаружилось*. При настоящемъ состояніи знаній и пониманія, это *подготовленіе жизни* еще неотдѣлимо отъ *подготовленія сознанія* и, какъ бы ни относился тотъ или другой изслѣдователь къ этому вопросу, при научной его разработкѣ едва ли не приходится поступать, какъ бы эпохи перваго проявленія жизни и элементарныхъ процессовъ мысли совпадали.

Какъ только въ процессѣ эволюціи вещества предъ нами возникъ міръ живыхъ и сознательныхъ аппаратовъ, дальнѣйшею задачею становится открытіе или угадываніе тѣхъ ступеней эволюціи органическаго міра вообще, которыя дифференцировали *эволюцію человѣка* отъ совершавшихся рядомъ съ нею эволюцій дуба, полипа, сепіи, муравья, лошади, уистити. Слѣдя за процессомъ, который интересуетъ насъ, какъ подкладка схемы исторіи мысли, начиная отъ его общаго корня въ низшихъ организмахъ, мы констатируемъ, что этотъ процессъ оставляетъ въ сторонѣ сначала эволюцію міра растительнаго, не пользующагося въ борьбѣ за существованіе оружіемъ сознательныхъ процессовъ. Затѣмъ, въ мірѣ животныхъ, процессъ развитія біологическихъ формъ оставляетъ въ сторонѣ наиболѣе значительную долю міра низшихъ животныхъ и дифференцирующіеся особыми пріемами типы моллюсковъ и членистыхъ. Однако разница нервныхъ системъ въ этихъ классахъ, противуполагающихся классу позвоночныхъ (а въ нихъ и человѣку) не обусловли-

ваетъ полной разницы въ процессахъ психическихъ и въ формахъ общежитія живыхъ существъ разнаго типа. Мало того. Обособленный ходъ эволюціи позвоночныхъ самъ дифференцируется въ біологическихъ формахъ и противуполагаетъ сперва эволюцію млекопитающихъ эволюціи птицъ, земноводныхъ и т. д., далѣе эволюцію приматовъ—эволюціи хищныхъ или грызуновъ; наконецъ эволюцію человѣка—эволюціи низшихъ обезъянъ или гориллъ. Но, рядомъ съ этою выработкою въ каждой серіи новыхъ біологическихъ формъ, въ ней обнаруживаются явленія психическія и соціальныя, причемъ лишь иныя изъ этихъ явленій обособляютъ во всей ихъ совокупности, напримѣръ, позвоночныхъ отъ членистыхъ, другія же позволяютъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ проводить близкую паралель между обществомъ пчелъ и обществомъ человѣка, или даже уподоблять охоту одного низшаго животнаго, въ которомъ отсутствуетъ еще нервная ткань, за другимъ микро-организмомъ—охотѣ щуки за плотвою.

Слѣдовательно, задача подготовленія человѣка дифференцируется на три:

1) Узнать или угадать, какой рядъ чисто-біологическихъ формъ и процессовъ подготовилъ форму человѣка вообще, форму его мозга и конечностей въ особенности, такимъ образомъ, что эти формы и соотвѣтствующіе имъ пріемы сношеній его съ внѣшнимъ міромъ, дали ему *возможность* сдѣлаться человѣкомъ.

2) Узнать или угадать, какіе психическіе процессы ему присущіе имѣли мѣсто и у другихъ животныхъ разныхъ типовъ, выработанныхъ процессомъ эволюціи, которой человѣкъ не принадлежалъ, слѣдовательно появились независимо отъ его спеціальныхъ біологическихъ формъ, а потому и не могли служить подготовленіемъ *его* духовному міру; и какіе обособили его вѣроятныхъ предковъ въ серіи позвоночныхъ, млекопитающихъ, приматовъ, отъ классовъ, развивавшихся

рядомъ съ нимъ, и потому могли входить въ непосредственное подготовленіе мысли доисторическаго дикаря, египетскаго строителя пирамидъ, греческаго трагика, еврейскаго пророка и евангелиста, средневѣковаго рыцаря и горожанина, Шекспира, Ньютона, Дарвина, автора „Капитала“.

3) Узнать или угадать, какія формы общежитія въ зоологическомъ мірѣ могутъ считаться подготовленіемъ человѣческой общественности, т. е. представляютъ, во первыхъ, безспорные или вѣроятные признаки солидарности фатальной, аффективной или даже, въ иныхъ случаяхъ, сознательной; во вторыхъ, обнаруживаются не только въ группахъ общежительныхъ животныхъ вообще, но именно въ тѣхъ ихъ группахъ, которыя, въ ихъ біологическомъ генезисѣ, можно отнести къ ряду возможныхъ предковъ человѣка, слѣдовательно для которыхъ можно допустить, что явленія ихъ общежитія могли быть переданы, по наслѣдству, человѣку, какъ это могло быть и для психическихъ явленій, только что упомянутыхъ.

Для уясненія только что указаннаго тройнаго процесса эволюціи человѣка (въ рядѣ біологическихъ формъ, психическихъ явленій и общественныхъ группъ) изъ предшествовавшаго ему зоологическаго міра, не малыя указанія историкамъ мысли могли доставить и дѣйствительно доставили сравненія съ этимъ эмбріологическаго и ребяческаго процесса развитія зрѣлой человѣческой личности изъ безформеннаго зародыша, изученіе психическихъ явленій дѣтскаго возраста, встрѣчающихся отчасти и у дикарей, наконецъ факты, наблюдаемые при общеніи дѣтей въ ихъ коллективныхъ играхъ и представляющіе аналогію съ нѣкоторыми фактами общественной жизни у тѣхъ же дикарей. Въ настоящее время въ глазахъ изслѣдователей по сравнительной психологіи все болѣе значенія пріобрѣтаетъ область игры, какъ группа явленій, подготовляющая животное, отдѣльнаго развивающагося ребенка или элементарное неисторическое общество особей къ позднѣйшей дѣятельности, связанной съ серіозными жизненными вопросами. Недавно была высказана любопытная гипотеза, что у высшихъ животныхъ болѣе или менѣе продолжительный періодъ ребячества, отдѣляющій появленіе на свѣтъ новаго существа отъ эпохи, когда

это существо начинаетъ функціонировать какъ зрѣлая особь (періодъ, пока отсутствующій у животныхъ низшихъ), вырабатывается именно потому, что въ этотъ періодъ дѣтскаго возраста игры молоди у существъ, для которыхъ психическіе процессы представляютъ важное оружіе въ борьбѣ за существованіе, составили необходимый процессъ усвоенія нѣкоторыхъ инстинктовъ, или наклонностей, полезныхъ особямъ въ послѣдствіи; или, какъ это формулируютъ сторонники послѣдняго мнѣнія, что не потому большая часть жизни дѣтей посвящена играмъ, что они—дѣти, а потому они переживаютъ дѣтскій возрастъ, что имъ надо играть, т. е. подготовиться путемъ игръ къ дѣятельности своего зрѣлаго возраста; и что такова же роль игры у всѣхъ животныхъ. Эта гипотеза легко распространяется и на забавы дикарей.

Каковы ни были бы достовѣрныя или гадательныя представленія о подготовленіи человѣка въ мірѣ животномъ, предъ историкомъ мысли въ схемѣ эволюціи послѣдней подкладкою *жизни исторической* является *человѣкъ доисторическій,* съ его біологическими потребностями; съ его нервною системою, неизбѣжно-впечатлительною къ дѣйствію внѣшняго міра на человѣка и доставляющею ему наслажденіе въ нервномъ возбужденіи; съ его конечностями, форма которыхъ обусловливала его главные способы воздѣйствія на этотъ міръ; съ разнообразіемъ способовъ этого воздѣйствія: путемъ техники, путемъ общественнаго строительства, путемъ творчества въ области фантазіи, путемъ усвоенія знаній и первыхъ попытокъ пониманія. Этотъ первый *человѣческій* фазисъ эволюціи мысли ставитъ предъ схемою ея исторіи новыя задачи.

Эти задачи, въ ихъ характеристическихъ чертахъ періода, были огромны. Первобытная мысль, въ борьбѣ человѣка за существованіе, должна была создать орудіе общественной солидарности, именно выработать среди особей, руководимыхъ сперва лишь непосредственными индивидуальными потребностями, строгій и ненарушимый *обычай,* а, помощью его, обособить мелкія группы людей, представлявшіе случайное сближеніе и столь же случайное распаденіе, въ болѣе прочное

общежитіе, которое сразу оказалось и *наиболѣе* прочнымъ изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ. Въ этомъ процессѣ подготовленія обычая и родоваго союза на почвѣ первобытной техники, вызванной потребностью питанія и потребностью ограждать свою безопасность, задержкою являлись переживанія зоологическаго міра, отъ котораго постепенно обособлялся міръ человѣческій.

Историкъ мысли констатируетъ, что это обособленіе произошло. Создался человѣческій *обычай*, какъ высшая форма животнаго инстинкта. Образовался родовой союзъ, сплотившій *своихъ* по родству и противуположившій имъ *чужихъ* какъ естественныхъ враговъ. Этотъ союзъ выработалъ разнообразныя формы материнства и отцовства съ ихъ переходными ступенями. Какъ внѣ союза *своихъ* борьба родовъ переходила отъ поголовнаго истребленія къ эксплуатаціи труда побѣжденныхъ, такъ внутри этого союза возникало соперничество особей изъ за высшаго *достоинства*, сначала очень грубаго, но потомъ мало по малу усвоившаго элементъ развитія *сознательныхъ процессовъ*. Какъ только этотъ элементъ—особенно важный въ борьбѣ родовъ за существованіе—отвоевалъ себѣ мѣсто въ общественной жизни этихъ родовъ—приходится констатировать нѣсколько явленій, имѣющихъ немалое значеніе для всего послѣдующаго процесса исторіи. Во первыхъ, среди самыхъ неразвитыхъ дикарей, но усвоившихъ представленіе о достоинствѣ сознательныхъ процессовъ, оказывается поставленнымъ вопросъ о соглашеніи задачъ общественной солидарности съ задачею развитія этихъ процессовъ, а это обусловливаетъ логическую необходимость послѣдовательной постановки въ будущемъ всѣхъ самыхъ трудныхъ и самыхъ высшихъ вопросовъ соціологіи. Во вторыхъ, въ самомъ элементарномъ соперничествѣ изъ за высшаго достоинства (хотя бы въ формѣ болѣе замѣтнаго украшенія или бóльшаго числа убитыхъ враговъ и т. под.) лежитъ зародышъ всего развитія въ отдаленномъ бу-

дущемъ нравственныхъ обязанностей съ ихъ критикой. Въ третьихъ, въ обычаѣ самаго грубаго дикаря, возникала предъ человѣчествомъ первая общественная святыня, во имя которой совершались и самые изумительные подвиги самоотверженія и самые возмутительные поступки; святыня, замѣненная въ теченіе исторіи другими: святынею эгоистической національности, святынею государственнаго права, святынею универсалистической церкви, святынею свѣтской власти въ лицѣ монарха или въ формѣ народоправства, наконецъ святынею солидарности человѣчества въ его задачахъ взаимнаго развитія. Рядомъ съ этими зародышами, которые должны были логически развиться въ далекомъ будущемъ, доисторическій человѣкъ представляетъ историку мысли и нѣкоторые элементы, которые должны были войти какъ *элементы жизненные* въ позднѣйшую исторію, рядомъ съ вредными переживаніями этого же періода. Таковъ былъ міръ сказокъ, басней и сказаній разнаго рода. Это творчество было вызвано, большею частью, стремленіемъ къ забавѣ, какъ украшенію жизни. Однако, развиваясь въ формѣ непроизвольнаго или произвольнаго подражанія среди всѣхъ расъ и народовъ, этотъ міръ, съ одной стороны, можетъ служить историку мысли аргументомъ въ пользу того, какъ глубоко въ прошедшемъ лежатъ корни наивнаго универсализма человѣческой мысли; съ другой, онъ сохранилъ, для самыхъ позднихъ періодовъ историческаго развитія, въ народной поэзіи, свѣжій источникъ фантазіи для самыхъ лучшихъ представителей позднѣйшаго индивидуалистическаго творчества. Въ болѣе ограниченномъ смыслѣ можно тоже сказать по отношенію къ самымъ выработаннымъ миѳологіямъ древнихъ народовъ, именно, что ихъ роскошное развитіе обусловлено цѣликомъ тѣми фантастическими представленіями, которыя выработалъ въ натуризмѣ, анимизмѣ, фетишизмѣ старинный дикарь, когда для него обработка этихъ представленій была ничѣмъ инымъ, какъ про-

долженіемъ технической задачи еще болѣе древняго дикаря обезпечить себѣ удачу или уяснить значеніе знаменія.

Затѣмъ возникаютъ не менѣе спорные вопросы: насколько работа эстетической и религіозной мысли, которыя играютъ столь значительную роль именно въ періодѣ родового быта, можетъ считаться содѣйствовавшею прочности и укрѣпленію этого быта, и насколько она подрывала его въ его существенныхъ основахъ? Почему именно въ формахъ родоваго строя, относимыхъ къ этому времени, мы замѣчаемъ то разнообразіе элементовъ, которое обозначаютъ терминами материнства и отцовства? Въ какомъ порядкѣ могла совершаться и дѣйствительно совершалась эволюція этихъ формъ? Которыя изъ этихъ формъ можно и слѣдуетъ признать здоровыми и которыя патологическими, какъ въ виду жизненности существовавшихъ родовыхъ организмовъ, такъ и въ виду послѣдующей исторіи человѣчества? Какую роль, наконецъ, въ этомъ разнообразіи первобытнаго творчества общественныхъ формъ играли развивавшіяся рядомъ съ ними—и столь важные съ точки зрѣнія эволюціи сознательныхъ процессовъ—продукты эстетической и религіозной мысли?

Одновременно съ указанными характеристическими чертами эпохи, мы наблюдаемъ другія, которыя разные историки, по своему субъективному развитію, могутъ оцѣнивать очень различно, и которыя, большею частью, относятся къ начинающемуся дифференцированію областей мысли. Явленія, сюда относящіяся, разнообразны. Техника религіозная, а отчасти и эстетическая, все болѣе дифференцируются отъ техники обыденной и непосредственно-полезной. Спеціалисты колдовства и общенія съ фантастическимъ міромъ обнаруживаютъ во многихъ случаяхъ стремленіе къ обособленію. Мистическая обрядность обособляется отъ эмоціональнаго фантастическаго настроенія. Въ народной поэзіи и въ повѣствованіяхъ можно отмѣтить слѣды свѣтскихъ по-

бужденій, не имѣющіе ничего общаго съ религіозной поэзіей и съ миѳомъ. Въ миѳахъ и въ общихъ представленіяхъ анимизма мы встрѣчаемъ элементы, которые трудно отнести не къ области мысли объединяющей, философской, и т. под. Предъ историкомъ мысли здѣсь трудно-разрѣшимые вопросы: что изъ наблюдаемой у того или другого народа совокупности явленій можно отнести съ увѣренностью къ этому періоду? Что мы ошибочно переносимъ въ него изъ послѣдующаго? Что, наконецъ, приходилось бы признать не особенностью быта родоваго, но переживаніемъ дородоваго? Главною задачею является возможно-точное выдѣленіе всего того—преимущественно въ областяхъ техники и творчества общественныхъ формъ—что̀ составляетъ особенность родоваго быта въ разнообразныхъ его проявленіяхъ, изъ того, что было доступно человѣку и до усвоенія представленія о дѣйствительномъ или воображаемомъ родствѣ, а также изъ того, что, въ царствѣ родоваго обычая, было уже подготовленіемъ задачъ, обусловленныхъ требованіями государства и тѣсной семьи, подрывавшими начала родового строя, или даже подготовленіемъ того, что̀ можно считать зародышами еще позднѣйшаго универсализма.

Какъ только обнаружились слѣды подрыва родоваго строя въ этихъ или въ другихъ областяхъ мысли какого либо народа, немедленно онъ вступаетъ въ одинъ изъ важнѣйшихъ фазисовъ своей эволюціи. Предъ нимъ судьба ставитъ задачу: усвоитъ ли онъ трудныя требованія *исторической* жизни, или ему придется остаться внѣ ея? Огромное большинство народовъ остается при господствѣ родоваго обычая, видоизмѣненія котораго подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ и событій могутъ быть весьма разнообразны, создавая націи и государства, выработывая пестрыя формы болѣе или менѣе тѣсныхъ семейныхъ союзовъ, но при этомъ не идя, въ процессѣ созданія группъ, наслаждающихся развитіемъ и усвоивающихъ потребность въ

немъ, далѣе индивидуальныхъ или случайныхъ явленій. Образовался въ человѣчествѣ слой неисторическихъ народовъ, которыхъ условія географическія или другія обрекли на невозможность вступить въ исторію собственными силами—всего чаще дѣлая это вступленіе невозможнымъ и въ продолженіе всего ихъ существованія, какъ обособленной этнологической или лингвистической группы. Надъ этимъ слоемъ въ нѣкоторыхъ странахъ вырабатывается другой слой особей, въ которомъ происходитъ процессъ все болѣе сознательной борьбы противъ обычая, процессъ образованія исторической интеллигенціи и обращеніе ея въ историческую силу. Этотъ процессъ *родовъ цивилизаціи* сопровождается большею частью страданіемъ. Но съ нимъ наступаетъ и первая переходная эпоха жизни человѣчества, когда рѣшаются вопросы: быть или не быть для него исторіи? и какимъ путемъ народы, которымъ условія среды дали возможность сдѣлаться историческими, сдѣлались дѣйствительно таковыми въ этотъ болѣзненный *канунъ исторіи?*

Здѣсь историкъ человѣческой мысли едва ли можетъ оставить въ сторонѣ слѣдующій важный вопросъ своей науки. Переходъ отъ родоваго обычая къ исторической жизни совершился, по видимому, фактически всюду путемъ подрыва родовой солидарности принудительнымъ орудіемъ государственности и съуживаніемъ родовыхъ интересовъ до интересовъ тѣсной семьи: приходится ли смотрѣть на этотъ процессъ, какъ на единственно-возможное тогда рѣшеніе задачи? или существовали и другія возможности, неосуществившіяся при данныхъ условіяхъ, но которыя приходится признать возможностями мыслителю, стремящемуся понять историческій процессъ?

Если допустить ту точку зрѣнія, съ которой здѣсь сдѣлана попытка построить схему исторіи мысли, то нормальный ходъ этой исторіи представляется въ видѣ перехода отъ царства обычая къ царству критическаго пониманія и критически-обоснованныхъ убѣжденій. Этотъ переходъ реально совершился и совершается путемъ преобладанія, въ продолженіи всего процесса имѣвшаго мѣсто въ прошломъ исторической жизни, царства низшихъ интересовъ (экономическихъ, политическихъ, некритической мысли), создававшихъ разнообразныя національныя формы враждебности и конкуренціи.

Лишь постепенно въ этомъ царствѣ низшихъ интересовъ могутъ сначала отвоевать себѣ мѣсто, затѣмъ получить вліяніе и наконецъ—можетъ быть—восторжествовать—интересы высшіе, именно критическое пониманіе и жизнь по критическому убѣжденію. Съ нѣкоторою увѣренностью можно, поэтому, сказать, что, въ предѣлахъ историческихъ возможностей, наиболѣе здоровый ходъ процесса былъ тотъ, въ которомъ переходъ отъ царства обычая (родоваго въ данномъ случаѣ) къ царству критическаго пониманія и убѣжденія совершился бы давая возможно менѣе мѣста промежуточному фазису враждебности низшихъ интересовъ и вызываемой ею конкуренціи. Едва ли можно отрицать, что этотъ промежуточный фазисъ былъ фазисомъ патологическимъ, какъ потому, что онъ непосредственно вызывалъ огромную массу страданій и заблужденій въ большинствѣ чувствующихъ и волевыхъ аппаратовъ, которые были единственными реальными двигателями исторіи, такъ и потому, что, противуполагая низшіе интересы высшимъ, онъ замедлялъ выработку и господство послѣднихъ, которые одни могли примирить два основныя требованія прогресса: ростъ солидарности и ростъ сознательныхъ процессовъ. Но остается спорнымъ вопросъ: не былъ ли этотъ промежуточный патологическій фазисъ эволюціи — фазисомъ неизбѣжнымъ? или приходится признать и другія неосуществившіяся, но болѣе здоровыя, возможности? Было ли вполнѣ неосуществимо, при солидарности родоваго строя, появленіе, въ области мысли технической, формъ производства, обмѣна и распредѣленія, которыя не подорвали бы эту солидарность, но сдѣлали бы ее болѣе сознательною, т. е. критически обоснованною; вызвали бы въ нѣкоторой части населенія наслажденіе развитіемъ и потребность его; создали бы въ средѣ родоваго строя историческую интеллигенцію, поставили бы постепенно предъ нею, въ процессѣ ея эволюціи (уже не подъ вліяніемъ конкурренціи а при сохраненіи влеченія къ солидарности) вопросы науки, нравственности и научной философіи, и позволили бы человѣчеству перейти, въ его поискахъ за болѣе полною солидарностью, болѣе или менѣе непосредственно отъ безсознательнаго и эмпирическаго творчества общественныхъ формъ къ ихъ творчеству на почвѣ точнаго пониманія отношеній между личностью и обществомъ? — При нынѣшнемъ знаніи доисторическаго родоваго быта едва ли есть основаніе безусловно отрицать эту возможность. Допущеніе же ея—зависящее гораздо болѣе отъ личнаго развитія историка, чѣмъ отъ его знанія и безпристрастія—имѣетъ значеніе не только для уясненія нашего пониманія доисторическаго человѣка, но и для правильнаго рѣшенія въ *настоящемъ* общаго вопроса: какъ слѣдуетъ относиться развитому человѣку къ дѣйствительному теченію событій и къ возможности иного ихъ хода? Если гипотетическій переходъ, здѣсь ука-

занный, былъ *возможенъ*, то тѣ немногія личности, которыя въ канунъ исторіи стремились къ развитію, даже весьма смутно понимая его сущность, но при этомъ пытались сохранить унаслѣдованную отъ предковъ солидарность рода, были дѣятелями прогресса, хотя и были побѣждены и затерты въ своей борьбѣ противъ фатальнаго хода событій, обусловленнаго средою. Точно также въ наше время не бо̀льшая или меньшая вѣроятность успѣха есть критерій для оцѣнки прогрессивной или реакціонной роли общественныхъ дѣятелей, а тѣ бойцы будутъ героями прогресса для будущаго историка, которые стоятъ за наиболѣе прочное соединеніе задачъ солидарности и развитія сознательныхъ процессовъ въ настоящемъ и въ будущемъ человѣчествѣ. Борьба противъ патологическихъ явленій тѣмъ болѣе обязательна во всѣхъ случаяхъ для развитаго человѣка, что, пока она продолжается, никому нельзя знать точно, на сколько велики шансы побѣды для борющихся партій. Но обязательна даже безнадежная борьба, такъ какъ непримиримый протестъ противъ общественнаго зла подготовляетъ и, большею частью, приближаетъ его позднѣйшее пораженіе.

Но вотъ наступилъ фактически для даннаго народа *канунъ исторіи*, обусловливающій его вступленіе въ историческую жизнь; среда и событія начертали народу путь, которымъ при данныхъ условіяхъ, для него исключительно возможно вступленіе въ эту жизнь; этотъ путь, большею частью, шелъ чрезъ царство интересовъ съ ихъ борьбою и медленною выработкою интересовъ высшихъ изъ низшихъ. Тогда неизбѣжно и въ области мысли технической и въ области творчества общественныхъ формъ (древнѣйшихъ изъ областей мысли [1]) могли съ наибольшимъ удобствомъ отстоять себя въ борьбѣ за существованіе такіе продукты, которые способствовали успѣху того или другого человѣческаго общества въ ихъ конкурренціи за наилучшее удовлетвореніе низшихъ потребностей. Техника скотоводства, земледѣлія и садоводства, съ одной стороны, употребленіе металловъ, съ другой, улучшеніе домостроительства, употребленіе повозокъ, судоходство и т. д. легли въ основу трансформаціи куль-

[1]) См. стр. 62.

туры и возбужденія работы мысли, возможныхъ лишь на этой ступени техническихъ знаній и привычекъ. Въ родовомъ строѣ произошелъ почти всюду—какъ полагаютъ нѣкоторые изслѣдователи наиболѣе заслуживающіе довѣрія—переходъ отъ материнства къ отцовству, сперва въ формѣ установленія власти въ рукахъ мужчинъ (именно всего чаще дядей съ материнской стороны, позже, окончательно, въ рукахъ отцовъ) потомъ и въ формѣ перенесенія всѣхъ понятій о родственномъ союзѣ на родство по мужской линіи. Патріархальный родъ почти всюду представляется историку какъ среда, въ которой все на большую долю орудій труда и предметовъ пользованія распространяются вопросы о коллективной и частной собственности; въ которой все полнѣе устанавливается въ обычаѣ и въ нравахъ униженное и безправное положеніе раба; въ которой и между свободнымъ населеніемъ все далѣе идетъ раздѣленіе труда, влекущее за собою и различіе сословнаго достоинства; наконецъ, все шире, рядомъ съ производствомъ для собственнаго потребленія въ средѣ рода, распространяется производство товарное, а вмѣстѣ съ тѣмъ, рядомъ съ производителями товаровъ, обособляются семьи и группы, живущія торговлею: первый записанный обычай и вырабатывающійся законъ почти всюду предполагаетъ существованіе *торговаго сословія*. Онъ предполагаетъ, что въ обществѣ все опредѣленнѣе устанавливаются обычныя формы культуры, принимающія характеръ юридическій: общество налагаетъ все чаще на своихъ членовъ, въ случаѣ нарушенія закона или записаннаго обычая, опредѣленныя наказанія и взысканія; прочнѣе устанавливаются формы судопроизводства; возникаетъ система договоровъ и обязательствъ; наконецъ, власть принимаетъ все болѣе принудительныя формы. Отсюда въ творчествѣ общественныхъ формъ кануна исторіи наблюдателю приходится отмѣтить не только формы развитія рода, какъ бы продолжающія его прежнюю эво-

люцію, но и выступленіе на первый планъ такихъ общественныхъ формъ, сущность которыхъ стояла въ противурѣчіи съ сущностью родовой связи, охватывавшей съ одинаковою силою *всѣхъ* родичей, но, при этомъ, связи не принудительной а опирающейся на обычай, не допускающій нарушенія въ глазахъ того самаго, на котораго онъ ложился всего тяжелѣе. Уже характеристикою патріархальнаго рода едва ли не приходится признать повсемѣстно элементъ *принудительной* власти и предпочтеніе для ея представительства болѣе близкихъ родственниковъ патріарха родственникамъ его болѣе дальнихъ колѣнъ. Позже возникли три новыя формы общежитія, долженствовавшія въ историческія эпохи играть самыя значительныя роли.

Это во первыхъ, союзъ первобытныхъ доисторическихъ *націй,* наименѣе враждебный союзу родовому, какъ бы непосредственно изъ него вырабатывающійся какъ союзъ между родами, вчера еще безусловно враждебными, а теперь соединенными фактомъ общей рѣчи, общей культуры и общихъ преданій, Понятія о *своихъ* и *чужихъ,* устанавливающіяся на этой почвѣ, остаются какъ бы въ прежней силѣ, но, при этомъ, историкъ мысли почти неизбѣжно констатируетъ ослабленіе и связи между *своими* и враждебности къ *чужимъ,* а также, что лишь въ немногихъ случаяхъ національный союзъ оказался способнымъ подготовиться къ исторической жизни и перейти въ нее безъ того, чтобы нація прибѣгла въ своей эволюціи къ еще другому продукту творчества общественныхъ формъ, именно къ союзу государственному.

Тѣмъ не менѣе существованіе подобныхъ примѣровъ—у кельтовъ и финновъ—можетъ служить аргументомъ въ пользу мнѣнія, что переходъ народовъ къ исторической жизни могъ совершиться безъ установленія принудительной государственной власти, механически объединяющей націи.

Таковъ былъ, во вторыхъ, принудительный союзъ въ доисторическихъ *государствахъ*, обращающій *обы-*

чай въ *законъ,* охраняемый коэрситивною силою и связывающій людей сознательно *чужихъ* и по происхожденію и по культурѣ и по рѣчи и по преданіямъ. Эта форма механическаго общественнаго единства представляетъ въ доисторическое время связь крайне слабую, способную каждую минуту распасться и съузить или расширить свою территорію, перенести центръ власти въ ту или другую мѣстность. Съ минуты перваго появленія этой механической формы общественнаго единства въ доисторическое время и въ продолженіе опредѣленнаго періода въ теченіе исторіи самыхъ разнообразныхъ странъ, мы почти всюду, въ образующихся, укрѣпляющихся, ослабѣвающихъ и распадающихся государствахъ, наблюдаемъ борьбу централизующей политической власти съ феодализмомъ элементовъ, стремящихся отвоевать себѣ возможно значительную долю экономической, политической и юридической независимости. Законъ въ своихъ различныхъ источникахъ, то какъ произвольное распоряженіе побѣдителя на войнѣ, то какъ договоръ между упорными противниками, свидѣтельствуетъ о различныхъ формахъ этой борьбы въ каждой мѣстности. Онъ, въ то же время, въ эти періоды эмпиризма въ области творчества общественныхъ формъ, является любопытною формою элементарнаго *опыта* въ социологіи, опыта, помощью котораго правительство констатируетъ и провѣряетъ свою власть по отношенію къ разнымъ элементамъ ему подчиненнымъ событіями въ большей или меньшей степени. Можетъ быть съ достаточною вѣроятностью можно видѣть въ доисторической государственной формѣ перенесеніе на роды, сознательно-чужіе между собою, власти патріарха или совѣта родовыхъ старшинъ въ родовомъ союзѣ, но, во всякомъ случаѣ, это едва ли можно считать переживаніемъ, а скорѣе приспособленіемъ существующей общественной формы къ новымъ условіямъ жизни. За то въ этомъ патріархатѣ или въ этомъ

совѣтѣ старшинъ, теперь господствующемъ надъ особями, чуждыми другъ другу по родству и по національности, можно легко признать зародыши двухъ политическихъ идей, долженствовавшихъ имѣть значительное вліяніе на будущую исторію: это, съ одной стороны, идея *національнаго государства*, въ которомъ механическая связь переходитъ мало по малу отъ враждебности элементовъ государства въ ихъ сознательное единство, вырабатывая патріотизмъ одновременно національный и государственный; это, съ другой, зародышъ идеи универсализма въ самой грубой его формѣ единой власти, которой были бы механически подчинены всѣ народы, вошедшіе въ экономическое, политическое и культурное взаимодѣйствіе.

Раздѣленіе патріархальнаго рода на семьи родичей, болѣе или менѣе близкихъ къ патріарху или къ членамъ родоваго совѣта, проложило путь, въ эволюціи рода, въ третьихъ, еще къ иной общественной формѣ, на которую перешло понятіе о *своихъ* съ тѣмъ бо̀льшею энергіею, чѣмъ болѣе въ понятіе о человѣческомъ достоинствѣ—понятіе, неизбѣжно измѣняющееся на всѣхъ ступеняхъ эволюціи соціальныхъ процессовъ человѣка — входилъ элементъ *индивидуализма*, долженствовавшій характеризовать отличіе историческихъ эпохъ отъ доисторическихъ. Эта форма была тѣсная *семья*, которая, въ наступающемъ періодѣ царства интересовъ и ихъ борьбы, дѣйствовала разлагающимъ образомъ какъ на заботы объ интересахъ распадающагося союза родоваго, такъ и на заботы объ интересахъ возникающихъ союзовъ государственныхъ. Какъ переходныя формы между родовымъ союзомъ во время его процвѣтанія и преобладанія, и позднѣйшимъ—уже историческимъ въ большей части случаевъ—строемъ, гдѣ господствующими элементами являются государство и тѣсная семья, приходится констатировать *сосѣдскіе* союзы разныхъ ступеней прочности, разной обширности, разной независимости каждаго члена отъ

цѣлаго; а также союзы, которые, при господствѣ различныхъ общественныхъ интересовъ, болѣе или менѣе сохранили въ себѣ традицію *родственности*. Широкая семья (Sippe), марка, сельская община и т. под. являются, между прочимъ, примѣрами подобныхъ переходныхъ ступеней.

Изучая особенности этой эпохи кануна исторіи, выработывавшіяся на почвѣ только что указанныхъ продуктовъ мысли технической и творчества общественныхъ формъ, историкъ мысли и въ другихъ областяхъ ея работы не можетъ не обратить особеннаго вниманія—какъ и для большинства переходныхъ эпохъ—на зародышныя явленія, подготовлявшія въ разныхъ направленіяхъ историческую жизнь, къ которой постепенно и едва замѣтными иногда ступенями переходили тѣ историческіе народы, для которыхъ этотъ переходъ оказался возможнымъ. Въ этомъ отношеніи характеристичны всѣ явленія, подготовлявшія группы *интеллигенціи*, наслаждающейся развитіемъ и чувствующей въ немъ потребность, а вслѣдствіе этого или борющейся противъ обычая и его переживаній въ силу своихъ *личныхъ* или групповыхъ интересовъ, или защищающей этотъ обычай, но уже не какъ обычай, которому *нельзя* не подчиняться, а какъ нѣчто благопріятное съ точки зрѣнія тѣхъ же аффектовъ и интересовъ. Уже не ограничиваясь личностями, принадлежавшими къ интеллигенціи, характеристична въ эту эпоху и другая группа явленій, въ сущности тѣсно зависящая отъ выработки этой интеллигенціи, руководящейся аффектами и расчетомъ, но доступныхъ и личностямъ, чуждымъ потребности развитія. Это—явленія противуположенія своего *я* обществу, какъ въ процессѣ пониманія жизненныхъ задачъ, такъ и въ процессѣ ихъ осуществленія въ жизни, или въ процессѣ эстетическаго и объединяющаго творчества: явленія *индивидуализма*.

Лишь на этой ступени общественнаго развитія допустима воз-

можность выработки тѣхъ личностей (какъ реальныхъ такъ и идеальныхъ), которыя могли для послѣдующихъ періодовъ сдѣлаться замѣчательными конкретными иллюстраціями состоянія культуры и работы мысли въ каждую эпоху[1]). Впрочемъ матеріалъ для констатированія и для утилизированія подобныхъ иллюстрацій оставался въ продолженіе долгаго времени столь недостаточнымъ, что историкъ мысли можетъ имъ воспользоваться лишь для наиболѣе позднихъ періодовъ.

Этотъ характеристическій процессъ подготовленія интеллигенціи и индивидуализма, съ ихъ громадною творческою ролью въ будущемъ, представляетъ, между прочимъ, два въ значительной мѣрѣ противуположныя теченія, которыя не можетъ не отмѣтить историкъ мысли, обдумывая схему своего предмета. Это, съ одной стороны, продолжающееся прогрессивное стремленіе усвоить разныя области мысли въ ихъ различіи и обособленіи: отличеніе заботъ о жизни реальной отъ заботъ объ общеніи съ міромъ фантастическимъ; отличеніе мистическаго обряда отъ общественнаго торжества и увеселенія; отличеніе эстетической обработки миѳа, саги, поучительнаго или забавнаго разсказа отъ догматическаго и обязательнаго элемента, который всего чаще съ нимъ связанъ; отличеніе государственнаго закона, традиціоннаго правила жизни и догматической заповѣди, и т. п. Это, съ другой, стремленіе самымъ тѣснымъ образомъ сплотить въ одно культурное цѣлое всѣ эти логически-раздѣляющіеся элементы для взаимной ихъ поддержки и особенно для поддержки прочности государственнаго цѣлаго. Въ послѣднемъ стремленіи обнаруживается особенность повторяющаяся едва ли не во всякую переходную эпоху, именно то, что за подобною эпохою слѣдуетъ попытка создать новую прочную культуру; въ первомъ же — совсѣмъ новая задача неудержимаго логическаго развитія всѣхъ, однажды усвоенныхъ теоретическихъ завоеваній и однажды поставленныхъ жизненныхъ задачъ. Взаимодѣй-

---

1) См. стр. 125 и слѣд.

ствіе двухъ указанныхъ теченій можетъ служить въ большинствѣ случаевъ объясненіемъ нѣкоторыхъ странныхъ фактовъ у народовъ, отчасти достигшихъ до высшихъ ступеней доисторической культуры, отчасти-же проявляющихъ и нѣкоторыя особенности историческихъ цивилизацій.

Такъ иногда у нихъ существуютъ рядомъ и культурныя формы, которыя заставляютъ ставить эти племена ниже очень отсталыхъ дикарей (какъ, напримѣръ, антропофагія, утонченная жестокость въ обращеніи съ „чужими" и т. под.) и замѣчательные успѣхи въ области эстетической мысли или философскаго объединенія миѳологіи. Подобныя группы событій и общественныхъ формъ, можетъ быть, слѣдуетъ отнести къ раннимъ проявленіямъ исторической жизни. Однако возможно, что здѣсь предъ нами и такія переживанія доисторической культуры, которыя, при всей ихъ сложности и выработанности, тѣмъ не менѣе свидѣтельствуютъ, что данное племя, въ работѣ мысли, остановилось безнадежно на доисторическомъ фазисѣ жизни. Здѣсь историкъ мысли имѣетъ предъ собою одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ (иногда и вовсе не разрѣшимую): можно ли въ томъ или другомъ случаѣ признать, или слѣдуетъ безусловно отрицать потребность развитія, хотя бы грубую и прибѣгающую къ ложнымъ средствамъ своего удовлетворенія?

Всѣ отдѣльные признаки, которыми можно пользоваться при этомъ, едва ли можно считать вполнѣ удовлетворительными, особенно въ области техники (и употребленіе письменныхъ знаковъ для рѣчи, хотя и наиболѣе обычное у историковъ, не составляетъ исключенія). Лишь совокупность признаковъ можетъ служить въ этомъ затрудненіи болѣе или менѣе надежнымъ руководствомъ. Такъ задача становится разрѣшимой всюду, гдѣ мы встрѣчаемъ классъ, объединенный не только обычаемъ, но и закономъ, не только властвующій, но и умственно руководящій; всюду, гдѣ предъ нами стройныя созданія миѳологій съ объединяющимъ философскимъ содержаніемъ и эпопей съ индивидуализированными личностями боговъ и героевъ; всюду, наконецъ, гдѣ болѣе или менѣе ясно формы культуры ищутъ себѣ оправданія не въ древности своего существованія и не въ повелѣніяхъ боговъ, не допускающихъ спора, а въ реальномъ разсчетѣ пользы и интересовъ и т. под. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ историкъ мысли имѣетъ основаніе признать присутствіе исторической жизни въ одномъ изъ характеристическихъ ея фазисовъ. Однако, ни одна изъ этихъ особенностей въ отдѣльности не составляетъ признака безспорнаго; и точно также

констатированіе каждой изъ нихъ въ отдѣльности не можетъ служить доказательствомъ, что предъ нами явленіе доисторической культуры, а не исторической цивилизаціи.

Выдѣленіе изъ массы народа, сплоченнаго въ націю или скованнаго государственнымъ закономъ, интеллигенціи, усвоившей потребность развитія и обратившейся въ историческую силу, есть основной фактъ исторической жизни. Тѣмъ самымъ обусловливается въ обществѣ рядъ дифференціацій. Точно также, какъ въ предшествовавшую переходную эпоху *кануна исторіи* произошла дифференціація между народами не историческими и тѣми, для которыхъ была *возможна* историческая жизнь, выработанная собственною иниціативою, такъ теперь *дѣйствительно* дифференцируются внутри историческихъ народовъ классы *пасынковъ цивилизаціи* и *дикарей высшей культуры,* остающіеся внѣ исторіи, отъ интеллигенціи, которая стремится къ развитію, всего чаще на почвѣ низшихъ интересовъ, но отчасти и вырабатывая въ себѣ сознательные процессы. Въ средѣ этой интеллигенціи совершается съ этихъ поръ эволюція мысли, если географическія условія, состояніе техники и способы производства и обмѣна дѣлаютъ возможной эту эволюцію. При этомъ ростъ или ослабленіе этой исторической силы обусловливается, съ одной стороны, интеллектуальной или волевой энергіей самой интеллигенціи, съ другой, умѣньемъ ея расширить кругъ своего вліянія, какъ силы цивилизующей, на большее число вчерашнихъ пасынковъ исторіи и дикарей высшей культуры. Но тутъ же совершается и другая дифференціація. Цивилизующая интеллигенція могла сдѣлаться историческою силою лишь при пособіи примкнувшей къ ней или подчинившейся ей части дикарей высшей культуры. Но для этихъ дикарей, въ мысли которыхъ переживаетъ царство обычая и моды, цивилизація, подрывающая старый обычай, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ *новою формою обычая*, новою

прочною культурою, не подлежащею измѣненію. И вотъ переходная эпоха кануна исторіи на первой же ступени исторической жизни смѣняется эпохою *попытки создать новую культуру*. Но эта культура представляетъ то характеристическое отличіе отъ культуръ доисторическихъ, что она не есть исключительно продуктъ безсознательной и непреднамѣренной общественной метаморфозы. Въ обществѣ образовался и проявился, какъ сила историческая, элементъ интеллигенціи, стремящейся къ развитію. Новая культура должна удовлетворить и этой сознанной потребности, а потому предъ нами *историческая цивилизація*, заключающая въ себѣ не только заботу о прочности новыхъ формъ жизни, а также стремленіе удовлетворить и нѣкоторыя идейныя требованія. Въ данномъ случаѣ попытка создать новую культуру характеризована тѣмъ обстоятельствомъ, что имѣетъ въ виду *цивилизаціи обособленныя*. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ исторіи начинается упомянутый выше [1]) рядъ неустранимыхъ смѣнъ эпохъ переходныхъ отъ одной разрушающейся культуры къ другой, такъ же неизбѣжно долженствующей разрушиться—и эпохъ, характеризованныхъ попыткою создать новую болѣе прочную и болѣе раціональную культуру. Требованіе общественной прочности сдерживаетъ и регулируетъ задачи общественныхъ реформъ и революцій во имя развитія. Требованіе развитія не дозволяетъ историческимъ цивилизаціямъ остановиться на какой либо неподвижной общественной комбинаціи задачъ жизни и мысли. Предъ историческими народами снова и снова возстаетъ въ разныхъ формахъ одинъ и тотъ же вопросъ исторической жизни: остановиться ли на выработанныхъ формахъ общежитія, на усвоенныхъ уже результатахъ работы мысли, или же слѣдуетъ продолжать работу мысли, измѣняя подъ ея вліяніемъ формы общежитія? Если же первое невоз-

---

1) См. стр, 36.

можно для мысли, какъ только она пробудилась къ потребности развитія, то каковъ долженъ быть путь измѣненій? Не слѣдуетъ ли отречься отъ нѣкоторыхъ совершившихся измѣненій въ прежнихъ культурныхъ формахъ и въ продуктахъ прежняго мышленія, какъ отъ фактовъ *патологическихъ*, отыскивая оздоровленіе общества въ болѣе или менѣе обширномъ возвращеніи къ старинѣ? Или же излѣченіе общественныхъ болѣзней надо искать на новыхъ путяхъ, открываемыхъ народамъ новою работою мысли и новыми формами культуры, вызываемыхъ къ жизни этою работою? Точно также какъ весь рядъ соціологическихъ задачъ человѣчества былъ предначертанъ при первыхъ же эмпирическихъ и раціональныхъ попыткахъ создать солидарное общежитіе, не препятствующее развитію сознательныхъ процессовъ въ личности, [1]) точно также первый же шагъ народовъ на историческомъ пути обусловленъ, какъ въ цивилизующей интеллигенціи такъ и въ ея сторонникахъ, подпавшихъ ея вліянію по обычаю или по модѣ,—дифференціаціею трехъ постоянно-борющихся партій: сторонниковъ того что *есть*, сторонниковъ реформъ, не ограничиваемыхъ ничѣмъ, кромѣ знанія прошедшаго и критики настоящаго, наконецъ сторонниковъ противуположныхъ реформъ, преимущественно черпающихъ свои идеалы изъ прошедшаго, будто бы подтвержденнаго опытомъ. На первыхъ ступеняхъ историческаго развитія здѣсь дѣло шло преимущественно о борьбѣ стараго обычая съ новымъ и съ произволомъ фантазіи личности, руководящейся представленіями о лучшемъ и худшемъ еще чисто эмпирическими и чуждыми дисциплинѣ раціональной критики. Съ выработкою критической мысли только что упомянутое противуположеніе все болѣе приближалось къ борьбѣ партій *консерваторовъ*, *прогрессистовъ* и *реакціонеровъ*, хотя встрѣчались случаи,

---

1) См. стр. 65.

когда эти термины приходилось историку прилагать вовсе не въ томъ смыслѣ, который имъ усвоенъ практикою рѣчи, такъ какъ въ этихъ случаяхъ дѣло шло объ *охраненіи* нѣкоторыхъ *прогрессивныхъ* пріобрѣтеній, которымъ грозила опасность со стороны *реформаторовъ*, стремившихся къ подавленію процессовъ развитія мысли и жизни; приходилось напоминать и *старыя* „забытыя слова", оставшіяся при долгомъ господствѣ реакціи и общественной деморализаціи формулами *дѣйствительнаго* общественнаго прогресса.

Случаи послѣднихъ упомянутыхъ явленій вовсе не такъ рѣдки, какъ это можно бы полагать. Такова, напримѣръ, эпоха Возрожденія: для большинства мыслящихъ историковъ стремленіе воскресить критику греческихъ философовъ, устранявшихъ мистическій и миѳологическій элементъ, или возвратиться къ античному типу драмы и лирики—было фактомъ безусловно-прогрессивнаго отношенія къ средневѣкой церковной цивилизаціи; однако же это было безспорно возвращеніе къ *болѣе старому* фазису исторической эволюціи, чѣмъ тотъ, который служилъ почвою для „суммы" Ѳомы Аквината, для средневѣковыхъ мистерій и „золотыхъ легендъ" или для „Романа Розы". И современную русскую либеральную прессу, отстаивающую судъ присяжныхъ и земскія школы противъ „реформаторовъ", алчущихъ стереть съ лица земли эти продукты *минувшихъ* десятилѣтій, едва ли можно называть прессою „консервативною" въ томъ порицательномъ смыслѣ, который по обычаю связанъ съ этимъ терминомъ.

Въ этой борьбѣ различныхъ теченій мысли у историческихъ народовъ, историкъ этой мысли не можетъ ограничиться объективнымъ констатированіемъ различныхъ фазисовъ, имѣвшихъ мѣсто въ этой борьбѣ, когда попеременно торжествовало то или другое направленіе. Ему приходится, съ одной стороны, угадывать *возможности*, представлявшіяся въ каждую эпоху для иного исхода столкновеній, съ другой—оцѣнивать, на сколько направленія восторжествовавшія и направленія побѣжденныя были фактами *здоровыми*, способными усилить и ускорить дѣйствительный прогрессъ въ исторіи, или фактами патологическими, за-

труднявшими и отдалявшими этотъ прогрессъ. Здѣсь съ наибольшею яркостью обнаруживается тотъ элементъ историческаго пониманія, для котораго, какъ авторъ старался указать выше [1]), неизбѣжнымъ—но, повидимому, и вполнѣ научнымъ,—пріемомъ оказывается пріемъ субъективнаго мышленія.

Но при этомъ намъ представляются два разные вопроса, изъ которыхъ одинъ относится къ уясненію того мѣста, которое задачи, характеристическія для перваго періода историческихъ цивилизацій, занимаютъ въ общемъ процессѣ исторіи, обусловливая степень его прогрессивности; другой — къ тому, что̀, въ частности, благопріятствовало въ разсматриваемую эпоху, удачному разрѣшенію этихъ частныхъ задачъ или подрывало возможность ихъ болѣе или менѣе удовлетворительнаго рѣшенія, т. е. къ тому, что̀ приходится признать здоровымъ или патологическимъ для *этой* эпохи. Эти два вопроса приходится разсматривать особо, но слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что указанные два вопроса, выступающіе предъ мыслью изслѣдователя впервые для перваго же періода исторической жизни человѣчества, повторяются и при изученіи каждой послѣдующей эпохи исторіи мысли.

Во всей совокупности историческаго процесса въ томъ видѣ, въ какомъ мы его способны понять съ точки зрѣнія развитаго человѣка нашего времени (или того, котораго мы считаемъ развитымъ) намъ приходится сравнить то состояніе культуры и тѣ задачи работы мысли, которыя имѣли мѣсто при началѣ процесса исторіи, съ культурою и задачами мысли, которыя мы *теперь* признаемъ какъ наиболѣе прогрессивныя, и приходится отнести къ явленіямъ *здоровымъ* тѣ элементы изучаемаго комплекса, которые были зародышами и подготовленіями нашихъ настоящихъ идеаловъ, къ *патологическимъ* — то, что затрудняло ихъ

---

[1]) См. стр. 103.

выработку и отклоняло личности и народы отъ этой выработки.

Здѣсь, предъ нами, въ началѣ исторіи, царство обычая, подрываемое царствомъ эгоистическихъ интересовъ, стремленіе выставить на первый планъ принудительный механизмъ государства для цѣлей механической же солидарности, экономическую и политическую конкурренцію суживающихся интересовъ семейныхъ, какъ органа развитія сознательныхъ процессовъ. Въ этой послѣдней эволюціи мы констатируемъ въ работѣ мысли теоретической отсутствіе не только научныхъ основъ и нравственныхъ убѣжденій, но отсутствіе всякихъ критическихъ методовъ; эти методы, однако же, медленно подготовляются въ области расширяющейся по чисто-эмпирической техники, въ сферѣ творчества эстетической и объединяющей мысли. При этомъ обнаруживается опредѣленное стремленіе поддержать и упрочить случайные организмы враждебныхъ между собою націй и государствъ слитіемъ въ одно прочное цѣлое элементовъ закона, обряда, общественныхъ вѣрованій, эстетическихъ торжествъ и насущныхъ вопросовъ политической, экономической и культурной жизни. Но это стремленіе встрѣчаетъ противодѣйствіе именно въ подготовляющейся критической мысли, такъ какъ она должна была, по своей сущности, работать надъ обособленіемъ этихъ элементовъ или даже надъ ихъ опредѣленнымъ противуположеніемъ.

Этой совокупности общественныхъ явленій то теченіе современной мысли, къ которому причисляетъ себя авторъ этихъ страницъ, противуполагаетъ совсѣмъ иной комплексъ работы мысли надъ формами культуры: пониманіе міра на почвѣ научнаго мышленія и возможно-полнаго устраненія некритическихъ и метафизическихъ элементовъ въ представленіяхъ объ этомъ мірѣ; возможно-широкое распространеніе на всѣ задачи жизни элементовъ раціональной нравственности, одновременно съ стремленіемъ установить царство убѣжде-

нія на мѣсто предшествовавшихъ царствъ традиціоннаго обычая и конкуррирующихъ интересовъ; возможно-цѣлесообразное творчество общественныхъ формъ въ виду опредѣленной и вполнѣ сознанной универсалистической цѣли объединить человѣчество, солидарность котораго была бы обусловлена общею и согласною работою всѣхъ личностей и всѣхъ народовъ надъ взаимнымъ ихъ развитіемъ.

Съ этой точки зрѣнія состояніе человѣческихъ обществъ при началѣ ихъ исторіи представляется какъ патологическое въ наибольшей своей части; здоровыми явленіями можно признать почти исключительно лишь тѣ подготовленія критической мысли, которыя обнаруживаются въ творчествѣ мысли эстетической и объединяющей; процессъ исторіи въ его цѣломъ приходится разсматривать какъ процессъ постепеннаго и очень медленнаго оздоровленія, процессъ, въ которомъ всего чаще надо констатировать переживаніе старыхъ патологическихъ явленій, лишь мало по малу вытѣсняемыхъ и смѣняемыхъ явленіями здоровыми, до сихъ поръ—и, вѣроятно, еще на довольно долгое время—представляющими рѣдкіе эпизоды.

Тѣ же самыя понятія и термины приходится примѣнить совсѣмъ иначе, какъ только мы отъ всей совокупности историческаго процесса (до нашего времени) переходимъ къ задачѣ понять каждую эпоху въ ея особенности. Здѣсь для каждой эпохи, независимо отъ общаго ея характера — большею частью патологическаго по отношенію къ общественнымъ идеаламъ нашего времени—предъ нами объективно-констатируемыя характеристическія задачи каждой эпохи (послѣдовательно: созданіе сильныхъ обособленныхъ государствъ; сплоченіе народовъ не только механическимъ принужденіемъ, но разумнымъ закономъ въ *правовой* порядокъ, способный стать универсалистическимъ; попытки универсалистической религіи, способной охватить всѣ народы связью одинаковыхъ убѣжденій; попытки про-

грессивнаго творчества новыхъ общественныхъ формъ путемъ реформъ сверху орудіемъ неограниченной власти, а затѣмъ снизу орудіемъ народныхъ движеній; подчиненіе интересовъ политическихъ интересамъ экономическимъ, въ одномъ случаѣ — господствующаго меньшинства, въ другомъ — массъ, и т. п.). Понять каждую отдѣльную эпоху, въ этомъ случаѣ, значитъ понять, что̀ именно въ общественномъ ея строѣ и въ работѣ ея мысли обусловливало обращеніе той или другой задачи въ характеристичную для *этой* эпохи, независимо отъ ея здоровыхъ и патологическихъ элементовъ; что̀ въ наличныхъ традиціяхъ прежнихъ эпохъ оставалось для разсматриваемаго времени элементомъ жизненнымъ, содѣйствующимъ характеристическимъ задачамъ того времени; что̀ являлось для *этихъ* задачъ вреднымъ переживаніемъ; что̀, наконецъ, изъ болѣе или менѣе замѣтныхъ явленій эпохи, должно быть понято какъ зародышъ эпохъ позднѣйшихъ, зародышъ, не имѣвшій еще возможности созрѣть, но важный для историка, какъ подготовленіе будущаго. Здѣсь дѣло идетъ для каждой эпохи о переживаніяхъ какъ доисторическаго времени, такъ и всѣхъ предшествующихъ періодовъ въ ихъ особенностяхъ, и точно также о подготовленіи не только непосредственно-слѣдующаго періода, но и зародышныхъ задачъ, которыя могли быть поставлены раціонально лишь гораздо позже. Здѣсь предъ мыслителемъ гораздо болѣе элементовъ объективныхъ, которые приходится констатировать независимо отъ тѣхъ или другихъ общественныхъ идеаловъ; однако субъективный элементъ не можетъ быть исключенъ, какъ только дѣло идетъ объ оцѣнкѣ *важности* того или другого переживанія прошлаго или зародыша будущаго, объ установленіи разныхъ *возможностей* въ данныя фазисы эволюціи, возможностей, существованіе которыхъ зависѣло уже не отъ нормальнаго хода явленій, а отъ ихъ случайныхъ отношеній; наконецъ о признаніи того или другого явле-

нія въ данномъ случаѣ *здоровымъ* или *патологическимъ*.

Первый слой историческихъ цивилизацій, именно *цивилизацій обособленныхъ* и безусловно враждебныхъ между собою, характеризованъ такою техникою, которая дозволяла образованіе болѣе или менѣе обширныхъ объединенныхъ государствъ и окончательное распаденіе рода на многочисленныя экономически конкуррирующія семьи. При этомъ какъ государство, такъ и отдѣльныя группы, входившія въ его составъ, одни (какъ Египетъ при всѣхъ династіяхъ, сохранявшихъ его обособленность) могли оставаться на ступени хозяйства натуральнаго, другія (какъ государства на берегахъ Евфрата и Тигра) могли рано перейти—по крайней мѣрѣ въ господствующихъ классахъ—къ хозяйству денежному и кредитному. Происходитъ немаловажное измѣненіе и въ сферѣ работъ мысли теоретической. Въ предыдущій періодъ комплексъ фантастическихъ вѣрованій имѣлъ особенную важность для особей, стремившихся обезпечить себѣ удачу, и вызывалъ въ массѣ этихъ особей благопріятный процессъ развитія представленій и понятій. Теперь совершился переходъ къ обрядному комплексу, преимущественно сплачивающему элементы государства, въ достаточной мѣрѣ враждебные между собою и конкуррирующіе изъ за экономическихъ и политическихъ интересовъ каждаго изъ этихъ элементовъ. Происходитъ все болѣе опредѣленное дифференцированіе общественныхъ слоевъ: интеллигенція, побуждаемая потребностью развитія и обращающая старую обычную культуру въ историческую цивилизацію, дифференцируется какъ отъ слоя дикарей высшей культуры, пользующихся выгодами этой цивилизаціи безъ участія въ ея развивающемъ движеніи, такъ и отъ массъ пасынковъ ея, при чемъ пользоваться ея выгодами этимъ пасынкамъ мѣшаетъ давленіе господствующихъ классовъ. Отсюда въ области техники развитіе тѣхъ ея отраслей, которыя усиливаютъ могущество или до-

стоинство классовъ господствующихъ, и застой въ тѣхъ, значеніе которыхъ въ этомъ отношеніи невелико, или не усвоено пониманіемъ интеллигенціи. Отсюда въ области творчества общественныхъ формъ сравнительная непрочность государствъ, представляющихъ почти исключительно связь механическую и подрываемую какъ враждебностью элементовъ, входящихъ въ эти механизмы, пытающіеся выработать органическую связь, такъ и чисто-эгоистическими стремленіями конкуррирующихъ семей и ихъ группъ. Отсюда и сосуществованіе въ цивилизаціяхъ этого періода двухъ слоевъ фантастическаго творчества. Въ массѣ пасынковъ цивилизаціи и въ значительномъ большинствѣ дикарей высшей культуры мы констатируемъ слой вѣрованій, представляющихъ цѣликомъ переживаніе вѣрованій доисторическихъ (анимизма, фетишизма, колдовства и т. п.), не имѣющихъ ничего общаго съ наличными задачами государственной солидарности и усвоенія семьями пониманія ихъ дѣйствительныхъ интересовъ. Этотъ слой вѣрованій, по сущности аффективнаго элемента въ немъ присутствующаго, съ трудомъ можетъ мириться съ тѣмъ настроеніемъ духа, которое вызываетъ принудительное подчиненіе государственному закону и административному распоряженію. Совсѣмъ иного рода комплексъ фантастическихъ представленій и обычаевъ мы констатируемъ въ господствующихъ классахъ, именно въ интеллигенціи и въ одной части дикарей высшей культуры, сближенныхъ съ интеллигенціею модою на побужденія, господствующія въ послѣдней. Для личностей этого слоя культуры переживанія анимизма и колдовства, при всемъ ихъ распространеніи, были уже второстепеннымъ, случайнымъ элементомъ вѣрованій, если даже не признакомъ низшей культуры; обрядность оттѣсняла на второй планъ религіозный аффектъ, такъ какъ дѣло шло уже для интеллигенціи не о „фантастическихъ представленіяхъ, скрѣпляющихъ рядъ обычаевъ“ и не объ устанавливающемся „общеніи между

людьми и богами“,—какъ это было для доисторическихъ вѣрованій и оставалось нормою для массъ—а о „комплексѣ дѣйствій, являющихся символомъ культурнаго единства, и около котораго разростались продукты болѣе или менѣе свободнаго художественнаго творчества и философскаго мышленія“ [1]). Именно здѣсь мы констатируемъ обрядную религію, съ одной стороны—ослабляющую въ обществѣ эмоціонный элементъ вѣрованія, къ которому господствующіе классы относятся равнодушно; съ другой—связанную на сколько возможно тѣснѣе съ закономъ, съ обыденною жизнью, съ общественными торжествами, съ произведеніями художественнаго и философско-миѳологическаго творчества; съ третьей, наконецъ, направляющую всѣ коэрситивныя силы государства на охраненіе новаго обряднаго обычая, какъ орудія прочности государства, какъ символа его единства, пытаясь этимъ путемъ обратить государственный механизмъ въ органическій союзъ и ослабить подрывающую эту связь конкурренцію семейныхъ интересовъ.

При этихъ явленіяхъ раздвоенности и враждебности въ нѣкоторыхъ областяхъ общественной жизни — явленіяхъ существенно патологическихъ для обществъ даннаго періода по отношенію къ ихъ самымъ характеристическимъ задачамъ—жизненные элементы эпохи приходится признать въ другихъ областяхъ мысли, именно мысли эстетической и объединяющей. Ихъ развитіе или его недостатокъ не могли оказать значительнаго вліянія ни на ходъ распаденія строя родоваго, ни на сравнительную прочность и силу возникающихъ обособленныхъ государствъ, ни на экономическую и политическую борьбу семей за ихъ интересы, т. е. ни на одинъ изъ важнѣйшихъ наличныхъ элементовъ работы творчества общественныхъ формъ. Но эстетическая и объединяющая мысль представляли

---

1) См. стр. 71.

почву развитія сознательныхъ процессовъ въ личностяхъ въ направленіи, не только не враждебномъ идейному объединенію общественной культуры, но подготовлявшемъ позднѣйшую эпоху критической мысли, нравственныхъ убѣжденій и универсалистическихъ задачъ выработкою для этой сферы дѣятельности все болѣе богатаго матеріала. Этотъ матеріалъ находился въ самой тѣсной связи съ элементомъ индивидуализма, постепенно разъѣдавшаго родовой строй, но въ то же самое время обращавшагося въ одинъ изъ главныхъ двигателей борьбы съ обычаемъ во имя задачъ мысли. Искуство въ эту эпоху перестаетъ быть лишь забавою, имѣющею значеніе гораздо болѣе по своему универсалистическому распространенію [1]), чѣмъ по художественной правдивости своихъ продуктовъ. Эта правдивость становится, по видимому, все болѣе важнымъ двигателемъ эстетическаго творчества. Поэтому его продукты пріобрѣтаютъ особенную историческую важность, какъ характеристическія иллюстраціи и формъ культуры и направленій въ работѣ мысли даннаго времени. Необходимо констатировать въ этой области и еще одно явленіе, имѣющее не менѣе значенія, какъ зародышъ будущаго: въ довольно раннихъ памятникахъ періода обособленныхъ цивилизацій, среди безстрастной эпики или обрядныхъ гимновъ, важныхъ лишь для оцѣнки формъ культуры, приходится отмѣтить уже вполнѣ ясныя проявленія сатиры—хотя бы еще и очень наивной—направленной и противъ господствующихъ классовъ, и даже противъ предметовъ общественнаго вѣрованія, сатиры, которая должна была войти впослѣдствіи столь могучимъ двигателемъ въ исторію мысли вообще и сдѣлаться въ наше время едва-ли не самымъ важнымъ жизненнымъ элементомъ въ продуктахъ эстетическаго творчества, болѣе или менѣе проникнутаго требованіями художественной правдивости. У истори-

---

[1]) см. стр. 68.

ческихъ народовъ первой формаціи, въ ихъ эпопеяхъ и въ стройныхъ миѳологіяхъ, постепенно развившихся изъ безличныхъ повѣствованій, сказокъ и миѳовъ доисторическаго времени, эстетическая мысль создавала индивидуальные типы Ахилловъ, Сигурдовъ, Вейнемейненовъ, Зевсовъ, Истаръ и Аполлоновъ; мысль объединяющая группировала эти фантастическія индивидуальности въ циклы эпическихъ сказаній, въ генеалогіи боговъ и героевъ, вырабатывая и перерабатывая все болѣе гармоническія и обширныя представленія о составѣ и формахъ міра, о происхожденіи предметовъ и людей, о прошедшемъ и будущемъ. Подготовлялись задачи мысли нравственной въ стремленіи придать героямъ и богамъ высшее достоинство, и въ невольномъ процессѣ переработки понятія объ этомъ достоинствѣ элементами, связанными не только съ представленіемъ о большемъ могуществѣ, но и смутнымъ еще понятіемъ о справедливости, насколько это понятіе могло возникнуть до усвоенія человѣкомъ пріемовъ критической мысли. Съ наибольшею энергіею этотъ ранній элементъ будущаго можно констатировать въ переработкѣ миѳовъ о загробномъ мірѣ и посмертномъ возмездіи. Тотъ высшій элементъ, который составлялъ достоинство боговъ, невольно перерабатывалъ и понятіе о достоинствахъ личностей человѣческихъ, о законѣ, которому принудительно подчинялись подданные государства. Вырабатывалось представленіе о другомъ законѣ, болѣе удовлетворяющемъ задачѣ развитія, чѣмъ механическій законъ государства или формальныя требованія обрядности; о *неписанномъ* законѣ Антигоны, въ которомъ переживающее представленіе о несокрушимой святости обычая, мало-помалу переходило въ обязанность, налагаемую самою личностью на себя во имя потребности развитія.

Здѣсь намъ представляется знаменательный комплексъ характеристическихъ чертъ періода, подготовленія дальнѣйшаго фазиса и переживанія стараго. Какъ

одну изъ самыхъ характеристическихъ чертъ разсматриваемаго періода, слѣдуетъ отмѣтить болѣе или менѣе роскошный расцвѣтъ творчества народной эпопеи и систематической миѳологіи, творчества, не стѣсненнаго еще требованіями мысли критической и не превзойденнаго никогда въ послѣдствіи: тутъ подготовлялось замѣчательное будущее въ эволюціи эстетической а отчасти и философской мысли. Не менѣе характеристична и другая черта, обусловленная противурѣчіемъ между разрушающимся строемъ родовымъ и новыми требованіями, поставленными обществу развивающимся строемъ узко-семейнымъ; черта, слѣды которой можно подмѣтить и въ самыхъ замѣчательныхъ продуктахъ только что указаннаго творчества. Съ одной стороны, всѣ начала родовой связи рушатся, выставляя на видъ непрочность и элементы враждебности, обусловленные новымъ коллективнымъ организмомъ. Съ другой—этотъ самый разрушающійся родовой строй въ своихъ многочисленныхъ переживаніяхъ является однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ источниковъ только что упомянутой непрочности и враждебности. Ни стремленіе придать прочность государству и сдѣлать болѣе удобною конкурренцію семей, ни стремленіе слить въ одинъ нераздѣльный комплексъ разныя отрасли работы мысли, ни выработка интеллигенціи и индивидуализма — словомъ, ни одна насущная задача этого періода — не только не были облегчены этими переживаніями родоваго строя, но скорѣе мы можемъ констатировать здѣсь противорѣчіе. Тѣмъ не менѣе эти переживанія имѣли мѣсто и перешли отчасти еще въ позднѣйшіе фазисы эволюціи.

Переживаніе родового строя въ позднѣйшее время позволительно признать въ наслѣдственности власти династій монарховъ и аристократическихъ родовъ, гордыхъ своей генеалогіей, въ заботахъ о генеалогическомъ преданіи: въ легендахъ о происхожденіи того или другого рода отъ боговъ; въ спеціальныхъ выработкахъ въ эпопеяхъ генеалогическихъ преданій: въ спеціальныхъ родовыхъ культахъ; въ легальныхъ наслѣдственныхъ привилегіяхъ и т. под.

Для пониманія этого періода не лишено довольно важнаго значенія это сосуществованіе въ немъ нѣсколькихъ очень различныхъ элементовъ.

Къ этому періоду здѣсь отнесены какъ народы самостоятельно развивавшіеся около бассейна Средиземнаго моря, такъ и народы новой Европы, вступившіе въ исторію подъ сильнымъ вліяніемъ римско-эллинской традиціи и древнѣйшихъ формъ универсалистическихъ вѣрованій, а также сѣверные финны и близкіе къ тропикамъ жители центрально-американскихъ плоскогорій.

Періодъ обособленныхъ цивилизацій, какъ фазисъ промежуточный между доисторическимъ временемъ и началомъ опредѣленнаго функціонированія мысли критической, представляетъ еще ту особенность, что онъ отчасти повторяется и могъ бы, даже, еще повторяться, хотя при значительно измѣнившихся условіяхъ среды, вслѣдствіе втягиванія тѣхъ или другихъ народовъ въ историческую жизнь въ эпохи, раздѣленныя значительными періодами времени. Въ предыдущемъ мы имѣли преимущественно въ виду народы древне восточной и античной цивилизацій, которымъ приходилось вступать въ историческую жизнь преимущественно *собственною инаціативою* (хотя тутъ предъ историками вопросы, отчасти остающіеся спорными) или, по крайней мѣрѣ, въ эпохи, когда цивилизующіе народы еще не вышли сами изъ періода обособленныхъ цивилизацій. Но та же цивилизаціонная задача вступленія въ историческую жизнь стала позже предъ народами средней и сѣверной Европы, когда цивилизующая среда представлялась въ формѣ универсалистическаго правового римскаго государства и универсалистической церкви. При этомъ одна доля общественныхъ процессовъ была обусловлена тѣми самыми задачами, которыя имѣли мѣсто для всѣхъ народовъ выходящихъ изъ доисторическаго быта; другая же—особенностями универсалистическихъ тенденцій среды, служившей почвою новой культуры и новой работы мысли. Подобное же явленіе *могло бы* повториться и тогда, когда, въ канунъ новой свѣтской цивилизаціи, волна историческаго движенія захватила народы Америки, изъ которыхъ немногіе находились въ періодѣ обособленныхъ цивилизацій, ни одинъ не выработалъ замѣтныхъ слѣдовъ мысли критической, большинство же находилось въ совершенно такомъ же фазисѣ доисторической жизни, въ какомъ были германцы въ эпоху Цезаря и Тацита. Но только что упомянутая *возможность* повторенія въ Америкѣ того, что имѣло мѣсто когда-то въ Европѣ, не осуществилась, потому что этотъ разъ конквистадоры, искатели американскаго золота и эксплуататоры богатствъ новооткрытыхъ частей свѣта пришли изъ Европы безъ всякой тенденціи дать цвѣтнымъ людямъ участіе въ цивилизаціи бѣлыхъ и тѣмъ

создать себѣ новыхъ экономическихъ и политическихъ конкуррентовъ; но съ ясно-сознанною и энергически — проведенною цѣлью истребить „язычниковъ“ или обратить ихъ въ рабство. Такимъ образомъ мы имѣемъ факты сходства рядомъ съ фактами рѣзкаго различія. Въ эти двѣ эпохи,—отдѣленныя огромнымъ промежуткомъ времени отъ перехода Вавилона или Аѳинъ отъ доисторическаго періода къ періоду критической мысли путемъ культурныхъ формъ обособленныхъ цивилизацій, — и варвары сѣвера и краснокожіе Америки представили образцы индивидуалистическихъ героическихъ сказаній, объединенныхъ и довольно-стройныхъ миѳологій, образцы художественной архитектуры и т. под. Это были характеристическія черты, общія всѣмъ народамъ въ этомъ фазисѣ цивилизаціи, когда бы этотъ фазисъ ни повторялся. Что касается до фазиса критической мысли, то разсматриваемыя двѣ эпохи находились въ этомъ отношеніи въ прямой противуположности: варвары Европы восприняли мысль критическую отъ своихъ античныхъ цивилизаторовъ, какъ элементъ обычной культуры, и всѣ усилія средневѣковыхъ обрядниковъ, мистиковъ и метафизиковъ подавить эту унаслѣдованную тенденцію оказались окончательно тщетными; „язычники“ же другихъ частей свѣта были насильственно и систематически отрѣзаны отъ всякаго прогрессивнаго процесса общественной жизни своими „просвѣтителями“ и въ значительной мѣрѣ истреблены.—Въ Индостанѣ, при переходѣ стараго строя обособленной цивилизаціи эпохи Ведъ къ универсалистическому эпизоду буддизма и теченій мысли ему аналогичныхъ, и при возвращеніи къ менѣе прогрессивному фазису индуизма, мы имѣемъ особенные процессы, на которыхъ здѣсь остановиться было бы неудобно.

ГЛАВА IX.

Схема исторіи мысли: б) До свѣтской цивилизаціи новаго времени.

Историческое значеніе мысли критической. — Затрудненія. — Судьба трехъ главныхъ проявленій критической мысли и борьба съ переживаніями. — (Невещественныя субстанціи). — Разрывъ между основаніями критической мысли и ея проявленіями.

Попытка правового государства.

Періодъ универсалистическихъ религій. — Массы и новая интеллигенція. — Церковь. — (Буддизмъ и исламъ).

Средневѣковая церковная культура и три ея элемента. — Характеристическія несогласія. — Схоластическое мышленіе и постановка новой религіозно-философской задачи.

Духовный союзъ, государство и семья. — Византійскій типъ отношеній между церковью и государствомъ. — (Типъ ислама). — Типъ католицизма. — (Армія монашества и школы). — Элементъ обрядный и легендарный.

Традиція цезаризма и препятствія ея осуществленію.

Третій элементъ средневѣковой культуры. — Средневѣковой феодализмъ. — Средневѣковые поэтическіе циклы и типъ рыцаря. — Экономическіе и идейные процессы. — Средневѣковой городъ и средневѣковая буржуазія. — Университеты. — Юристы и медики.

(Возможность иного хода исторіи).

Подготовленіе паденія средневѣкового общественнаго строя. — (Отклоненія отъ общаго хода событій въ разныхъ странахъ).

Канунъ новой свѣтской цивилизаціи.—Гуманизмъ.— Открытіе новаго міра.— Демонологія. — Искусство эпохи Возрожденія. — Расцвѣтъ индивидуализма. — Хаотичность. — Область искусства.—Ростъ точной науки.

Періодъ обособленныхъ цивилизацій смѣняется эпохою выработки въ человѣчествѣ *мысли критической,* значеніе которой для исторіи не можетъ быть оцѣнено достаточно высоко. Велико для пониманія эволюціи мысли значеніе выдѣленіе человѣка изъ міра зоологическаго, или вступленіе нѣкоторыхъ народовъ въ жизнь историческую. Важны отличія, представляемыя въ позднѣйшее время формами и продуктами античной цивилизаціи, попыткою церковной средневѣковой культуры, наконецъ эволюціи новой свѣтской цивилизаціи съ ея фазисами особенно знаменательными для насъ — ея продолжателей и участниковъ ея позднѣйшихъ заботъ. Тѣмъ не менѣе лишь выработка въ человѣчествѣ *мысли критической* обусловила и возможность пониманія задачъ солидарности, и возможность усвоенія задачъ истиннаго развитія сознательныхъ процессовъ въ личности, и самую возможность поставить задачу прогресса какъ гармоническаго соединенія этихъ двухъ цѣлей. Внѣ незначительнаго числа жизненныхъ элементовъ, унаслѣдованныхъ всѣми позднѣйшими эпохами отъ самыхъ раннихъ, едва-ли есть какое либо прогрессивное явленіе въ позднѣйшей исторіи, которое не пришлось бы, именно въ его прогрессивныхъ элементахъ, возвести къ работѣ *мысли критической*, каковы ни были бы, впрочемъ, его техническіе и эмпирическіе источники и прецеденты.

Но эпоха выступленія критической мысли на историческую сцену была эпохою *переходною* и потому уже представляетъ изслѣдователю многочисленныя затрудненія для ея надлежащаго пониманія. Одни изъ этихъ затрудненій принадлежатъ *всякой* переходной эпохѣ, какъ такой, гдѣ можно вполнѣ опредѣленно

констатировать лишь недовольство наличными формами культуры и наличнымъ господствующимъ направленіемъ работы мысли, но то *лучшее*, которое должно смѣнить настоящее, вызывающее недовольство, остается въ значительной мѣрѣ смутнымъ. Другія затрудненія характеристичны именно для *этой* переходной эпохи.

Прежде всего научное и философское пониманіе разсматриваемой эпохи (и въ этомъ обстоятельствѣ дозволительно, можетъ быть, констатировать новую аналогію съ другими переходными эпохами исторіи) подавлено богатствомъ конкретныхъ формъ и процессовъ, при этомъ развивающихся. Это богатство вызываетъ въ изслѣдователѣ гораздо болѣе склонности къ художественному воскрешенію эпохи въ конкретной комбинаціи ея элементовъ, чѣмъ къ ихъ тщательному фактическому анализу и дальнѣйшему умственному синтезу. Тѣмъ не менѣе внимательный изслѣдователь отмѣчаетъ нѣсколько крупныхъ явленій въ эволюціи мысли этой эпохи. Постепенно вырабатывается, какъ источникъ прогресса, мысль критическая. Въ основу дальнѣйшаго процесса пониманія и творчества въ разныхъ отрасляхъ послѣдняго ложатся начала научно-философскаго мышленія, универсализма и нравственныхъ убѣжденій. Въ этомъ фазисѣ философское мышленіе стремится уже не къ приданію наличнымъ вѣрованіямъ и мнѣніямъ болѣе единства и гармоніи, какъ было прежде, но къ внесенію въ эти традиціонные продукты мысли реальнаго пониманія на основаніи усвоенныхъ фактовъ, растущаго наблюденія, улучшающихся методовъ приближенія къ истинѣ теоретической и къ правдѣ практической. Послѣ долгаго процесса работы философской мысли надъ отысканіемъ *сущности* вещей въ понятіяхъ, заимствованныхъ изъ міра реальнаго или изъ міра идеальнаго, и надъ стремленіемъ къ абсолютной достовѣрности въ умозрѣніяхъ, вырабатывается античный скептицизмъ. Онъ сознаетъ безплодность этого пути, отрицаетъ всякую возмож-

ность ставить даже самый вопросъ о сущности вещей и замѣняетъ его для мыслителей позднѣйшихъ періодовъ раціональною задачею понять міръ, устраняя вопросъ о его сущности; онъ указываетъ (въ младшей академіи) и путь отысканія *вѣроятнѣйшаго* тамъ, гдѣ *достовѣрность* недостижима, предлагая тѣмъ философамъ, которые остаются вѣрны задачѣ отысканія сущностей, лишь одинъ исходъ: обращеніе къ некритической мистикѣ, чуждой всякой научности. И это какъ разъ въ то самое время, когда появляются первые мыслители, провозглашающіе себя „гражданами міра"; когда появляются и первые ученые спеціалисты, по силѣ и по точности своей научной мысли остающіеся образцами для спеціалистовъ позднѣйшихъ. Искусство усвоиваетъ новый могущественный элементъ индивидуалистической лирики греческихъ поэтовъ, еврейскихъ псалмопѣвцевъ и пророковъ. Оно усвоиваетъ и элементъ драмы, воплотившей въ сценическое дѣйствіе для массъ—по всей вѣроятности безграмотныхъ въ большинствѣ—требованія нравственной критики, направленной противъ формъ миѳологіи обособленныхъ цивилизацій. Предъ нами первыя произведенія, въ которыхъ задачи пониманія историческихъ событій въ ихъ связи и послѣдовательности поставлены съ опредѣленностью остававшейся надолго послѣ того непревзойденною. Предъ государственными дѣятелями встаетъ философская задача систематическаго права, и, въ то же самое время, предъ мыслителями, какъ идеалистическаго, такъ матеріалистическаго или даже скептическаго направленія, возникаетъ почти во всей ея полнотѣ, задача системы философіи, охватывающей и пониманіе міра, и правила жизни и разрѣшеніе политическихъ затрудненій; предъ всякою же развитою личностью, даже совершенно независимо отъ силы ея пониманія, возникаетъ идеалъ жизни по личному убѣжденію, не подчиняясь ни стародавнему обычаю, ни

господствующимъ формамъ жизни, ни государственному закону.

Но, рядомъ съ этимъ широкимъ развитіемъ прогрессивныхъ задачъ, историка мысли не можетъ не поразить исходъ этого великаго движенія. Вслѣдъ за расцвѣтомъ критической мысли въ философіи и въ точной наукѣ, онъ имѣетъ предъ собою фактъ, что вредный элементъ переживанія обнаружился все рѣзче въ постепенномъ усиленіи метафизической и фантастической доли въ философскихъ системахъ, пока, въ произведеніяхъ позднѣйшихъ орфиковъ, пиѳагорейцевъ, платониковъ, гностиковъ, объединяющая работа мысли выработала наконецъ такія формы, въ которыхъ трудно распознать раціональную философскую работу мысли отъ прежней миѳологической, создавшей іерархію боговъ Египта и Ассиріи. Стремленіе небольшой горсти передовыхъ мыслителей возвыситься надъ толпою, какъ уединенные „понимающіе“ и „знающіе“, устраняя вовсе задачу быть педагогами массъ, сдѣлало свое дѣло. Еще шагъ и философія сознательно принимаетъ на себя роль „служанки“. Свѣтская критическая мысль въ ней сходитъ на ступень явленія случайнаго, незначительнаго для современниковъ и едва ли не враждебнаго культурѣ, которая стремится установиться. При подобныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ проявленія критической мысли въ области теоретическаго пониманія міра, нельзя было ожидать, чтобы это пониманіе оказалось сколько нибудь вліятельнымъ въ сферѣ творчества общественныхъ формъ. Это послѣднее не могло освободиться отъ пріемовъ, въ которыхъ историкъ мысли признаетъ переживаніе предшествующихъ эпохъ. Предъ нами государственность міра діадоховъ.

Это основное, общее затрудненіе въ пониманіи разсматриваемаго періода, заставляетъ историка мысли приглядѣться болѣе тщательно къ элементамъ совершающагося процесса и особенно къ тѣмъ, которые представляются здѣсь наиболѣе важными и характе-

ристическими. Тутъ встрѣчаются новыя затрудненія. Предъ нами нѣсколько различныхъ элементовъ работы критической мысли, входящихъ одновременно въ процессъ ея дѣятельности. Но, прежде всего, не совсѣмъ легко установить опредѣленную связь между этими элементами. Затѣмъ оказывается, что изъ этихъ различныхъ направленій, одинаково присущихъ эпохѣ, *непосредственная* побѣда принадлежитъ одному изъ нихъ, тогда какъ другіе отодвинуты временно на второй планъ. Однако позже, именно эти, какъ бы побѣжденныя теченія торжествуютъ и тѣмъ самымъ обусловливаютъ гораздо позднѣйшіе фазисы цивилизаціи, возникшей на развалинахъ культуръ, которыя напрасно пытались утвердиться.

Изъ многочисленныхъ формъ проявленія критической мысли въ эту эпоху особую важность имѣютъ для историка мысли слѣдующія упомянутыя уже три формы.

Обнаруживается, во-первыхъ, *универсалистическая* тенденція, подрывающая сущность культуры обособленныхъ цивилизацій.

Создается, во-вторыхъ, почва — отчасти метафизическая—для *научнаго* мышленія, а затѣмъ устанавливаются методы этого мышленія въ спеціальныхъ областяхъ. Это происходитъ путемъ отрицанія всякой пользы отъ обработки унаслѣдованныхъ миѳологій для приданія имъ большей стройности. Тѣмъ не менѣе работа надъ ними продолжается весьма энергично, но теперь уже въ направленіи внесенія въ миѳологіи элемента нравственности, о чемъ сейчасъ будетъ сказано ниже. Работа объединяющей мысли, создающей теперь философскія системы, переносится въ сферу свѣтской мысли, которая сознана, какъ отличная отъ сферы вѣрованія или даже какъ противуположная послѣдней. Тѣмъ самымъ, въ усвоеніи сознанія различія этихъ сферъ, подрывается характеристическое стремленіе предшествовавшей культуры обособленныхъ націй слить, въ виду прочности государствъ, задачи, принадлежа-

щія разнымъ областямъ мысли. Когда наступаетъ эпоха новой попытки создать въ историческій моментъ, здѣсь имѣющійся въ виду, новую обычную культуру, оказывается, что и спеціально-научная мысль Евклидовъ и Архимедовъ отдѣлилась отъ метафизики академиковъ, перипатетиковъ и стоиковъ.

Отъ сферы обязательнаго обычая, принудительнаго закона и догматической заповѣди отдѣляется, въ третьихъ, и сфера *нравственнаго* убѣжденія, требующаго постановки жизненныхъ цѣлей и руководства жизненной дѣятельности на основаніи обязанности, самою личностью на себя возложенной. Такимъ образомъ подрывается элементъ обрядности, господствовавшій въ предыдущемъ періодѣ въ томъ комплексѣ, который называютъ религіями; на первомъ мѣстѣ въ комплексѣ этого рода становится убѣжденіе; подрывается элементъ формальной легальности, связывавшей механическій государственный союзъ; подрывается элементъ принудительности въ семьѣ, выставляя на первый планъ начало личныхъ симпатій и свободнаго выбора. Съ особенною силою и съ особеннымъ значеніемъ вліяніе этого начала нравственности проявляется въ энергической переработкѣ миѳологій, дополняя въ типахъ боговъ элементъ могущества элементомъ нравственнаго достоинства, а также въ идеалахъ достоинства человѣческой личности, которыя все сильнѣе проникаются этимъ элементомъ.

На первый взглядъ эти три формы проявленія критической мысли представляются одна отъ другой независимыми и не легко уяснить себѣ ихъ одновременное выступленіе на сцену исторіи, или ихъ историческую связь.

Едва ли не вѣроятнѣе другихъ гипотеза, допускающая, что наиболѣе обширное подготовленіе въ предшествующій періодъ имѣло начало нравственное, невольно, подъ вліяніемъ художественныхъ работъ надъ миѳами и преданіями, входившее въ типы героевъ и

боговъ, а затѣмъ, и реальныхъ личностей, въ которыхъ потребность развитія вызывала попытки приблизиться къ этимъ героямъ и богамъ не только по могуществу и по проницательности, но и по новымъ, болѣе утонченнымъ элементамъ личнаго достоинства.

Для универсалистическихъ тенденцій можно констатировать гораздо меньше подготовительныхъ элементовъ, но дозволительно допустить для этихъ элементовъ прежде всего чисто реальный источникъ, въ расширеніи и учащеніи торговыхъ сношеній между народами и государствами. Въ виду интересовъ торгующаго класса установленіе болѣе справедливыхъ пріемовъ обмѣна могло предшествовать задолго нравственному сознанію обязательности быть справедливымъ, однако могло постепенно выработывать это сознаніе. Разъ мы допустили появленіе послѣдняго, оно для болѣе развитыхъ личностей могло уже безъ особеннаго затрудненія перейти изъ сферы обмѣна и торговыхъ сношеній и на всѣ другія сферы отношеній между людьми, признававшими другъ друга въ какомъ либо отношеніи „своими". Тѣмъ не менѣе сколько нибудь вліятельное проявленіе универсализма приходится по видимому отнести къ болѣе позднему времени, чѣмъ первое, нѣсколько обширное, усвоеніе начала, что развитой личности слѣдуетъ жить по личному убѣжденію.

Научная мысль въ своей спеціальности была продуктомъ еще позднѣйшимъ. Но и свѣтская философія, способная сдѣлаться философіей научной, выдѣляющей изъ себя миѳологическій элементъ, замѣняя его метафизическимъ, можетъ быть констатирована лишь позже выступленія нравственнаго убѣжденія какъ двигателя личности. Уже гораздо труднѣе сказать, на сколько эти философскія проблемы были вызваны болѣе или менѣе ясными универсалистическими тенденціями, или же выработались на почвѣ этихъ, отчасти безсознательныхъ, тенденцій. Этотъ вопросъ можетъ, пока, считаться спорнымъ.

Во всякомъ случаѣ, можетъ быть вѣроятнѣе допустить, что три указанныя проявленія критической мысли, съ виду хотя обособленныя, находились въ тѣсной психологической зависимости между собою, и что, по отношенію къ генетической связи, ранѣе другихъ, на почвѣ работы мысли эстетической и объединяющей, началась переработка понятія о достоинствѣ личности въ направленіи нравственныхъ элементовъ. Эти элементы, по самой сущности, едва ли могли не сгладить, при оцѣнкѣ личнаго достоинства, различіе „чужихъ“ и „своихъ“ по расѣ, по родству, по культурному обычаю, по принадлежности къ тому или другому политическому цѣлому, чтобы замѣнить это различіе другимъ—по высшему или низшему нравственному развитію, различіемъ уже опредѣленно-универсалистическимъ и способнымъ выработать самыя широкія задачи въ этомъ направленіи. При этомъ трудно не допустить дальнѣйшаго слѣдствія, что въ представленіе о нравственномъ достоинствѣ мыслителя должно было по логической необходимости входить все опредѣленнѣе требованія точнаго пониманія, выдѣленіе работы творчества (миѳологическаго, художественнаго и метафизическаго) изъ работы мысли познающей, т. е. именно тотъ интелектуальный процессъ, который лежитъ въ основѣ и спеціальной науки и научной философіи.

Но эти три указанные способы проявленія критической мысли при ея выступленіи на сцену исторіи имѣли предъ собою значительную и упорную массу переживаній. Она вліяла энергически на ходъ событій. По этому, для поверхностнаго взгляда на этотъ ходъ, только что упомянутые продукты критической мысли—въ сущности обусловившіе главнымъ образомъ всю послѣдующую исторію и внесшіе въ нее всѣ прогрессивные элементы, которые можно въ ней констатировать—отчасти смѣшиваются самымъ неожиданнымъ образомъ съ явленіями совершенно иного, даже про-

тивуположнаго характера, отчасти заслоняются до неузнаваемости подобными явленіями. Именно лишь болѣе или менѣе вѣрная оцѣнка роли этихъ переживаній въ реальной эволюціи событій можетъ, по видимому, способствовать въ нѣкоторой степени уясненію этой эволюціи и устраненію затрудненій при этомъ встрѣчаемыхъ историкомъ; стремящимся не только *знать* особенности совершающагося процесса но и *понимать* ихъ.

Предъ нами собственно два сосуществующіе но весьма различные слоя процессовъ работы мысли періода. Слою высшему принадлежитъ выработка представленія объ универсализмѣ; подготовленіе научной мысли путемъ созданія философскихъ системъ, устраняющихъ элементъ фантастическій и способныхъ уяснить разницу мышленія метафизическаго отъ научнаго; наконецъ внесеніе во всѣ наличные продукты мысли эстетической и миѳологической элемента мысли нравственной. Но подъ этимъ слоемъ, собственно вырабатываемымъ меньшинствомъ передовой интеллигенціи, историкъ мысли констатируетъ несравненно болѣе обширный и вліятельный слой культурныхъ привычекъ мысли и жизни массъ, состоящихъ изъ пасынковъ цивилизаціи, изъ дикарей высшей культуры, наконецъ изъ такихъ группъ интеллигенціи, работа мысли которыхъ направлена лишь въ малой степени и лишь попутно на упомянутыя три проявленія критической мысли, а преимущественно на совсѣмъ иныя задачи. Таковы, отчасти, сознанные интересы господствующихъ классовъ и ближайшія формы протеста нѣкоторой доли угнетенныхъ массъ противъ ихъ угнетателей. Отчасти таковы же общественныя движенія, безсознательно возникавшія въ средѣ общества изъ формъ производства и обмѣна, изъ экономической борьбы семей за распредѣленіе богатствъ, изъ политической борьбы сословій и кастъ, создаваемыхъ и обособляемыхъ закономъ.

Едва ли не однимъ изъ самыхъ важныхъ явленій въ этомъ случаѣ приходится признать переживаніе въ эту переходную эпоху тѣхъ слѣдствій раздѣленія классовъ и слоевъ культуры, на которыя было указано выше, какъ на характеристическое явленіе періода обособленныхъ цивилизацій въ самыхъ различныхъ областяхъ работы мысли. Оба эти сосуществующіе слоя культуры и работы мысли дѣйствовали одновременно и вызывали свои особенныя переживанія. Росло недовольство подавленныхъ массъ, жаждавшихъ улучшенія своего невыносимаго положенія—особенно при умноженіи числа рабовъ и при ухудшеніи ихъ положенія по отношенію къ рабовладѣльцамъ. Въ рукахъ послѣднихъ концентрировались и богатства поземельныя и богатства движимыя путемъ денежнаго и кредитнаго хозяйства, тогда какъ огромное большинство жило въ условіяхъ хозяйства натуральнаго. Для этихъ массъ оставались недоступными не только научные методы мышленія, но и работа критической мысли вообще. Однако, массы, въ попыткахъ улучшенія своего соціальнаго положенія, должны были неизбѣжно воспользоваться первыми выводами этой критической мысли, проникшими въ большинство въ формѣ модныхъ настроеній мысли или въ формѣ догмата. Таковы были представленія объ универсализмѣ и о жизни по нравственнымъ убѣжденіямъ, совершенно отрывая эти результаты критики отъ самого процесса этой критики. Именно въ этой формѣ вовсе не критической и, поэтому, неизбѣжно вызывающей противорѣчія въ міросозерцаніи, начала универсализма и жизни по нравственному убѣжденію сдѣлались знаменемъ волнующихся массъ и историческою силою.

Подобною силою процессъ самой критической мысли могъ бы сдѣлаться лишь въ томъ случаѣ, еслибы личности, занимавшія центральное положеніе въ критическомъ движеніи философской мысли (мудрецы,

философы и ученые), прибѣгли къ энергическимъ пріемамъ педогогическаго дѣйствія на массы, возможно-тѣснѣе сближаясь съ ихъ соціальными нуждами и потребностями; а также еслибы объединяющая мысль, имѣвшая въ этомъ случаѣ преобладающее значеніе, направила всѣ свои усилія на сближеніе съ научными методами, проявлявшимися уже въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ областяхъ, устраняя немедленно тѣ проявленія промежуточнаго—метафизическаго—фазиса, которыя составляютъ естественный переходъ для отдѣльныхъ личностей отъ догматическаго строя мысли къ научному.

Но эти условія не только не имѣли мѣста, а, напротивъ, переживанія старыхъ пріемовъ мысли оказались весьма могучими двигателями въ сторону прямо-противуположную. Мыслители-критики принадлежали едва ли не безъ исключенія къ классу господствующему, экономическіе интересы и привычки жизни котораго, образовали между нимъ и массами пропасть тѣмъ болѣе глубокую, чѣмъ болѣе досуга доставляло первымъ ихъ соціальное положеніе для того чтобы обработывать свою критическую мысль. Техническіе пріемы педагогіи, какъ личной такъ семейной и общественной, находились въ самомъ элементарномъ эмпирическомъ фазисѣ. Объ энергическомъ воспитательномъ дѣйствіи на массы тѣмъ менѣе могли думать ихъ возможные учителя, что унаслѣдованное выдѣленіе колдуна, вѣдуна, „знающаго“ и „понимающаго“ изъ массы обычныхъ людей, самымъ непосредственнымъ образомъ перешло въ идеалъ мудреца, возвышающагося надъ толпой и въ этомъ выдѣленіи находящаго единственный источникъ своей умственной и нравственной высоты. Съ другой же стороны, естественное стремленіе отыскивать промежуточные пріемы пониманія между мышленіемъ догматическимъ (доисторическимъ) и чисто-научнымъ (которое должно было еще долго составлять ис-

ключеніе) выдвигало на одинъ изъ первыхъ плановъ въ работѣ мысли переживаніе такихъ элементовъ доисторическаго эмпирическаго философствованія, которые должны были на очень долгій періодъ (даже до нашего времени) стать помѣхой правильному развитію научной критической мысли въ человѣчествѣ.

Однимъ изъ самыхъ бѣдственныхъ переживаній послѣдняго рода въ метафизическихъ построеніяхъ древнихъ философовъ приходится, можетъ быть, считать переживанія основного представленія анимизма, двойника особей или даже предметовъ вообще, въ теоріи *невещественныхъ* субстанцій; переживанія, весьма рано проявившіяся въ комплексѣ философскихъ построеній, не смотря на существенное логическое противорѣчіе, заключающееся въ самой постановкѣ вопроса о подобныхъ субстанціяхъ.

Такимъ образомъ, въ періодъ, когда критическая мысль вырабатывала элементы, которые должны были въ послѣдствіи сдѣлать ее историческою силою, выдвигая, какъ орудіе этой силы, представленіе объ универсализмѣ, о нравственныхъ убѣжденіяхъ и о научно-философскихъ пріемахъ обсужденія предметовъ, въ это самое время комплексъ существовавшихъ рядомъ съ этимъ переживаній обусловливалъ крайнюю слабость послѣдняго изъ этихъ трехъ элементовъ, а потому въ обществѣ обнаружилось опредѣленное стремленіе воспользоваться для классовой борьбы результатами критической мысли, воплотившимися въ задачи нравственной жизни и универсализма, какъ бы это были задачи сами собою возникавшія и способныя быть оторванными отъ почвы критики, тогда какъ и та и другая выросли и могли вырости лишь на *этой* почвѣ въ небольшомъ меньшинствѣ интеллигенціи. Новыя господствующія группы интеллигенціи налагали свои пріемы мышленія, какъ моду, на толпу не живущую историческою жизнью, поставивъ себѣ на первое мѣсто задачею создать уже не цѣльное и критически-обоснованное міросозерцаніе, а систему аргументовъ въ пользу заповѣдей нравственности и универсализма, изъ кото-

рой элементъ реалистической критики былъ бы вполнѣ устраненъ.

Сложность процесса увеличилась еще вслѣдствіе другого обстоятельства. Для культуры обособленныхъ цивилизацій основнымъ элементомъ творчества общественныхъ формъ была обработка условій существованія возможно-прочнаго и сильнаго государства, и семьи, способной возможно успѣшнѣе бороться за свои интересы. Критика, направленная на эту область, въ присутствіи задачъ универсализма и нравственныхъ убѣжденій, должна была не только побѣдить значительныя затрудненія, но и устранить довольно явныя противорѣчія. Въ обособленныхъ государствахъ, образованныхъ семьями, конкуррирующими на почвѣ экономическихъ и политическихъ интересовъ, оба эти элемента были по сущности противуположны требованію универсализма внѣ стараго представленія о всемірномъ государствѣ, подчиняющемъ своей механической власти всѣ народы; особенно же оба эти элемента были противуположны требованію универсалистической нравственности, подрывавшему и начало вражды между *своими* и *чужими* — при чемъ кругъ *своихъ* теперь съузился до предѣловъ тѣсной семьи — и начало конкурренціи вообще.

Однако, не смотря на эти противорѣчія, именно въ этой области работы мысли была сдѣлана попытка къ переработкѣ государственнаго организма, при содѣйствіи критической мысли, въ новый политическій комплексъ, сохраняя возможно-бережнѣе основы стараго механическаго государства Рамзесовъ, Навуходоносоровъ и Александровъ, но оживляя его идейными началами общаго для всѣхъ *права*. Римъ взялся за осуществленіе античнаго государства, которое должно было, повидимому, обладать бóльшею прочностью, чѣмъ его предшественники, потому что оно имѣло въ виду сдѣлаться *государствомъ правовымъ*.

Эта попытка оказалась — и не могла не оказаться —

попыткою лишь чисто-внѣшняго устраненія указанныхъ затрудненій и противорѣчій. Она представляла ничто иное, какъ новую комбинацію элементовъ, унаслѣдованныхъ Римомъ отъ прежняго строя, но не позволяла разсчитывать на устраненіе столкновенія между элементами, остававшимися противорѣчивыми, или даже на бо́льшую прочность новаго политическаго организма. Однако эта попытка внести идейное начало въ старый общественный механизмъ столь же мало могла оставаться безъ важныхъ слѣдствій для позднѣйшей эволюціи политической мысли. Въ старомъ идеалѣ механическаго государства выдвинулось теперь на первое мѣсто то самое начало, которое въ обособленныхъ цивилизаціяхъ замѣнило силу обычая, органически связывавшаго родовой союзъ, силою закона, механически подчиняющаго подданныхъ общей власти. Это начало *права* усвоило всю ту долю *нравственной* обязательности, которую неустранимая работа критики внесла въ строй мысли новой эпохи. Старая святыня обычая, какъ переживаніе, столь же старый идеалъ всемірнаго государства, и новое требованіе господства надъ всѣми побужденіями особей равнаго для всѣхъ закона, какъ воплощенія *разумныхъ* требованій критической мысли отъ личности и отъ общества, поддержанныхъ государственною силою—все это слилось въ представленіе о царствѣ безличнаго *права*, о *правовомъ государствѣ*. Это представленіе какъ бы примиряло переживающія требованія обособленныхъ цивилизацій, стремившихся подчинить своей *власти* всѣхъ сосѣдей, съ новою задачею найти путемъ критической мысли форму юридическаго общежитія, удовлетворяющаго требованіямъ универсализма, и сдѣлать ее обязательною для всѣхъ, не во имя непоколебимаго обычая или принудительной власти, а во имя убѣжденія, что это право—*писанный разумъ*. Объ этой *системѣ права* не имѣли представленія ни фараоны, ни цари Востока, ни даже предводители греческихъ городскихъ аристократій и демо-

кратій, и тѣмъ менѣе македонскіе завоеватели и діадохи. Однако осуществленію подобнаго античнаго правового государства и его прочности представлялись при данныхъ условіяхъ значительныя препятствія: это осуществленіе предполагало возможность примиренія въ политической жизни формъ политическаго строя, унаслѣдованныхъ отъ прежняго времени, и идейнаго начала универсалистическаго права, ставящаго совершенно новыя политическія требованія. Не мудрено, что *это* „правовое государство" оказалось даже менѣе прочнымъ чѣмъ чисто-механическія державы восточныхъ деспотовъ, ему предшествовавшія. Именно періодъ созданія того права, которое его почитатели называли въ послѣдствіи „писаннымъ разумомъ" и которое должно было, казалось, придать болѣе прочности государству, куда теперь былъ внесенъ могучій идейный элементъ— именно этотъ періодъ выказалъ неудержимое и чрезвычайно-быстрое распаденіе римскаго государственнаго организма: чрезъ какіе либо четыре вѣка послѣ того, какъ первый Августъ закрылъ врата храма Януса и установилъ миръ въ имперіи, сохранившей форму республики, эта единая правовая имперія уже не существовала; ея распадающіеся члены искали себѣ поддержку въ элементахъ, не имѣвшихъ ничего общаго со старымъ Римомъ; однако и тутъ они не могли найти подобной поддержки, и давали въ своей разлагающейся средѣ начало совершенно новымъ политическимъ организмамъ, только-что теперь совершавшимъ переходъ отъ жизни неисторической къ исторической. Переходная эпоха пробужденія критической мысли въ человѣчествѣ обнаружила грознымъ ходомъ своихъ событій, что въ области творчества общественныхъ формъ универсализмъ объединяющихъ правовыхъ идей столь же мало можетъ установиться при переживаніи старыхъ политическихъ формъ, какъ мало можетъ упрочиться въ области теоретической мысли прогрессъ знанія и пониманія міра, когда представители этого процесса

обращаются въ могучихъ уединенныхъ мыслителей, не желающихъ имѣть педагогическаго общенія съ толпою, остающеюся въ своей работѣ мысли на фазисѣ переживаній прошлыхъ періодовъ.

Однако выработанное критическою мыслію этого періода представленіе о правовомъ государствѣ, обнаружившее свое безсиліе для реальнаго обновленія политическаго строя античнаго міра и для приданія ему прочности, оказалось немаловажною идейною силою для послѣдующаго времени. Это представленіе, устанавливая грань между государствами двухъ разныхъ слоевъ, заключало въ себѣ зародыши всѣхъ тѣхъ политическихъ задачъ, которыя развились въ послѣдствіи и создали внѣшнюю исторію человѣчества. Здѣсь, съ одной стороны, на первый планъ въ заботахъ политиковъ и юристовъ выдвигалось — въ области права государственнаго — то римское государство цезарей и — въ области права гражданскаго — та римская семья патріархальнаго типа, съ которыми теченіе событій ассоціировало нераздѣльно традиціонную идею о „писанномъ разумѣ“. При помощи этого начала, идеаломъ для будущихъ юристовъ стало не дѣйствительное римское государство и не дѣйствительная римская семья, какъ они были въ самомъ дѣлѣ, а то модифицирующееся представленіе о нихъ, которое постепенно прилаживалось все болѣе и болѣе къ эволюціи сознанныхъ классовыхъ интересовъ и развивающихся задачъ разума. Но здѣсь же — съ другой стороны — на первый же планъ философіи права ставились вопросы: Что такое въ дѣйствительности правовое государство? Можетъ ли оно быть осуществлено въ политическомъ строѣ по типу римскаго цезаризма? или по типу одной изъ древнихъ республикъ? или по новому типу государства сословнаго? или по типу позднѣйшей развивающейся демократіи? Или же, наконецъ, *не* на пути измѣненій юридическихъ формъ, какъ чего то самостоятельнаго, приходится искать воплощенія „писан-

наго разума“, а въ болѣе глубокихъ общественныхъ процессахъ, которые обусловливаютъ и юридическія формы и большинство культурныхъ проявленій, и принуждаютъ изучать задачи прогрессивнаго общественнаго организма какъ нѣчто совершенно отличное отъ задачъ спеціальнаго организма государственнаго, а, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ задачи совсѣмъ противуположныя?

Періодъ, обозначенный выступленіемъ на сцену исторіи универсалистическихъ религій и попыткою создать въ Западной Европѣ новую средневѣковую культуру, имѣетъ такую тѣсную связь со всею послѣдующею исторіею мысли, и продолжаетъ настолько вліять на нее какъ въ формѣ переживаній, такъ и жизненныхъ элементовъ, что на немъ приходится въ схемѣ этой исторіи остановиться нѣсколько долѣе.

Тамъ, гдѣ, по условіямъ среды, оказались безсильными и сознательная научно-философская мысль и сознательная идея общественнаго правоваго строя, безсознательно ходъ событій выработывалъ новыя формы общественнаго организма, новый объединяющій комплексъ продуктовъ мысли, и новый идеалъ культуры, вызывавшій попытку создать и упрочить эту культуру. Этотъ новый организмъ, эти новые продукты мысли и эта новая культура были сами по себѣ, для историка мысли, стоящаго на принятой здѣсь точкѣ зрѣнія, явленіями регрессивными; однако въ нихъ вошли, какъ невыдѣлимый жизненный элементъ, традиціи подавленныхъ, но живучихъ задачъ періода пробужденія критики. Богословы и схоластики не могли отвернуться отъ требованія *понять міръ* и употреблять для этого болѣе или менѣе опредѣленно тѣ самые пріемы мысли, которые были имъ завѣщаны философами язычества. Рядомъ съ упорною враждою сектъ, сословій, племенъ и государствъ, въ прямомъ противорѣчіи съ этою враждою, принимавшею самыя возмутительныя формы, продолжалъ провозглашаться до-

гматъ универсализма истины, хотя и вовсе не критической, братства вѣрующихъ въ эту истину, которая *должна*, по этому вѣрованію, сдѣлаться универсальною. Рядомъ съ обрядностью, столь же широко-распространенною и столь же обязательною, какъ это было въ доисторическомъ періодѣ царства обычая и въ культурѣ обособленнаго Китая или Египта, ни на минуту не исчезалъ изъ авторитетнаго ученія догматъ, что необходимо выработать себѣ убѣжденіе и жить по этому убѣжденію, чуждому всѣхъ связующихъ формъ, принося ему въ жертву, если нужно, все остальное. Эти начала обязательнаго пониманія, универсализма и нравственнаго убѣжденія были для средневѣковой попытки создать новую прочную культуру вредными *переживаніями* предшествовавшей переходной эпохи; но, для прогресса человѣчества — какъ онъ здѣсь понимается — это были *жизненные элементы*, не позволявшіе упрочиться культурѣ, склонной къ застою; они обличали ея противорѣчія и подготовляли въ будущемъ, на ея развалинахъ, болѣе раціональную постановку тѣхъ же задачъ пониманія, универсализма и нравственной жизни.

Въ томъ общественномъ движеніи первыхъ вѣковъ нашей эры, которое нѣкоторые смѣлые историки уже характеризуютъ какъ „движеніе пролетаріата" (хотя и не того новаго пролетаріата, который нынче живетъ заработною платою) замѣчалась безспорно автоматическая, безсознательная попытка массъ населенія, подавленныхъ господствующими классами, положить конецъ своему невыносимому положенію. Силу для этой попытки нечего было искать въ рядахъ интеллигенціи предшествующихъ эпохъ, отличавшейся отъ массъ и по своему строю мысли. Оба слоя этой мысли, господствовавшіе въ тогдашней интеллигенціи, были чужды массамъ. Изящной іерархіи боговъ и героевъ, которая придавала такой блескъ цивилизаціи обособленныхъ историческихъ народовъ, массы про-

тивуполагали комплексъ анимистическихъ вѣрованій, простодушной и иногда очень грубой магіи, комплексъ, унаслѣдованный отъ доисторическаго періода и связанный лишь случайно съ именами того или другого олимпійца или члена римскаго или сирійскаго пантеона. Эти вѣрованія имѣли полную возможность быть связанными съ миѳами и легендами, гдѣ фигурировали новыя божественныя и героическія личности, болѣе привлекательныя для волнующихся массъ уже по одному тому, что это не были боги и герои ихъ притѣснителей. Критика и скептицизмъ болѣе передового слоя интеллигенціи были для массъ совершенно недоступны. И вотъ историческою силою, въ замѣнъ небольшого меньшинства прежней интеллигенціи, — жадной до развитія путемъ сперва эстетическаго и философскаго творчества, потомъ путемъ болѣе или менѣе научной критики, — сдѣлалась новая интеллигенція, которая, возвращаясь къ анимистическимъ элементамъ колдовства и фетишизма, стала искать развитія на пути перенесенія на эти доисторическіе комплексы понятій о нравственномъ убѣжденіи и объ универсализмѣ, бывшихъ исключительно продуктами критики, пріемы которой были на время оставлены въ сторонѣ. Представители полубезсознательнаго движенія массъ могли выступить лишь какъ проповѣдники нравственной и универсалистической истины на почвѣ подрыва разницы сословій и національностей, разницы рабовъ и гражданъ Рима, „евреевъ и эллиновъ“; на почвѣ разрушенія старыхъ пантеоновъ для замѣны ихъ новыми, враждебными богамъ господствующихъ классовъ; на почвѣ отрицанія критики уединявшихся мыслителей для того, чтобы замѣнить ихъ энтузіастами, шедшими волновать массы и разрушать изящные кумиры, замѣняя ихъ магическими реликвіями. На первомъ фазисѣ своей дѣятельности, при кажущемся укрѣпленіи римскаго государства съ установленіемъ имперскаго мира и правовой системы, упрочивавшей

господство имущихъ классовъ, эта вырабатывающаяся интеллигенція представителей смутно понимаемыхъ интересовъ массъ могла употребить, какъ идейное орудіе борьбы, лишь фантастическое вѣрованіе въ долженствующій немедленно наступить конецъ *этого* міра и смѣну его міромъ новымъ. Какъ только сумасшедшіе цезари, безсиліе имперіи въ борьбѣ съ варварами, эпоха 30 „тирановъ“ и продажа императорскаго сана преторіанцами съ публичнаго торга, опустѣніе территоріи имперіи, исчезаніе римлянъ изъ римскихъ легіоновъ и т. под. сдѣлали болѣе и болѣе очевиднымъ вымираніе того „града діавола“, которому подавленныя массы приписывали всѣ свои страданія, такъ немедленно водвореніе реальнаго „Новаго Іерусалима“ сдѣлалось цѣлью возможною и вызвало работу мысли уже болѣе сознательную, какъ въ области творчества общественныхъ формъ такъ и въ сферѣ творчества идейнаго. Государству римскому — а для этой эпохи другое государство было немыслимо — новые проповѣдники попытались противоположить не какое-либо новое государство, а идейный союзъ вѣрующихъ, не знающій ни разницы племенъ и расъ, ни политическихъ границъ.

Этимъ союзомъ должна была сдѣлаться универсальная *церковь,* объединяющая всѣхъ одинаково вѣрующихъ и долженствующая объединить въ *единомъ* истинномъ вѣрованіи все человѣчество. Въ ея средѣ и подъ ея вліяніемъ должна была продолжаться, на почвѣ новаго комплекса продуктовъ фантазіи и нравственныхъ побужденій, работа эстетической и философской мысли періода обособленныхъ цивилизацій и миѳологій, работа, теперь совершавшаяся по тѣмъ же побужденіямъ упроченія новой культуры, надъ высшими типами новой мистики, приспособляя эти перерабатываемые типы то къ требованіямъ аскетовъ Ѳиваиды, то къ жизненнымъ задачамъ іерарховъ, боровшихся противъ еретиковъ и гностиковъ, то къ процессамъ

мысли духовныхъ лириковъ періода рыцарскаго служенія „дамѣ сердца“ или къ метафизическимъ пріемамъ Θомы Кемпійскаго, чтобы позже, въ періодъ распаденія и атрофіи связующаго элемента, о которомъ мы здѣсь говоримъ, этотъ же процессъ переработки высшихъ мистическихъ типовъ продолжалъ идти еще далѣе уже по иному руслу, въ какихъ-либо „Часахъ благоговѣнія“ и, въ наши дни, въ произведеніяхъ Ренана. Возникающая церковь должна была сдѣлаться единственною учительницей людей и распространить повсюду *единое* истинное пониманіе міра, людей и общества, независимо отъ всякаго государственнаго механизма, а потому она одна и могла быть источникомъ и истолкователемъ права. Она должна была создать новую систему обрядовъ и культурныхъ формъ, уже не существующую самостоятельно, независимо отъ формъ убѣжденій, но обусловленную вѣрованіями и степенью развитія мистическихъ типовъ, какъ ихъ символы и выраженія. Основною задачею періода сдѣлалось установленіе и упроченіе *культуры церковной*, обусловливающей своимъ принципомъ и политическія и экономическія и идейныя и культурныя явленія. Зародыши этой задачи восходили далеко въ доисторическій періодъ, но тогда путь для ея рѣшенія лежалъ весь въ области обычая. Теперь эта задача какъ бы обновилась элементами сознанія и идейности въ нее внесенными критическою мыслью. Но это была та самая критическая мысль, которая оказалась въ комплексѣ этой культуры элементомъ, не дозволившимъ человѣчеству остановиться на послѣдней.

Явленія, подобныя только что указаннымъ въ мірѣ Западной Европы, историкъ мысли имѣетъ полное основаніе предполагать и искать—конечно съ отличіями, зависѣвшими отъ различія среды—и въ мірѣ буддизма и ислама.

Періодъ попытки создать прочную средневѣковую культуру представляется историку мысли съ новыми

характеристическими чертами, съ новымъ комплексомъ переживаній и жизненныхъ элементовъ, съ новыми зародышами будущаго, причемъ съ перваго же взгляда обращаетъ на себя вниманіе сосуществованіе многочисленныхъ противорѣчій въ задачахъ поставленныхъ эпохою работѣ мысли, противорѣчій, которыя не только служатъ достаточнымъ объясненіемъ для непрочности установившихся культурныхъ формъ, но принуждаютъ отрицать всякую возможность упроченія этихъ формъ, если процессъ исторіи долженъ былъ получить прогрессивное направленіе.

Противорѣчія, здѣсь встрѣчающіяся, обусловливаются какъ различіемъ основныхъ элементовъ, входившихъ въ составъ средневѣковой культуры, такъ и различіемъ цѣлей, которыя одновременно ставилъ себѣ каждый изъ этихъ элементовъ въ особенности.

Въ средневѣковой культурѣ, которая пыталась тогда установиться, можно констатировать сосуществованіе трехъ основныхъ движущихъ элементовъ: во-первыхъ, идейнаго элемента церковно-догматическихъ и жизненныхъ вѣрованій; во-вторыхъ, традиціоннаго — опять таки идейнаго — элемента римскаго государства, какъ идеальнаго образца общественнаго строя; наконецъ традиціоннаго элемента, еще вполнѣ проникнутаго доисторическими тенденціями, отъ котораго не могли отдѣлаться новые народы Европы, только что вступившіе въ исторію, какъ неофиты христіанства и какъ продолжатели — и во многомъ подражатели — имперіи цезарей.

Всѣ эти три основные элементы средневѣковой культуры восходили къ доисторическому общественному строю и къ доисторической работѣ мысли. Каждый изъ нихъ былъ источникомъ особенныхъ жизненныхъ элементовъ будущаго и особенныхъ переживаній. Общею характеристикою для всѣхъ трехъ была, во-первыхъ, выработка особенныхъ жизненныхъ задачъ и общественныхъ идеаловъ, во-вторыхъ — борьба за преобладаніе между этими идеалами въ области мысли, и

между общественными организмами, вызванными попытками осуществить эти идеалы, въ области творчества общественныхъ формъ. Фазисы борьбы и возможной побѣды того или другого изъ этихъ основныхъ элементовъ обусловливались различіемъ процессовъ, которые подготовили эти элементы при ихъ вступленіи въ столкновеніе между собою въ началѣ Среднихъ Вѣковъ.

Церковный элементъ средневѣковой культуры былъ, по самой своей задачѣ, элементъ идейный, выработавшійся какъ результатъ эволюціи народовъ, интеллигенція которыхъ оставила позади себя доисторическій строй мысли, усвоила задачи универсализма, и господствующіе классы которыхъ пережили періодъ обособленныхъ цивилизацій съ его конкурирующими интересами сословій и государствъ. Лишь этотъ длинный процессъ могъ быть подкладкою общественному идеалу, выставленному средневѣковымъ католицизмомъ, именно тенденціи создать духовную власть, которой безусловно подчинялись-бы всѣ свѣтскіе элементы. Конечно, историкъ мысли можетъ разглядѣть въ этомъ идеалѣ и его дальній доисторическій корень, именно мистическое представленіе о всемогущихъ колдунахъ родоваго или даже дородоваго періода. Но элементъ магіи, который составлялъ сущность этой традиціи, былъ теперь заслоненъ идейными тенденціями католицизма какъ разъ настолько, насколько послѣдній разработывалъ начала нравственныя и универсалистическія, въ силу которыхъ онъ предъявлялъ свои права на власть; но эти догматически-утверждаемыя права не имѣли ничего общаго со всемогуществомъ магической обрядности, унаслѣдованной новыми духовными повелителями міра отъ ихъ стародавнихъ предшественниковъ.

Римскій элементъ средневѣковой культуры имѣлъ не менѣе древніе корни въ прошедшемъ, но и онъ выработался въ результатѣ длиннаго ряда фазисовъ

эволюціи. Въ дальнемъ прошломъ осталось для Рима Августовъ и Діоклетіановъ доисторическое представленіе о предводителѣ рода, облеченномъ во время войны неограниченною властью, но потомъ поглощенномъ единствомъ рода съ его святынею обычая. На этомъ представленіи наслоились, въ процессѣ предшествующей политической исторіи, типы царя болѣе или менѣе обширнаго и механически-обособленнаго государства, скрѣпленнаго принудительнымъ закономъ; позже—-типъ ничѣмъ неограниченной власти цезаря, бывшаго источникомъ и хранителемъ права, въ которое воплощается разумъ. Но эта комбинація представленій о механической власти съ идейнымъ началомъ права предполагала, для своего практическаго осуществленія, такой экономическій и политическій строй, который доставлялъ бы достаточный матеріалъ и для многочисленной интеллигентной бюрократіи, и для денежнаго хозяйства въ господствующихъ классахъ, и для организаціи военныхъ силъ, достаточной для механическаго подавленія центральною властью ея соперниковъ. Точно также, какъ идейная сила католицизма требовала, для выработки духовной власти надъ міромъ, весьма трудно-осуществимой одновременной поддержки и начала нравственно-универсалистическаго и магически-обряднаго, такъ чарующій для новыхъ европейскихъ народовъ идеалъ возобновленной древней римской имперіи, въ которой духовный элементъ былъ бы лишь однимъ изъ органовъ прочнаго государства, предполагалъ общественныя формы, которыя въ продолженіе всѣхъ Среднихъ Вѣковъ оказались неосуществимыми. Отсюда разнообразіе эпизодовъ борьбы за власть между указанными двумя основными элементами средневѣковой культуры.

Для третьяго изъ этихъ элементовъ характеристическимъ отличіемъ отъ двухъ первыхъ было то обстоятельство, что здѣсь борьба конкуррирующихъ интересовъ и индивидуальныхъ стремленій происходила

среди народовъ новой Европы помимо эпохи обособленныхъ цивилизацій, но при непосредственномъ переходѣ отъ доисторическаго быта къ условіямъ культуры и работы мысли, выработаннымъ другими народами, имѣвшими другую исторію. Формы обществъ и продукты работы мысли, естественно развивавшіеся на почвѣ доисторическаго быта германцевъ или славянъ, комбинировались съ вольными и невольными заимствованіями извнѣ при вліяніи идеаловъ католическаго и античнаго, собственно имъ чуждыхъ. Вслѣдствіе этого, при эволюціи культурныхъ средневѣковыхъ формъ и фазисовъ только что упомянутой борьбы церковнаго и римско-абсолютистическаго направленія, историку мысли слѣдуетъ обратить вниманіе на то важное обстоятельство, что эти два соперничающія направленія были не одни лицомъ къ лицу, но что борьба происходила на почвѣ крѣпко унаслѣдованныхъ традицій тѣхъ варварскихъ народовъ, которые вступали въ исторію неофитами новаго ученія и подражателями Рима при обстоятельствахъ, принудившихъ ихъ перескочить чрезъ фазисъ обособленныхъ цивилизацій. Какъ жизненные элементы, такъ и переживанія, восходящія къ *этому* источнику въ области творчества общественныхъ формъ, едва ли не были даже крѣпче и прочнѣе, чѣмъ все то, что́ приходится возвести въ этотъ періодъ къ традиціи Римской Имперіи и къ задачамъ политической и экономической организаціи католицизма. Вслѣдствіе того, что процессъ общественной эволюціи, здѣсь происходившій, долженъ былъ обнаруживать проявленія индивидуализма и борьбы интересовъ—существенныхъ характеристикъ перваго періода историческихъ цивилизацій—помимо формы обособленныхъ цивилизацій, чрезъ которую переходили народы античнаго міра — историку мысли приходится констатировать здѣсь нѣкоторыя особенности, какъ въ идеалахъ власти, такъ и въ отношеніяхъ между личностями и общественными группами, или даже въ но-

выхъ общественныхъ формахъ, какъ бы непреднамѣренно возникшихъ въ средневѣковомъ обществѣ, подготовляя еще позднѣйшія формы и процессы эволюціи; и эти особенности трудно понять съ какой либо другой точки зрѣнія.

Помимо неизбѣжности борьбы между тремя основными элементами средневѣковой культуры, каждый изъ нихъ представлялъ, въ самыхъ условіяхъ своего существованія, поразительныя противорѣчія.

Изъ этихъ элементовъ одинъ, на первый взглядъ, рѣшительно заслонялъ оба остальные. Это былъ идейный элементъ вѣрованій, безусловно подчинявшій догматическому и нравственному авторитету церкви и экономическія отношенія между личностями и семьями, и переработку политическихъ формъ жизни, и творчество художественныхъ типовъ, общественныхъ торжествъ и увеселеній, и даже мелкія подробности обыденной жизни. Именно потому есть основаніе характеризовать средневѣковую культуру какъ *культуру церковную*.

Но историкъ мысли, вглядываясь въ условія существованія этой культуры, неизбѣжно констатируетъ въ самыхъ ея основахъ характеристическія несогласія. Здѣсь мы встрѣчаемъ прежде всего требованіе господства личнаго мистическаго *убѣжденія* надъ всѣми остальными побужденіями. Это требованіе какъ бы предполагало такое общество, которое уже перешло отъ періодовъ царства неприкосновеннаго обычая и царства конкуррирующихъ интересовъ къ царству убѣжденій. Однако ничего въ предыдущемъ ходѣ событій не свидѣтельствовало о такомъ сильномъ общественномъ ростѣ. Даже напротивъ: многочисленныя и обширныя переживанія доисторическаго строя мысли, о которыхъ было сказано выше, и тамъ же указанное практическое безсиліе передовой интеллигенціи, усвоившей критику мысли, скорѣе должны были вести къ уменьшенію числа личностей, руководимыхъ убѣжде-

ніями, а не привычнымъ или моднымъ — для данной среды—строемъ мысли. Могли имѣть мѣсто характерные взрывы коллективнаго некритическаго аффекта толпы, по внѣшности сходные съ дѣйствіями по убѣжденію. Но въ эту эпоху—точно также какъ во всѣ послѣдующія, намъ извѣстныя—личности, руководимыя индивидуально своими понятіями о теоретической истинѣ и о практической правдѣ, были и не могли не быть очень малочисленны. Требованіе жить по убѣжденію оказывалось, по самой своей сущности, въ противорѣчіи со степенью культуры, до которой достигли не только массы, но и самая значительная доля интеллигенціи.

Тѣмъ не менѣе идеалъ жизни по религіозному убѣжденію былъ поставленъ предъ средневѣковою интеллигенцію, какъ въ мірѣ католицизма, такъ и въ мірѣ буддизма и ислама. Но внимательный историкъ мысли не можетъ не констатировать съ перваго же взгляда, что этотъ идеалъ заключалъ въ себѣ противорѣчіе съ возможностью раціональной попытки установить солидарное общежитіе, пока наличныя формы культуры не выработали почву болѣе правильнаго пониманія отношеній между личностью и обществомъ въ ихъ взаимодѣйствіи, почву, далеко еще не подготовленную. Этотъ идеалъ безпрестанно вступалъ въ столкновеніе и съ новымъ устанавливающимся обычаемъ, и съ коллективными аффектами толпы, и съ подчиненіемъ государству, и съ прочностью семьи, и съ обрядомъ или догматомъ, принятымъ духовною общиною, т. е. со всѣми тѣми началами солидарности, которыя устанавливали и поддерживали единство и прочность идейнаго союза вѣрующихъ. Личное убѣжденіе должно было быть связующимъ звѣномъ коллективнаго организма, стремившагося охватить единою вѣрою все человѣчество; но, по самому своему существу, личное убѣжденіе заключало въ себѣ, напротивъ, склонность дробить общество на мелкія политическія партіи, враждеб-

ныя другъ другу, склонность подрывать единство союза, отрицать обязательность положительнаго закона. Для устраненія этихъ опасностей, присущихъ обязанности жить по личному убѣжденію, приходилось или ставить выше этого убѣжденія свѣтскій разсчетъ связующихъ интересовъ личностей и группъ; или же слѣдовало, прибѣгая къ критикѣ и сравнивая разныя формулы убѣжденій—слѣдовательно *сомнѣваясь* въ томъ, которое изъ нихъ есть *истинная святыня* — *искать* такія убѣжденія, которыя оказались бы способными установить солидарность между людьми и между ихъ группами, какъ убѣжденія, истинныя для объединяющаго теоретическаго пониманія, и какъ ученія о праведной жизни для руководства въ практикѣ поведенія. Но оба эти пути предполагали настроеніе мысли, прямо-противуположное той культурѣ, которая пыталась установиться.

Однако именно этимъ послѣднимъ путемъ пошла средневѣковая цивилизація. Она стала *искать* доказательства, что ея вѣрованія составляютъ единственную истину, заранѣе ставя аксіомою, что эти доказательства должны существовать. Необходимымъ элементомъ средневѣковой работы мысли, поэтому, являлась выработка апологетики для убѣжденій, которые духовною властью признавались истинными, и полемика съ другими убѣжденіями, относимыми къ ереси; попытка построить міросозерцаніе, которое заключало бы необходимымъ элементомъ это истинное убѣжденіе и служило бы въ то же время руководствомъ для праведной жизни. Иначе говоря, произошло существенное измѣненіе задачъ въ той самой области мысли, которая въ періодъ царства обычая создавала фантастическія представленія, скрѣплявшія рядъ обычаевъ, а въ періодъ обособленныхъ цивилизацій выработывала обрядный комплексъ, являвшійся символомъ культурнаго единства, символомъ, около котораго разростались продукты болѣе или менѣе свободнаго художест-

веннаго творчества и философскаго мышленія [1]). Теперь эта область мысли ставила себѣ задачею создать общечеловѣческое нравственное ученіе, опирающееся на философское міросозерцаніе. Подобная задача могла быть уже раціонально поставлена.

Но ея раціональная постановка вызывала новый подрывъ средневѣковой культуры въ ея основахъ. Эта постановка могла вызвать — и дѣйствительно вызывала — вопросы: связана ли эта задача неразрывно съ тою формою убѣжденія, которая послужила въ данную эпоху почвою для ея появленія? не мѣшаетъ ли эта самая форма критическимъ пріемамъ, которые вѣрнѣе и убѣдительнѣе ведутъ къ рѣшенію задачи? Не приходится ли и для лучшаго пониманія міра и для правильнѣйшаго ученія о нравственной жизни устранить мистическіе и метафизическіе элементы средневѣковаго ученія, поставивъ на первое мѣсто элементы научные? Историки разныхъ направленій могутъ, по степени своего развитія, видѣть въ постановкѣ этихъ вопросовъ прогрессъ или регрессъ, но едва ли можно не признать и здѣсь, что логическое стремленіе къ упроченію средневѣковой культуры путемъ аргументаціи о ея истинности неизбѣжно вело къ постановкѣ только что указанныхъ вопросовъ и къ подрыву этой самой культуры.

Въ области творчества общественныхъ формъ и продуктовъ мысли, зависѣвшихъ отъ этой области, вліяніе только что указаннаго преобладающаго церковнаго теченія мысли вызвало не менѣе затрудненій. Одно изъ самыхъ существенныхъ заключалось, можетъ быть, въ трудности составить себѣ ясное представленіе о духовномъ союзѣ убѣжденныхъ личностей, чуждыхъ въ то же самое время критическихъ пріемовъ мысли. Но, во внѣшнемъ ходѣ событій, на первый планъ выдвигалось не это существенное препятствіе, а труд-

---

[1]) Стр. выше, стр. 70 и слѣд.

ность установить какое либо опредѣленное соглашеніе между идеею этого духовнаго союза и представленіемъ о государствѣ въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ оно стояло послѣдовательно предъ проповѣдниками первыхъ десятилѣтій эпохи гоненій, предъ первыми вселенскими соборами, предъ позднѣйшими епископами-феодалами и предъ папами эпохи крестовыхъ походовъ.

Для демократической федераціи пресвитеровъ первобытныхъ общинъ, ожидавшихъ ежеминутно конца міра, обѣ общественныя основы періода обособленныхъ цивилизацій—государство и семья—вызывали отрицательное отношеніе. Римское государство было „градомъ діавола“ и между нимъ и вѣрующими ничего общаго не должно было быть. Его могущество признавали вѣрующіе, но конецъ міра долженъ былъ положить конецъ и его могуществу. Пока, отъ него слѣдовало сторониться, какъ отъ всего мірского; и имъ интересовались вѣрующіе лишь настолько, насколько оно своими гоненіями создавало мучениковъ и позволяло проявляться мистическому аффекту, съ которымъ эти мученики шли отдавать свою душу за своихъ братій. Но новый Іерусалимъ все не спускался на землю, а всемогущая имперія цезарей оказывалась безсильною противъ внѣшнихъ враговъ и противъ внутреннихъ безпорядковъ. Федераціи общинъ вѣрующихъ приходилось вырабатывать изъ себя общественный организмъ, способный жить, развиваться, отстаивать себя противъ гонителей и противъ еретиковъ, еще позже—обратить языческій „градъ діавольскій“ въ „градъ Божій“. Возникало новое противорѣчіе между этими реальными стремленіями и унаслѣдованнымъ отъ эпохи ожиданія немедленнаго конца міра ученіемъ объ устраненіи всѣхъ мірскихъ заботъ. Однако то ослабленіе критической мысли въ эту эпоху, на которое было указано выше, позволяло не вдумываться въ существующее противорѣчіе и создавать средневѣковое ученіе о праведной жизни подъ одновременнымъ вліяніемъ двухъ

непримиримыхъ идеаловъ: вражды къ міру и подчиненія всѣхъ общественныхъ функцій въ этомъ самомъ мірѣ крѣпкому идейному организму. Общество вѣрующихъ разложилось на классы мірянъ и духовныхъ, выдѣляя изъ среды послѣднихъ группы еще болѣе строгихъ цѣлей жизни, „ангельскій“ чинъ монаховъ, съ цѣлымъ рядомъ оттѣнковъ киновитовъ, уединенныхъ отшельниковъ, аскетическихъ подвижниковъ, причемъ духовное достоинство личности праведника-чудотворца росло въ глазахъ вѣрующихъ со степенью его отреченія отъ міра. Разрывъ со всякою семейною связью былъ обязателенъ для чина ангельскаго. Онъ сдѣлался позже обязательнымъ въ католицизмѣ и для всякаго немірянина. Безбрачіе вошло неустранимымъ элементомъ въ идеалъ вѣрующаго. Указанія на отрицательное отношеніе къ семьѣ вѣрующій могъ констатировать и въ словахъ высшаго для него авторитета. И между тѣмъ, бракъ сталъ таинствомъ, за строгимъ охраненіемъ котораго зорко слѣдила духовная власть. Начались и въ церковномъ общественномъ строительствѣ заимствованія изъ свѣтскаго міра. Надъ демократическою федераціею общинъ возвысилаѣсь аристократія іерарховъ, окруженная арміею этихъ самыхъ монаховъ-аскетовъ, которые были только что упомянуты, но здѣсь уже они являлись въ роли энергическихъ борцовъ за требованія организующейся духовной власти противъ еретиковъ на соборахъ, противъ остатковъ язычества, пытавшихся отстоять античный строй жизни и мысли. Классъ личностей, который, по своему положенію, долженъ былъ направить свой умъ на размышленіе о вѣчномъ блаженствѣ праведниковъ и вѣчномъ страданіи грѣшниковъ, былъ поставленъ въ необходимость выработать для мірянъ ученыхъ и поэтовъ, администраторовъ мірскими дѣлами, руководителей народовъ въ ихъ борьбѣ за мірскіе интересы. Возникла реальная собственность духовныхъ политическихъ организмовъ и тѣхъ самыхъ центровъ аске-

тическаго ученія, идейная сущность которыхъ заключалась въ отреченіи отъ міра. Организовались не только политическія но и экономическія формы церковной культуры. Происходила опредѣленная попытка направить силы духовенства на созданіе новаго государства безъ политическихъ границъ, но съ разграниченіемъ образовавшихся діоцезовъ, на созданіе новаго экономическаго строя, неизбѣжно подчиненнаго въ своей эволюціи условіямъ жизни всякаго экономическаго строя. И этотъ новый общественный организмъ имѣлъ предъ собою, рядомъ съ собою, государства традиціонныя, унаслѣдованныя отъ распавшейся имперіи, или государства варварскаго типа, по мѣрѣ силъ и средствъ подражатели имперіи цезарей, но неспособныя устранить изъ своего политическаго строя все то, что логически выростало изъ ихъ первоначальнаго, варварскаго, источника. Приходилось установить modus vivendi между этими двумя сосуществующими коллективными организмами, прямо противуположнаго идейнаго характера, но одинаково проникнутыми по самому своему положенію политическими стремленіями къ власти.

Комбинація культурныхъ условій и ходъ событій обусловили два совершенно различныхъ типа попытокъ рѣшить этотъ вопросъ.

Византія — въ послѣдствіи Москва — стала почвою выработки типа, гдѣ идейный универсалистическій союзъ ограничился ролью первостепеннаго но подчиненнаго органа въ свѣтскомъ государствѣ, причемъ это свѣтское государство взяло на себя обязанность энергическаго осуществленія цѣлей церковнаго союза, почти неизбѣжно устраняя задачи универсализма и внося въ отношенія между народами ту самую національную или политическую враждебность, которая была въ новомъ мірѣ переживаніемъ періода обособленныхъ цивилизаціи.

Въ исламѣ выработался еще полнѣе этотъ типъ въ государствѣ калифовъ, слившихъ, насколько это было возможно, функціи главы союза политическаго и союза духовнаго.

На западѣ Европы, надъ представленіемъ объ аристократіи епископовъ и аббатовъ, поднялся идеалъ духовной монархіи съ римскимъ папою во главѣ и съ опредѣленными стремленіями подчинить этому идеальному монарху всѣ политическія и экономическія силы народовъ. Здѣсь задача универсализма была поддержана, повидимому, самыми энергическими пріемами, но за то стремленіе къ универсалистической власти рисковало все болѣе заслонить въ умахъ личностей, въ которыя воплощалось это стремленіе, идейный элементъ, во имя котораго они проявляли свое право на эту власть. Имъ приходилось создавать новыя общественныя формы, чтобы отстоять, укрѣпить и расширить эту власть, но фатальный ходъ логическаго процесса обращалъ всѣ эти возникающія формы во враговъ не только духовной монархіи папъ, но и средневѣковой культуры вообще въ ея главныхъ характеристическихъ чертахъ.

Этотъ процессъ съ особенною яркостью проявился въ эволюціи монашества и въ эволюціи школьнаго дѣла. Въ каждую новую эпоху жизни католицизма, пока онъ пытался развиваться (т. е. быть элементомъ *исторической* жизни) мы видимъ попытки придать новую организацію монашеской арміи духовнаго государства.

Это, прежде всего, раннiе бенедиктинцы, преданные дѣлу школъ, сельскаго хозяйства и „божьяго мира". Но путемъ этихъ школъ и необходимыхъ для учительства занятій языческими авторами, проникаетъ въ средневѣковую культуру все болѣе почитаніе античнаго міра и его формъ мысли; создается схоластическая философія, неизбѣжно подвергающая критикѣ догматы богословія и изъ „служанки" послѣдняго обращающаяся въ его соперницу; возникаютъ университеты.—Занятія сельскимъ хозяйствомъ на церковной территоріи все сильнѣе и неудержимѣе втягиваютъ духовенство въ интересы экономическіе и политическіе, создаютъ именно въ высшемъ духовенствѣ одинъ изъ обширнѣйшихъ классовъ крупныхъ землевладѣльцевъ, позже—вліятельные центры денежнаго хозяйства. Но именно это вызываетъ и вражду духовной паствы противъ пастырей — остающихся, по традиціи, учителями

отреченія отъ міра. Забота о „божьемъ мирѣ“ оказывается орудіемъ усиленія свѣтской центральной политической власти на счетъ феодальнаго строя, который представлялъ наиболѣе шансовъ господству единаго монархическаго папства надъ дробными центрами политическихъ силъ. Приходится снова и снова реформировать старые монашескіе ордена. Клюни становится могучимъ центромъ реорганизаціи этой монашеской арміи, вліяніемъ которой умѣютъ энергически воспользоваться папы-монахи типа Григорія VII; но вмѣстѣ съ эволюціею средневѣковаго общества вообще и этотъ матеріалъ оказывается недостаточнымъ, чтобы подавить протестъ противъ свѣтскихъ элементовъ духовенства, все болѣе выдѣляющагося—особенно вслѣдствіе своего безбрачія—изъ свѣтскаго общества.

Подъ вліяніемъ энтузіазма эпохи крестовыхъ походовъ, какъ самостоятельный эпизодъ переустройства арміи монашеской, выступаютъ рыцарскіе духовные ордена. Но это оружіе слишкомъ скоро обращается въ столь независимый общественный организмъ и усвоиваетъ столь независимыя экономическія функціи, что дѣлается одинаково опаснымъ и для развивающагося централизованнаго государства и для монархизма папъ, такъ что оба эти соперника вступаютъ въ союзъ чтобы подорвать силу тампліеровъ и довести роль прочихъ рыцарскихъ орденовъ до возможнаго минимума.

Нѣсколько позже это — нищенствующее монашество, главнымъ дѣломъ котораго является дѣятельный прозелитизмъ, причемъ одни изъ нихъ (доминиканцы) назначаются на господство въ высшихъ школахъ и университетахъ и на самую безцеремонную борьбу противъ умножающихся ересей; другіе (францисканцы) для дѣйствія на массы средневѣкового населенія, оставшіяся въ эпоху проповѣди универсалистическихъ ученій все при томъ же анимистическомъ міросозерцаніи, при которомъ они были въ эпоху Платона, Аристотеля, Гипократа и Архимеда, измѣнивъ лишь названіе фетишей, термины магическихъ заклинаній, внѣшность пріемовъ колдовства и типы чудотворцевъ или сказочныхъ героевъ. Но фатальный ходъ работы мысли сдѣлалъ изъ „братства проповѣдниковъ“, съ одной стороны, мыслителей, поставившихъ авторитетъ Аристотеля чуть ли не выше авторитета отцовъ церкви; съ другой, доминиканцы обратились въ героевъ инквизиціи и спеціальныхъ процессовъ колдуній; но именно это вызвало наибольшее возмущеніе противъ католицизма въ эпоху, когда подготовлялась свѣтская цивилизація, а идеальный типъ, на вліяніе котораго было выше указано, сталъ принимать ту форму, которую мы наблюдаемъ въ книгѣ, приписываемой Ѳомѣ Кемпійскому и у мистиковъ предшественниковъ реформаціи. Ученики же Франциска ассизскаго

почти немедленно выработали въ себѣ одну изъ самыхъ опасныхъ для католицизма ересей, сознательно стремившуюся къ царству третьей ипостаси, долженствующему будто бы смѣнить время монархіи папства. Они доставляли и довольно воспріимчивый матеріалъ для народныхъ движеній послѣдней эпохи среднихъ вѣковъ.

Послѣднею реорганизаціею арміи католицизма было созданіе ордена іезуитовъ, сдѣлавшагося не менѣе энергическою причиною вооруженія интеллигенціи противъ католицизма, какъ инквизиторы предшествующихъ эпохъ, хотя по другимъ поводамъ. Но это была уже эпоха постановленій Тридентинскаго Собора, съ которыми участіе католицизма въ *исторической* жизни европейской цивилизаціи прекратилось, и этотъ католицизмъ не могъ не придти неизбѣжно, опускаясь все ниже по работѣ мысли, къ признанію схоластики XIII-го вѣка руководящей философіею въ концѣ XIX-го.

Такимъ образомъ идейный элементъ средневѣковой культуры, сохранившій въ себѣ традиціонныя требованія отреченія отъ мірскихъ заботъ, долженъ былъ комбинироваться, вслѣдствіе борьбы католицизма за власть, съ прямо противуположнымъ стремленіемъ создать и укрѣпить церковно-политическій организмъ съ его арміями монаховъ, съ его аристократіею духовныхъ феодаловъ, и съ его универсалистическимъ монархомъ—папою. Это придавало католицизму все болѣе свѣтскій характеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость вліять на массы, остававшіяся на ступени доисторическихъ привычекъ мысли, побуждала католицизмъ придавать особенное значеніе элементу обрядному и легендарному на счетъ идейнаго и нравственнаго. Именно этотъ обрядный и легендарный элементъ, привлекательный для пасынковъ цивилизаціи, которымъ была недоступна мысль критическая, составлялъ общественную силу католицизма и позволилъ ему удержаться, какъ прочное переживаніе, среди массъ до новаго времени. Но всякое подобное переживаніе элементовъ предыдущаго періода давало новое оружіе противъ средневѣковой культуры, какъ оппозиціонной антицерковной интеллигенціи, такъ и политическимъ соперникамъ католицизма. Этой обрядности, какъ уче-

нію о богоугодныхъ „дѣлахъ“, протестантизмъ противуположилъ позже свое ученіе о „вѣрѣ“, т. е. о личномъ убѣжденіи, какъ основномъ богоугодномъ дѣлѣ. На почвѣ обрядности происходитъ и до сихъ поръ преимущественно борьба свободныхъ мыслителей новой буржуазіи противъ клерикализма.

Главнымъ соперникомъ католицизма, какъ политическаго организма, была, какъ указано выше, традиція римскаго цезаризма. Это была въ значительной мѣрѣ традиція идейная, и потому она сохранялась и выработывалась исключительно въ интеллигенціи и въ группахъ, слѣдовавшихъ моднымъ теченіямъ этой интеллигенціи. Во многихъ случаяхъ римская традиція дѣлалась отчасти безсознательнымъ орудіемъ, отчасти сознанною маскою, интересовъ свѣтскаго элемента въ его соперничествѣ съ церковнымъ, интересовъ централизованной власти въ ея борьбѣ противъ мѣстной самостоятельности болѣе мелкихъ политическихъ организмовъ. Но, для нѣкоторой доли средневѣковой интеллигенціи, эта традиція римскаго цезаризма обращалась въ традицію античной критики философской, научной и нравственной въ борьбѣ этой критики противъ зарождающейся мистики и противъ догматическаго авторитета. Въ этой своей роли античная традиція существенно подрывала—какъ переживаніе иной эпохи — средневѣковую культуру. Но она выступала здѣсь и какъ весьма важный *жизненный элементъ* дальнѣйшаго хода исторіи европейскихъ народовъ.

Государственная традиція древней Римской Имперіи стояла, съ самаго начала среднихъ вѣковъ, предъ господствующими классами этого времени, какъ чарующій образецъ политической жизни. *Продолжать* эту имперію стремились варварскія царства, возникшія на ея развалинахъ (точно также какъ цезари Византіи и позднѣйшіе цари Москвы — „третьяго Рима“). Къ подобнымъ попыткамъ снова и снова возвращались европейскіе государи въ эпохи Карла Великаго и От-

тоновъ, при чемъ и церковь, организуя свою *власть* надъ мірянами, не могла имѣть иныхъ образцовъ, какъ отчасти механическое, отчасти правовое государство Марковъ Авреліевъ и Діоклетіановъ. Къ тому же авторитетъ церкви доставлялъ отчасти идейный матеріалъ въ пользу господства свѣтской власти. Въ библейской традиціи, которая входила невыдѣлимымъ элементомъ въ политическіе идеалы католицизма, фигурировали типы Сауловъ, Давидовъ и Соломоновъ, способные скорѣе усилить политическое представленіе о свѣтской царской власти, унаслѣдованное отъ римской имперіи, чѣмъ его ослабить въ пользу элемента теократическаго. Поэтому, чрезъ весь средневѣковой періодъ, рядомъ съ стремленіемъ создать и укрѣпить универсалистическую монархію папства, приходится констатировать стремленіе свѣтскихъ государей придать средневѣковому строю характеръ возможно болѣе сближающій этотъ строй съ упомянутымъ выше государственнымъ строемъ Византіи и Москвы, воплощая въ свѣтскомъ монархѣ комбинацію римскаго цезаря и царя древнихъ евреевъ.

Однако лишь въ послѣднія эпохи средневѣковаго періода эти попытки возстановить государство, приближающееся къ римскому типу, оказались успѣшными. До тѣхъ поръ условія подобнаго успѣха не были осуществимы. Древнее государство императорскаго Рима опиралось на три такія условія. Во первыхъ, энергическая фискальная система, истощая экономическія силы разныхъ странъ имперіи въ пользу центральной власти, доставляла этой власти и господствующимъ классамъ тѣмъ болѣе могучія экономическія средства, чѣмъ болѣе массы населенія оставались на ступени хозяйства натуральнаго. Затѣмъ имперія, въ первый періодъ ея существованія, опиралась на военную организацію легіоновъ, унаслѣдованную отъ республики, способную доставить центральной власти торжество надъ всѣми попытками политическаго сепаратизма, и

лишь постепенно эта объединяющая сила подвергалась гибельной для имперіи дезорганизаціи. Наконецъ традиція кліентелы богатыхъ патриціанскихъ и всадническихъ родовъ, умноженіе вольноотпущенниковъ, особенно же образованіе придворной іерархіи около императоровъ, издавна подготовляемой и выработанной въ Римѣ, въ Византіи и около мѣстныхъ проконсуловъ— въ послѣдствіи кандидатовъ на санъ Августа—положили въ античной имперіи основаніе бюрократіи, безъ которой никакая центральная власть въ мирное время не мыслима. Но всѣ эти три условія отсутствовали и при каролингахъ и около Оттоновъ и у самыхъ энергическихъ королей Франціи и Англіи во всю первую половину среднихъ вѣковъ. Самые могучіе монархи этихъ эпохъ нуждались въ деньгахъ, и раздача земель долго оставалась единственнымъ средствомъ уплаты за политическое содѣйствіе. Поземельные владѣльцы не могли доставить матеріалъ ни для прочно организованнаго войска въ рукахъ сюзереновъ, ни для бюрократіи, которая находилась бы въ безусловной зависимости отъ нихъ. Слабое распространеніе знаній въ обществѣ принуждало государей для всѣхъ административныхъ цѣлей прибѣгать къ пособію духовенства т. е. именно къ тому общественному элементу, который стремился подчинить себѣ свѣтскую власть. При подобныхъ условіяхъ ни личный умъ, ни личная энергія государей, ни даже случайности расширенія подвластныхъ имъ территорій, не могли привести къ осуществленію чего-либо подобнаго государству римскихъ цезарей или позднѣйшихъ европейскихъ самодержцевъ XVI-го и XVII вѣковъ. Матеріалъ для этого творчества общественныхъ формъ долженъ былъ выработаться самъ собою, независимо отъ стремленія католицизма къ духовной монархіи папъ и отъ стремленія отдѣльныхъ личностей къ захвату политической власти. Традиціи церковная и римская могли лишь

способствовать выработкѣ почвы для этой эволюціи, но не могли создать ее собственными силами.

Эта почва была обусловлена полубезсознательнымъ развитіемъ третьяго элемента средневѣковой культуры изъ указанныхъ выше.

Варварскіе народы Европы имѣли свою доисторическую традицію, которую эти неофиты универсалистическихъ вѣрованій и эти продолжатели имперіи цезарей принесли съ собою изъ лѣсовъ и пастбищъ средней и сѣверной Европы; они не успѣли выработать тамъ обособленныхъ цивилизацій, подобныхъ тѣмъ, которыя развились по берегамъ Средиземнаго моря и Евфрата. Народы новой Европы были принуждены, перескочивъ чрезъ этотъ фазисъ *нормальнаго* общественнаго эволюціоннаго процесса, соглашать свои традиціонныя доисторическія формы быта съ задачами универсалистическаго права и универсалистическихъ вѣрованій, поставленныхъ предъ ними неустранимымъ ходомъ событій. При условіяхъ этого соглашенія, условіяхъ наиболѣе характеристичныхъ—и, можетъ быть, наиболѣе вліятельныхъ—въ Средніе Вѣка, автоматически выработывалась общественная среда разсматриваемаго періода; въ эту среду идейное начало господства ученія католицизма и столь же идейное представленіе объ универсалистическомъ правовомъ организмѣ Римской Имперіи съ его неограниченными повелителями, могли внести лишь болѣе или менѣе значительныя измѣненія. При постоянномъ дѣйствіи на этотъ развивающійся организмъ двухъ внѣшнихъ силъ католицизма и римскаго преданія, та или другая изъ нихъ могли пріобрѣсти преобладаніе лишь вслѣдствіе того, что той или другой изъ нихъ благопріятствовала эволюція среды, совершавшаяся большею частью непреднамѣренно, особенно путемъ дифференцированія и слитія сословій.

Сперва предъ нами, какъ прямые наслѣдники родового строя, союзы свободныхъ и равныхъ членовъ

марокъ и большихъ семей (Sippe), внѣ которыхъ стоятъ лишь безправные рабы и случайные, бродячіе безземельники. Въ эпоху каролинговъ надъ массою свободныхъ людей, обработывающихъ, большею частью, чужую землю, поднимается, какъ главная экономическая и политическая сила, сословіе крупныхъ землевладѣльцевъ. Попытки каролинговъ и Оттоновъ создать, для поддержки своей возрожденной имперіи, бюрократію по образцу своихъ античныхъ предшественниковъ, не удаются по недостатку годнаго матеріала; однако подготовленіе будущей бюрократіи совершается инымъ, болѣе продолжительнымъ путемъ. Крупные землевладѣльцы, составляющіе историческую силу эпохи, создаютъ различные классы посредниковъ между собою и работающими классами, большею частью свободными, но отчасти и вчерашними рабами. Появляются свободные управляющіе имѣніями и наблюдатели за хозяйствомъ, свободные оброчные люди и оброчные рабы при разнообразныхъ системахъ оброка, министеріалы изъ свободныхъ лицъ, служащіе по договору крупнымъ землевладѣльцамъ, и министеріалы изъ несвободныхъ, но, по формамъ договоровъ съ владѣльцами, мало отличающіеся отъ свободныхъ. Сближаются по обычному и по юридическому положенію общины старинныхъ членовъ марокъ и большихъ семей и общины вчерашнихъ крѣпостныхъ или даже рабовъ. Непреднамѣренно, но все съ большею силою, идетъ процессъ пониженія юридическаго положенія служащихъ свободныхъ людей, которые недавно были „равными“ тѣмъ, кому они стали служить добровольно. И столь же неудержимо идетъ повышеніе всякихъ „слугъ“, въ значительномъ числѣ потомковъ крѣпостныхъ. Почти повсюду эти два слоя сближаются, сливаются и дѣлаются трудно различимыми. Новые изслѣдователи съ удивленіемъ констатируютъ кое-гдѣ даже въ началѣ періода новой цивилизаціи существованіе отчасти крѣпостныхъ сервитутовъ на земляхъ лицъ привилле-

гированнаго сословія, рядомъ съ отсутствіемъ подобныхъ сервитутовъ на участкахъ roturiers. Они еще спорятъ между собою о процессѣ выработки буржуазіи внѣ городскихъ центровъ даже въ позднѣйшее время. Тѣмъ не менѣе, въ общемъ ходѣ событій, въ послѣднюю половину среднихъ вѣковъ, окончательно установились уже тѣ сословія, съ которыми приходится имѣть дѣло государству новой цивилизаціи: дворянство, обладающее многочисленными привилегіями разнаго рода; крестьянство, на которомъ лежитъ вся тяжесть средневѣковаго быта и положеніе котораго скорѣе еще ухудшится, чѣмъ облегчится, въ періодъ свѣтской цивилизаціи; наконецъ ростущая по силѣ и по значенію буржуазія, о которой придется еще говорить ниже.

Король варваровъ былъ лишь *первый среди равныхъ*. Его интересы и ихъ интересы могли быть одинаковы и на столько онъ былъ ихъ руководителемъ, судьею, могъ распоряжаться ихъ силами и средствами на основаніи *договора*, существующаго между ними, болѣе или менѣе явнаго и опредѣленнаго, обычнаго или внесеннаго въ какую либо „правду". Если интересы расходились, то дѣло каждаго изъ договаривающихся было обезпечить *свои* интересы, расширяя или съуживая старый договоръ, отстаивая или видоизмѣняя его. Въ далекую варварскую древность, давно забытую и римскимъ государствомъ и католическою церковью, восходило то политическое начало, въ силу случайныхъ остатковъ котораго аррагонскіе кортесы еще въ концѣ среднихъ вѣковъ говорили своему королю: „если нѣтъ—нѣтъ", а совѣтникъ Людовика XI вносилъ въ свои мемуары замѣтку, что лишь путемъ насилія какой либо государь можетъ наложить на своихъ подданныхъ, внѣ своей отчины, новую подать безъ ихъ согласія. Договоръ связывалъ князя съ дружиною, землевладѣльца съ земледѣльцами, обрабатывающими его поле, какъ онъ связывалъ свободныхъ

членовъ сельской общины и марки, выросшей изъ распадающагося или распавшагося рода; какъ связывалъ между собою эти общины и марки въ болѣе или менѣе опредѣленный національный или государственный союзъ. На этой почвѣ договорныхъ отношеній между группами, гдѣ повсюду власть принадлежала „первому между равными“ шла эволюція средневѣковыхъ общественныхъ формъ, причемъ этотъ „первый“, въ силу борьбы за свои интересы, естественно стремился передѣлывать договорный союзъ въ виду усиленія своей власти; „равные“ же столь же явно стремились, во-первыхъ, удержать и отвоевать бо́льшую долю этой власти отъ своего политическаго главы, во-вторыхъ— внести въ комплексъ равныхъ дифференцированіе сословій и классовъ, разнившихся своими привилегіями или отсутстіемъ послѣднихъ; сословій и классовъ, въ которыхъ можно констатировать настолько же въ низшихъ слояхъ стремленіе слиться съ высшими, какъ въ высшихъ стремленіе удержать свое обособленіе отъ низшихъ.

Важнымъ условіемъ для дальнѣйшаго образованія и раздѣленія общественныхъ классовъ являлось то экономическое обстоятельство, что удовлетвореніе государственныхъ потребностей, точно также какъ всѣ частныя сдѣлки, должны были происходить преимущественно на почвѣ хозяйства натуральнаго. Земля была единственнымъ источникомъ экономическаго господства. Центральная власть королей и германскихъ императоровъ опиралась на большее или меньшее пространство ихъ отчины и частнаго владѣнія, и въ малой лишь степени на обширность территоріи, имъ юридически подвластной. Это самое придавало классу землевладѣльцевъ его преобладающее политическое значеніе. Но и тутъ недостатокъ денегъ даже у крупныхъ феодаловъ принуждалъ ихъ устанавливать свои договорныя отношенія къ лицамъ отъ нихъ зависившимъ, на почвѣ отношеній поземельныхъ. Способомъ уплаты ми-

нистеріаламъ за ихъ службу служила раздача земель. Во всей Западной Европѣ распространяется бенефиціальный договоръ. Изъ среды владѣльцевъ леновъ обособляются при этомъ тѣ, которые могутъ выставить вооруженныхъ всадниковъ, давая этимъ самымъ начало новымъ пріемамъ организаціи военныхъ силъ. Побѣда въ битвахъ начинаетъ обусловливаться не только числомъ воиновъ, которыхъ можетъ выставить тотъ или другой землевладѣлецъ для своего суверена, но числомъ хорошо вооруженной и привычной къ военному дѣлу конницы *рыцарей*, получающихъ, какъ въ собственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ массъ, особенное достоинство. Эти *рыцари* выдѣляются въ особенное почетное сословіе, при чемъ ихъ происхожденіе изъ свободныхъ, полусвободныхъ или даже крѣпостныхъ теряетъ свое значеніе предъ общимъ для всѣхъ ихъ идеаломъ нравственнымъ и культурнымъ, надъ которымъ трудится эстетическая мысль среднихъ вѣковъ. И договоръ о владѣніи землею, въ связи съ военною обязанностью, требующею все болѣе сложное подготовленіе рыцаря и его дрессировку, принимаетъ особый характеръ, связывающій высшаго суверена съ непосредственно ему подчиненными сюзеренами-перами, отъ которыхъ внизъ идетъ длинный рядъ высшихъ вассаловъ, подвассаловъ, до мелкихъ владѣльцевъ рыцарскаго участка.

На сцену исторіи выступаетъ, какъ особенная форма, *средневѣковый феодализмъ*, для котораго историку мысли приходится искать источниковъ среди трехъ основныхъ элементовъ средневѣковой культуры. Всѣ элементы *феодальнаго* строя стремятся отвоевать себѣ возможно-бо̀льшую политическую независимость, возможно-широкія юридическія и финансовыя права, закрѣпляя ихъ формальнымъ договоромъ: феодалы всѣхъ низшихъ ступеней стремятся устранить свою зависимость отъ феодаловъ высшихъ ступеней, подчиняясь все болѣе непосредственно лишь суверену — королю или импера-

тору — и довести формы этого подчиненія до минимума; высшій слой феодаловъ—герцоги, маркизы, графы, бароны — стараются, напротивъ, удержать эту іерархію и отвоевать себѣ суверенитетъ по отношенію къ своимъ вассаламъ или, въ нѣкоторыхъ странахъ, пріобрѣсти для собранія крупныхъ феодаловъ страны то положеніе необходимаго органа законодательства и управленія, которое наиболѣе удовлетворяло бы традиціонному представленію о „равныхъ“ окружающихъ „перваго“ изъ нихъ, какъ о самостоятельной политической силѣ. Для этого политическаго строя, для *средневѣковаго феодализма* въ его идеальномъ представленіи и въ его частичномъ осуществленіи (очень различномъ) въ разныхъ странахъ, историку мысли едва ли можно искать источника въ католическомъ ученіи и тѣмъ менѣе въ государственномъ и правовомъ преданіи Рима. Феодальныя отношенія были отношенія чисто реальныя, въ которыя лишь незначительнымъ элементомъ входило мистическое отношеніе вѣрующаго къ церкви, какъ къ организованной власти сословія или лица, являющагося посредникомъ между паствою и сверхъестественными силами. Сила соціальнаго творчества, создавшаго сѣть феодализма, охватывавшую общество, начиная императоромъ или королемъ до послѣдняго барона - хищника въ его независимомъ замкѣ, разбойничьемъ гнѣздѣ, не подчинялась идеѣ духовной іерархіи, но, напротивъ, втянула въ свою совершенно-реальную организацію и епископовъ, и аббатовъ, и киновіальныя общины, группирующіяся въ обширныя федераціи монашескихъ орденовъ, и самихъ папъ, какъ владѣльцевъ феодальной территоріи. Римскому же юристу съ его ясно-опредѣленными категоріями полной собственности или ея отсутствія, полной взаимной независимости лицъ или столь же точнаго подчиненія одного изъ нихъ другому, было даже едва мыслимо феодальное неполное право собственности или установленное фео-

дальнымъ договоромъ подчиненіе даннаго лица въ одномъ отношеніи, рядомъ съ совершенною независимостью его въ другомъ.

Этотъ *новый*—по сравненію съ античнымъ и съ церковнымъ—политическій строй имѣлъ себѣ совершенно опредѣленнаго предшественника въ далекомъ прошедшемъ, но этотъ прототипъ его лежалъ за предѣлами не только попытки римскаго правоваго государства и католической іерархіи общинъ вѣрующихъ; онъ восходилъ къ эпохѣ, когда, въ процессѣ образованія доисторическихъ націй и государствъ, и, затѣмъ, историческихъ обособленныхъ организмовъ, сдерживаемыхъ механическою силою, шла въ самыхъ различныхъ расахъ борьба индивидуализма мелкихъ центровъ съ стремленіями этихъ самыхъ центровъ сплотиться въ сильныя государства. Этотъ феодализмъ древнѣйшаго типа историкамъ приходится констатировать въ очень многихъ мѣстностяхъ въ борьбѣ съ эволюціею централизованныхъ государствъ. Тамъ, гдѣ онъ одолѣлъ, страна большею частью вышла изъ ряда историческихъ элементовъ жизни человѣческой. Тамъ, гдѣ онъ былъ механически подавленъ, наступилъ періодъ обособленныхъ централизованныхъ цивилизацій, не имѣвшій мѣста для народовъ, получившихъ наслѣдство Римской Имперіи и развивавшихся подъ вліяніемъ католицизма. Здѣсь, при новыхъ условіяхъ среды, возобновлялся доисторическій споръ о преобладаніи между политическимъ индивидуализмомъ и политической солидарностью частей обширнаго общественнаго комплекса. Средневѣковой феодализмъ едва ли не представлялъ общественную форму, которая могла наилучшимъ образомъ приспособиться и къ традиціямъ варварскихъ народовъ, составлявшихъ почву развитія новой западной Европы, и къ идейнымъ элементамъ католицизма въ средневѣковой культурѣ. Подъ вліяніемъ феодальнаго соперничества между мелкими землевладѣльцами и распространенія этого явленія на всѣ классы средневѣковаго общества, семьи этого

періода съ большею опредѣленностью выступали въ роли элементовъ подрывавшихъ государство, какъ обширное цѣлое. Однако въ средневѣковомъ феодализмѣ можно признать до нѣкоторой степени и присутствіе универсалистической тенденціи, такъ какъ онъ выработывалъ общія формы классовой культуры (рыцарей, горожанъ-патриціевъ, цеховыхъ рабочихъ и т. под.), которыя распространялись изъ одной страны въ другую, независимо отъ государственнныхъ и національныхъ границъ, устанавливали обшіе для каждаго класса жизненные и эстетическіе идеалы, въ нѣкоторой степени обусловливали и общіе личностямъ разныхъ націй общественныя предпріятія (какъ, напримѣръ, крестовые походы противъ мусульманъ или противъ еретиковъ, торговые союзы городовъ и т. под.). Съ паденіемъ феодальнаго строя подъ напоромъ централизованныхъ государствъ, политическое соперничество послѣднихъ и экономическое соперничество буржуазій разныхъ странъ оружіемъ протекціонизма вызвали искуственное усиленіе вражды національностей, характеризующей послѣдніе три вѣка, въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ было до того. Есть, можетъ быть, по этому, основаніе смотрѣть на феодализмъ, какъ на *жизненный элементъ* средневѣковой культуры, заключавшей въ себѣ, какъ мы видѣли, такое множество противорѣчивыхъ задачъ, грозившихъ ея прочности.

И феодализмъ не былъ, можетъ быть, единственнымъ крупнымъ общественнымъ явленіемъ въ тотъ же періодъ, которое приходится возвести не къ церковной или римской традиціи, а къ элементамъ самостоятельной эволюціи европейскихъ варварскихъ народовъ при переходѣ ихъ къ жизни исторической, перескакивая чрезъ эпоху обособленныхъ цивилизацій. Такими можно считать въ сравнительно - позднія эпохи Среднихъ вѣковъ появленіе нѣкоторыхъ группъ продуктовъ эстетическаго творчества. Нѣсколько цикловъ эпическихъ сказаній (Карла Великаго, круглаго стола, скан-

динавско-нѣмецкихъ сагъ, Беовульфа, скандинавской миѳологіи, животнаго эпоса Лиса и т. п.) появляются, какъ продуктъ совершенно аналогичный великимъ поэмамъ и миѳологіямъ древности, едва ли сохраняя въ себѣ отдѣльныя и какъ бы случайныя черты не только тѣхъ универсалистическихъ тенденцій государственности и церковности, которыя господствовали въ эпоху ихъ появленія, но даже того индивидуализма, который характеризовалъ переходъ отъ доисторическаго искусства къ историческому. И эти особенности эстетической формы распространялись и на другія отрасли того же художественнаго творчества, уже по самому своему предмету указывающія на время своего происхожденія. Въ средневѣковыхъ поэмахъ античнаго цикла, въ отрасли поэмъ круглаго стола, относящихся къ Граалю, въ обширной литературѣ легендъ о христіанскихъ угодникахъ, а затѣмъ—въ другой отрасли искусства—въ архитектурѣ романской и готической—вовсе не проявляется индивидуальность поэта и сказителя, скульптора многочисленныхъ мадоннъ, точно также какъ составителя многочисленныхъ гимновъ той же мадоннѣ. Предъ нами художественная традиція общественнаго быта, не знающаго ни индивидуалистической поэзіи эпохи Лукреція и Виргилія, ни индивидуалистическаго богословія Августиновъ и Златоустовъ. Въ эпоху такихъ характерно-индивидуалистическихъ личностей въ реальномъ мірѣ, какъ Григорій VII или Фридрихъ II, наканунѣ появленія такого индивидуальнаго типа великаго поэта, какъ Данте, предъ нами *коллективная* литература и *коллективное* искусство, источникъ господства которыхъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія искать въ античной традиціи; эта литература вырабатываетъ типы и идеалы ранняго феодала и позднѣйшаго рыцаря, совершенно чуждые и даже отчасти враждебные типу угодника и аскета, выдвинутымъ мистико-универсалистическимъ теченіемъ мысли, имѣвшимъ *свою* ему присущую литературу и *свое* искусство. А потому здѣсь

предъ нами иной источникъ: едва ли не всего вѣроятнѣе его искать въ эволюціи мысли, принесенной въ средневѣковую цивилизацію варварскими народами, и вырабатывавшей свои продукты художественные, рядомъ съ эволюціею другихъ типовъ, унаслѣдованныхъ отъ поздней античной цивилизаціи или обусловленныхъ церковными идеалами.

При изученіи цикловъ средневѣковой поэзіи и продуктовъ средневѣковаго искусства приходится тщательно различать два ихъ слоя, относящіеся къ двумъ послѣдовательнымъ фазисамъ этой эволюціи. Все сказанное объ отсутствіи индивидуализма въ эстетическомъ творчествѣ относится къ слою, элементы котораго не заключаютъ еще идеализаціи типа рыцаря съ его высокими требованіями аффективными, нравственными и религіозными. Служеніе дамѣ сердца (немаловажный симптомъ подрыва античнаго семейнаго начала), идеалъ мистическихъ цѣлей въ свѣтской жизни, искусственная аффективная лирика и переработка грубыхъ фигуръ старинныхъ Gestes и кельтическихъ Мабиногіоновъ въ утонченныхъ хранителей даннаго слова и искателей мистическаго Грааля имѣло мѣсто гораздо позднѣе и подъ вліяніемъ усвоенія нравственныхъ идей уже не церковныхъ, а мірскихъ.

Выработка жизненнаго идеала рыцаря шла параллельно и съ рядомъ культурныхъ измѣненій, обусловленныхъ отчасти экономическими явленіями, отчасти идейными процессами. Трудныя условія натуральнаго хозяйства и недостатокъ денегъ становились съ теченіемъ времени все чувствительнѣе одинаково для всѣхъ классовъ общества и потому мысль наиболѣе развитыхъ личностей неизбѣжно направлялась на вопросъ: какъ помочь этому положенію? Въ этомъ направленіи одинаково работала мысль весьма различно поставленныхъ личностей: городской ремесленникъ начиналъ сознавать, что его умѣнье приготовлять оружіе для конницы рыцарей дѣлало его гораздо болѣе

необходимымъ элементомъ общественнаго строя, чѣмъ устанавливала это феодальная іерархія, и могло дать ему право на болѣе значительную общественную роль; рыцарь сближалъ безконечныя фантастическія авантюры романовъ позднихъ Среднихъ Вѣковъ съ реальными разсказами о крестоносцахъ, основывавшихъ королевства на дальнемъ Востокѣ и грабившихъ Константинополь; смѣлый мореходъ Генуи, Каталоніи или Португаліи, только что усвоившій употребленіе компаса, начиналъ мечтать о томъ, чтобы пробраться новымъ морскимъ путемъ въ фантастическую Индію стариннаго преданія и новыхъ разсказовъ путешественниковъ, или въ страну Великаго Могола; алхимикъ искалъ философскій камень и элексиръ жизни, какъ источникъ богатства и наслажденій; юристъ, при помощи своего знанія „писаннаго разума“, стремился достигнуть вліятельнаго положенія министра крупнаго феодала, короля или императора, что̀ становилось для него все возможнѣе; поднималась въ цѣнѣ и работа скромнаго клерика-переписчика, по мѣрѣ того какъ въ средѣ грамотнаго люда входили въ оборотъ новыя произведенія Аристотеля или его коментаторовъ; ученый еврей видѣлъ, что его, какъ искуснаго медика, высоко цѣнили и приглашали тѣ самые сильные міра, которые вчера еще считали чуть ли не богоугоднымъ дѣломъ его ограбить, истязать и убить. И эта работа мысли, вызванная жаждой денегъ во всѣхъ классахъ, которые всѣ чувствовали въ нихъ недостатокъ, допускала, именно вслѣдствіе противорѣчій средневѣковой культуры, самую широкую идеализацію, въ значительной мѣрѣ искреннюю. Рыцарь-крестоносецъ убѣждалъ себя, что онъ идетъ не грабить, а защищать гробъ Христа. „Служанкою богословія“ должна была быть, по убѣжденію схоластиковъ-мыслителей, и теософія Іоанна Скотта Эригены, и критика Абеляра и мистика Іоакима ди Фіорэ, точно также какъ тайною наукою была алхимія и астрологія рядомъ съ медициною. И,

подъ вліяніемъ этихъ двойныхъ побужденій, экономическихъ и идейныхъ, происходили характеристическія явленія: возникалъ средневѣковой городъ; массы искателей богоугодныхъ „авантюръ“ шли на далекій Востокъ подъ знаменемъ Креста; развивались послѣдовательные фазисы схоластическаго богословія; рядомъ съ богословіемъ, какъ центры поисковъ истины, которую *слѣдовало* знать и внести въ жизнь, вырабатывались университеты юристовъ, а вслѣдъ затѣмъ обнаруживалось присутствіе удобнаго матеріала для бюрократіи, годной на службу новыхъ политическихъ властей; рядомъ съ фантастическими трудами дѣлателей золота, дѣйствительно оказался сдѣланнымъ порохъ, разомъ подорвавшій военное значеніе конницы рыцарей; дѣйствительно оказалось изобрѣтеннымъ книгопечатаніе, подорвавшее и индустрію переписчиковъ, и необходимость скопленія массъ бродячихъ учениковъ около кафедръ знаменитыхъ ученыхъ; оказались созданными денежное и кредитное хозяйство, а съ нимъ выступили на сцену новой исторіи и задачи царства буржуазіи.

Центральнымъ фокусомъ этого движенія, подорвавшаго всѣ основы средневѣковой культуры, оказалась опять таки не какая либо внѣшняя сила, не одно изъ тѣхъ идейныхъ теченій, которое можно констатировать въ католицизмѣ или въ римской традиціи, но одинъ изъ самыхъ нормальныхъ и скромныхъ продуктовъ феодальнаго строя. Такимъ центромъ сдѣлался *средневѣковой городъ*.

Средневѣковой городъ былъ соціальнымъ организмомъ, въ значительной мѣрѣ отличавшимся отъ города древне-восточнаго и отъ города античныхъ республикъ и тираній. Это не былъ лишь болѣе или менѣе удобный рынокъ среди пустынь, куда шли издалека караваны, устанавливая сначала торговыя, а потомъ и культурныя связи между вполнѣ обособленными и надолго еще прямо-враждебными культурами или цивилизаціями. Это не былъ и механически-созданный центръ власти

фараоновъ того или другого нома, или царей семитовъ, возникавшій или заброшенный вслѣдствіе того, что та или другая династія или національность была поставлена случайностью военнаго успѣха во главѣ болѣе или менѣе обширной страны. Это не былъ и органическій центръ власти господствующаго класса землевладѣльцевъ и торговцевъ, центръ, которому добровольно или невольно подчинялись сельскіе жители болѣе или менѣе обширной территоріи, и самое существованіе и функціонированіе котораго предполагало обширное населеніе невольниковъ около сравнительно незначительнаго числа гражданъ, единственныхъ представителей и политической власти и всѣхъ отраслей цивилизаціи.

Средневѣковой городъ былъ, прежде всего, въ феодальномъ мірѣ однимъ изъ элементовъ эволюціи, стремившихся—подобно всѣмъ другимъ подобнымъ элементамъ, стоявшимъ рядомъ съ нимъ—отвоевать себѣ собственными силами возможно-бо̀льшую независимость, возможно-широкія юридическія права. Это была *коммуна*, свя̀занная внутри договоромъ, и установившая другими договорами свои отношенія, съ одной стороны, къ графу, къ епископу, къ императору, съ другой, къ другимъ городскимъ коммунамъ и сельскимъ маркамъ.

Затѣмъ средневѣковой городъ былъ преимущественно мѣстомъ скопленія свободныхъ земледѣльцевъ, ремесленниковъ и торговцевъ, и это свободное отъ крѣпостной зависимости населеніе противуполагалось крѣпостному крестьянству епископствъ, аббатствъ, феодальныхъ графствъ и королевскихъ виллъ. Феодальный элементъ этого населенія принужденъ былъ чаще подчиняться городскому договору, чѣмъ приспособлять послѣдній къ требованіямъ феодальныхъ отношеній. Городское войско, городской судъ, городское управленіе выработывались по типу, въ значительной мѣрѣ отличавшемуся отъ того типа, который господствовалъ въ подобныхъ же учрежденіяхъ на территоріи, подчиненной крупнымъ и мел-

кимъ баронамъ и занятой крѣпостнымъ или полукрѣпостнымъ населеніемъ. Эти два типа средневѣковыхъ общественныхъ организмовъ были, по ходу событій, очень смѣшаны между собою: въ городахъ иныхъ странъ, — напримѣръ въ Италіи, — замки разныхъ бароновъ находились внутри города, въ другихъ—и еще чаще—чисто феодальный договоръ подчинялъ городъ, какъ бы крестьянскую общину, графу или епископу; по этому города и феодальные землевладѣльцы не могли не входить въ неизбѣжныя столкновенія. Сословное раздѣленіе въ городахъ имѣло совсѣмъ иной характеръ чѣмъ іерархическое раздѣленіе землевладѣльцевъ на слои высшаго и низшаго дворянства. Въ патриціяхъ и крупныхъ горожанахъ, занимавшихся торговлею и денежными оборотами, выработывались не только отдѣльныя денежныя силы Фуггеровъ и Медичи, но и классовые экономическіе организмы будущей буржуазіи новаго времени. Въ дисциплинѣ цеховъ, созданныхъ потребностью городовъ защищаться отъ феодальныхъ враговъ и скрѣплять солидарность городского населенія, организовалась не только свѣтская армія, подобно тому, какъ монашество составляло духовную армію католицизма; но, въ борьбѣ цеховъ съ патриціями за участіе въ городскомъ управленіи, подготовлялись демократическія задачи новаго экономическаго строя въ то самое время, какъ происходилъ захватъ горныхъ промысловъ правительствами и расширеніе предпринимательства по изготовленію тканей (преимущественно еще въ формѣ кустарнаго промысла) опять таки городскою крупною буржуазіею. Рядомъ съ непрерывными, но безнадежными возстаніями крестьянства, неорганизованнаго и неимѣвшаго возможности организоваться для его „жакерій“ и „крестьянскихъ войнъ“, феодальному господству землевладѣльцевъ грозилъ гораздо болѣе опасный врагъ въ средневѣковыхъ городахъ, гдѣ скоплялись частныя богатства въ рукахъ свѣтскихъ людей, выработывался государственный кредитъ и проис-

ходили финансовыя комбинаціи, не только не имѣвшія ничего общаго съ основными тенденціями церковной культуры среднихъ вѣковъ, но непосредственно подготовлявшія культуру свѣтскую и меркантилистическій взглядъ на деньги, взглядъ, находившійся въ прямомъ противорѣчіи съ традиціоннымъ отношеніемъ къ этому вопросу католическаго аскетизма, отрицавшаго, какъ грѣхъ, проценты при денежномъ займѣ.

Какъ только въ организаціи средневѣковаго города, съ его переходомъ, во многихъ отношеніяхъ, отъ натуральнаго хозяйства къ денежному и кредитному, стали вырабатываться центры новаго типа экономической и политической жизни, нѣкоторые изъ этихъ центровъ, находившіеся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ развитія, сдѣлались и центрами интеллектуальными, при чемъ на первый планъ выступило ихъ *универсалистическое* значеніе на почвѣ универсалистическаго культурнаго языка, латыни. Возникли *университеты*, куда сходились тысячи и десятки тысячъ полуграмотныхъ слушателей, жаждущихъ интеллектуальнаго развитія, принадлежащихъ самымъ различнымъ народностямъ, чтобы присутствовать при схоластическихъ коментаріяхъ на рѣдкую и немногимъ доступную книгу Аристотеля, или при полемикѣ знаменитаго богослова или юриста противъ его соперниковъ. Университеты сдѣлались особенно-важными историческими центрами по своему общеобразовательному значенію, въ размѣрахъ, о которыхъ не могли и мечтать старые монастырскіе центры работы мысли въ Клюни, въ Фульдѣ и т. под. Бродячее населеніе этихъ „клериковъ“ и „схоластовъ“, не имѣвшее, въ сущности, ничего общаго съ задачами католическаго ученія, этихъ авторовъ цѣлой литературы „голіардовъ“, грубой и циничной, употреблявшихъ для сношенія между собою и для своихъ произведеній испорченную латынь, образовало почву для развитія одной части средневѣковой интеллигенціи, почву, на которой должны были въ

послѣдствіи вырости всѣ могучія и изящныя личности эпохи Возрожденія, всѣ уединенные въ своемъ ученомъ величіи Коперники и Леонардо да-Винчи, всѣ энергическіе и неуступчивые борцы за религіозное начало противъ разлагающагося католицизма и противъ растущаго свѣтскаго свободомыслія, въ родѣ Лютеровъ и Кальвиновъ. Города, какъ университетскіе центры, вызывали въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и сознательное противуположеніе буйнаго студенчества, какъ интеллигенціи, стремящейся къ умственному развитію—буржуазіи, поглощенной мелкими интересами борьбы за существованіе и за обогащеніе. Они были лабораторіями, гдѣ вырабатывались сами собою умственныя силы, подрывавшія всѣ идейныя начала средневѣковой культуры, точно также какъ здѣсь вырабатывались силы политическія, прямо враждебныя феодальному строю, и потому самому благопріятныя для централизующей политической власти; наконецъ — силы экономическія, подготовлявшія будущую государственную бюрократію и будущую европейскую буржуазію новаго времени.

Средневѣковые города, въ которыхъ выростала и буржуазія съ ея экономическими задачами, и демократія съ ея политическими идеями о самоуправленіи массъ, не могли не играть крупной роли и въ борьбѣ между началами государства феодальнаго и государства централизованнаго, въ борьбѣ, на которой все болѣе концентрировались политическія задачи второй половины среднихъ вѣковъ.

Именно къ средневѣковымъ городамъ и можетъ, повидимому, историкъ мысли возвести всѣ теченія, которыя обусловили окончательно въ началѣ новаго времени побѣду централизованнаго новаго государства надъ феодальнымъ строемъ, не смотря на то, что послѣдній могъ, повидимому, гораздо удобнѣе приладиться къ основнымъ задачамъ средневѣковой культуры.

Въ городахъ развились тѣ денежныя силы, которыя положили основаніе государственному кредиту и сдѣ-

лали возможнымъ систематическое финансовое управленіе, сразу измѣнившее отношенія между централизованною властью и отдѣльными феодалами, совершенно независимо отъ ихъ юридическихъ правъ и политической роли. Городское ополченіе организовало новую военную силу, предъ которой рыцарской конницѣ пришлось спасовать, особенно съ распространеніемъ огнестрѣльнаго оружія и съ измѣненіемъ тактики подъ вліяніемъ артиллеріи, сдѣлавшимъ новые способы организаціи армій и ихъ вооруженіе доступными лишь крупнымъ политическимъ организмамъ. Деньги, какъ признанный „нервъ войны“, создали наемныя войска, спеціальную индустрію кондотьери, логически подготовляя необходимость постоянной государственной арміи, чѣмъ нанесли послѣдній ударъ феодализму.

Въ самомъ началѣ Среднихъ Вѣковъ приходится констатировать процессъ подготовленія свѣтскаго строя мысли въ противуположность церковному на почвѣ усвоенія убѣжденія, что лишь въ античномъ—т. е. языческомъ — преданіи можно черпать здоровые элементы работы небогословскаго знанія и пониманія, и что, по этому, сама срдневѣковая культура нуждается въ пособіи античныхъ пріемовъ разсужденія. Къ Алкуину новые изслѣдователи возводятъ начало новой европейской схоластики. Система Іоанна Скота Эригена была ближе къ неоплатоникамъ, чѣмъ къ Августину или Златоусту. Съ Абеляра средневѣковые мыслители ставили себѣ уже вопросы о праведной жизни не на основаніи авторитета церкви, а на почвѣ логическаго построенія. Точно также, въ средѣ вырабатывающейся буржуазіи, новый слой интеллигенціи, подготовлявшей бюрократію позднѣйшаго періода, росъ, рядомъ съ духовенствомъ и соперничая съ нимъ, около первыхъ законодателей варварскихъ „правдъ“; около первыхъ возобновителей древней Имперіи, создававшихъ переходный фазисъ средневѣковаго права своими капитуляріями; около первыхъ цезарей Священной Германской Имперіи и около

королей Франціи и Англіи, боровшихся съ феодалами и съ папами въ силу своего достоинства, будто бы унаслѣдованнаго отъ Соломоновъ и Юстиніановъ. Но, пока эта свѣтская бюрократія и эта будущая буржуазія находились еще въ зародышѣ, государямъ и крупнымъ феодаламъ приходилось, какъ было указано выше, искать элементы нужной имъ интеллигенціи лишь въ средѣ духовенства, а торговля и ростовщичество дозволяли скопленіе капиталовъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Въ удобно помѣстившихся городахъ послѣдній процессъ принялъ болѣе нормальную форму. Мы говорили выше объ общеобразовательномъ значеніи средневѣковыхъ университетовъ. Теперь приходится обратить вниманіе на роль, которую они играли въ выработкѣ *свѣтскаго* знанія и пониманія. При ихъ первомъ появленіи западно-европейскіе университеты были и не могли не быть преимущественно богословскими. Но затѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, вслѣдствіе практическихъ требованій времени, мы видимъ, что факультеты юридическіе и медицинскіе принимаютъ тоже характеръ уже не профессіональныхъ школъ, а высшихъ общеобразовательныхъ центровъ. Въ юридическихъ факультетахъ Италіи, а затѣмъ и другихъ странъ, свѣтская власть нашла себѣ необходимую политическую и идейную поддержку. Тамъ образовались группы интеллигенціи, которыя, въ своемъ стремленіи къ политической силѣ, употребили, какъ орудіе, изучепіе и систематизированіе, комментированіе и внесеніе въ практику жизни римскаго права какъ „писаннаго разума“. Выработывалось, рядомъ съ духовенствомъ, сословіе *юристовъ*, какъ поддержка централизующейся власти и это уже не въ формѣ прямой борьбы за власть, а въ силу идейной борьбы за разумный и справедливый, правовой строй общества; за болѣе цѣлесообразные пріемы установить тотъ самый „божій миръ“, который составлялъ признанную работу католической церкви, а теперь становился одною изъ главныхъ задачъ монарховъ за-

пада съ ихъ юристами, черпавшими свое ученіе изъ пандектовъ самодержавныхъ императоровъ. Во многихъ центрахъ работы мысли въ университетахъ факультеты богословскіе мало-по малу уступили юридическимъ. Интересы сословные и интересы политическіе содѣйствовали идейному росту отрасли работы мысли, которая была, безъ малѣйшаго сомнѣнія, работою въ области чисто свѣтской, слѣдовательно враждебной церковному идеалу отреченія отъ міра; такъ что юристы, стремившіеся, въ силу своихъ интересовъ, оттѣснить духовенство отъ вліянія на политическія дѣла, имѣли возможность при этомъ опираться на этотъ самый аскетическій идеалъ, обязательный для монаха.

Но какъ только эта свѣтская область работы мысли отвоевала себѣ право на развитіе въ средневѣковомъ міровоззрѣніи, немедленно предъявила подобныя же права и медицина. Она составляла во всѣ періоды жизни человѣчества одну изъ главныхъ его заботъ; восходила къ доисторическимъ пріемамъ знахарей и имѣла въ своихъ преданіяхъ — уже въ эпоху мысли критической—великіе имена Гиппократовъ и Галеновъ, наименѣе вызывавшія недоброжелательство учителей мистической эпохи. Въ силу грозныхъ требованій медицины, къ одру болѣзни христіанскихъ государей и іерарховъ призывали мусульманина и еврея. Она требовала лишь *свѣтскаго* знанія и практическаго умѣнья, игнорируя догматы вѣрованія, о различіи которыхъ такъ заботилась средневѣковая культура. Конечно, для огромнаго большинства средневѣковыхъ людей стояла, рядомъ съ этимъ знаніемъ, признанная чудотворная терапевтика обряда и реликвій, восходившая къ доисторическому шаманству; стояли рядомъ и тайныя науки алхимика, искавшаго элексира жизни, астролога, читавшаго въ звѣздахъ судьбу отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ царствъ, наконецъ мага-отступника, продавшаго свою душу діаволу. Тѣмъ не менѣе, въ этомъ комплексѣ критическаго знанія, случайнаго эмпиризма и доисто-

рическаго колдовства, выработывалась все болѣе ясно поставленная задача необходимости изучать природу тѣмъ или другимъ путемъ, интересоваться ея явленіями и законами, и не смотрѣть на нее исключительно, какъ на міръ искушенія и грѣха. Въ этомъ взглядѣ на вещи заключалась въ зародышѣ будущая эволюція всѣхъ точныхъ наукъ съ ея грознымъ значеніемъ для принциповъ средневѣковой культуры. Римское право и медицина выступали какъ традиціонные жизненные элементы античнаго строя въ области пониманія міра и общества; какъ непосредственные соперники праву каноническому, политической роли духовенства какъ таковаго, и какъ враги мистическаго и чудотворнаго знахарства. Юристы, смотрѣвшіе на тексты античнаго міра, какъ на „писанный разумъ“, подготовляли перенесеніе на свѣтскую власть того сверхъестественнаго ореола, который, для вѣрующаго католика, окружалъ лишь церковь и ея высшаго представителя. Ученики арабскихъ и еврейскихъ врачей, въ своей практикѣ сглаживали ненависть къ иновѣрцамъ и вызывали строй мысли, воплотившійся въ знаменательную легенду о „трехъ кольцахъ“. Для общей эволюціи мысли въ Западной Европѣ имѣло громадное значеніе то обстоятельство, что тамъ одновременно, независимо одинъ отъ другого, но при этомъ въ тѣсномъ психическомъ взаимодѣйствіи, шли оба указанные процесса: съ одной стороны критическій протестъ противъ средневѣковой культуры въ ея цѣломъ; съ другой — ростъ мысли, искавшей въ античной традиціи или даже въ непосредственномъ опытѣ критическое рѣшеніе вопросовъ о природѣ и объ общественномъ строѣ. Это обстоятельство сдѣлало на Западѣ уже невозможнымъ тотъ типъ общественнаго строя, который перешелъ на Востокѣ отъ Византіи въ Москву, обращая тамъ политическую власть въ обязательнаго сторонника средневѣковой культуры и парализируя въ обществѣ развитіе научной мысли, враждебной этой культурѣ, до того ея застоя въ какомъ

намъ рисуютъ эту московскую культуру новые критическіе изслѣдователи (Пыпинъ, Дитятинъ, Милюковъ).

Едва ли можно отрицать, что именно та работа мысли въ области творчества общественныхъ формъ, которая привела автоматически къ средневѣковой городской жизни съ ея разнообразными послѣдствіями, преимущественно обусловила теченіе событій, создавшее новую Европу. Но тутъ предъ историкомъ мысли возникаетъ загадочное обстоятельство, что въ большей части странъ эпоха перехода отъ средневѣковаго періода къ новому была въ то же самое время эпохою упадка самостоятельной жизни городовъ и ихъ окончательнаго разгрома администраціею того самаго централизованнаго государства, господству котораго надъ политическимъ организмомъ церкви и надъ феодальнымъ строемъ такъ много содѣйствовалъ именно средневѣковой городъ съ выработанною имъ интеллигенціею юристовъ, схоластовъ, свѣтскихъ чиновниковъ, буржуазіи, обогащающейся товарною торговлею и денежными оборотами, и т. под. При нынѣшнемъ состояніи историческихъ знаній можно скорѣе угадывать чѣмъ научно утверждать, какая комбинація силъ здоровыхъ и патологическихъ привела къ тому результату, который констатируетъ объективная исторія событій. Можетъ быть дозволительны въ этомъ случаѣ слѣдующія соображенія:

Въ теченіе Среднихъ Вѣковъ, точно также какъ и съ самаго начала исторической жизни, главнымъ двигателемъ событій является борьба болѣе или менѣе сознанныхъ интересовъ, тѣмъ болѣе господствующая надъ побужденіями другаго рода, чѣмъ болѣе терялъ значеніе древній обычай и чѣмъ менѣе силы обнаруживали идейные мотивы, какъ фантастическіе такъ и реальные. Многовѣковой процессъ эволюціи народовъ въ Средніе Вѣка обнаруживалъ во всѣхъ своихъ отрасляхъ подавленіе родоваго обычая варваровъ, а въ мірѣ идейномъ растущую враждебность населенія противъ универсалистическаго принципа, выставленнаго католицизмомъ на своемъ знамени. Соперничающіе интересы оставались лицомъ къ лицу. Это были интересы преимущественно сословные, такъ какъ, для удобной конкурренціи отдѣльныхъ личностей, лишь постепенно выработалась необходимая легальная и полицейская почва; а болѣе обширные солидарные организмы, которые могли бы поставить конкурренцію интересовъ на болѣе широкую почву, представлялись средневѣковому интеллигенту едва ли не исключительно въ формѣ или церкви или государства, по слабому пониманію отношеній между личностью и обществомъ. Но за то сословные интересы боролись весьма упорно, вызывая указанное выше [1]) образованіе

[1]) См. стр. 220 и слѣд.

новыхъ сословныхъ дѣленій, устраненіе старыхъ и борьбу элементовъ въ средѣ наличныхъ сословій. Это имѣло, повидимому, въ значительной мѣрѣ мѣсто и въ тѣхъ сословіяхъ, которыя были созданы условіями городской жизни. Шла борьба вообще между феодалами и городами; хотя во многихъ случаяхъ города и феодалы вступали въ политическія комбинаціи, позволявшія имъ *вмѣстѣ* контролировать центральную государственную власть и даже подчинять ее формамъ политической жизни, въ которыхъ оба элемента сохраняли значительное вліяніе. Шла борьба между городомъ, какъ обособленнымъ элементомъ феодальнаго строя, и юридическимъ или политическимъ вмѣшательствомъ коронной администраціи и коронныхъ судей; однако, въ своей борьбѣ съ сельскими землевладѣльцами, городамъ приходилось не разъ прибѣгать къ покровительству этой самой администраціи и этихъ самыхъ судей. Къ концу Среднихъ Вѣковъ все болѣе характеристично обособлялось населеніе городовъ, съ его разнообразными отвоеванными имъ феодальными правами и привилегіями, отъ сельскаго населенія, все болѣе безцеремонно эксплуатируемаго, по мѣрѣ растущей нужды въ деньгахъ, и землевладѣльцами—феодалами, и коронными чиновниками, и первыми предпринимателями крупныхъ горныхъ работъ и изготовленія тканей; и это обособленіе не позволяло городскому населенію,—гордому своимъ превосходствомъ надъ крестьянскимъ—сколько нибудь ясно видѣть общность интересовъ всего рабочаго населенія страны въ борьбѣ противъ его эксплуататоровъ. И внутри городовъ первыя опредѣленныя формы борьбы экономической между классами обнаруживались въ соперничествѣ городскаго патриціата съ массою рабочихъ, въ соперничествѣ цеховъ, строго ограничивавшихъ свой кругъ техническихъ работъ отъ цеховъ сосѣднихъ. Въ университетскихъ городахъ вырабатывалось соперничество, указанное выше [1]) между особо-организованною буйною интеллигенціею „схоластовъ", считавшихъ себя представителями умственнаго достоинства, и буржуазною интеллигенціею, для которой всѣ интересы сводились на расширеніе торговыхъ сношеній, на безопасность рынка; и, при этомъ соперничествѣ, независимыя юридикціи университета и города слишкомъ часто обращались къ органамъ центральной власти, которая, конечно, пользовалась всякимъ удобнымъ случаемъ, особенно же крупными безпорядками на улицахъ, для подчиненія себѣ какъ того такъ и другаго элемента, сохранявшаго болѣе или менѣе свою автономію.

При подобныхъ условіяхъ, предъ историкомъ мысли возникаетъ почти неизбѣжно вопросъ о *возможности* иного исхода развитія

---

[1]) См. стр. 235.

феодальнаго строя въ Европѣ вообще, если бы предразсудочно-идейное представленіе о томъ, что достоинство сословій заключается въ ихъ *раздѣльности*, уступило въ болѣе значительной мѣрѣ ясному пониманію ихъ общихъ интересовъ въ борьбѣ съ ихъ главнымъ противникомъ. Нѣкоторые отдѣльные факты или даже общій ходъ исторіи нѣкоторыхъ странъ (напримѣръ Англіи) показываютъ *возможность* совокупнаго—и даже примѣры весьма удачнаго совокупнаго—политическаго дѣйствія феодальныхъ владѣльцевъ и старыхъ городовъ. Въ другихъ странахъ мы наблюдаемъ одновременное движеніе въ городахъ и въ селахъ (какъ во Франціи въ срединѣ XIV вѣка) или даже, въ иныхъ случаяхъ, прямо согласное движеніе въ той и въ другой средѣ (какъ въ Англіи въ послѣдней четверти того же вѣка). Здѣсь, казалось бы, совершенно ясно обнаруживалась *возможность* союза этихъ движеній для общаго политическаго и экономическаго переустройства, которое расширило бы сословное участіе въ парламентахъ, въ собраніи государственныхъ штатовъ и въ кортесахъ. Не было, казалось, основательной причины и тому, чтобъ интеллигенція средневѣковыхъ университетовъ (находившихся въ живыхъ сношеніяхъ между собою) не стала во главѣ буржуазіи городовъ съ ея стремленіемъ къ автономіи, внося примирительный элементъ въ борьбу классовъ и придавая всему городскому движенію болѣе интеллектуальный характеръ. Если бы эти *возможности* осуществились, то періодъ, слѣдовавшій за попыткою создать средневѣковую церковную культуру, имѣлъ бы совершенно другой характеръ. Иныя особенности выказала бы переходная эпоха кануна новой свѣтской цивилизаціи. Эпизодъ иного характера замѣнилъ бы эпоху „короля солнца“, его подражателей и прислужниковъ въ мірѣ эстетической и объединяющей мысли, а также послѣдующую за тѣмъ эпоху деспотовъ просвѣтителей и всесильныхъ министровъ-реформаторовъ съ ихъ цивилизующею бюрократіею. При иныхъ условіяхъ поставленъ былъ бы какъ вопросъ о самоуправленіи народовъ, такъ и вопросъ о подчиненіи интересовъ политическихъ интересамъ экономическимъ господствующаго меньшинства или рабочихъ массъ. Изученіе этихъ *неосуществившихся*, хотя по видимому, *дѣйствительныхъ возможностей* можетъ представить не мало интереса для историка мысли, какъ пониманіе ея эволюціи въ нормальныхъ и въ патологическихъ явленіяхъ послѣдней. Многое въ этомъ изученіи было бы обусловлено личнымъ развитіемъ историка, но отвергать научность подобныхъ соображеній едва ли справедливо.

Каковы ни были бы возможности того или другого хода событій въ этотъ періодъ и что̀ ни слѣдуетъ признать здѣсь за явленія патологическія или здоро-

выя, но реальный ходъ событій, въ томъ видѣ, въ какомъ историкъ мысли констатируетъ перспективу этихъ событій, руководясь признаваемою имъ ихъ относительною важностью, можетъ представляться этому историку, повидимому, въ слѣдующей общей комбинаціи:

Прежде всего періодъ попытки создать новую церковную культуру есть въ тоже самое время періодъ формированія новыхъ европейскихъ національностей. Это — процессъ антропологическій а не историческій, такъ какъ было бы едва-ли дозволительною натяжкою видѣть въ немъ какой-либо слѣдъ наслажденія развитіемъ и потребности въ послѣднемъ. Предоставляя антропологіи или психологіи коллективностей искать разгадки этому любопытному процессу (уже гораздо болѣе сложному, чѣмъ процессъ объединенія доисторическихъ національностей) историкъ мысли лишь констатируетъ, что обособленіе новыхъ европейскихъ національностей совершилось въ продолженіи періода Среднихъ Вѣковъ. Оно представляется, при ихъ началѣ, при подсудности отдѣльныхъ личностей, жившихъ въ одной странѣ, различнымъ кодексамъ и „правдамъ", лишь въ зародышной формѣ, такъ какъ тутъ два племени одинаковаго германскаго происхожденія отличаются одно отъ другаго пунктами своихъ правдъ, тогда какъ всѣ члены церкви подлежатъ праву каноническому въ его раннихъ фазисахъ, и всѣ семьи вчерашнихъ гражданъ Римской Имперіи ссылаются на право римское, независимо отъ своего происхожденія. Сознаніе единства національностей нѣмецкой, итальянской, французской едва-ли допустимо въ эпоху первыхъ каролинговъ. Но оно есть уже совершившійся *фактъ* въ эпоху Данте, Жанны д'Аркъ, Виклифа и Гуса, при чемъ фактъ, доставляющій антропологическую подкладку для объясненія многаго изъ того разнообразія, которое историкъ мысли замѣчаетъ въ главнѣйшихъ упомянутыхъ при этомъ историческихъ процессахъ періода: въ формахъ, которыя получаетъ феода-

лизмъ и городская жизнь; въ элементахъ, которые подготовляютъ побѣду централизованной политической власти; наконецъ въ тѣхъ пріемахъ, которые обнаруживаются на исторической сценѣ съ большею или меньшею опредѣленностью въ борьбѣ противъ основъ католической культуры тѣхъ самыхъ силъ, которыя, на первый взглядъ, служатъ орудіемъ установленія этой культуры.

Въ процессѣ этой борьбы, охватывающемъ, въ своихъ какъ сознательныхъ, такъ и безсознательныхъ проявленіяхъ, весь средневѣковой періодъ, историкъ мысли не можетъ не остановиться на той роли, которую играли — указанные выше — монашескіе ордена и университеты. Подобною же иллюстраціею этого процесса можно считать движеніе крестоносцевъ, охватившее всѣ западные европейскіе народы подъ маскою идейной борьбы воиновъ католицизма противъ мусульманъ на Востокѣ и на Пиренейскомъ полуостровѣ, противъ язычниковъ Пруссіи, противъ еретиковъ Прованса, противъ православной Византіи. Насколько была слаба церковная идейная подкладка этаго движенія, съ виду столь характеристичнаго именно въ этомъ направленіи, приходится константировать уже по тому обстоятельству, что въ самый разгаръ движенія крестоносцевъ происходила попытка послѣднихъ Гогенштауфеновъ основать государство чисто свѣтское, какъ его характеризуютъ новые изслѣдователи. На сколько въ томъ же направленіи происходитъ работа теоретической мысли при всемъ ея заявленномъ стремленіи обратить всякое знаніе и пониманіе въ служебный элементъ богословія, видно хотя бы изъ слѣдующихъ фактовъ. Вся средневѣковая схоластика, по самому своему существу, была попыткою оправдать и поддержать путемъ разума тѣ догматы и то ученіе о праведной жизни, которое поддерживалось авторитетомъ церкви, какъ божественное откровеніе; между тѣмъ въ послѣднюю средневѣковую эпоху все болѣе опре-

дѣленно устанавливается убѣжденіе, что міръ разума и міръ откровенія — два міра, требующіе совершенно различныхъ пріемовъ мышленія и аффективнаго состоянія; а тѣмъ самымъ подготовляется, рядомъ съ авторитетомъ церкви, независимый отъ нея авторитетъ науки. Этому направленію мысли содѣйствуетъ и накопленіе фактическихъ знаній, отчасти непроизвольное, но тѣмъ не менѣе не позволяющее интеллигенту XV-го вѣка оставаться на той ступени мысли, на которой стоялъ его предшественникъ въ началѣ Среднихъ Вѣковъ. Въ представленіяхъ о мірѣ средневѣковый человѣкъ могъ отъ эпохи „Христіанской топографіи" Козьмы Индикоплова перейти къ той работѣ мысли, которая подготовила книгу Коперника. Точно также, на почвѣ того отношенія къ иновѣрцамъ или еретикамъ, которое предполагало безусловное осужденіе ихъ въ этомъ мірѣ и въ будущемъ, подготовилось то настроеніе, которое поставило въ нравственномъ идеалѣ праведнаго человѣка новаго времени на первое мѣсто *терпимость*, т. е. одинаковое общечеловѣческое отношеніе къ тому, чьи вѣрованія были проповѣдью единой и безусловной истины, и къ тому, кто, въ силу вѣрованія въ эту же самую истину, былъ обрѣченъ на вѣчныя мученія.

Къ концу Среднихъ Вѣковъ историку мысли приходится признать, что этой мысли уже невозможно работать въ направленіи средневѣковой культуры; и въ то же время ему бросается въ глаза все растущая вражда между общественными элементами, выработанными въ процессѣ развитія феодализма. Онъ оказывается теперь трудно-одолимою помѣхою совмѣстнаго сознательнаго дѣйствія этихъ элементовъ для устройства новаго здороваго общественнаго строя. Кое гдѣ — именно въ Англіи, въ Испаніи, въ Скандинавіи, въ Швейцаріи, и т. под.—оказываются болѣе или менѣе удачныя попытки въ этомъ направленіи, но, большею частью, нельзя не замѣтить и въ католицизмѣ, какъ полити-

ческомъ организмѣ, и въ прежней традиціи власти „перваго между равными“ отсутствіе достаточной силы, чтобы отстоять себя противъ болѣе выгоднаго политическаго положенія, занятаго элементомъ централизованной свѣтской власти. Она и воспользовалась этимъ положеніемъ. Однако, прежде ея окончательнаго торжества, западно-европейскому міру пришлось пережить особую переходную эпоху. Она была обусловлена широкимъ распространеніемъ возмущенія противъ формъ средневѣковой культуры въ томъ видѣ, въ какомъ эта культура представлялась въ XIV и XV вѣкахъ. Тогда всѣ бродячія силы средневѣковаго общества, не сдержанныя уже ни господствующимъ обычаемъ, ни господствующимъ идейнымъ теченіемъ, должны были, благодаря совпаденію нѣкоторыхъ случайныхъ явленій среды, развернуть предъ историкомъ мысли рядъ событій эпохи *Кануна новой цивилизаціи*, эпохи, которая, съ одной стороны, обнаружила существованіе въ обществѣ силъ, неожиданныхъ и по своей формѣ и по своей энергіи, а, съ другой, путемъ комбинаціи этихъ силъ, дала совершенно опредѣленное направленіе новой европейской цивилизаціи.

Для надлежащаго пониманія эволюціи мысли и жизни въ Средніе Вѣка историку ихъ едва ли не весьма полезно, рядомъ съ изученіемъ нормальнаго хода этой эволюціи въ главныхъ центрахъ ея, обратить вниманіе и на тѣ національности, въ которыхъ эта эволюція представляетъ характеристическое отступленіе и тѣмъ самымъ, можетъ быть, уясняетъ роль того или другаго общественнаго элемента въ здоровыхъ и болѣзненныхъ общественныхъ процессахъ. Такъ поучительно изученіе роли и судьбы ***евреевъ*** въ Средніе Вѣка: они представляютъ націю, такъ прочно связавшую свое существованіе съ типомъ рѣзко обособленной культуры, что для развитаго еврея оказалось невозможнымъ усвоить универсалистическое стремленіе и общечеловѣческія задачи иначе, какъ въ формѣ отреченія отъ своей національности. Поучительно изученіе *Московскаго царства*, которое чуть ли не такъ же крѣпко связало свое существованіе съ церковною культурою византійскаго типа, пытаясь недопустить въ своей средѣ той эволюціи мысли и жизни, которая на Западѣ Европы подготовила новую цивилизацію путемъ.

подрыва средневѣковаго строя: результатомъ оказалась, во первыхъ, атрофія критической мысли; во вторыхъ, возможность войти въ эволюцію общечеловѣчесвой цивилизаціи лишь совершая, во внѣшности культуры, рѣшительный разрывъ съ прошлымъ; и внесеніе въ національную эволюцію русскаго народа такой доли заимствованій изъ чужой мысли и жизни, которая и до сихъ поръ остается чрезмѣрною для самостоятельности и для политической иниціативы русской интеллигенціи. Поучительно изученіе судебъ *Польши*, эволюція которой оказалась, при блестящихъ явленіяхъ творчества общественныхъ формъ, обусловленною тѣмъ печальнымъ обстоятельствомъ, что національная городская жизнь здѣсь не развилась, а крестьянство оказалось предметомъ эксплуатаціи шляхетской сеймикократіи, нѣсколько напоминая античное отношеніе демоса свободныхъ граждапъ къ несвободному населенію.—Но интересно изучить причины разницы эволюціи и въ странахъ, отступавшихъ не столь далеко отъ нормальнаго процесса эволюціи западной Европы. Интересно сравнить судьбу англійскихъ парламентовъ съ испанскими кортесами, гдѣ участіе городовъ въ политической жизни произошло ранѣе, было не менѣе значительно, а договоръ феодаловъ съ центральною властью установилъ чуть ли не бо̀льшую степень самостоятельности первыхъ; что̀ не помѣшало кортесамъ оказаться безсильными въ борьбѣ съ центральною властью, какъ только эта послѣдняя, въ концѣ Среднихъ вѣковъ, серьезно приступила къ утвержденію своего господства. Можетъ быть не лишена вѣроятности гипотеза, что разница судебъ этихъ двухъ странъ была обусловлена тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Испаніи борьба съ маврами укрѣпила идейное господство католицизма, такъ что ни въ одной странѣ Европы борьба противъ церковной культуры не проявлялась слабѣе, чѣмъ на Пиринейскомъ полуостровѣ; тогда какъ борьба противъ этого идейнаго господства нигдѣ, можетъ быть, не проявлялась такъ опредѣленно, какъ въ Англіи, начиная съ эпохи Генриха II и Ѳомы Бекета, переходя къ оппозиціи феодаловъ слѣдующаго поколѣнія противъ Іоанна Безземельнаго, готоваго сдѣлаться вассаломъ Папы, и кончая лоллардами и Виклифомъ, къ духовному потомству которыхъ можно отнести и таборитовъ Чехіи и реформаторовъ XVI в. Повидимому, въ странахъ, гдѣ центральная власть могла къ концу Среднихъ вѣковъ вступать въ союзъ съ церковнымъ организмомъ, еще не подорваннымъ энергическою оппозиціею, органы мѣстной политической и юридической автономіи оказались безсильными бороться съ союзомъ этихъ двухъ силъ.—Любопытно оцѣнить и вліяніе на политическую эволюцію скандинавскихъ странъ той роли, которую съ самаго начала этой эволюціи играло въ ней крестьянство.

Подобно другимъ переходнымъ эпохамъ исторіи мыс-

ли, эпоха *Кануна новой свѣтской цивилизаціи* представляетъ историку какъ общія такъ и своеобразныя затрудненія. Не говоря уже о томъ, что історіографическая литература далеко не пришла еще къ соглашенію относительно точки дѣленія между средневѣковою и новою исторіею, но, въ самомъ ходѣ событій, съ перваго же взгляда, мы констатируемъ нѣсколько параллельныхъ рядовъ ихъ; каждый изъ этихъ рядовъ представляетъ какъ бы особую эволюцію; но ихъ одновременность вызываетъ сомнѣніе относительно того, на сколько можно ихъ понять въ ихъ соціологической обособленности, или слѣдуетъ доискиваться ихъ взаимодѣйствія. А при этомъ приходится еще рѣшать вопросъ: который изъ этихъ рядовъ, по его важности для исторіи мысли и по своему вліянію на другіе ряды событій, долженъ привлекать особенное вниманіе историка?

Едва ли не всего правильнѣе допустить, что точно также, какъ въ переходную эпоху вступленія критической мысли въ исторію, приходилось историку мысли устанавливать отношеніе между эволюціею нравственныхъ убѣжденій, постановкою универсалистическихъ задачъ и усвоеніемъ научно-философскихъ методовъ мышленія [1]), такъ и здѣсь тотъ же историкъ принужденъ констатировать нѣсколько процессовъ фактически обособленныхъ, но психологически и соціологически зависимыхъ одинъ отъ другаго.

Это, во первыхъ, эволюція гуманизма: ея корни идутъ глубоко въ первыя же эпохи Среднихъ Вѣковъ; она переходитъ при этомъ чрезъ разнообразные фазисы отношеній къ средневѣковой культурѣ; но окончательно въ XV-мъ вѣкѣ она выступаетъ какъ особенная идейная сила, прямо-враждебная этой культурѣ и, какъ разъ въ это время, получаетъ отъ историческихъ судебъ техники себѣ въ подарокъ огромное

---

1) См. стр. 185 и слѣд.

пособіе въ формѣ книгопечатанія; она тогда вырабатываетъ особенное идейное сословіе свѣтскихъ литераторовъ, художниковъ и ученыхъ, сознательно и безсознательно строющихъ республику литературы, искусства и науки, которую вскорѣ признаютъ, какъ полезнаго союзника, представители завтрашней политически-преобладающей силы, свѣтской централизованной власти.

Это, во вторыхъ, почти одновременное закрытіе, вслѣдствіе вторженія турокъ, прежнихъ болѣе удобныхъ путей для торговли съ Востокомъ и открытіе какъ бы новаго географическаго міра: дѣло шло не только о новыхъ морскихъ путяхъ на Востокъ около Африки, но и о расширеніи чуть ли не вдвое территоріи извѣстной земной поверхности; это была, для смѣлыхъ авантюристовъ, новая обширная почва для личной, самой безцеремонной конкурренціи и эксплуатаціи; для правительствъ—почва для новой отрасли государственной дѣятельности въ формѣ забытой со временъ финикіянъ и древнихъ грековъ колоніальной политики; для ученыхъ — могучее побужденіе изучать путемъ личнаго наблюденія, личнаго опыта и самостоятельной индукціи цѣлый новый міръ вещей и людей, въ то же самое время, когда мысль этихъ самыхъ ученыхъ завоевала представленіе о дѣйствительной формѣ солнечной системы; пробудившись къ сознанію своей самостоятельности, эта научная мысль во всѣхъ областяхъ изслѣдованій стремилась теперь къ открытію точныхъ истинъ съ такимъ же благоговѣніемъ передъ этими истинами и съ такою же фанатическою нетерпимостью къ теоретической лжи или къ неточному пріему мысли въ геометріи, съ какими средневѣковые богословы относились къ догмату съ одной стороны, къ ереси—съ другой: это было *жизненное* наслѣдство процесса патологическаго, перешедшаго въ процессъ здоровый.

Это, въ третьихъ, какъ бы въ прямой противопо-

ложности съ обоими только что указанными теченіями (съ возвращеніемъ къ раціональнымъ пріемамъ мышленія античной критики и съ постановкою новыхъ научныхъ задачъ прямого наблюденія и опыта) патологическое возрожденіе самыхъ характеристическихъ явленій доисторическаго анимизма и колдовства въ формѣ демонологическихъ теорій, возмутительной эпидеміи процессовъ колдуній, распространенія астрологическихъ и алхимическихъ фантазій на столько значительное, что трудно указать въ рядахъ самыхъ замѣчательныхъ ученыхъ и мыслителей такихъ, которые не были бы въ большей или меньшей мѣрѣ затронуты этимъ фантастическимъ теченіемъ мысли.

Это, въ четвертыхъ, въ области эстетическаго творчества, эпоха, когда задача художественной правды была поставлена наиболѣе опредѣленно со времени древней Греціи; когда въ первыхъ рядахъ художниковъ стояли люди, которымъ наше время удивляется и какъ представителямъ научной мысли; когда безобразную латынь схоластиковъ смѣнила новая, изысканная латынь цицероніанцевъ и Эразмовъ; сила эстетическаго теченія мысли въ эту эпоху проявляется еще въ другой знаменательной комбинацій событій: вся вліятельная часть интеллигенціи эпохи Возрожденія преклоняется предъ античнымъ міромъ, какъ неподражаемымъ образцомъ; въ связи съ этимъ поклоненіемъ, въ литературѣ, въ искусствѣ и въ формахъ увеселеній, все рѣзче обособляется слой продуктовъ, имѣющихъ въ виду господствующіе классы, отъ другого слоя продуктовъ этихъ областей мысли, назначенныхъ для массъ: но въ это же самое время, какъ бы въ противодѣйствіе этимъ двумъ характерическимъ для эпохи явленіямъ, въ большей части западно-европейскихъ странъ расцвѣтаетъ изящная литература на народныхъ языкахъ, эстетическое могущество которой не было превзойдено ни прежде ни послѣ.

Для значительнаго числа историковъ этого времени

всѣ только что указанные ряды событій отступаютъ на второй планъ предъ тѣми явленіями, которыя побуждаютъ этихъ мыслителей придавать разсматриваемой эпохѣ всего охотнѣе названіе *эпохи реформаціи*; здѣсь окончательно разбилось религіозное единство западной Европы; народы ея противуполагались другъ другу не только въ силу разницы ихъ національностей и политическаго соперничества, но и въ силу ихъ религіозныхъ исповѣданій.

Однако и это не исчерпываетъ отдѣльные ряды событій, нагроможденные въ разсматриваемую переходную эпоху. Она имѣла большое значеніе какъ въ области измѣненія реальныхъ политическихъ формъ, такъ и въ теоретической обработкѣ вопросовъ политическихъ и соціальныхъ вообще. Въ это самое время осуществились всѣ условія, которыя дали возможность централизованнымъ государственнымъ силамъ получить политическое господство надъ попытками автономіи мѣстныхъ центровъ, при значительномъ разнообразіи подготовляемыхъ государственныхъ формъ: въ одномъ случаѣ мы наблюдаемъ абсолютизмъ Филиппа II, Ришелье или Людовика XIV. Въ другомъ предъ нами парламентская монархія Англіи съ ея своеобразною комбинаціею государственныхъ силъ, не помѣшавшею имѣть мѣсто ни республикѣ Кромвеля, ни двукратному низверженію Стюартовъ, но позволившею Англіи сравнительно—спокойно пережить эти катастрофы; въ третьемъ, въ Германіи, совершается переходъ отъ феодализма къ политическому хаосу сравнительно небольшихъ, но политически совершенно самостоятельныхъ самодержавій подъ фиктивнымъ единствомъ Священной Имперіи; этотъ хаосъ подготовилъ ужасы 30-лѣтней войны и умственную отсталость страны: историческая жизнь проснулась тамъ лишь подъ вліяніемъ непобѣдимаго обще-европейскаго политическаго и умственнаго теченія позднѣйшей эпохи. Едва ли не этотъ самый процессъ творчества новыхъ политическихъ

формъ, обобщенныхъ одною особенностью — господствомъ государственнаго элемента надъ всѣми остальными — вызываетъ въ разсматриваемую переходную эпоху усиленную работу мысли, направленной на общественные вопросы. Эта область привлекаетъ вниманіе поэтовъ, богослововъ, мыслителей, политическихъ дѣятелей и утопистовъ. Макіавелли создаетъ теоретическій типъ государя, строго-логически воплощая въ него представленіе о борьбѣ сознанныхъ интересовъ, какъ объ исключительномъ двигателѣ исторической жизни, согласно тому фактическому преобладанію этого двигателя въ исторіи, которое имѣло мѣсто въ періодъ обособленныхъ государствъ. Появляется демагогическая литература лиги. Варѳоломеевская ночь вызываетъ рядъ политическихъ памфлетовъ. Ла Боэти пишетъ „Добровольное рабство“. Можно констатировать проявленіе понятій о государственномъ договорѣ; абсолютизмъ и народовластіе имѣютъ своихъ теоретиковъ; предъ нами зародыши государствовѣдѣнія, естественнаго права; возникла на почвѣ классовой борьбы утопія царства общаго труда. Накопляются элементы того, что̀ должно было въ позднѣйшую эпоху составить задачи соціологіи. На смѣну церковной интеллигенціи выступаетъ интеллигенція свѣтская. Она, въ свою очередь, стремится къ творчеству новыхъ общественныхъ формъ, и при этомъ переноситъ на политическіе, экономическіе и культурные идеалы правового государства и раціональнаго общественнаго строя тотъ самый мистическій фанатизмъ, который былъ унаслѣдованъ этими строителями свѣтскаго и реальнаго будущаго отъ религіозныхъ фанатиковъ предъидущаго періода, стремившихся утвердить на землѣ царство Божіе путемъ аскетизма отшельниковъ или арміи монаховъ, подчиняя всѣ индивидуальныя и коллективныя силы человѣка власти непогрѣшимой церкви.

Еще въ началѣ нашего вѣка охотно начинали исторію новаго

времени взятіемъ Константинополя турками, что было удобно и какъ чисто внѣшній, легко констатируемый фактъ, и какъ аналогія съ паденіемъ западной Римской Имперіи, которое связывалось съ личностью Августула. Были попытки признать точкою дѣленія открытіе Америки. Уже гораздо чаще, особенно въ нѣмецкой литературѣ, встрѣчаемъ годъ выступленія Лютера противъ папы, какъ эпоху начала „новой исторіи“.—Можетъ быть въ немногихъ случаяхъ опредѣленнѣе чѣмъ здѣсь обнаруживается вліяніе субъективнаго элемента—именно личнаго развитія историка—на пониманіе исторіи, именно на рѣшеніе вопроса, что въ этомъ комплексѣ *важнѣе* для эволюціи мысли. Едва ли представляется необходимость остановиться здѣсь на всѣхъ попыткахъ установить эту точку дѣленія. Но важнѣе другихъ, можетъ быть, вопросъ объ отнесеніи реформаціоннаго движенія къ Новой Исторіи или къ Среднимъ Вѣкамъ. Съ точки зрѣнія, здѣсь принятой, всего важнѣе, что подготовлявшаяся въ эту эпоху новая цивилизація, во всѣхъ ея фазисахъ и проявленіяхъ, есть цивилизація *свѣтская*; слѣдовательно попытка придать въ теченіи событій преобладаніе вопросамъ исповѣднымъ, можетъ считаться лишь переживаніемъ болѣе ранняго строя мысли. Въ такомъ случаѣ реформація не можетъ считаться ничѣмъ инымъ, какъ послѣднимъ проявленіемъ стремленія создать прочную церковную культуру, хотя бы уже не католическую. Объективнымъ аргументомъ въ пользу недостатка жизненности въ этой попыткѣ можно признать то обстоятельство, что уже вслѣдъ за смертью Лютера и Кальвина, богословская литература протестантизма обратилась въ схоластику новой формаціи.—Однако едва ли было бы раціонально относить всѣ теченія XV—XVI-го вѣковъ къ Среднимъ Вѣкамъ, отъ которыхъ они отличаются гораздо больше, чѣмъ отъ теченія исторіи новой мысли, если начать эту исторію съ Галилея, Монтэня и Гобза. Справедливѣе, можетъ быть, образовать изъ всей совокупности указанныхъ рядовъ событій особую эпоху *Кануна новой свѣтской цивилизаціи.*

Объединеніе различныхъ только что указанныхъ рядовъ историческихъ фактовъ представляется намъ прежде всего въ области процессовъ индивидуальной психологіи. Новѣйшіе изслѣдователи эпохи Возрожденія все болѣе приходятъ къ признанію энергическаго подъема *индивидуализма*, какъ характеристической особенности этой эпохи. Во всѣхъ областяхъ мысли устраняется сознательное подчиненіе обычаю, модѣ и традиціонному авторитету. Но еще никакое болѣе или менѣе опредѣленно - установившееся міросозерцаніе

не выступило въ замѣнъ разбитаго идеала средневѣковой церковной культуры. Личность ничѣмъ не связана въ настоящемъ и ничто не мѣшаетъ ей искать *лучшаго* на всевозможныхъ путяхъ работы мысли. Она и ищетъ это лучшее повсюду индивидуальнымъ усиліемъ. „Я не могу иначе“, говоритъ на соборѣ одинокій монахъ и его индивидуальная энергія находитъ себѣ поддержку въ сотнѣ экономическихъ и политическихъ интересовъ, которымъ недоставало лишь энергической личности для того чтобы сдѣлаться исторической силою. Съ такою же энергіею личной иниціативы другой монахъ создаетъ сознательно-тенденціозную католическую педагогію, систему педагогическихъ внушеній, и іезуиты дѣлаются учителями государей, двигателями европейской политики, самымъ опаснымъ врагомъ свѣтской цивилизаціи въ то самое время, когда католицизмъ послѣ Тридентинскаго собора отказывается отъ своей средневѣковой задачи создать прочную цивилизацію, способную къ развитію. Еще прежде личная энергія нѣсколькихъ папъ пытается внести въ жизнь католицизма тотъ эстетическій элементъ свободнаго художественнаго и литературнаго творчества, который казался вредною суетою или даже грѣхомъ для средневѣковыхъ аскетовъ. Цѣлый рядъ энергическихъ и безцеремонныхъ индивидуальностей на престолахъ Франціи, Англіи, Аррагоніи, особенно же во главѣ разныхъ мелкихъ владѣній Италіи, создаютъ фактически власть, въ утвержденіи которой трудно сказать, какая доля успѣха принадлежитъ автоматическому или логическому детерминизму послѣдовательности событій, и какая—индивидуальнымъ качествамъ личностей, съумѣвшихъ воспользоваться комбинаціями борющихся около нея интересовъ: трудно это отчасти и потому, что, рядомъ съ ихъ практическою борьбою за власть, эта же эпоха создавала теоретическое оправданіе самыхъ безцеремонныхъ формъ этой борьбы, вырабатывая будущія политическія и экономическія теоріи. Въ другой сферѣ

мы встрѣчаемъ сперва дерзкую личную инициативу открывателей новыхъ частей свѣта; затѣмъ столь же энергическія и еще болѣе безцеремонныя личности конквистадоровъ новаго міра, истребителей и поработителей цѣлыхъ народовъ. Личная инициатива уединенныхъ литераторовъ, поэтовъ, ученыхъ, инженеровъ выдвигаетъ людей, не имѣющихъ, по видимому, прочной опоры ни въ одной изъ историческихъ силъ эпохи, на историческое положеніе, при чемъ первостепенный живописецъ обнаруживаетъ предъ потомствомъ геній первоклассснаго ученаго, очень мало извѣстнаго его современникамъ въ этомъ отношеніи; гончаръ оказывается предшественникомъ позднѣйшихъ геологовъ; но въ то же самое время ученый математикъ ищетъ общенія съ демоническимъ міромъ; защитникъ широкой религіозной терпимости отстаиваетъ процессы колдуній; великій астрономъ пишетъ астрологическія руководства. Въ попыткахъ новыхъ міросозерцаній мы встрѣчаемъ особенно много противниковъ Аристотеля, на котораго смотрятъ какъ на главнаго представителя средневѣковаго мышленія; однако, существуютъ и его сторонники, хотя дѣло идетъ уже теперь не о его безусловномъ авторитетѣ, а тѣмъ менѣе объ авторитетѣ его комментаторовъ, аверроистовъ и александристовъ. Наиболѣе характерно то обстоятельство, что и платоники и послѣдователи стоиковъ или эпикурейцевъ главнымъ образомъ стараются изъ всего этого античнаго — или даже схоластическаго—матеріала выработать, каждый, свое *особое*, индивидуальное міросозерцаніе, при чемъ въ самыхъ крупныхъ представителяхъ философскаго движенія исторіи мысли констатируется смѣшеніе очень разнообразныхъ элементовъ, или даже характеристическое стремленіе слить пріемы философско-метафизическаго и поэтическаго творчества (напр. у Джіордано Бруно). Предъ нами — въ отличіе отъ предъидущихъ и отъ послѣдующихъ эпохъ — не школы мыслителей, художниковъ и ученыхъ, не искусство, наука или фи-

лософія съ опредѣленными задачами, но отдѣльныя личности, болѣе или менѣе энергически выработавшія свою конкретную индивидуальность, прибѣгая безразлично къ оружію точно установленнаго факта, художественнаго творчества, широкаго построенія объединяющей мысли, или даже религіознаго аффекта. Лишь изучая этихъ представителей эпохи въ ихъ конкретной индивидуальности, историку мысли можно найти путь къ разгадкѣ компликацій и всей этой эпохи, которой съ достаточнымъ правомъ можно дать названіе *хаотической.*

Причину этой хаотичности, при сильной выработкѣ индивидуализма, едва ли можно искать въ чемъ-либо другомъ, какъ въ особенности, болѣе или менѣе присущей переходнымъ эпохамъ вообще: въ томъ, что общее недовольство существующею культурою совпадало съ значительною неясностью представленія о томъ, гдѣ былъ исходъ изъ этого строя жизни и мысли, которымъ большинство интеллигенціи было недовольно. При этой неясности, всѣ тѣ области работы мысли, гдѣ нужна была систематическая критика, сознательная солидарность особей или прочныя правила жизни, восходящія къ обычаю или къ нравственному убѣжденію, не могли не представлять рядомъ, въ одномъ и томъ обществѣ, при рѣшеніи одного и того же вопроса, даже въ дѣятельности одной и той же энергической личности, въ одномъ случаѣ переживанія, восходящія къ самымъ отсталымъ доисторическимъ эпохамъ, въ другомъ—постановку вопросовъ, въ которой историкъ мысли принужденъ, къ своему крайнему удивленію, признать зародыши передовой мысли гораздо позднѣйшей эпохи. Тамъ же, гдѣ главнымъ условіемъ успѣха въ рѣшеніи задачъ мысли и жизни являлась личная проницательность, личная находчивость, личное умѣніе воспользоваться благопріятною комбинаціею обстоятельствъ, тамъ историкъ мысли можетъ лишь удивляться тому, что̀ способны были совершить въ столк-

новеніи соперничающихъ коллективныхъ силъ одинокія личности, вліяніе которыхъ на первый взглядъ даже трудно объяснить.

Такъ все, что̀ дала и могла дать въ эту эпоху мысль техническая, сравнительно еще очень далекая отъ своихъ позднѣйшихъ успѣховъ, было эксплуатировано интеллигенціею „Кануна свѣтской цивилизаціи“ съ умѣньемъ, которое едва ли превзошли и ихъ ловкіе потомки, усвоившіе технику пара и электричества. Промышленныя предпріятія быстро принимаютъ всюду, гдѣ это было возможно, мануфактурный характеръ; техника мореплаванія въ рукахъ конквистадоровъ, создателей колоніальныхъ предпріятій и всемірныхъ рынковъ, даетъ результаты, сразу отодвигающіе на второй планъ средневѣковое мореплаваніе каталонцевъ, венеціанцевъ или ганзы; военное дѣло, въ рукахъ кондотьеровъ, „предпринимателей войнъ“, получаетъ характеръ совершенно не мыслимый для крестоносцевъ и гибелиновъ эпохи Гогенштауфеновъ; едва открыто книгопечатаніе, какъ размноженіе памфлетовъ и книгъ обнаруживается съ такою быстротою, что изслѣдователи нашего времени становятся очень часто въ затрудненіе относительно вопроса, въ какомъ хронологическомъ порядкѣ возникли эти первые центры проповѣди печатнымъ словомъ; техника живописи и приготовленіе стеколъ для оптическихъ инструментовъ сдѣлались существеннымъ пособіемъ для науки и для искусства даже по непосредственной инищіативѣ самихъ художниковъ и ученыхъ наблюдателей.

Но въ теоретической и практической области творчества общественныхъ формъ, историкъ мысли принужденъ констатировать рядомъ, по хронологическимъ датамъ, иногда даже у одного и того же автора или практическаго дѣятеля, проявленія теченія мысли то̀ стремящіеся воскресить самыя отсталыя воззрѣнія, то ставящія предъ изслѣдователемъ, какъ зародышъ будущаго, сложныя задачи позднѣйшаго времени. Рядомъ

работаютъ теоретики всемірной имперіи и духовной монархіи, проповѣдники „государственной необходимости“ и нравственнаго начала въ политикѣ, сторонники передачи всѣхъ общественныхъ силъ въ неограниченную волю монарха, и защитники правъ народа, какъ основанія для всякой власти. Въ Италіи, а затѣмъ и въ другихъ странахъ, гдѣ усиливается гуманизмъ, самый объективный изслѣдователь не можетъ не констатировать началъ государствовѣдѣнія, политической экономіи, естественнаго права, философскаго права, философіи исторіи, даже соціологіи въ трудахъ, охватывающихъ чуть не всѣ отрасли явленій, которыя позже будутъ къ ней отнесены. Въ то самое время, когда національности выступаютъ, какъ естественно-враждебные коллективные организмы, начала свѣтскаго универсализма—уже совершенно отличнаго отъ церковнаго универсализма католичества — находятъ себѣ выраженіе, восходя къ самымъ раннимъ проявленіямъ гуманизма у великаго поэта Италіи. Рядомъ съ новыми типами государей, энергически работающихъ надъ расширеніемъ и укрѣпленіемъ своей власти, въ Римѣ трибунъ-романтикъ пробуетъ возстановить республику Сципіоновъ въ ея культурныхъ формахъ. Въ то время, какъ первыя проявленія борьбы классовъ въ Англіи и огораживаніе земель, вызванное этою борьбою, наводятъ будущаго канцлера королевства на утопію общества, основаннаго на всеобщемъ трудѣ, италіанскій монахъ, работающій въ тюрьмѣ инквизиціи, на почвѣ этой самой утопіи строитъ проэктъ реальной конституціи для итальянскаго города.

Еще хаотичнѣе представляются работы въ области мысли религіозной. Всѣ группы интеллигенціи переходной эпохи вооружены противъ той формы церковной культуры, которую принялъ католицизмъ XV и XVI вѣковъ. Противъ нее борятся противники языческой обрядности и свѣтскихъ заботъ римской куріи,

сторонники возвращенія къ простотѣ церкви первобытныхъ пресвитеровъ, мистики „подражанія Христу“ и другіе мистики-фанатики, пытающіеся создать въ Мюнстерѣ своеобразное „царство Божіе“; наконецъ соборы, стремящіеся искренно реформировать церковь путемъ ограниченій непогрѣшимой власти папъ, но сохраняя въ католицизмѣ все, чтò казалось еще возможнымъ сохранить; борятся противъ этой культуры ученые демонологи, повторяющіе уроки магіи доисторическихъ шамановъ; борятся противъ нее поклонники античнаго міра, сторонники стоицизма и эпикуреизма; борятся сторонники широкой религіозной терпимости, сами не уясняющіе себѣ громаднаго значенія для самой сущности вѣрованія того принципа, который они выставляютъ; борятся, наконецъ, скептики или мыслители, проповѣдующіе, что могутъ быть признаны мыслящимъ человѣкомъ двѣ противурѣчивыя истины въ двухъ разныхъ областяхъ; или, еще позже, формулирующіе свои вѣрованія въ монтэневскомъ: „не знаю“. Въ этихъ разнообразныхъ отношеніяхъ къ области вѣрованій обще лишь одно: вражда къ существующимъ началамъ культуры. Но отъ великой философской задачи объединяющей мысли универсалистическихъ вѣрованій—создать „общечеловѣческое нравственное ученіе, опирающееся на философское міросозерцаніе“ [1]), интеллигенція эпохи кануна свѣтской цивилизаціи какъ бы отказалась. Католицизмъ не съумѣлъ рѣшить эту задачу на почвѣ метафизики религіозной и нравственности церковной. Античный міръ даже не ставилъ себѣ этой задачи въ ученіи представителей своей самой передовой критической интеллигенціи, и потому гуманизмъ, какъ таковой, не могъ указать для ея рѣшенія какихъ либо пріемовъ. Оба наличные источника знанія и пониманія для разсматриваемой эпохи оказались неудовлетворительными для

---

1) См. стр. 73

этого дѣла. Свѣтская цивилизація слѣдующаго періода должна была приняться за эту задачу съизнова и тѣмъ самымъ опредѣлить характеристическія черты своихъ періодовъ и эпохъ. Пока, этотъ процессъ могъ только подготовляться.

Онъ и подготовлялся въ тѣхъ двухъ областяхъ работы мысли, которыя или не требовали систематической критики, сознательной солидарности особей и прочныхъ правилъ жизни, или позволяли энергической личности, при самой упорной работѣ критической мысли, оставаться обособленною индивидуальностью, игнорирующею все то, что̀ не касалось непосредственной задачи, поставленной себѣ работниками мысли.

Такова была область искуства, гдѣ индивидуализмъ съ первыхъ же фазисовъ исторіи былъ основнымъ двигателемъ въ направленіи къ художественной правдѣ и гдѣ, именно при ослабленіи давленія обычая и церковнаго ученія, индивидуализмъ въ эстетическомъ творчествѣ могъ развиться безпрепятственно во всю свою ширину. Преклоненіе предъ красотою античною здѣсь немедленно обнаружилось въ стремленіи не только къ подражанію, а весьма скоро къ соперничеству въ пониманіи художественной правдивости. Золотой Вѣкъ Возрожденія въ искуствѣ былъ не только вѣкомъ, давшимъ во всѣхъ отрасляхъ художественнаго творчества новые типы красоты, о сравнительномъ превосходствѣ которыхъ у прерафаэлитовъ или въ эпоху Рафаэля и Буонаротти спорятъ еще до сихъ поръ эстетики-критики. На двухъ самыхъ отдаленныхъ одинъ отъ другаго хронологическихъ пунктахъ разсматриваемой эпохи стоятъ два гиганта поэтическаго творчества: Данте и Шекспиръ. Они и обозначаютъ двѣ высшія точки, до которыхъ достигло индивидуалистическое искуство, такъ какъ высшія произведенія поэзіи въ новой Европѣ до нихъ еще носятъ въ себѣ отчасти слѣдъ коллективнаго худо-

жественнаго творчества; послѣ нихъ же въ поэзію, какъ и во всѣ отрасли работы мысли, все съ большею непобѣдимостью проникаетъ забота о задачахъ соціальныхъ, отъ которыхъ могли отвернуться лишь художники, на степень развитія которыхъ, какъ личностей, приходится смотрѣть какъ на вопросъ спорный.

Такова была и область точной науки. Чрезъ хламъ схоластическихъ споровъ, служившихъ большею частью лишь болѣе или менѣе полезнымъ упражненіемъ въ логическихъ пріемахъ мышленія на почвѣ самыхъ нереальныхъ представленій, съ трудомъ пробивалась струя точныхъ данныхъ, хранившихся въ наслѣдствѣ античнаго міра; однако она все-таки пробивалась и мало по малу росла въ ширинѣ и въ силѣ. Тѣ мыслители, которые заботились о ея ростѣ, были очень уединены и даже, въ своихъ лучшихъ работахъ, большею частью отрывочно и случайно обращались къ тому, что̀ нынѣшній ученый цѣнитъ наиболѣе въ ихъ работахъ. Тѣмъ не менѣе завоеванія накоплялись, особенно въ области математики и астрономіи. Мало кому извѣстныя работы Віеты создавали алгебру. Сдѣлался возможнымъ трудъ Коперника. Леонардо де Винчи вносилъ въ свои рукописи, рядомъ съ художественными этюдами, ученыя замѣтки, удивляющія ученыхъ XIX вѣка. Нигдѣ и никогда, быть можетъ, могущество индивидуальнаго ума при хаотическомъ состояніи общественной мысли не проявлялось съ такою яркостью и опредѣленностью, какъ въ эту эпоху, которая, послѣ долгихъ родовыхъ мукъ, могла представить міру задачу уже совершенно формулированной, здоровой научной мысли, гдѣ легко было читателямъ Евклида и Архимеда узнать ихъ законное потомство, но гдѣ, по сравненію съ непосредственно-предшествующимъ временемъ, явно обнаруживается характеръ совершенно новаго міра знанія и пониманія.

———————

ГЛАВА X.

Схема исторiи мысли: в) Перiодъ свѣтской цивилизацiи новаго времени.

Задача свѣтской цивилизацiи. — (Затрудненiя исторiи эпохи современной историку). — Новыя общественныя святыни. — Работа новой свѣтской интеллигенцiи.

Борьба съ переживанiями. — Переживанiя доисторическiя. Переживанiя древнѣйшихъ историческихъ эпохъ. — Наслѣдство работы эстетической мысли. — Наслѣдство эпохи пробужденiя критической мысли. — Переживанiя римской государственной традицiи. — Переживанiя средневѣковаго католицизма. — (Другiе духовные организмы). — Сила сопротивленiя разныхъ элементовъ католицизма.

Эволюцiя новыхъ историческихъ задачъ. — (Послѣдовательные фазисы или борющiяся партiи). — Вопросы эволюцiи новаго времени.

Эпоха государственнаго абсолютизма. — Эпоха деспотовъ-реформаторовъ и новая буржуазiя. — Завоеванiя мысли научной и ея задачи. — Новая наука и новая философiя. — Популяризующая литература и общiй характеръ второй эпохи свѣтской цивилизацiи. — (Космополитизмъ и интернацiонализмъ).

Экономическая почва дальнѣйшей эволюцiи. — Влiянiе ея въ области научной мысли. — Эпоха политическихъ катастрофъ. — Работа мысли эстетической и философской. — Поднятiе и упадокъ общественнаго духа: во Францiи; въ Германiи. — Романтизмъ. — Метафизика. — (Изученiе народностей и народничество).

При такихъ условіяхъ переходная эпоха кануна новой цивилизаціи смѣнилась новою попыткою создать прочную культуру, уже *свѣтскую*. Исторія ставила предъ начинающимся періодомъ новыя серьезныя задачи; изъ нихъ мы сначала здѣсь разсмотримъ тѣ, которыя были и остались существенными для всего этого, разсматриваемаго здѣсь періода.

Святыня догматическихъ вѣрованій, въ ея старой формѣ универсалистическаго католицизма и въ новомъ дробленіи протестантскихъ исповѣданій, не была уже въ состояніи поддержать свое преобладающее значеніе исторической силы, и относительно ея приходилось лишь рѣшить, съ одной стороны, въ какой мѣрѣ эта святыня прежняго времени останется могучимъ переживаніемъ въ дальнѣйшія эпохи, переживаніемъ, вносящимъ патологическій элементъ въ ихъ нормальное развитіе; съ другой, какая новая общественная святыня или какой рядъ новыхъ святынь замѣнитъ ее въ дальнѣйшемъ ходѣ исторіи.

Историкъ мысли не можетъ не сознавать, что продолжающійся еще періодъ свѣтской цивилизаціи, охватывающій и его время, вызываетъ въ представителяхъ интеллигенціи нашей эпохи заботы не только въ ихъ качествѣ изслѣдователей и мыслителей, но и въ ихъ роли волевыхъ аппаратовъ, ставящихъ себѣ жизненныя цѣли и обязанныхъ бороться за свои жизненныя убѣжденія. Это обстоятельство ставитъ предъ историкомъ и еще одно затрудненіе, противъ котораго ни его знаніе, ни его добросовѣстное отношеніе къ фактамъ, ни даже его личное развитіе не всегда доставляютъ ему достаточное оружіе въ его стремленіи понять или угадать истинную комбинацію событій и историческихъ теченій, о которыхъ идетъ дѣло. На почвѣ своихъ объективныхъ и субъективныхъ—но всегда научныхъ—пріемовъ мышленія [1]) изслѣдователь пытается понять ходъ исторіи; но для тѣхъ „проклятыхъ вопросовъ“, изъ за которыхъ около него, изслѣдователя, борются и гибнутъ люди, изъ за которыхъ онъ самъ, какъ личность, признаетъ однихъ современниковъ *своими*, другихъ—*чужими*, даже прямо *врагами*, онъ серьезно рискуетъ не только излишне поддаться субъективной *оцѣнкѣ* людей и событій—безъ которой не можетъ да и не долженъ обходиться

[1]) См. стр. 103.

развитой человѣкъ—но и усвоить субъективныя *заблужденія* при этой оцѣнкѣ. Здѣсь именно пунктъ, на который исключительно-объективный историкъ особенно напираетъ при своемъ отрицаніи всѣхъ субъективныхъ пріемовъ мысли. Въ силу этого затрудненія цѣлая школа историковъ отрицаетъ самую возможность научной исторіи „своего" времени. Но столь радикальное рѣшеніе вопроса простымъ его устраненіемъ едва ли можно признать совмѣстимымъ съ достоинствомъ научнаго мышленія и съ неодолимою силою, которую приписываютъ этому мышленію его безусловные сторонники. Если есть область мысли, гдѣ объективные пріемы недостаточны, то въ этой области умъ человѣка не можетъ остановиться предъ попыткою приложить и пріемы субъективные, лишь бы способы этого приложенія были дѣйствительно научны. Если, въ попыткѣ понять или угадать очень далекое прошлое, ученый по праву продолжаетъ свои точныя розысканія при самомъ ограниченномъ и недостаточномъ количествѣ данныхъ, лишь храня постоянно въ умѣ сознаніе, что дѣло идетъ не о *достовѣрности*, но о научно оцѣненной *вѣроятности*, то неужели онъ остановится въ безсиліи предъ попыткою понять или угадать существеннѣйшія и важнѣйшія теченія современности и здоровый или патологическій характеръ этихъ теченій лишь потому, что наблюдаемые факты слишкомъ многочисленны, слишкомъ близки хронологически къ ихъ наблюдателю, слишкомъ вызываютъ въ немъ аффекты по своей близости къ *его* жизненнымъ цѣлямъ? Признать это значило бы, въ этой области, согласиться на то представленіе о „банкротствѣ науки", о которомъ такъ много говорятъ ея нынѣшніе принципіальные противники. Ея истинные служители констатируютъ существующее—и дѣйствительно важное—затрудненіе, принимаютъ противъ него предосторожности, и идутъ смѣло и рѣшительно впередъ на завоеваніе *всего* познаваемаго въ области точной науки и научной философіи.

Цивилизація, которая воплощалась въ формы новой культуры, должна была быть цивилизаціею *свѣтскою*, но это самое предполагало полное измѣненіе какъ въ идейныхъ основахъ, такъ и во внѣшнихъ формахъ этой цивилизаціи, и сравнительно съ тѣмъ, что̀ ей непосредственно предшествовало въ средневѣковомъ строѣ, и сравнительно съ тѣмъ, что̀ лежало въ основѣ солидарности прежнихъ общественныхъ организмовъ. Ни средневѣковая общественная организація, ни основы теоретическаго средневѣковаго ученія, стремившагося пріобрѣсти господство надъ умами, не могли

оставаться прежними. Святыня средневѣковая, съ ея организаціею папской монархіи или съ позднѣйшимъ дробленіемъ протестантскихъ исповѣданій, конгрегацій и общинъ, должна была замѣниться новыми, болѣе или менѣе временными святынями, но уже свѣтскими. Прочная почва католическаго богословія, для котораго всѣ остальныя знанія и пріемы пониманія были лишь „служанками", была подорвана. Въ свѣтской цивилизаціи не могла долѣе существовать средневѣковая связь церковной общественной организаціи съ церковнымъ ученіемъ, связь, отсутствіе которой было едва мыслимо для средневѣковаго человѣка. Но разрывъ этой послѣдней связи шелъ далѣе въ прошедшее, чѣмъ средневѣковой строй общества. Единство теоретическаго пониманія и жизненнаго ученія было естественнымъ требованіемъ и первобытнаго человѣчества и высоко-развившейся цивилизаціи; разрывъ между ними могъ быть лишь временнымъ явленіемъ въ обществѣ не вполнѣ патологическомъ. Это единство само собою, какъ бы автоматически, было осуществлено прежде въ царствѣ обычая, въ обособленныхъ цивилизаціяхъ, связанныхъ преимущественно единствомъ обряда и внѣшнихъ культурныхъ формъ, наконецъ въ церковной культурѣ Среднихъ Вѣковъ. И вотъ теперь, новая свѣтская цивилизація съ первыхъ своихъ шаговъ вносила въ работу человѣческой мысли дуализмъ: міръ практическихъ заботъ, жизненныхъ цѣлей, правъ и обязанностей составлялъ сферу свѣтскаго государства, которое относилось или равнодушно или даже симпатично къ тому, что̀ въ области геометріи, физики или даже медицины допускали или отвергали духовные потомки Архимеда и Гиппократа; никто не мѣшалъ имъ руководиться своими методами и группироваться въ новое „свѣтское духовенство" спеціалистовъ-академиковъ въ областяхъ, имъ исключительно принадлежавшихъ. Само собою разумѣлось, что этотъ дуализмъ теоретическаго пониманія и практическаго

ученія не могъ долго существовать. Логическое требованіе единства вызывало снова и снова попытки возстановить его для новыхъ поколѣній. Но теперь поколѣнія мыслителей стремились къ этому единству сознательно и должны были найти для него въ свѣтской цивилизаціи новый путь, не менѣе чуждый средневѣковымъ началамъ, какъ и царству обычая и единству обрядности, составлявшихъ почву этого соглашенія въ предыдущіе періоды. Единство пониманія и ученія должно было теперь выработаться на почвѣ науки, которая должна была побѣдить новый дуализмъ, распространивъ *свое* господство на область, остававшуюся при началѣ періода новой цивилизаціи чуждою научному мышленію. Съ тѣмъ вмѣстѣ эта свѣтская цивилизація ставила своимъ учителямъ новыя, весьма обширныя требованія. Она требовала отъ нихъ въ будущемъ рѣшенія вопросовъ не только высшаго математическаго анализа или микробіологіи, но и вопросовъ общественной жизни, экономическихъ, политическихъ и нравственныхъ. Она требовала отъ будущаго государственнаго строя, отъ юридическихъ отношеній, отъ формъ накопленія и распредѣленія богатствъ, чтобы эти проявленія творчества общественныхъ формъ не были продуктомъ эмпиризма, но осуществляли достигнутое передовыми умами пониманіе общества и личности въ ихъ взаимодѣйствіи. Эти поиски за пониманіемъ міра и общества въ ихъ совокупности при помощи научныхъ методовъ въ виду практическаго скрѣпленія и расширенія солидарности между людьми, и за реальнымъ созданіемъ лучшаго возможнаго въ данную эпоху общественнаго строя,— должны были привести къ единству мысли теоретической и практической въ *научной философіи*, охватывающей все, доступное человѣческому пониманію, и въ *соціологіи*, ставящей развитой личности требованіе обязательной дѣятельности во имя ея критиче-

скаго пониманія, и созданія этимъ путемъ почвы для дальнѣйшаго процесса будущей исторіи.

Этотъ трудный путь, сопровождаемый многочисленными страданіями и катастрофами, новая свѣтская цивилизація совершила въ послѣдніе вѣка, при чемъ интеллигенція новаго времени боролась различнымъ оружіемъ противъ переживаній предшествующихъ періодовъ, поддерживая жизненные элементы, отъ нихъ унаслѣдованные, и пытаясь наиболѣе удовлетворительно рѣшить характеристическія задачи каждой эпохи новаго періода. Она противуположила средне-вѣковому организму католицизма организмъ новаго свѣтскаго государства, вдумываясь въ условія его существованія и развитія, и при этомъ переходя отъ представленія о государственной власти какъ о святынѣ, смѣнившей святыню католицизма, къ представленію о государственной власти какъ о средствѣ борьбы за просвѣщеніе и за прогрессъ, чтобы окончательно придти къ идеалу самоуправленія народовъ и стать предъ грознымъ вопросомъ о томъ, въ какой формѣ возможно это самоуправленіе. Она выдвинула въ этомъ процессѣ творчества общественныхъ формъ, какъ главную историческую силу, буржуазію, созданную средневѣковымъ городомъ, но теперь, по паденіи самостоятельности городовъ, сдѣлавшуюся основнымъ элементомъ свѣтскаго государства: въ ней сначала неограниченная власть получила самаго энергическаго помощника; потомъ, при постановкѣ задачи о самоуправленіи народовъ, она же оказалась естественнымъ и не менѣе энергическимъ врагомъ этой власти, пока предъ этой буржуазіей не всталъ не менѣе грозный вопросъ о томъ, есть ли „народъ“ единое цѣлое съ общими интересами или же онъ состоитъ изъ двухъ классовъ съ противуположными интересами. Новая свѣтская интеллигенція стала въ мірѣ ученыхъ спеціалистовъ на твердую почву античной научной традиціи, и предъ завоеваніями ея въ этомъ направленіи блѣднѣютъ въ

глазахъ историка мысли всѣ политическія перипетіи и всѣ продукты эстетическаго и философскаго творчества разсматриваемаго здѣсь періода. Она, впрочемъ, и въ этихъ областяхъ пришла къ замѣчательнымъ результатамъ, въ которыхъ, кромѣ ихъ самостоятельнаго значенія для исторіи мысли, историкъ послѣдней можетъ съ особеннымъ интересомъ разглядѣть вліяніе на эти области какъ основныхъ общественныхъ направленій мысли такъ и могучихъ завоеваній науки.

Но весь этотъ путь былъ пройденъ и все это дѣло было совершено при громадныхъ препятствіяхъ, противупоставленныхъ тому и другому переживаніями прежнихъ эпохъ, пользуясь немногими жизненными элементами, оставшимися отъ этихъ эпохъ. Поэтому здѣсь, на первое мѣсто въ сферѣ попытки понять исторію мысли новаго періода, становится тщательное выдѣленіе въ событіяхъ, сюда относящихся, всего того, что принадлежитъ, съ одной стороны, къ жизненнымъ элементамъ, съ другой—къ переживаніямъ предъидущаго времени въ обособленности его эпохъ.

Трудно не признать въ объективно-констатированныхъ фактахъ новой исторіи многочисленныхъ остатковъ эпохъ доисторическихъ и присутствія среди насъ элементовъ этихъ давнихъ культуръ. Историку мысли приходится отграничить на картѣ материковъ еще довольно обширныя территоріи, занятыя цѣликомъ народами, оставшимися внѣ исторіи. Приходится внутри границъ „цивилизованныхъ странъ“ признать громадныя массы населенія, трудящагося надъ созданіемъ и надъ поддержкою цивилизаціи выгодно-поставленнаго меньшинства, но населенія, условія существованія котораго дѣлаютъ для него невозможнымъ участвовать дѣятельно въ исторической жизни человѣчества. Приходится констатировать и въ томъ меньшинствѣ, которое пользуется культурными продуктами исторической жизни, большинство дикарей новой культуры:

они руководятся лишь обычаемъ или модою ихъ общественнаго слоя или кружка; стремятся исключительно „быть какъ всѣ“ въ этомъ слоѣ или кружкѣ; они, поэтому остаются, въ своей психической жизни, столь же чуждыми наслажденію развитіемъ и потребности въ немъ, какъ любой ботокудъ или какъ тотъ несчастный пасынокъ цивилизаціи, котораго экономическія условія поставили въ необходимость концентрировать всѣ свои процессы мысли по 16 часовъ въ сутки на однообразномъ жестѣ, входящемъ въ процессъ изготовленія булавокъ или на автоматической перепискѣ словъ, въ смыслъ которыхъ ему некогда вдумываться. Эти *неисторическіе* или *доисторическіе* люди нашего періода, пока они существуютъ, самымъ своимъ присутствіемъ или обусловливаютъ положительно нѣкоторыя явленія жизни историческаго общества въ его цѣломъ, или, отрицательно, мѣшаютъ осуществиться другимъ нормальнымъ тенденціямъ. Отсюда возникаетъ рядъ явленій, событій, дѣйствій въ той или другой сферѣ техники, творчества общественныхъ формъ, эстетическихъ наслажденій, пріемовъ педагогики и т. под., которые нельзя иначе понять какъ принимая въ соображеніе вліяніе комплекса переживаній доисторическаго періода, въ нихъ продолжающаго существовать, на эволюцію періода новой свѣтской цивилизаціи, подобно тому, какъ это имѣло мѣсто во всѣ предъидущія эпохи исторіи. Рядомъ съ этимъ комплексомъ доисторическихъ переживаній въ самомъ дѣленіи современнаго человѣчества на слои, приходится признать, въ современной народной поэзіи и въ нѣкоторой долѣ обычаевъ въ средѣ пасынковъ нынѣшней цивилизаціи, жизненные элементы, которые благотворно вліяютъ на культуру и въ особенности на эстетическое творчестве ближайшаго къ намъ времени. Но и въ интеллигенціи всего этого періода, не исключая и послѣднихъ поколѣній XIX-го вѣка, приходится констатировать не мало элементовъ доисторическихъ,

здѣсь уже почти безъ остатка составляющихъ переживанія; и переживанія эти многочисленны. Сюда нельзя не отнести гордость родовитыхъ людей подвигами или даже просто высокимъ положеніемъ полумиѳическихъ предковъ; признаніе существеннымъ элементомъ достоинства личности чисто внѣшнихъ особенностей и богатства костюма; признаніе украшеніемъ нѣкоторыхъ искаженій тѣла (какъ, напр., прокалыванія ушей для серегъ, или распространяющейся, какъ пишутъ, моды на татуированіе); наслажденіе обжорствомъ и пьянствомъ, вовсе не въ сущности, а только лишь въ изысканности подробностей отличающееся отъ того, что̀ видимъ теперь въ Австраліи и у самыхъ низшихъ дикарей; обращеніе иныхъ эстетическихъ наслажденій въ самую низменную и грубую забаву, чуждую и по формѣ и по настроенію всякой художественности; враждебность къ „чужимъ“ по происхожденію или по формѣ культуры; проявленіе полузвѣрской жестокости; факты употребленія амулетовъ для удачи, разгадки сновъ и знаменій для узнаванія будущаго, формы колдовства иногда даже очень грубыя; анимистическія вѣрованія въ формѣ едва-едва отличной отъ того, что̀ наблюдаютъ у полинезійцевъ или якутовъ; и т. д., и т. д.

Все это имѣло мѣсто у представителей высшихъ слоевъ интеллигенціи и въ эпоху Декарта и Ньютона, и во время Вольтера и энциклопедистовъ, и среди сторонниковъ культа Разума. Все это приходится констатировать чуть ли не съ большей безцеремонностью здѣсь или тамъ и среди самыхъ интеллигентныхъ слоевъ нашихъ современниковъ; все это не могло не отражаться и на общихъ результатахъ работы мысли и на формахъ культуры, обусловливая въ значительной мѣрѣ то реакціонное теченіе, ростъ котораго трудно не признать характеристической чертою конца XIX вѣка.

Почти то же можно сказать о слѣдахъ прежнихъ

историческихъ эпохъ въ новомъ періодѣ исторіи. Мыслитель нашего времени безъ особеннаго труда отмѣтитъ въ этомъ періодѣ и все растущее господство сознанныхъ интересовъ и индивидуализмъ, какъ историческія силы, унаслѣдованныя отъ древнѣйшихъ періодовъ исторіи. Эти силы играютъ, съ одной стороны, роль жизненныхъ элементовъ, какъ источники двухъ важныхъ процессовъ: подъ ихъ вліяніемъ совершается эволюція пониманія сознанныхъ интересовъ; подъ тѣмъ же вліяніемъ вырабатываются въ индивидуализированныхъ личностяхъ убѣжденіе и способность обусловливать ходъ событій, какъ самостоятельные волевые аппараты. Но, съ другой стороны, къ этому же источнику, въ его роли переживанія, восходитъ стремленіе создавать и поддерживать механическое государство съ его принудительною легальностью и упорною враждою націй, сословій и классовъ; а также противуполагать интересы тѣсной семьи задачамъ болѣе обширныхъ и болѣе идейныхъ общественныхъ организмовъ. Трудно сомнѣваться въ томъ, что борьба позднѣйшихъ прогрессивныхъ политическихъ партій за правовое государство или за организацію труда коренится въ древнѣйшей борьбѣ за самые элементарные сознанные интересы, и на сколько энергическія личности государственныхъ людей, ученыхъ и мыслителей послѣднихъ эпохъ были едва ли возможны безъ упражненія ихъ далекихъ предковъ въ индивидуалистической борьбѣ за власть, за обогащеніе, за вліяніе или за фанатическія вѣрованія. Однако столь же несомнѣнно, что послѣдніе вѣка, въ фактахъ насильственнаго расширенія однихъ державъ и естественнаго распаденія или хищническаго разрыва другихъ, предъявляютъ намъ почти ничѣмъ даже не подновленныя побужденія временъ Рамзесовъ и Навуходоносоровъ, и событія сходныя съ гегемоніею Вавилона или Ниневіи; а также, что въ непотизмѣ фаворитовъ монархіи, лордовъ XVIII вѣка, избранныхъ законодате-

лей или смѣняющихся министровъ буржуазнаго строя продолжается та же конкурренція семей, экономическая и политическая, которая проявилась за тысячу лѣтъ до нашей эры, когда органическая связь рода разрушалась, уступая мѣсто механическому единству первыхъ историческихъ цивилизацій.

Особенный характеръ имѣетъ еще одно наслѣдство стараго міра, воспринятое новымъ. Съ XVII-го вѣка представители интеллигенціи не могли не прійти къ „спору новыхъ съ древними“, т. е. къ сравненію эстетическаго достоинства художественнаго творчества раннихъ историческихъ поколѣній съ творчествомъ новаго времени. Послѣднее выставило учениковъ, подражателей и соперниковъ древнимъ поэтамъ и художникамъ, но и сторонники самыхъ блестящихъ соперниковъ древнему искуству должны были признать высокое достоинство древней—чуть ли не доисторической—эпопеи—по мнѣнію многихъ неподражаемой,—древней драмы, лирики или скульптуры. Противники эволюціоннаго міросозерцанія черпали даже въ этой неподражаемости древняго искуства аргументы въ пользу своей теоріи. Здѣсь, собственно, реальная эволюція шла преимущественно въ усиленіи индивидуализма самихъ поэтовъ и въ идейномъ содержаніи новой поэзіи. Историкъ мысли имѣетъ полное основаніе признать во всѣхъ поэтахъ и художникахъ, заботившихся лишь объ изяществѣ формъ и не вносившихъ въ свои произведенія ни своей личной жизни, ни идей, волновавшихъ ихъ время, не болѣе какъ непосредственныхъ продолжателей того искуства, которое могло дать неподражаемые продукты за 1000-лѣтъ до нашей эры или среди старинныхъ финновъ или скандинавовъ, точно также какъ въ концѣ XIX-го вѣка послѣ той же эры. Украшеніе жизни красотою безъидейною и чуждою личныхъ волненій было и осталось наслѣдствомъ перваго историческаго слоя человѣчества, и отъ личнаго развитія историка мысли

зависитъ, признаетъ ли онъ въ этомъ фактѣ жизненный элементъ или переживаніе. Лишь въ сатирѣ, зародышъ которой восходитъ къ тому же періоду, приходится уже почти безспорно признать жизненный элементъ этаго наслѣдства.

Эпоха пробужденія критической мысли, но самой сущности этой послѣдней, должна была быть для современной интеллигенціи эпохою подготовленія элементовъ благопріятныхъ. Но мы видѣли [1]), что она представляла значительную сложность; что судьба элементовъ, ею выработанныхъ, была очень различна, а потому и наслѣдство, которое она могла передать и дѣйствительно передала новому времени, имѣло очень различный характеръ. Мы и разсмотримъ здѣсь преимущественно наслѣдство, полученное изъ этого источника лишь въ тѣхъ комплексахъ научно-философской мысли, идеи универсализма и требованій нравственности, которыя составляли характеристическія черты этой эпохи и имѣли особую важность для новаго времени, воспринимавшаго отъ своихъ предковъ это наслѣдство.

Конечно, передачу въ новую европейскую цивилизацію изъ античнаго міра и требованій научной критики и задачъ универсализма и нравственнаго императива нельзя разсматривать съ точки зрѣнія здѣсь принятой, иначе какъ элементы жизненные; однако эти три продукта появленія мысли критической совершили этотъ переходъ при различныхъ условіяхъ и комбинаціяхъ. Наука Евклидовъ и Архимедовъ, Гиппократовъ и Гиппарховъ перешла къ продолжателямъ ихъ работъ въ XVII-мъ вѣкѣ съ такою чистотою и опредѣленностью своихъ требованій, что легко представить себѣ схему исторіи научной мысли, гдѣ, устраняя почти вполнѣ всѣ посторонніе примѣси, эта научная мысль связала бы только что упомянутыя имена

[1]) См. стр. 182 и слѣд.

своихъ античныхъ героевъ непосредственно съ именами специалистовъ Кануна новой цивилизаціи, съ дѣятелями великой эпохи, которая начинается Галилеемъ и кончается Ньютономъ, а затѣмъ и съ коллективною работою „республики ученыхъ“, какъ особеннаго міра, до новѣйшихъ знаменитыхъ гражданъ этой „республики“. Но въ иной формѣ историку мысли приходится констатировать переходъ въ новую цивилизацію требованій универсализма и нравственнаго ученія о праведной жизни. Предъ человѣкомъ этой цивилизаціи стояли два традиціонныхъ типа универсализма и два типа праведной жизни. Античный универсализмъ мудрыхъ и знающихъ, которые, въ виду своего личнаго развитія, сторонились отъ толпы, подготовлялъ универсализмъ академій, ученыхъ обществъ, позже—универсализмъ псевдоклассической, романтической, натуралистической или символической литературы; но эти универсалистическія теченія не только не сближали передовую интеллигенцію этихъ группъ съ массами, но, скорѣе, проводили все болѣе глубокую черту между двумя классами новаго общества. Слѣдовательно, наслѣдство *этой* комбинаціи универсалистическихъ идей представляло въ значительной мѣрѣ переживанія; жизненнымъ же элементомъ являлось противуположное требованіе апостольства и прозелитизма, во имя котораго „знающіе“ шли просвѣщать темныя массы и „понимающіе“ призывали эти массы къ дѣятельности; на это элементъ критики не былъ необходимъ, но прозелитизмъ некритическихъ вѣрованій подготовлялъ на будущее прозелитизмъ идей критически-обоснованныхъ пріемами, выработанными для пропоганды мистическихъ догматовъ. Точно также переживаніемъ, уже прямо противурѣчащимъ сущности новой *свѣтской* цивилизаціи была идея универсализма, охватывающая всѣхъ *одинаково вѣрующихъ* въ періодъ, когда эти вѣрующіе разбивались на все большее число враждебныхъ „наименованій“, а Канунъ новой ци-

вилизаціи выработалъ вполнѣ-опредѣленно представленіе о новой добродѣтели *религіозной терпимости* убѣжденнаго человѣка (въ античномъ мірѣ фактическая терпимость предполагала заслоненіе личнаго убѣжденія строгимъ охраненіемъ обрядности). Подобный же характеръ имѣла эволюція нравственнаго ученія о жизни по убѣжденію. Ея традиція была, подъ вліяніемъ церковной культуры, на столько смѣшана съ ученіемъ о подчиненіи вѣрующаго постановленіямъ и толкованіямъ католицизма при многочисленныхъ противурѣчіяхъ, констатируемыхъ въ этой комбинаціи, что новой цивилизаціи пришлось приняться съизнова за выработку „общечеловѣческаго нравственнаго ученія", изъ котораго были бы устранены аргументы, теперь потерявшіе свою убѣдительность для передовой интеллигенціи. Строительная работа мысли въ области общихъ идей универсализма и жизни по убѣжденію, при необходимости связать эти продукты критической мысли съ ея основными научно-философскими требованіями, предполагала въ новой интеллигенціи сознаніе, что традиціонный комплексъ средневѣкового универсализма и средневѣкового нравственнаго ученія былъ въ своемъ цѣломъ вреднымъ переживаніемъ. Эта строительная работа была облегчена тѣмъ обстоятельствомъ, что въ средневѣковой культурѣ были области, которыя поддерживали—болѣе или менѣе опредѣленно и сознательно—универсалистическія и нравственныя тенденціи помимо какъ той церковной формы, которую имъ придавалъ католицизмъ, такъ и помимо юридически государственнаго идеала античной традиціи. Таковы были проявленія солидарности феодальныхъ и городскихъ интересовъ независимо отъ государственныхъ границъ и національной раздѣльности. Таковъ былъ нравственный идеалъ рыцаря, выработанный и международною средневѣковою литературою и самою жизнью, и т. под.

Эпоха пробужденія критической мысли и ея три важ-

нѣйшихъ проявленія вліяли на послѣдующіе періоды преимущественно при посредствѣ традиціи античныхъ государственныхъ и правовыхъ понятій и церковнаго авторитета, при чемъ и тѣ и другой обнаруживали это вліяніе сложнымъ комплексомъ жизненныхъ элементовъ и переживаній.

На сколько римская государственная традиція была традиціей неограниченнаго ничѣмъ цезаризма, на столько она становилась союзникомъ абсолютизма короля-солнца и его подражателей—слѣдовательно жизненнымъ элементомъ культуры первой эпохи новой цивилизаціи. Но, по мѣрѣ того какъ ходъ событій и связанная съ нимъ эволюція мысли вырабатывал и типъ деспотовъ-просвѣтителей, идеалъ власти и бюрократіи, служащей интересамъ общества и подлежащей его критикѣ и его контролю, а потомъ идею самоуправленія народовъ, господство буржуазіи и стремленіе къ царству биржевиковъ, съ одной стороны, организацію труда—съ другой,—по мѣрѣ того и античная традиція стала все болѣе вреднымъ переживаніемъ вѣры въ общественныя формы и въ идеи, потерявшія всякую связь съ дѣйствительностью. Но въ этой традиціи историкъ мысли можетъ отличить элементъ жизненный и оставшійся таковымъ до самаго близкаго къ намъ времени. Это была внесенная Римомъ въ эволюцію мысли идея правоваго государства, осуществляющаго требованія разума въ своемъ законодательствѣ. Эта идея требовала отвѣта на вопросы: Что такое въ дѣйствительности правовое государство? Въ чемъ состоитъ разумное начало, вносимое и способное быть внесеннымъ въ законодательство? Можетъ ли та или другая наличная государственная форма быть научно названа *правовою* и *разумною?* Какимъ путемъ должна идти работа творчества общественныхъ формъ, чтобы построить государство правовое и создать законодательство разумное? Есть ли это задача разрѣшимая? Или же общественныя задачи, которыя считались разрѣшимыми лишь

орудіемъ государственной власти и законодательства, приходится попытаться рѣшить дѣйствіемъ иныхъ соціальныхъ силъ?—Весь этотъ процессъ эволюціи идеи права, унаслѣдованной отъ римскаго міра, приходится историку мысли считать жизненнымъ элементомъ исторіи новаго времени, при чемъ на эту идею права, при ея все болѣе раціональной переработкѣ въ идею общественнаго блага, переносилось въ наиболѣе сильныхъ умахъ все болѣе то чувство мистической обязанности служить правдѣ и бороться съ общественнымъ зломъ, которое было унаслѣдовано отъ средневѣковой богословской интеллигенціи въ ея преданности церковному догмату и въ ея ненависти къ ереси.

Католицизмъ, какъ организація церкви, насквозь проникнутая мірскими заботами о господствѣ духовенства надъ мірянами и стремленіемъ создать духовную монархію, былъ на столько признаннымъ врагомъ для новаго свѣтскаго государства, что не можетъ быть и сомнѣнія для историка мысли относительно его роли переживанія въ разсматриваемый періодъ. Но этотъ организмъ былъ такъ могучъ, что онъ могъ не только отстаивать себя при самомъ различномъ ходѣ событій въ разныя эпохи новаго времени, но еще дѣйствовать активно на этотъ ходъ и обороняясь отъ враговъ и переходя къ нападенію на нихъ, Тридцатилѣтняя война въ половинѣ XVII-го вѣка, отмѣна Нантскаго эдикта во второй, гоненія янсенистовъ, война мыслителей и государей противу іезуитовъ въ XVIII-мъ, энергическая реакція противъ радикальныхъ пріемовъ борьбы съ католицизмомъ первой французской республики, религіозная реакція эпохи Священнаго союза, наконецъ характеристическій ростъ политическаго и культурнаго вліянія клерикальныхъ партій въ послѣднія десятилѣтія представляютъ знаменательные симптомы силы сопротивленія, обнаруженнаго католицизмомъ свѣтскому строю общества. Эти симптомы на столько очевидны и могутъ настолько изумить иного изслѣдо-

вателя, что онъ склоненъ даже усумниться, не слѣдуетъ-ли въ этихъ переживаніяхъ признать чего-либо дѣйствительно жизненнаго.

Эти соображенія еще усложняются тѣмъ обстоятельствомъ, что чуть ли не во всѣхъ проявленіяхъ клерикализма внѣ католицизма, именно въ различныхъ протестантскихъ церквахъ новаго времени, элементъ свѣтскихъ государственныхъ заботъ преобладалъ надъ попытками построить духовный общественный организмъ. Разница тутъ лежала въ преобладаніи монархическаго или демократическаго элемента. При этомъ, въ одномъ случаѣ, общественный организмъ приближался къ типу цезаропапизма: глава государства былъ въ сущностя и главою церкви; духовное убѣжденіе отдѣльнаго лица такъ мало принималось въ соображеніе, что въ законодательство, въ нѣкоторыя эпохи, входило постановленіе: исповѣданіе государя опредѣляетъ господство того же исповѣданія въ государствѣ. Въ другомъ случаѣ, конгрегаціонизмъ или другія близкія къ нему формы, повидимому ставили во главѣ общества демократическое духовенство; однако попытка подчинить свѣтскую государственную жизнь общества этому духовенству проявилась въ самой незначительной мѣрѣ. Всѣ протестантскіе государственные организмы пытались удержаться и усилить свое духовное вліяніе и преобладаніе *при помощи* государства, пытаясь обратиться въ *государственную церковь*. Лишь католицизмъ пытается въ продолженіи всего новаго періода сохранять организацію своей духовной монархіи рядомъ съ измѣняющимися политическими формами, игнорируя ихъ или пользуясь ими, но постоянно ставя себѣ свои *особенныя* политическія цѣли. Въ самое послѣднее время въ духовенствѣ наиболѣе распространенныхъ протестантскихъ исповѣданій наблюдаютъ весьма опредѣленную наклонность придать этому духовенству католическій характеръ власти церкви въ замѣнъ прежняго типа общества одинаково вѣрующихъ.

Однако, внимательный историкъ мысли, отыскивая причины могущества этого переживающаго организма, находящагося въ прямомъ противурѣчіи со *всѣми* элементами новаго общества, признаетъ, можетъ быть, въ совокупности этихъ причинъ, что однѣ изъ нихъ принадлежатъ глубокой (чуть не доисторической) древности, другія же связаны съ характеристическими чертами новой свѣтской цивилизаціи въ ея послѣдовательныхъ фазисахъ господства святыни абсолютизма, борьбы противъ него и господства современной буржуазіи.

Прежде всего культурная сила католицизма въ массахъ новаго европейскаго населенія зависѣла отъ того элемента переживаній доисторическихъ представленій и пріемовъ мысли, на которые было указано передъ этимъ. Въ глазахъ массъ, остававшихся внѣ работы критической мысли или даже внѣ исторіи, придавала католицизму значеніе и силу вся совокупность наслѣдства анимизма, колдовства или даже еще болѣе древнихъ пріемовъ обезпечить себѣ удачу и разгадать знаменіе, наслѣдства, усвоеннаго католицизмомъ и вошедшаго въ его традиціи или какъ признанный Римомъ элементъ демонологіи, или даже какъ элементъ церковной мистической магіи. Но эта сила и это значеніе не имѣли ничего общаго съ историческимъ смысломъ католицизма, какъ религіи универсальной или даже какъ опредѣленной религіозно-философской системы. Слѣдуетъ помнить, что внѣ работы критической мысли оставались во всѣ эпохи новой исторіи не только пасынки цивилизаціи, а также дикари новой культуры, составлявшіе и составляющіе весьма вліятельный элементъ господствующихъ классовъ. Для этого общественнаго слоя въ эпохи, слѣдовавшія непосредственно за періодомъ попытки установить средневѣковую культуру, эта культура, какъ обычай и какъ мода, представляла *нормальную* форму жизни, особенно въ эпохи, когда политическая власть воображала, что можетъ найти добавочную поддержку въ сближеніи съ католическою церковью. Именно этотъ элементъ культурной силы наличнаго обычая и господствующей моды переживалъ въ новомъ свѣтскомъ обществѣ съ тѣмъ большимъ упорствомъ, чѣмъ малочисленнѣе была интеллигенція, противуполагавшая этому переживанію свои стремленія къ развитію. Эту силу какъ католицизмъ, такъ и установившійся рядомъ съ нимъ протестантизмъ разныхъ наименованій, удержали въ продолженіи всего новаго періода исторіи, сохранили и въ наше время, однако самый источникъ

этой силы не позволяетъ историку мысли признать за ней роль *жизненнаго элемента*.

Уже гораздо менѣе значенія приходится придавать тому элементу католической традиціи, который въ одной части интеллигенціи новаго времени связывалъ догматы Среднихъ Вѣковъ съ представленіемъ о религіи универсалистической, что вызывало, съ этой точки зрѣнія, въ отдѣльныхъ особяхъ мистическіе аффекты, сближавшіе эти особи независимо отъ разницы ихъ націй, политическихъ организмовъ, экономическихъ интересовъ и т. под. Ни въ теченіе Среднихъ Вѣковъ, ни послѣ того этотъ универсалистическій аффектъ не оказался значительною и прочною историческою силою, когда его идеалы шли въ разрѣзъ съ интересами личными, сословными или государственными. Уже въ Канунѣ новой цивилизаціи этому мистическому побужденію, предполагавшему *единственное* истинное вѣрованіе, противуположилось, какъ мы видѣли, побужденіе уже совершенно иного рода, именно побужденіе всеобщей религіозной терпимости. Вмѣстѣ съ тѣмъ новой интеллигенціи пришлось искать универсалистическаго аффекта „братства“, „солидарности“ въ областяхъ, гдѣ этотъ аффектъ не только не противуполагался бы интересамъ личности или коллективности, но сливался бы съ этими интересами. Съ минуты, когда „всеобщій миръ“, „братство народовъ“, „федерація Соединенныхъ Штатовъ“, охватывающая всѣ націи, общечеловѣческій союзъ „вольныхъ каменьщиковъ“ въ виду общихъ всѣмъ людямъ нравственныхъ цѣлей, международный союзъ трудящихся и тому подобныя идеи сдѣлались утопическими или реальными задачами мыслящихъ людей, вызывая ихъ къ мысли и къ дѣйствію,—съ этой минуты традиціонный мистическій аффектъ средневѣковаго вѣрованія, стремившійся сблизить всѣхъ людей, игнорируя разницу ихъ интересовъ или даже въ противуположеніи этимъ интересамъ, обратился въ переживаніе не только безсильное, но

скорѣе вредное. Здоровою формою подобнаго аффекта приходилось мыслителямъ признать лишь ту, которая отождествляла бы интересы огромнаго большинства человѣчества съ тѣмъ аффективнымъ нервнымъ раздраженіемъ, которое личность, какъ волевой аппаратъ, сознаетъ въ себѣ въ формѣ нравственной обязанности и наслажденія осуществленіемъ этой обязанности въ жизни. Надъ этой задачей и трудится современная передовая интеллигенція.

Но мы видѣли, что католицизмъ ставилъ себѣ задачею быть не только—подобно доисторическимъ вѣрованіямъ—способомъ магическаго обезпеченія вѣрующему удачи въ этомъ и въ будущемъ мірѣ, не только системою церковной культуры съ ея обрядностью и модными пріемами жизни (какъ въ древнихъ обособленныхъ цивилизаціяхъ), не только универсалистическимъ аффектомъ, сближающимъ всѣхъ вѣрующихъ, но еще „общечеловѣческимъ нравственнымъ ученіемъ, опирающимся на философское міросозерцаніе“. Для Среднихъ вѣковъ это послѣднее міросозерцаніе должно было заключать невыдѣлимымъ элементомъ особенное догматическое содержаніе, но это требованіе не было, въ сущности, связано ни съ постановкою задачи ни съ ея рѣшеніемъ. Поэтому, съ установленіемъ въ жизни понятія о религіозной терпимости какъ добродѣтели, вполнѣ естественно было стремленіе къ терпимости въ сферѣ мысли и относительно способовъ, которыми пыталась интеллигенція новаго времени рѣшить философскую задачу католицизма. *Его* традиція—перешедшая и на протестантизмъ въ его разныхъ наименованіяхъ — требовала сохраненія въ возможной неприкосновенности въ философскихъ системахъ элемента догматическаго; тѣмъ не менѣе, мало по малу, этотъ элементъ сокращался, улетучивался, подвергался видоизмѣненіямъ при сильной работѣ метафизическаго творчества. Метафизическія системы, сначала возникавшія рядомъ съ догматическими и ус-

танавливавшія съ послѣдними различные modus'ы vivendi, все опредѣленнѣе принимали на себя роль правомѣрныхъ преемниковъ мистическихъ ученій, пока не началась и не укрѣпилась критическая работа сокращенія и улетучиванія и надъ метафизикою, какъ вспомогательнымъ орудіемъ объединяющей мысли. Въ послѣднюю эпоху многіе мыслители пробуютъ обходиться совсѣмъ какъ безъ перваго, такъ и безъ второго. Для всѣхъ тѣхъ, кто раздѣляетъ это стремленіе и признаетъ его здоровымъ, въ философской задачѣ, поставленной католицизмомъ (какъ и другими универсалистическими вѣрованіями) приходится тщательно раздѣлять два ея элемента. Самая задача, въ ея сущности и общей постановкѣ, можетъ и должна быть разсматриваема какъ *жизненный элементъ* человѣческой мысли, который эта мысль сохраняетъ и вѣроятно сохранитъ какъ цѣнную традицію одного изъ пройденныхъ ею фазисовъ своей исторіи. Ограничивающія же условія, поставленныя средневѣковою культурою мыслителямъ, пытающимся рѣшить эту задачу, приходится признать *вреднымъ переживаніемъ* для свободной работы философской мысли.

На почвѣ только что указанныхъ переживаній доисторическаго времени и послѣдовательныхъ эпохъ исторіи, новой цивилизаціи приходилось одновременно и охранять жизненные элементы прошлаго, ею унаслѣдованные, и рѣшать задачи, характеристическія для новаго періода, и вырабатывать въ своей средѣ зародыши наступающаго или даже наступившаго уже будущаго. Когда историкъ мысли выдѣлитъ изъ хода событій новаго времени въ его совокупности элементъ переживаній прошлыхъ періодовъ—элементъ безспорно весьма-значительный и вліятельный—ему предстоитъ вглядѣться внимательнѣе въ эволюцію возникавшихъ одна за другою характеристическихъ задачъ изучаемаго періода, и отмѣтить *въ немъ*, какъ послѣдовательную ихъ постановку при ихъ различіи, такъ и получающіеся отсюда особенности по-

слѣдовательныхъ эпохъ новаго времени. При этомъ каждая изъ этихъ эпохъ, передавая послѣдующимъ эпохамъ свою работу, создаетъ въ нихъ новыя переживанія или жизненные элементы, которыми историкъ мысли не имѣетъ права пренебречь, но которыя, при ускореніи темпа историческаго движенія, могутъ поставить его въ затрудненіе.

Онъ долженъ уяснить себѣ, между прочимъ, имѣетъ ли онъ предъ собою послѣдовательные фазисы эволюціи, къ которымъ надо прилагать законъ выработки послѣдующаго фазиса изъ предъидущаго съ повторяющимися соціологическими процессами неизбѣжнаго дифференцированія продуктовъ эволюціи на характеристическія черты, жизненные элементы, переживанія и зародыши будущаго; или предъ нимъ лишь борющіяся между собою одновременныя теченія одного и того же фазиса эволюціи, при чемъ побѣда того или другого теченія обусловливается или можетъ обусловливаться разнообразными обстоятельствами, которыя далеко не всѣ могутъ быть установлены съ достаточною достовѣрностью.

Установивъ для всего періода и для каждой его эпохи комбинацію характеристическихъ ихъ задачъ съ переживаніями прошлаго, его жизненными элементами и зародышами будущаго, приходится историку мысли вспомнить, что эти задачи были поставлены цѣлому ряду поколѣній. Попытки рѣшить ихъ были многочисленны въ продолженіи послѣднихъ трехъ столѣтій. Для этихъ попытокъ пользовались и пріемами научно-философскими и эмпирическими и чисто-фантастическими, но въ эпохи, когда на первомъ мѣстѣ стояло утвержденіе и расширеніе области научнаго мышленія, имѣютъ серьёзное значеніе для историка мысли лишь первыя. И вотъ онъ принужденъ спрашивать себя: на сколько научные пріемы рѣшенія этихъ задачъ и другихъ, смѣжныхъ съ ними, вошли въ сознаніе передовыхъ личностей и чрезъ нихъ сдѣлались историческою силою? На сколько подвигалось впередъ это рѣшеніе на различныхъ фазисахъ эволюціи новаго времени? Какія препятствія представляли — и еще представляютъ — этой эволюціи переживанія

прежнихъ эпохъ, какъ наличныя силы, съ которыми приходилось считаться самымъ энергическимъ личностямъ каждой эпохи, приходится считаться и нашему современнику, историку мысли, въ попыткахъ понять процессъ имъ изучаемый? На сколько самый этотъ періодъ свѣтской цивилизаціи, еще продолжающійся, не только противуполагается, въ его цѣлости, эпохамъ предшествовавшимъ, но представляетъ послѣдовательные фазисы, каждый изъ которыхъ отличается особенными характеристическими чертами, переноситъ въ будущее свои особенные жизненные элементы и переживанія и обнаруживаетъ особенные зародыши задачъ, собственно принадлежащихъ къ позднѣйшимъ эпохамъ?—Трудно допустить, чтобъ историкъ мысли могъ обойти эти вопросы.

Новая цивилизація въ своихъ политическихъ формахъ характеризована прежде всего тѣмъ, что предъ нами эпоха государственнаго абсолютизма, на который переходитъ временно ореолъ общественной святыни, окружавшій въ предшествующій періодъ представленіе о церкви. Въ силу этого высокаго значенія, теперь пріобрѣтеннаго государственною властью, она выступаетъ, какъ государство *полицейское*, на путь политическихъ опытовъ надъ подвластными ей народами, опытовъ, на которые не могло рѣшиться государство прежнихъ періодовъ въ присутствіи силы обычая и разныхъ элементовъ, соперничавшихъ съ государственною властью. Но этотъ путь опытовъ, производимыхъ теперь неограниченною властью, долженъ былъ, по логической необходимости, повести въ слѣдующую эпоху къ другому ряду опытовъ, производимыхъ уже *надъ этою* самою властью въ виду ея ограниченія самоуправленіемъ народа. Какъ матеріальная подкладка государственнаго абсолютизма, является теорія меркантилизма, озабоченнаго въ особенности скопленіемъ денежныхъ средствъ въ рукахъ государственной власти и на территоріи, на которую

эта власть распространяется. Въ числѣ энергическихъ личностей, усвоившихъ теоретически принципъ меркантилизма, мы видимъ и министра монархіи, Кольбера, и не менѣе абсолютнаго, можетъ быть, протектора англійской республики, Кромвеля. Побѣда неограниченной свѣтской власти надъ средневѣковымъ организмомъ церкви иллюстрируется и въ личностяхъ кардиналовъ-правителей, которые заключаютъ союзы съ протестантами или ведутъ противъ нихъ войну въ силу мотивовъ, не имѣющихъ уже ничего общаго съ вѣрованіями; она оставляетъ глубокіе слѣды и въ „Политикѣ“ Боссюэта. Другою немаловажною подкладкою абсолютизма является, какъ слѣдствіе новой финансовой политики, новая организація арміи; съ тѣмъ вмѣстѣ обнаруживается, подъ вліяніемъ общаго моднаго строя мысли, стремленіе крупныхъ индивидуальныхъ талантовъ (Тюреней, Вобановъ, Мальбро и др.) къ военной карьерѣ. Жизненнымъ элементомъ эпохи абсолютизма является и современная ей республика ученыхъ и литераторовъ, но въ формахъ этой новой республики внимательный наблюдатель не можетъ не констатировать два элемента совершенно различнаго характера и значенія, изъ которыхъ одинъ самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ особенностями первой эпохи абсолютизма и можетъ перейти въ послѣдующія эпохи лишь какъ нелогическое и вредное переживаніе; другой же служитъ почвою для усиленія идейныхъ силъ въ культурѣ, стремящейся создать свѣтскій обычай, не менѣе безмысленный какъ прежніе, такъ что эти идейныя силы чуть ли не сейчасъ же начинаютъ подрывать только что устанавливающійся абсолютизмъ и подготовляютъ бурныя оппозиціонныя ему стремленія слѣдующей эпохи. При началѣ новой эпохи эти идейныя силы ограничены лишь тѣмъ, что онѣ признаны силами, но ихъ соціальный ростъ сполна принадлежитъ будущему. За то съ особеннымъ блескомъ выступаетъ на сцену исторіи изящно-обработан-

ная литература, придворное искусство и академическая наука, опирающіяся на деморализующее меценатство и вносящія въ новый обычай болѣе рѣзкое раздѣленіе классовъ.

Какъ характеристическій признакъ переживанія средневѣковаго отдѣленія духовныхъ отъ міряпъ, можно констатировать рѣзкое противуположеніе двухъ слоевъ культуры и общей литературы—для массъ и для придворныхъ, а также попытку обособить новое „свѣтское духовенство“ ученыхъ академиковъ отъ профановъ. Но особенно-характеристично первое противуположеніе для новой культуры, которую пробуетъ установить свѣтскій абсолютизмъ. Въ эпоху поклоненія центральной власти, въ которой видѣли установительницу порядка среди феодальнаго и сектаторскаго хаоса, произошло выдѣленіе придворной интеллигенціи съ ея утонченною культурою изъ большинства подданныхъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ довольно явной связи съ этимъ общественнымъ явленіемъ, выросла псевдоклассическая литература и придворное искусство, доказавшія своимъ общеевропейскимъ распространеніемъ, что это былъ не мѣстный эпизодъ. Является попытка даже установить два различныхъ языка для высшаго и для низшаго жизненнаго обихода, очищая, при посредствѣ академій изящнаго слога, языкъ избраннаго общества (языкъ precieuses, послѣ—языкъ придворныхъ) отъ народныхъ элементовъ. Господствующее меценатство подавило и тотъ индивидуализмъ, который, какъ указано выше, характеризовалъ бурную эпоху Возрожденія, внося въ нее жизненный элементъ свободнаго творчества. Искусство, театръ, вся литература псевдо-классицизма едва ли могутъ быть поняты въ ихъ особенности и въ ихъ распространеніи, если не вглядѣться въ ихъ соціологическую подкладку съ ея идеаломъ государственной власти, сохранившимъ въ себѣ многочисленныя черты побѣжденной имъ святыни духовной.

Однако, въ самую минуту торжества свѣтскаго абсо-

лютизма, приходится констатировать и симптомы его непрочности. Прежде всего сила побѣжденнаго клерикальнаго организма въ его переживаніяхъ—о которыхъ было только что сказано выше—проявляется въ той традиціонной иллюзіи, въ силу которой свѣтская власть считаетъ себя и теперь—какъ было въ Византіи и въ Москвѣ—естественнымъ защитникомъ государственной церкви, и въ тѣхъ враждебныхъ мѣрахъ, которыя свѣтское государство принимаетъ противъ еретиковъ (янсенистовъ и гугенотовъ въ одной странѣ, папистовъ въ другой) въ прямомъ противурѣчіи съ экономическими и политическими интересами государства, какъ логическаго органа религіозной терпимости, озабоченнаго лишь реальными интересами. Есть и другіе, менѣе замѣтные, но характеристическіе симптомы. Въ политической литературѣ и въ заявленіяхъ политическихъ дѣятелей все чаще и опредѣленнѣе возлагается на абсолютную власть дѣятельная опека надъ бѣднымъ населеніемъ, при постоянномъ распространеніи представленія—восходящаго къ Канину новой цивилизаціи—объ *обязанностяхъ* власти относительно подданныхъ и какъ бы о невысказанномъ *договорѣ* между этими двумя элементами государства. Иные симптомы еще значительнѣе и ярче. При всемъ блескѣ и кажущемся могуществѣ абсолютизма этой эпохи, внимательный историкъ мысли констатируетъ, во все время его самаго опредѣленнаго проявленія, продолженіе той антиабсолютической литературы, которую можно прослѣдить до Канина свѣтской цивилизаціи; а въ самый расцвѣтъ этого абсолютизма на сцену исторіи выступаютъ англійскіе левеллеры со своей демократической программой.

Эти болѣзненныя явленія въ политической власти, только что одержавшей, повидимому, полную побѣду надъ своими вчерашними врагами, надъ клерикальнымъ организмомъ католицизма и надъ феодальною дробностью политическихъ и юридическихъ правъ, были обусловлены тѣмъ обстоятельствомъ, что теперь,

вслѣдствіе только-что упомянутой побѣды, измѣнилась задача государственной власти и ей приходилось считаться съ новою историческою силою, прежде едва входившей въ политическіе разсчеты, съ *буржуазіею*, вчера союзницею государственной власти въ ея политическихъ тенденціяхъ, но очень способною сдѣлаться завтра ея противникомъ. Покончено было дѣло съ феодальной іерархіей самостоятельныхъ политическихъ и юридическихъ центровъ точно такъ, какъ съ феодальнымъ городомъ. На почвѣ новой мануфактуры, новой финансовой политики и новой организаціи военныхъ силъ въ постоянныя арміи, новое государство, уже вовсе непохожее на античныя республики и имперіи, стало лицомъ къ лицу съ классомъ растущимъ по своимъ экономическимъ и интеллектуальнымъ силамъ, съ буржуазіею, работавшею сознательно надъ одною главною задачею: надъ отмѣною всѣхъ средневѣковыхъ привилегій, которыя ставили другія общественные классы выше „третьяго сословія“ т. е. выше ея, буржуазіи. Она, въ городахъ, политически уже не самостоятельныхъ, составляла главное пособіе для централизованныхъ государствъ; она доставляла имъ персоналъ для бюрократіи и полиціи, охранявшей святыню свѣтской власти, и персоналъ интеллигенціи юристовъ и литераторовъ, поддерживавшій власть своими умственными силами и продуктами, въ виду *своихъ* все яснѣе сознанныхъ классовыхъ интересовъ. Буржуазію и roture приходится уже допускать въ салоны Рамбулье въ лицѣ Вуатюра и остроумныхъ Полэ и Робино, а послѣ Фронды появляются уже салоны, принадлежащіе къ noblesse de robe и къ міру финансистовъ. Болѣе или менѣе случайныя обстоятельства могли обусловить рѣшеніе насущныхъ національныхъ вопросовъ; какъ будутъ проведены на картѣ Европы границы между самодержавными государствами? удастся ли князьямъ и курфюрстамъ Германіи сдѣлаться самостоятельными государями? въ ка-

кой мѣрѣ потомки вчерашнихъ феодаловъ достигнутъ здѣсь участія въ законодательной власти, ограничивая инниціативу монарха, и въ какой—тамъ это дворянство землевладѣльцевъ сформируется въ персоналъ придворныхъ вельможъ, правящихъ государями чрезъ фаворитовъ и фаворитокъ? какую политическую силу пріобрѣтетъ буржуазія вслѣдствіе распредѣленія преимущественно въ ея рядахъ исторической интеллигенціи? Но, внѣ этихъ мѣстныхъ вопросовъ, всюду исторія ставила предъ новою цивилизаціею, въ той или другой формѣ одинъ и тотъ же вопросъ: какъ установятся политическія отношенія между новымъ государствомъ, въ его интересахъ сильной власти, и буржуазіею, въ ея общественныхъ задачахъ, какъ экономическихъ, такъ и идейныхъ? При этомъ всѣ прочіе общественные элементы могли быть лишь или элементами, видоизмѣняющими процессъ взаимодѣйствія двухъ главныхъ общественныхъ силъ; или переживаніями пройденныхъ эпохъ, обреченными естественнымъ путемъ на вымираніе; или, наконецъ, зародышами другихъ растущихъ силъ, другихъ грозныхъ задачъ, которыя собственно возникали уже на самой зарѣ новой цивилизаціи, однако истиннаго значенія которыхъ еще никто не угадывалъ.

Но, вслѣдствіе указаннаго выше дуализма въ областяхъ мысли теоретической и практической, обусловленнаго требованіемъ свѣтскаго строя въ новомъ обществѣ, рядомъ съ перипетіями политической жизни, вызванными взаимодѣйствіемъ новаго государства и новой буржуазіи, шелъ въ этомъ обществѣ, какъ бы независящій отъ всего остального, прямолинейный и непобѣдимый процессъ завоеваній строгой научной мысли, опиравшейся на античную традицію мысли критической.

Не могла оставаться въ ея обособленности эволюція научной мысли; не могли оставаться неизмѣнными и предѣлы области, которая была ей какъ бы отме-

жована въ началѣ побѣдоноснаго шествія впередъ новой науки. Во первыхъ, философское мышленіе не могло являться чуждымъ успѣхамъ спеціальныхъ знаній и, рядомъ съ попытками построить философскія системы при пособіи метафизическихъ пріемовъ, самостоятельныя хотя и частныя обобщенія ученыхъ спеціалистовъ должны были неизбѣжно привести къ новымъ попыткамъ построить научно-философскую систему, опирающуюся на самыя спеціальныя завоеванія науки и враждебную всякой догматикѣ или метафизикѣ, что устраняло распаденіе критической мысли на спеціально-научную и философскую, распаденіе, восходившее къ эпохѣ Евклида и Архимеда съ одной стороны, вражды стоиковъ съ эпикурейцами—съ другой. Во вторыхъ, область научной и философской критики—при ихъ распаденіи, точно также какъ и при ихъ соглашеніи—должна была охватывать не только сферу высшаго математическаго анализа, всемірнаго тяготѣнія, химическихъ процессовъ, формъ и функцій живыхъ организмовъ, но также задачи индивидуальнаго и коллективнаго развитія психическихъ процессовъ, или задачи общественной солидарности, логически обязывая передовую умственную интеллигенцію рѣшить вопросъ о возможности, о необходимости и о реальной разработкѣ науки о солидарности, какъ теоретическаго пониманія этого основного соціологическаго принципа; а, вмѣстѣ съ тѣмъ, должна была направить научную критику и на задачи пониманія историческаго процесса въ его частностяхъ и въ его цѣломъ. Въ третьихъ, наконецъ, подготовленіе и, отчасти, разработка, болѣе или менѣе сознательная, соціологическихъ вопросовъ, съ самаго начала періода новой цивилизаціи заключала, въ самой постановкѣ своихъ задачъ, требованіе практическаго ихъ осуществленія. Поэтому научная критика новаго времени, въ своемъ приложеніи къ вопросамъ общественнымъ, ставила, рядомъ съ научными вопросами

о томъ, какъ понимать общество и государство, столь же научные вопросы: какъ внести въ жизнь это пониманіе? какъ передовой интеллигенціи сдѣлаться исторической силою, способною осуществить свои нравственные и общественные идеалы? какимъ образомъ совершить это осуществленіе съ наименьшимъ страданіемъ для личностей и для общества? какъ раціонально созидать будущее въ исторіи?.. Короче говоря, предъ интеллигенціей новой цивилизаціи, возникавшей изъ бурной переходной эпохи Возрожденія, исторія ставила съ логическою необходимостью вопросъ о подготовленіи и созданіи соціологіи какъ науки и какъ практическаго ученія, и о пониманіи исторіи.

Прежде всего дѣло шло, для новаго времени, о принципахъ научнаго мышленія, о его методахъ, позже — и о его области. Для высшихъ теоретическихъ умовъ переходной эпохи — о принципахъ и методахъ въ этой области не могло быть уже рѣчи. Критическая мысль въ ея требованіяхъ научныхъ пріемовъ мышленія выработалась въ античномъ мірѣ съ полною опредѣленностью. Но ходъ событій отодвинулъ ее на задній планъ и масса усвоила лишь конкретные ея результаты: требованія универсализма и жизни по убѣжденію [1], какъ будто эти начала могли быть ясно поняты и практически осуществлены помимо критической мысли; какъ будто конкурренція интересовъ — главный двигатель событій въ продолженіи всей прежней исторической жизни — могла быть устранена изъ хода исторіи лишь потому, что и универсализмъ и нравственныя требованія заявляли себя враждебными этому историческому двигателю. Интересы, несоглашенные съ теоретическимъ ученіемъ, восторжествовали и должны были восторжествовать. Именно это было одною изъ главныхъ причинъ, которыя привели къ неудачѣ попытки создать прочную средневѣковую куль-

---

[1]) См. стр.: 187 и слѣд.

туру. Теперь наслѣдіе критической мысли античнаго міра именно въ спеціальныхъ областяхъ точныхъ наукъ воскресало не только безпрепятственно, но при покровительствѣ обоихъ историческихъ силъ эпохи: и растущая свѣтская власть и отстаивающій свои переживанія организмъ католицизма или протестантизма видѣли въ ученыхъ спеціалистахъ помощниковъ *своимъ* интересамъ, удобныхъ здѣсь для придумыванія новаго календаря, тамъ для прочтенія шифрованной переписки, еще чаще для цѣлей, связанныхъ съ фантазіями алхимиковъ и астрологовъ. Но именно въ послѣднемъ случаѣ возникалъ предъ интеллигенціей спеціалистовъ вопросъ уже гораздо болѣе спорный: какъ далеко шла область критически-достовѣрной науки? Принадлежали ли къ ней эти *тайныя* знанія, которыми наиболѣе интересовались Средніе Вѣка? Этотъ спеціальный вопросъ рѣшался отрицательно при помощи яснаго пониманія научныхъ методовъ. Но можно ли было научными пріемами разрабатывать другія области внѣшняго міра? Чтобы въ XIX в., по логическому ходу творчества общественныхъ формъ, могъ быть — какъ только что было указано — поставленъ вопросъ о научной постройкѣ *соціологіи*, необходимо было, чтобы до того возникла научная психологія индивидуальная и коллективная. Для выдѣленія этой области изъ метафизической сферы споровъ о невещественныхъ сущностяхъ, необходимо было широкое развитіе науки о явленіяхъ жизни и о группировкѣ живыхъ существъ. Но это, въ свою очередь, предполагало переходъ отъ фантазій алхимиковъ къ точной химіи. Въ самой основѣ всѣхъ этихъ рядовъ розысканій должно было лежать ясное и широкое понятіе о механикѣ съ ея общими міровыми принципами; съ ея приложеніемъ къ астрономіи, гдѣ приходилось бороться противъ догматическихъ и метафизическихъ переживаній; наконецъ съ ея разнообразными приложеніями къ физикѣ въ различныхъ областяхъ послѣд-

ней. Короче говоря, чтобы оказалась возможною въ наше время даже постановка задачи о соціологіи какъ наукѣ съ присущею ей общественною техникою, новая свѣтская цивилизація должна была выработать, въ продолженіи трехъ вѣковъ, цѣлый рядъ наукъ о внѣшнемъ мірѣ и о человѣкѣ, притомъ наукъ не только спеціализированныхъ, но составляющихъ связное и стройное цѣлое. Исторія ставила въ началѣ XVII-го вѣка предъ интеллигенціей новаго времени старинную задачу универсалистической мысли: создать „общечеловѣческое нравственное ученіе, опирающееся на философское міросозерцаніе, но уже на міросозерцаніе вполнѣ *свѣтское;* т. е. дѣло шло о подготовкѣ и о постройкѣ зданія *научной философіи*, какъ пониманія міра въ его цѣломъ на почвѣ спеціальнаго знанія, при чемъ лишь подобная научная фалософія могла лечь въ основу соціологіи, какъ науки.

И вотъ въ средѣ новой цивилизаціи, рядомъ съ ея театральною обрядностью п оклоненія свѣтской власти при версальскомъ дворѣ и около подражателей короля-солнца, рядомъ съ волненіями пуританъ и кавалеровъ или Фронды, какъ бы въ особомъ мірѣ совершается міровой процессъ роста научной мысли въ продолженіи столѣтія, которое начинается работами Галилея и кончается трудами Ньютона и Лейбница, съ логическою необходимостью устанавливая послѣдовательныя ступени пониманія міра, какъ механической системы; и съ такою же логическою необходимостью первымъ же физіологическимъ открытіемъ Гэрвея обусловливаются и методы розысканія и вся позднѣйшая эволюція физіологіи. Этотъ міръ чисто-спеціальныхъ работъ, въ которыхъ соперничаютъ отдѣльныя личности и организующіяся ученыя общества „свѣтскаго духовенства“ новой цивилизаціи, обособленъ, повидимому, отъ попытокъ создать общечеловѣческое нравственное ученіе на почвѣ философскаго міросозерцанія. Эти два теченія какъ бы сознательно

стремятся остаться чуждыми одно другому. Мало общаго между Декартомъ „Рѣчи о методѣ“ или „вихрей“ и Декартомъ аналитической геометріи, или между Лейбницемъ „предустановленной гармоніи“ и „теодицеи“ и Лейбницемъ дифференціальнаго исчисленія. Какъ бы забыта людьми строгой мысли старинная историческая задача античной мудрости и религіознаго апостольства: соединить пониманіе существующаго съ ученіемъ жизни. Философія, сохранившая заботу объ этой задачѣ, становится какъ бы чужда именно точной наукѣ. Послѣдняя идетъ по пути къ научно-философскому міросозерцанію какъ бы игнорируя и вопросы объ отношеніяхъ личности къ обществу и къ государству и даже вообще вопросы жизни, и предоставляя формамъ власти устанавливаться и разрушаться, законодательствамъ и процессамъ борьбы классовъ идти своимъ порядкомъ, въ то время какъ телескопъ, микроскопъ, химическіе вѣсы и новые способы математическаго вычисленія уясняютъ академикамъ и отдѣльнымъ ученымъ все новыя задачи внѣшняго міра. Философскія работы этого періода насквозь проникнуты еще не пытающимся даже выдѣлиться изъ нихъ элементомъ метафизики. Однако, внимательно вглядываясь въ построенія, которыми Гоббзъ или Спиноза, а позже Локкъ и Лейбницъ пытаются рѣшить великую философскую задачу, унаслѣдованную ими отъ періода универсалистическаго вѣрованія, историкъ мысли не можетъ уже устранить само собою предъ нимъ возникающее требованіе—трудное, однако не неразрѣшимое—именно требованіе открыть въ работахъ героевъ философской мысли XVII-го вѣка и несознанные зародыши и сознательное подготовленіе той чисто-научной философіи, на которую направлены здоровыя усилія философской мысли нашего времени и для которой матеріалъ тогда накоплялся все въ большемъ количествѣ въ обсерваторіяхъ ученыхъ спеціалистовъ.

Логическая необходимость вывода послѣдствій изъ

существующихъ данныхъ непозволяла ни критическому мышленію ограничиться тою областью фактовъ, чуждыхъ жизненнымъ вопросамъ, которая одна была какъ бы отмежована для республики ученыхъ въ первую эпоху ея существованія, ни научному мышленію остаться достояніемъ немногочисленнаго „свѣтскаго духовенства“ спеціалистовъ, ни мысли научной окончательно обособиться отъ мысли философской.

Канунъ новой цивилизаціи поставилъ уже довольно рѣзко въ области мысли нѣкоторые новые вопросы творчества общественныхъ формъ, какъ политическихъ такъ и экономическихъ. Методы рѣшенія этихъ вопросовъ въ эту эпоху были случайны и эмпиричны, какъ оно и не могло быть иначе при господствѣ энергическаго индивидуализма и при отсутствіи яснаго пониманія отношенія личности къ обществу. Но къ этимъ вопросамъ не могли уже не возвращаться мыслители. Они къ нимъ и возвращались, идя все глубже и глубже въ ихъ рѣшеніи, пользуясь для попытокъ этого рѣшенія все большимъ числомъ констатируемыхъ фактовъ, при чемъ самая постановка сегодня одного изъ этихъ вопросовъ влекла за собою завтра съ логическою необходимостью постановку другого интеллигенціею данной эпохи. Приходилось все опредѣленнѣе констатировать разницу понятій государства и общества и слѣдовало, во первыхъ, уяснить отношеніе между ними, отношеніе между властью и источникомъ этой власти. Необходимо было, во вторыхъ, для оцѣнки этой власти, установить требованія, которыя передъ ней ставила исторія съ тѣмъ бо́льшею обязательностью, чѣмъ эта власть была неограниченнѣе. Рядомъ съ этими возникающими задачами общественной мысли, мысль критическая новаго періода, выступая въ области философіи, обнаружила нѣсколько различныхъ теченій, особенности которыхъ должны были опредѣленнѣе установиться впослѣдствіи. Независимо отъ національныхъ различій работали нѣкоторые уединенные умы, созидавшіе новыя

метафизическія системы, въ болѣе или менѣе ясной связи съ научными трудами эпохи (Декартъ, Спиноза, Лейбницъ). Въ Англіи, философскія построенія носятъ на себѣ уже совершенно-опредѣленно (у Гоббза, Локка) слѣдъ борьбы политическихъ партій; но это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что тамъ политическія заботы шире распространялись въ большинствѣ населенія, и государственныя катастрофы совершались подъ вліяніемъ экономическаго роста класса землевладѣльцевъ въ политической борьбѣ противъ него столь же сильно растущей буржуазіи.

Всѣ указанныя здѣсь теченія мысли въ своей совокупности вели неизбѣжно въ сферѣ творчества общественныхъ формъ, къ наступленію *второй эпохи* періода новой свѣтской цивилизаціи. На рубежѣ между первою и второю эпохою періода, историкъ мысли, можетъ быть, въ правѣ констатировать фактъ появленія въ невиданныхъ до тѣхъ поръ размѣрахъ популяризующей литературы и—едва ли не въ тѣсной связи съ этимъ фактомъ—появленіе одного изъ тѣхъ коллективныхъ поднятій духа, которые создаютъ аффективную солидарность личностей тамъ, гдѣ нѣтъ достаточно причинъ для солидарности фатальной въ организмѣ, единство котораго установилось автоматично, точно также какъ отсутствуетъ въ коллективности достаточное развитіе для установленія солидарности сознательной [1]). Въ святынѣ власти, имѣвшей отчасти мистическій характеръ, совершилась теперь метаморфоза: эта власть уже не святыня по самой своей сущности, но идеалъ исторической силы, способной—потому лишь, что она *сила*—осуществить идейныя требованія, которыя ставитъ ей потребность развитія, составляющаго наслажденіе для интеллигенціи, тогда какъ для культурныхъ дикарей эти требованія сдѣлались модою. На наступившей ступени пониманія государственныхъ задачъ,

---

[1]) См. стр. 32 и слѣд.

обязанности власти все болѣе заслоняютъ ея *права*. Служеніе силѣ, которая *одна* способна, по мнѣнію почти всей интеллигенціи эпохи, вести общество по пути „просвѣщенія“ и „народнаго блага“, представляется обязанностью для личности, но не потому, чтобы это была святыня или просто механическая сила, а потому, что она осуществляетъ задачу просвѣщенія, вноситъ въ жизнь тотъ идеалъ правового и разумнаго общежитія, который теперь есть идеалъ всякаго члена передовой интеллигенціи. Надъ властью, которой служитъ эта интеллигенція, она устанавливаетъ идейный контроль, который въ будущую эпоху, самымъ естественнымъ образомъ перейдетъ въ требованіе контроля реальнаго. Волна энтузіазма, вызваннаго идейными стремленіями, поднимаетъ эту интеллигенцію. Законъ стремится сдѣлаться дѣйствительно „писаннымъ разумомъ“, но уже не по античному преданію, а какъ право *естественное;* во имя нравственныхъ началъ, въ него вносимыхъ просвѣтителями въ силу своего индивидуальнаго пониманія и убѣжденія. Уединенные мыслители пишутъ конституціи для народовъ и обдумываютъ „общественный договоръ“. Поднимается протестъ противъ пытки и противъ смертной казни. Слышатся уже разсужденія о „правахъ человѣка“. Создается идеалъ *просвѣтительной бюрократіи*—съ которой какъ бы отождествляется представленіе о прогрессивной интеллигенціи,—бюрократіи, руководящей обществомъ. Возникаетъ иллюзія, что интеллигенція просвѣтителей многочисленна, потому что мода побуждаетъ примыкать къ ея рядамъ дикарей новой культуры, вовсе недоступныхъ задачѣ развитія. Создается и другая иллюзія, что деспоты-просвѣтители, министры-реформаторы составляютъ *прочную* силу, такъ какъ ихъ дѣятельность поддержана лучшими идейными силами. Но, въ сущности, болѣе сложный и болѣе радикальный процессъ скрывается подъ процессомъ видимымъ. Непрочный и временный характеръ имѣетъ связь между передовою ин-

теллигенціею и просвѣтительною властью, точно также какъ идейный подъемъ въ большинствѣ классовъ господствующихъ или способныхъ сдѣлаться господствующими. Передовая интеллигенція проникнута большею частью искреннимъ энтузіазмомъ къ реформамъ въ виду созданія правоваго и разумнаго общежитія. Господствующіе классы увлечены модою, неимѣющею прочнаго основанія ни въ ихъ интересахъ, ни въ ихъ развитіи. Власть же, даже въ своихъ наиболѣе интеллигентныхъ представителяхъ, высказываетъ свою волю „служить народу“, но опекая его въ виду его блага; она стремится вносить въ государственный строй реформы, благодѣтельныя для общества, но помимо всякой иниціативы „народа“. Внимательный историкъ мысли здѣсь констатируетъ сознаваемое интеллигенціею свое право критики въ приложеніи и къ моднымъ идеаламъ, и къ мѣрамъ народной опеки, и къ формамъ власти, такъ какъ во всѣхъ этихъ областяхъ дѣло идетъ объ идеалахъ личныхъ и общественныхъ, выработанныхъ *самою интеллигенціею,* все яснѣе усвоивающею сознаніе, что она есть историческая сила или должна сдѣлаться подобною силою; власть же деспотовъ-просвѣтителей сохраняетъ свое высокое значеніе потому лишь, что она, по мнѣнію интеллигенціи этой эпохи, *единственное* средство для воплощенія въ жизнь идеаловъ этой же интеллигенціи. Но это право критики прилагается все шире и становится все болѣе опаснымъ для идеала власти, опекающей „народъ“ въ виду его облагодѣтельствованія помимо всякой его иниціативы. И популяризующая литература и завоеванія науки, и постройка философскихъ системъ, и практическія задачи, возникающія предъ обществомъ, становятся все болѣе элементомъ литературы боевой, которая опять таки распространяется на всѣ европейскія страны, какъ общее теченіе времени. Крикъ „ecrasez l'infame“, направленный противъ соперниковъ свѣтскаго государства, вызываетъ подражаніе и въ другихъ областяхъ обществен-

ной жизни. Представителями власти, на которую исторические теченія и требованія передовой интеллигенціи возлагаютъ обязанность стоять во главѣ реформъ, являются не только Петръ I, Фридрихъ II или Іосифъ австрійскій, но также Людовики XV или Августы саксонскіе, служеніе которымъ трудно было признать дѣломъ просвѣщенія и прогресса. Понятіе о бюрократіи, руководящей обществомъ, находилось въ полномъ противурѣчіи съ естественнымъ стремленіемъ буржуазіи—доставлявшей весь персоналъ этой бюрократіи—господствовать, какъ классъ, устраняя не только привилегіи средневѣковыхъ сословій, но и исключительное положеніе администраціи, какъ органа власти, имѣющаго свои обособленные интересы. Возникаютъ роковые вопросы: можетъ ли государственная власть въ той формѣ, которую она выработала въ послѣднюю треть XVIII-го вѣка, съ наличными ея традиціями и съ созданной ею бюрократіей, быть органомъ истиннаго просвѣщенія или реформъ, осуществляющихъ благо народное? Можетъ ли вообще это благо быть осуществлено безъ иниціативы самого народа? Въ какой формѣ, наконецъ, эта иниціатива можетъ и должна проявиться, если приходится отказаться отъ мечты о благодѣтельной и просвѣтительной власти, дѣйствующей путемъ бюрократіи на массы?

Эти вопросы приходилось рѣшать въ эпоху, когда отношеніе двухъ главныхъ историческихъ силъ этого времени—государственной власти и буржуазіи—существенно измѣнилось; измѣнилось и отношеніе научныхъ работъ къ жизненнымъ вопросамъ. Буржуазія не нуждалась уже, въ виду своихъ экономическихъ и культурныхъ интересовъ, въ покровительствѣ власти, какъ общественной святыни, или даже какъ самостоятельной силы, независимой отъ буржуазіи и имѣющей возможность, помимо ея, поддерживать новые общественные элементы. Буржуазія все болѣе проникалась сознаніемъ, что именно она—общественная сила, вовсе

ненуждающаяся въ опекѣ власти, но для которой государственныя средства должны служить оружіемъ; что она, какъ представитель „народа“—о которомъ такъ заботились будто-бы и деспоты-реформаторы, и ихъ просвѣтительная бюрократія—можетъ переработать формы государства во имя идеи народнаго самоуправленія. Историкъ мысли едва ли можетъ усомниться, что тому поднятію общественнаго духа и тому политическому энтузіазму, на которые было указано выше, во многомъ содѣйствовало обстоятельство, что именно во второй половинѣ XVIII-го вѣка буржуазія все болѣе проникалась сознаніемъ своей силы политической, какъ сословія, составляющаго почти весь персоналъ государственныхъ дѣятелей; своей силы экономической, какъ класса, чрезъ руки котораго переходила большая часть движимыхъ общественныхъ богатствъ; наконецъ, своей силы интеллектуальной, какъ общественнаго слоя, доставлявшаго почти весь персоналъ ученыхъ, мыслителей, художниковъ, литераторовъ, и создавшаго для нихъ центры цивилизаціоннаго вліянія, оппозиціонные придворнымъ кружки въ буржуазныхъ салонахъ. Къ этому присоединялась въ ней вполнѣ искренняя въ эту эпоху иллюзія, что она, буржуазія, дѣйствительно представительница интересовъ массъ.

Къ этому фазису эволюціи буржуазіи, какъ самостоятельной общественной силы, приходится, по видимому отнести и особенную форму универсализма, психологически тѣсно связанную съ представленіемъ о всемірной интеллигенціи просвѣтителей, интересующейся лишь общимъ развитіемъ, одинаково доступнымъ всему господствующему и состоятельному классу, игнорируя пасынковъ цивилизаціи, фатально обреченныхъ, въ эту эпоху своимъ прошлымъ на различныя культурныя формы и на національную разницу. Это былъ *космополитизмъ* „граждапъ міра“, торговцевъ всемірнаго рынка, проникнутыхъ убѣжденіемъ, что они—все дѣйствительное человѣчество. На этой идейной почвѣ въ XVIII-мъ вѣкѣ возникъ космополитическій союзъ „вольныхъ каменьщиковъ“, масоновъ, оказавшій временно не малое вліяніе и на политическое движеніе революціонной эпохи, но имѣвшій особенную важность какъ явленіе свѣтское и опредѣленно-оппозиціонное союзамъ церков-

нымъ всѣхъ наименованій, и потерявшій всякое серьёзное значеніе въ новѣйшую эпоху, когда ему противуположился иной универсализмъ въ формѣ *интернаціонализма* рабочихъ всѣхъ странъ и націй, и когда затѣмъ послѣдовала борьба *этого* интернаціонализма съ интернаціонализмомъ всемірныхъ комерсантовъ, индустріалистовъ и биржевыхъ спекуляторовъ, не имѣющихъ уже ничего общаго съ „гражданами міра“ XVIII-го вѣка,

Можетъ быть сильный толчекъ въ направленіи къ только что упомянутой эволюціи буржуазіи дали экономическія катастрофы, имѣвшія мѣсто уже въ началѣ XVIII вѣка, а также безобразія колоніальной политики. Эти явленія обнаружили воочію значеніе экономическихъ процессовъ, передъ которыми законодательство оказывалось большею частью безсильнымъ, но которые вносили въ жизнь общества самыя радикальныя потрясенія. Критическая мысль обратилась на экономическіе вопросы. Въ глазахъ мыслителей-экономистовъ, деньги потеряли то значеніе, которое имъ передъ этимъ приписывали и теоретики и государственные люди. На смѣну меркантилизма выступаютъ съ попыткою рѣшить экономическій вопросъ о благѣ народовъ и о государственныхъ задачахъ сначала физіократы, а вслѣдъ за тѣмъ классическіе экономисты. Работа экономической мысли еще оживляется, когда, рядомъ съ борьбою экономическихъ теорій, совершается поразительный чисто-реальный процессъ перехода мануфактуръ въ фабрики и заводы; возникаетъ громадная новая *машинная* техника; формы производства претерпѣваютъ радикальныя измѣненія; создаются массы пролетаріата въ то самое время, какъ въ рукахъ индустріальныхъ предпринимателей концентрируются богатства, не только не уступающія тѣмъ, которыя въ предшествующую эпоху оказывались въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, торговыхъ магнатовъ или индійскихъ набобовъ, но богатства болѣе прочныя, такъ какъ они имѣли теперь неустранимую реальную основу: это была потребность въ работѣ у милліоновъ пролетаріевъ, приносящихъ на рынокъ свои руки; это была добавочная стоимость ими

создаваемая чуть ли не во всѣхъ формахъ ихъ индивидуальнаго труда.

Этотъ ростъ буржуазіи, какъ общественной силы, и связанный съ нимъ переворотъ въ формахъ производства и въ раздѣленіи классовъ не могъ не оказать вліянія и на другія области работы мысли. Продолжалось указанное выше прямолинейное развитіе точныхъ наукъ, которое, какъ разъ къ эпохѣ политическихъ бурь во Франціи, создавало новую химію и, при помощи ея, давало болѣе прочную почву научной біологіи. Это новое широкое развитіе наукъ, ранѣе признанныхъ точными, рядомъ съ усиливающимися попытками научно-обработать вопросы экономическіе и съ неуклонною необходимостью обратить вниманіе теоретиковъ на громадныя техническія завоеванія эпохи, способствовало и стремленію къ популяризаціи всѣхъ наличныхъ вопросовъ теоретическихъ и практическихъ, стремленію, на которое было указано выше, какъ на характеристическую черту эпохи. „Энциклопедія“ Дидро была для этой эпохи знаменательнымъ памятникомъ умственной революціи, въ процессѣ которой ученые спеціалисты добровольно или невольно отрѣшились отъ своего исключительнаго положенія „свѣтскаго духовенства“, нашли почву сближенія съ умственными потребностями профановъ, и поставили самую широкую популяризацію всѣхъ знаній и всякаго пониманія какъ цѣль для знающихъ и понимающихъ. Но при этомъ произошло—если не въ мірѣ науки, то въ мірѣ ученыхъ—еще иное явленіе, тѣсно связанное съ революціей въ области производства. Научныя завоеванія механики, физики и химіи направились въ значительной мѣрѣ весьма опредѣленно на техническія цѣли, что̀, съ одной стороны, способствовало той экономической централизаціи богатствъ въ рукахъ индустріальныхъ предпринимателей, о которой только что говорилось; съ другой же вызывало въ умахъ личностей, занимающихся точными науками, особенное направленіе этихъ

занятій; дѣло шло уже не объ открытіи новыхъ истинъ, какъ о жизненной цѣли, имѣющей свою самостоятельную цѣнность и возвышающей личное достоинство ученаго; но объ экономической выгодѣ новаго открытія и для того промышленника, который воспользуется новой истиной, и для спеціалиста, сдѣлавшаго открытіе, допускающее подобную эксплуатацію. Наука не измѣнила своего прямолинейнаго логическаго хода къ расширенію и укрѣпленію своей территоріи. Но, рядомъ съ ученымъ-мыслителемъ, все въ бо́льшемъ числѣ, въ тѣхъ же академіяхъ и ученыхъ обществахъ, на тѣхъ же конгрессахъ спеціалистовъ, все росло число ученыхъ-индустріалистовъ, для которыхъ экономическая сторона ихъ научной работы стала на первомъ планѣ и которые были способны скрыть или даже исказить ясную имъ истину, если это оказывалось полезнымъ въ виду ихъ личныхъ экономическихъ интересовъ и ихъ общественнаго положенія. Само собою разумѣется, что это самое явленіе обнаруживалось еще чаще и знаменательнѣе въ области вырабатывающихся общественныхъ наукъ, подготовлявшихъ соціологію; чаще и знаменательнѣе потому, что тутъ и пріемы критики не были на столько установлены, чтобы лжеученое соображеніе было бы такъ же легко обличить какъ въ химіи или въ физіологіи; и сознанные интересы конкурировали съ бо́льшею энергіею.

Въ связи съ предъидущимъ можно сказать, что всѣ условія жизни второй эпохи періода новой свѣтской цивилизаціи, именно эпохи просвѣтительной дѣятельности, направленной на сближеніе серьезной и боевой интеллигенціи съ большинствомъ обезпеченныхъ классовъ, вызывали довольно естественно два явленія въ области мысли: во первыхъ, при атрофіи прежняго меценатства, произошло пониженіе эстетическаго уровня художественнаго творчества, которое теперь принимало на себя преимущественно роль орудія идейной пропаганды; во вторыхъ, объединяющее мышленіе обрати-

лось на насущные вопросы дня, при чемъ самый терминъ философіи усвоилъ смыслъ болѣе практически-боевой, чѣмъ умозрительный; главною задачею ея становилась борьба противъ средневѣковыхъ переживаній оружіемъ сенсуализма, деизма и матеріализма.

Для внимательнаго историка мысли при нынѣшнемъ состояніи знанія и пониманія, предъ только что указанными революціями въ области техники, экономическихъ явленій и экономическихъ теорій, наконецъ въ отношеніи научной мысли къ вопросамъ практическимъ и жизненнымъ, какъ бы блѣднѣютъ самыя яркія событія этой эпохи; между тѣмъ здѣсь, предъ историкомъ мысли, одна изъ самыхъ бурныхъ эпохъ человѣческой исторіи, съ которой многіе мыслители находятъ нужнымъ начинать какъ бы новый періодъ исторіи политической. Въ сущности, именно въ политическомъ смыслѣ, едва ли не вѣрнѣе смотрѣть на эту эпоху, какъ на прямое продолженіе предъидущей, только при обстановкѣ радикально-измѣнившейся. Задача новаго свѣтскаго государства осталась та-же: путемъ измѣненія *его* формъ и *его* законодательства творчество этихъ общественныхъ формъ пыталось идти по пути прогресса. Только теперь это прогрессивное общественное творчество отказалось отъ надеждъ употреблять, какъ единственное возможное оружіе, неограниченную власть Помбаля или олигархическаго парламента Англіи конца XVIII-го вѣка, а обратилось къ оружію народнаго самоуправленія, народной воли, демократіи. Не измѣнилась и основная общественная сила, обусловливавшая и внѣшность событій и ихъ дѣйствительное содержаніе: этою силою оставалась та самая буржуазія, которая въ концѣ Среднихъ вѣковъ и въ Канунъ новой исторіи доставила свѣтскому абсолютизму возможность подавить сословный феодализмъ въ интересахъ *ея*, буржуазіи; которая стала подъ знамя деспотовъ-просвѣтителей, осуществлявшихъ государственною силою *ея* задачи, *ея* идеи. Только теперь она выступала въ роли

самоуправляющагося народа, разбивая на куски ту самую власть, которой она вчера служила, ломая то самое орудіе, которое вчера считалось необходимымъ, а теперь оказалось негоднымъ для цѣлей опять таки *ея*, буржуазіи. Дальнѣйшему ходу событій приходилось показать, было ли достаточно для историческаго прогресса новое политическое орудіе, которое служило къ созданію новаго царства буржуазіи, ничѣмъ уже не стѣсненной и пытавшейся создать новую прочную культуру, именно культуру капиталистическую.

Однако, какъ ни посмотритъ историкъ мысли на политическое значеніе этой эпохи — какъ на начало радикально-измѣнившагося ряда событій или какъ на продолженіе прежняго ихъ хода въ рѣзко-измѣненной формѣ,—во всякомъ случаѣ *третья эпоха* періода новой свѣтской цивилизаціи характеризована, въ своихъ внѣшнихъ формахъ, цѣлою группою самыхъ крупныхъ политическихъ катастрофъ, заслонившихъ, по своей драматичности, предъ глазами многихъ мыслителей, болѣе существенное значеніе одновременной технической, экономической и умственной революціи, о которой сказано предъ этимъ. Тогда впервые, на почвѣ сознаннаго, обсуждаемаго и легально-постановленнаго договора, возникла за океаномъ могущественная федеральная республика, въ которой до сихъ поръ цѣлыя группы мыслителей готовы видѣть политическій идеалъ нашего времени; государство, построенное буржуазною интеллигенціею страны, устраняя сразу то сословное политическое различіе, которое тяготѣло, какъ переживающая традиція, надъ буржуазіею всѣхъ странъ Европы. Тогда въ небольшое число лѣтъ на почвѣ Франціи историкъ творчества общественныхъ формъ отмѣчаетъ бурный рядъ политическихъ опытовъ, смѣну конституцій, въ которыхъ политическіе энтузіасты воплощали свои— большею частью смутно понятые—политическіе идеалы, принося имъ въ жертву самыхъ близкихъ союзниковъ, навязывая ихъ народамъ, въ которыхъ готовность къ

воплощенію этихъ идеаловъ была еще очень сомнительна, и окончательно приводя вчерашнихъ политическихъ энтузіастовъ къ безобразію новаго цезаризма, къ смѣнѣ политическаго энтузіазма столь же полнымъ политическимъ разочарованіемъ, индифферентизмомъ и упадкомъ духа; и оставляя слѣдующей эпохѣ, какъ результатъ грозныхъ политическихъ бурь, лишь фактъ господства буржуазіи какъ экономической, политической и идейной силы, со всѣми особенностями, обусловленными этимъ фактомъ. Тогда — какъ бы въ видѣ доказательства отъ противнаго — стерто было съ политической карты Европы и государство, думавшее, въ своемъ шляхетскомъ и сеймикократическомъ строѣ, обойтись безъ буржуазіи; оно исчезло рядомъ съ многочисленными болѣе слабыми представителями феодальныхъ переживаній. Тогда и на самой прочной въ западной Европѣ политической почвѣ, именно на почвѣ Англіи, началось радикальное движеніе противъ стараго парламента, не дававшаго достаточно почвы для буржуазіи, ростъ которой былъ именно здѣсь наиболѣе могущественъ; движеніе, которое должно было повести къ ряду реформъ все болѣе радикальныхъ и все болѣе демократическихъ.

Подъ совокупнымъ вліяніемъ экономическихъ, политическихъ и научныхъ переворотовъ и перипетій, охватывавшихъ и эпоху вѣры въ просвѣтительный и опекающій абсолютизмъ и эпоху попытокъ самоуправленія народа, какъ единаго общественнаго цѣлаго, совершалась работа мысли и въ другихъ сферахъ, именно въ сферѣ эстетическаго и философскаго творчества. Но именно здѣсь приходится внимательно отличать и разницу эпохъ и разницу подготовленности той или другой страны къ совершающемуся движенію въ области мысли. Въ канунъ революціонной эпохи историкъ мысли констатируетъ, что энтузіазмъ интеллигенціи былъ исключительно направленъ на борьбу съ переживаніями, на практическіе жизненные вопросы о власти и о личной иниціативѣ, на теоретическія и реальныя задачи

буржуазіи въ ея соперничествѣ съ бюрократіею и съ переживаніями феодализма, въ ея стремленіи стать господствующею общественною силою. Наиболѣе сильные умы были отвлечены иными заботами отъ требованій правдивости или патетичности въ искусствѣ и въ литературѣ, или видѣли въ послѣдней лишь средство для идейныхъ цѣлей. Атрофировалось творчество предшествующей эпохи, обусловленное меценатствомъ власти и служеніемъ ей какъ святынѣ; однако традиціямъ этой формы псевдо-классическаго творчества продолжаютъ служить представители литературы и искусства, какъ модѣ, противъ которой не находила нужнымъ бороться интеллигенція; создавалась, какъ литературное оружіе, лишенная всякой художественной правдивости форма сантиментализма, плаксивой буржуазной драмы. Въ работахъ объединяющей мысли, направленной на господствующія заботы эпохи, интересъ къ популяризаціи, къ умноженію арміи просвѣтителей — какъ по убѣжденію, такъ и по модѣ — заслонялъ интересъ къ глубокому и широкому мышленію: противъ „стараго режима“ удобнѣе было бороться не оружіемъ сложныхъ умозрѣній, а оружіемъ „здраваго смысла“. Но именно въ этой области мысли произошелъ вслѣдъ за тѣмъ переломъ, на первый взглядъ поразительный. Когда эпоха служенія существующей власти, какъ средству воплощенія въ жизнь идей передовой интеллигенціи, смѣнилась эпохою попытки пересоздать форму власти, такъ чтобъ послѣдняя могла сдѣлаться дѣйствительно средствомъ для указанной общественной цѣли, то лишь перипетіи возвышенія и пониженія общественнаго духа при ходѣ дальнѣйшихъ событій могутъ объяснить историку новѣйшей мысли одно довольно крупное явленіе: именно возрожденіе сначала въ Германіи а потомъ и въ другихъ странахъ Европы, творчества художественнаго и творчества философско-метафизическаго въ самую эпоху революціонныхъ бурь во Франціи и въ эпоху непосредственно за этимъ послѣдовавшую. Вообще, если историкъ мысли охватитъ

въ своемъ обзорѣ общій ходъ работы эстетической и философской мысли за весь періодъ новой свѣтской цивилизаціи, то ему довольно трудно разглядѣть, что въ главныхъ литературныхъ, художественныхъ и философскихъ продуктахъ разныхъ эпохъ принадлежитъ тому или другому изъ общественныхъ теченій, или проявляющихся одновременно, или быстро смѣняющихъ другъ друга, или вступающихъ одно съ другимъ въ разнообразныя комбинаціи. Здѣсь кое что восходитъ еще къ вліянію отношенія къ свѣтской власти какъ къ самостоятельной святынѣ въ лицѣ монарха или въ формѣ правоваго общественнаго строя; другое—къ просвѣтительной тенденціи при помощи той-же власти, но обратившейся, по собственному пониманію, въ слугу общества, имъ опекаемаго; третье объясняется приливомъ общественнаго энтузіазма въ процессѣ перестройки политическаго міра собственной иниціативой народа. Въ нѣкоторыхъ явленіяхъ этой области проявляется уже позднѣйшая эпоха политическаго разочарованія и индифферентизма: мыслители предоставляютъ экономической конкурренціи создавать и разрушать громадные капиталы; вырабатывается въ обществѣ жажда утонченнаго комфорта, прикрываемая лицемѣрными фразами о великихъ идеалахъ, въ которые всего менѣе вѣрили тѣ, кто выставлялъ эти идеалы на своемъ знамени, проникаясь, въ сущности, все болѣе убѣжденіемъ въ невозможности удовлетворить какимъ бы то ни было путемъ *высшія* потребности человѣка. Кое что, наконецъ, въ области литературы, искусства и философіи или было уже прямо обусловлено начинающеюся борьбою противъ капитализма, или, независимо отъ этого боевого мотива, приходило къ рѣзкимъ нападеніямъ на формы современной жизни, или, хотя бы косвенно, поддерживало враговъ капитализма, подрывая самостоятельными путями его основныя тенденціи и аргументы, выставляемые въ пользу его. Но едва ли менѣе трудно этому историку мысли разобраться въ сложныхъ и какъ бы

противоположныхъ проявленіяхъ работы мысли, одновременно характеризующихъ эпоху, которую принято многими называть эпохою „революціонною“. Можетъ быть всего вѣрнѣе объяснить хронологическое сосуществованіе этихъ теченій общимъ поднятіемъ духа въ европейскомъ обществѣ, вызвавшемъ энтузіазмъ передовой интеллигенціи, но направившимъ этотъ энтузіазмъ на разныя области мысли вслѣдствіе различія психическихъ типовъ національностей и разницы ихъ политической подготовки.

На почвѣ Франціи этотъ энтузіазмъ направился естественнымъ путемъ на перестройку политическихъ формъ, перестройку насильственную, отчасти искуственную, и, во всякомъ случаѣ, опиравшуюся на весьма недостаточное пониманіе экономическихъ и культурныхъ затрудненій общественной задачи, поставленной исторіей предъ интеллигенціей: соотечественникамъ Дантона и Робеспьера некогда было удѣлять заботы на эстетическое и философское творчество и они оставались вѣрными переживаніямъ псевдо-классицизма въ литературѣ и философіи, „здраваго смысла“ въ умозрѣніяхъ; но недостаточная ясность цѣлей, изъ за которыхъ они боролись и губили другъ друга, могла довольно логически привести, при наступившихъ политическихъ разочарованіяхъ, къ упадку общественнаго духа, смѣнившему политическій энтузіазмъ, и къ тому деморализующему общественному настроенію, которое сдѣлало возможнымъ наполеоновскій цезаризмъ. Этотъ же упадокъ духа подготовилъ послѣдовавшія затѣмъ тенденціи буржуазной культуры съ ея враждебностью всякой „идеалогіи“ и съ концентрировкою главной работы мысли ея интеллигенціи на способахъ личнаго обогащенія вообще (что̀ воплотилось въ пресловутый, хотя, по всей вѣроятности, миѳическій — призывъ Гизо: Enrichissez Vous) и, въ особенности, на почвѣ гигантскихъ успѣховъ техники.

Въ Германіи къ подобнымъ взрывамъ политическаго

энтузіазма не было вовсе подготовленной почвы ни въ привычкахъ личной мысли, ни въ учрежденіяхъ. Но ходъ событій позволилъ выработаться общественному классу духовныхъ и свѣтскихъ педагоговъ, которые сплачивались въ многочисленныхъ университетахъ въ небольшія группы, солидарныя по своимъ умственнымъ тенденціямъ и имѣвшія досугъ для идейнаго творчества. Это творчество направлялось, за отсутствіемъ подготовки къ политической дѣятельности, на дѣятельность поэтическую и философскую. При нынѣшнемъ эмбріональномъ состояніи знаній и пониманія въ коллективной психологіи, историкъ мысли едва ли можетъ даже приблизительно рѣшить вопросъ, почему въ эту эпоху могла одновременно выработаться весьма значительная группа крупныхъ идейныхъ дѣятелей. Въ этой группѣ возвышаются надъ другими предвѣстникъ золотого вѣка Германіи, Лессингъ, геніальный философскій умъ Канта и два великихъ поэта Германіи; около нихъ, какъ ихъ товарищи, ученики и какъ самостоятельные подражатели въ области поэзіи и философіи, предъ нами немалое число высокоталантливыхъ личностей, не теряющихъ своего значенія даже по сравненію съ этими гигантами нѣмецкой мысли; наконецъ, уже гораздо ниже стоятъ многочисленные второстепенные работники на этомъ поприщѣ, большею частью несамостоятельные подражатели и адепты моднаго направленія мысли. Но всѣ они въ цѣломъ вызвали весьма крупное идейное теченіе, которое разлилось на весь цивилизованный міръ и временно сдѣлалось универсалистическимъ. Если допустить, что эта волна поэтическаго и философскаго энтузіазма была вызвана тѣмъ же поднятіемъ духа въ европейской интеллигенціи, которое лежало въ основѣ революціонныхъ бурь тогдашней Франціи, то приходится признать, что, въ этомъ направленіи, волна эта не обнаружила такого быстраго и печальнаго пониженія, какъ республиканскій энтузіазмъ тѣхъ французскихъ граждан, которые пережили бури революціи, и что она,

въ дальнѣйшихъ своихъ судьбахъ, пошла по разнымъ русламъ, изъ которыхъ иныя могли считаться жизненнымъ элементомъ для послѣдующихъ эпохъ, хотя, при встрѣчѣ съ общей волной реакціи въ XIX-мъ вѣкѣ, метафизическій и эстетическій энтузіазмъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, не могъ не проявиться и какъ довольно вредное переживаніе. Попытка распредѣлить различныя одновременныя явленія и послѣдовательные фазисы, сюда относящіеся, по ихъ различному сродству съ основными общественными теченіями, на которыя было указано, могла бы привести, повидимому, къ слѣдующимъ результатамъ.

Взрывъ эпохи „бурь и волненій“ (Sturm und Drang periode) и выступленіе Канта съ его революціей въ научной и философской теоріи познаванія, отчасти и метафизическую идеализацію *я* у Фихте, всего скорѣе можно сблизить съ эпохою политическаго энтузіазма во Франціи конца XVIII-го вѣка. Уже къ росту реакціи противъ политическихъ и общественныхъ заботъ и, спеціально, противъ французскаго политическаго движенія, приходится отнести исключительное преобладаніе эстетическихъ интересовъ въ маленькомъ мірѣ Веймара около олимпійца, пережившаго всѣхъ своихъ современниковъ. Это направленіе еще опредѣленнѣе подпадаетъ вліянію реакціи у нѣмецкихъ романтиковъ и у метафизиковъ, близкихъ къ ихъ группѣ. Но романтизмъ въ литературѣ и въ философіи оказывается комбинаціею работы мысли весьма сложною и допускающею самыя неожиданныя метаморфозы, когда онъ переходитъ въ другихъ странахъ къ эпохѣ, которую многіе обозначаютъ терминомъ „царства буржуазіи“, и вызываетъ все растущую группу интеллигенціи къ борьбѣ съ этимъ царствомъ.

Въ Германіи, у Фридриха Шлегеля, и въ „положительной философіи“, которой поучаетъ Шеллингъ берлинскихъ учениковъ Гегеля по смерти ихъ учителя, это—полная сознательная реакція въ направленіи кле-

рикализма, средневѣковой культуры и мистическаго отношенія къ власти; однако, въ то же время, это, въ значительной мѣрѣ, у нѣмецкихъ романтиковъ, протестъ противъ „буржуазной пошлости“ во имя высшихъ требованій жизни (въ данномъ случаѣ болѣе эстетическихъ), тогда какъ, рядомъ съ романтизмомъ въ поэзіи и въ философіи, изъ рядовъ „лѣвыхъ“ гегеліанцевъ выдвигается группа „діалектиковъ“ уже совершенно иного направленія, группа Фейербаховъ, Штраусовъ и Марксовъ. Въ Англіи романтизмъ есть не только протестъ противъ пошлости буржуазныхъ формъ жизни (общій почти всѣмъ романтикамъ), но и противъ основныхъ началъ наличнаго общественнаго строя, и, въ этомъ его фазисѣ, какъ въ „байронизмѣ“, враги капиталистическаго порядка находятъ въ немъ союзниковъ косвенныхъ, а иногда и прямыхъ, подготовляющихъ борьбу позднѣйшихъ эпохъ и доставившихъ аргументы для этой борьбы. Во Франціи, гдѣ романтическое теченіе въ литературѣ выступаетъ на историческую сцену всего позже, оно, подъ вліяніемъ распространяющейся враждебности къ идеологіи, принимаетъ чисто-формальное направленіе на борьбу съ псевдо-классицизмомъ (царствовавшимъ тамъ еще въ 20-хъ годахъ и до сихъ поръ имѣющимъ тамъ своихъ сторонниковъ), на игру въ условныя средневѣковыя, восточныя и всякія другія экзотическія формы, въ мистику и въ великія идеи; этотъ французскій романтизмъ, при тонкой выработкѣ формы, сохранилъ въ себѣ значительную дозу неискренности и театральности, присущей вообще эпохѣ царства буржуазіи. Въ Польшѣ романтизмъ не только не воплощаетъ политическаго и соціальнаго индифферентизма эпохи, но становится энергическимъ и глубоко-искреннимъ въ своей фантастичности пробудителемъ политической жизни въ народѣ, исчезнувшемъ съ политической карты Европы. Въ Россіи онъ быстро переходитъ къ требованію художественной правдивости.

Однако, рядомъ съ этими разнообразными элемен-

тами реакціи или прогресса, жизненными или патологическими, въ романтизмѣ всѣхъ странъ существуютъ и нѣкоторыя общія черты. Одну изъ нихъ нельзя не отнести къ переживаніямъ. Въ этомъ направленіи романтизмъ пытается въ работѣ мысли вообще, въ формахъ культуры и въ самомъ творчествѣ общественныхъ формъ, доставить преобладаніе элементу эстетическому, создать изъ поэтовъ и художниковъ новое „свѣтское духовенство“ (какъ въ предъидущую эпоху пытались это сдѣлать для ученыхъ ихъ исключительныя академіи), продолжающее въ новомъ обществѣ ту роль, которую романтики приписывали въ своемъ воображеніи пророкамъ и магамъ давно - минувшаго періода. Подобное-же болѣе или менѣе ясно-сознанное стремленіе едва-ли не приходится констатировать въ философскихъ стремленіяхъ метафизическихъ школъ. Онѣ не только пытаются рѣшать задачу, которая естественно и по полному праву перешла въ ихъ руки отъ средневѣковыхъ учителей: выработать „общечеловѣческое нравственное ученіе, опирающееся на философское міросозерцаніе“, но они пытаются рѣшить эту задачу подобными же пріемами, какъ средневѣковые учителя: они пытаются непосредственно усвоивать сложныя истины; они ипостазируютъ формулы, заимствованныя изъ одной области знанія, для приложенія ихъ къ совсѣмъ инымъ областямъ, создавая тѣмъ невозможныя сущности; они хотятъ рѣшать вопросы, самая раціональная постановка которыхъ невозможна для научнаго пониманія. Эти переживанія метафизическихъ задачъ прошлаго времени были сами по себѣ вреднымъ элементомъ мысли. Вредъ его усиливался тѣмъ обстоятельствомъ, что эти метафизическія притязанія заявлялись въ эпоху самыхъ блестящихъ завоеваній въ спеціальныхъ наукахъ и тѣмъ какъ бы проводили рѣзкую черту между научнымъ эмпиризмомъ и объединяющими пріемами мышленія. Жизненнымъ элементомъ здѣсь было только противудѣйствіе крайней спеціализаціи ученыхъ работъ и ограниченно-

сти чистаго эмпиризма. Задачи научной философіи выступали уже съ гораздо большей опредѣленностью предъ интеллигенціей XIX-го вѣка.

Мы только что видѣли, что во многихъ отношеніяхъ романтизмъ усиливалъ вредныя переживанія прежнихъ временъ; но было бы несправедливо не указать еще на одну черту въ эволюціи, тоже общую его сторонникамъ въ разныхъ странахъ, но сдѣлавшуюся не только характеристическою чертой недавней эпохи, но подготовленіемъ обширнаго умственнаго движенія, развившагося на почвѣ романтическихъ влеченій безъ преднамѣренности со стороны настоящихъ романтиковъ, однако при ихъ безспорномъ вліяніи. Это было научное изученіе народностей всей Европы, ихъ культурныхъ формъ, ихъ древнихъ вѣрованій и ихъ коллективнаго творчества съ такою же тщательностью, съ какою филологи и археологи эпохъ Возрожденія и слѣдующихъ вѣковъ занимались античнымъ классическимъ міромъ. Исходнымъ пунктомъ и здѣсь было стремленіе къ живописному, къ любопытному въ его отличіи отъ обыденной пошлости и отъ волнующихъ общественныхъ вопросовъ. Но, подъ вліяніемъ роста научной мысли, это стремленіе, въ области теоретическаго пониманія, легло въ основаніе цѣлыхъ новыхъ отраслей знанія (этнографіи, сравнительной лингвистики, сравнительной исторіи вѣрованій, доисторической археологіи, сравнительнаго права и т. под.) и сообщило вообще послѣдней эпохѣ характеръ „историзма", т. е. стремленія понимать людей и событія съ точки зрѣнія исторической эволюціи. Въ практической же сферѣ, это же стремленіе вызвало въ разныхъ странахъ (и, можетъ быть, съ особенною яркостью на нашей родинѣ, совершенно помимо нѣсколько каррикатурнаго явленія „славянофильства") то теченіе, которое обыкновенно обозначаютъ терминомъ „народничества", и полное значеніе котораго въ настоящемъ и въ будущемъ трудно еще оцѣнить современному изслѣдователю.

ГЛАВА XI.

Схема исторіи мысли: г) Теченія и партіи настоящаго времени.

Эпохи періода новой свѣтской цивилизаціи.—Борющіяся партіи или послѣдовательно развивающіяся теченія.

Теченіе политичвское.—Теченіе буржуазно-капиталистическое.—Протестъ противъ послѣдняго теченія.—(Генцъ).

Идеалы новой буржуазіи.—Идеалы ся противниковъ.—Противогосударственники.

Генетическій порядокъ возникающихъ теченій.

Затрудненія для сторонниковъ неограниченной власти государства и для противниковъ всякой организованной власти.—Затрудненія для сторонниковъ политическаго теченія.—Два враждебныхъ класса и общая имъ почва.

Затрудненія для сторонниковъ идеала конкурренціи.—Затрудненія для ихъ противниковъ.—Нѣкоторыя фактическія явленія въ работѣ мысли послѣднихъ эпохъ.—Цезаризмъ и усиленіе клерикализма.—Явленія въ области работы эстетической и философской мысли.—(Петербургскій періодъ исторіи русскаго общества).

Вопросы настоящаго.—Вопросы будущаго.

Подготовленіе вопросовъ настоящаго въ прошедшемъ.

Постановка вопросовъ и ихъ рѣшеніе.—Еще одинъ вопросъ настоящаго.—Поучительная роль исторіи.

Такимъ образомъ, предъ историкомъ мысли новаго времени, періодъ свѣтской цивилизаціи, въ средѣ кото-

рой онъ самъ живетъ и дѣйствуетъ, развертывается въ послѣдовательности нѣсколькихъ эпохъ. Вслѣдъ за эпохою поклоненія свѣтской власти, какъ новой святынѣ, изслѣдователь наблюдаетъ эпоху служенія этой власти, какъ единственному орудію общественнаго прогресса. Затѣмъ слѣдуетъ какъ бы быстрый переломъ— но, въ сущности, логическое слѣдствіе изъ предъидущаго — эпоха попытокъ перестройки существующихъ общественныхъ формъ силами самаго самоуправляющагося народа. Эта задача ведетъ къ разочарованію, которое вызываетъ въ большинствѣ интеллигенціи упадокъ духа; но въ то же время обнаруживаются враждебныя между собой теченія, которыя для однихъ мыслителей могутъ выступать какъ три борющіяся партіи одной и той же, еще продолжающейся эпохи; для другихъ— какъ три послѣдовательные слоя общественной мысли новѣйшаго времени, и генетически и логически выростающіе одинъ изъ другого, слѣдовательно способные быть поняты историкомъ мысли какъ три послѣдовательныя эпохи.

Эти двѣ точки зрѣнія ставятъ предъ изслѣдователемъ различные ряды вопросовъ.

Если оставить временно въ сторонѣ точку зрѣнія генетическаго развитія этихъ соперничающихъ теченій одно изъ другого, и разсматривать ихъ, какъ борющіяся партіи намъ современныя, то предъ историкомъ мысли неизбѣжно возстаютъ вопросы: кто правъ въ этомъ столкновеніи разныхъ современныхъ намъ историческихъ теченій? Чтò въ этихъ теченіяхъ принадлежитъ къ явленіямъ здоровымъ и что — къ явленіямъ патологическимъ? Какому теченію исторія послѣднихъ эпохъ какъ бы предсказываетъ успѣхъ и которыя изъ нихъ обрѣкла она на безнадежную атрофію? Что было подготовлено медленно и послѣдовательно ходомъ событій и работою мысли, и что опирается на переживанія, вредъ которыхъ едва-ли сомнителенъ? Чему и кому принадлежитъ ближайшее будущее?

Однако, вдумываясь въ эти грозные для нашего времени вопросы, мы скоро приходимъ къ убѣжденію, что отвѣты на нихъ могутъ быть выработаны, хотя бы гадательно, историкомъ мысли лишь въ тѣсной связи съ пониманіемъ логической или фактической послѣдовательности эпохъ новой европейской цивилизаціи вообще, при чемъ и къ самимъ этимъ борющимся въ наше время теченіямъ приходится приложить, хотя бы гипотетически, пріемъ изученія ихъ какъ послѣдовательные фазисы одной и той же эволюціи.

Фактически и логически эпоха поклоненія власти привела, путемъ размышленія надъ необходимыми для этой свѣтской святыни качествами, къ представленію ея обязанностяхъ, какъ опекуна „народа“, къ ея критикѣ, какъ необходимаго орудія для блага „народа“, а затѣмъ къ задачѣ „народнаго“ самоуправленія,

На этой почвѣ, въ борьбѣ англо-американцевъ за свою независимость отъ метрополіи и за новый демократическій федеральный строй, а затѣмъ въ буряхъ первой французской революціи, выработалось теченіе, ставившее основною задачею, въ виду блага „народа“, какъ одного цѣлаго, рядъ политическихъ и юридическихъ реформъ. Сторонники этого теченія, несмотря на разочарованіе въ способахъ, которыми ихъ отцы и дѣды пробовали рѣшить общественную задачу, продолжаютъ утверждать, что лишь эгоизмъ, узкость мысли, неосторожность и неумѣлость личностей повели къ неудачѣ; что надо продолжать исканіе лучшей политической формы народнаго самоуправленія—(существуютъ въ рядахъ этихъ „политиковъ“ и такіе, которые считаютъ возможнымъ и болѣе полезнымъ вернуться къ пріемамъ опекающей и просвѣтительной власти) и что всѣ реформы внѣ политическихъ представляютъ явленія патологическія. Сторонники этого политическаго либерализма и радикализма, точно также какъ политическіе консерваторы и реакціонеры, не могутъ не признать важности и трудности экономическихъ вопросовъ нашего времени

тѣмъ не менѣе они видятъ въ современной намъ культурѣ высшій возможный для человѣчества жизненный идеалъ, который, по ихъ мнѣнію, требуетъ въ будущемъ лишь небольшаго улучшенія опять таки политическихъ и юридическихъ формъ для рѣшенія всѣхъ грозныхъ экономическихъ задачъ. Даже въ теоретической области пониманія соціологіи и исторіи они ставятъ—если не исключительною, то главною цѣлью обществу уясненіе идеи государства, и сущность соціальной эволюціи видятъ въ эволюціи политической. Такимъ образомъ одна часть вліятельной интеллигенціи нашего времени слѣдуетъ только что упомянутому теченію политическому и стремится отыскать лучшую конституцію, создать разумнѣйшее законодательство, обезпечить, съ одной стороны юридическую и политическую самостоятельность и безопасность отдѣльныхъ личностей, съ другой—общественный порядокъ и правильное функціонированіе народной власти.

Но, въ противоположность этому продолжающемуся стремленію, подъ вліяніемъ обширнаго развитія техники и индустріи, а также изученія экономическихъ вопросовъ замѣчательными мыслителями, выработалось и продолжаетъ вырабатываться въ средѣ буржуазіи другое теченіе, съ иными принципами и съ противуположными задачами. Сторонники этого теченія, разочарованные въ политическихъ идеяхъ вслѣдствіе неудачи политическихъ программъ, пришли къ политическому индифферентизму и къ выработкѣ представленія, что на почвѣ безусловной экономической конкурренціи и естественнаго подбора способнѣйшихъ, самъ собою выработается лучшій строй, гдѣ менѣе сильная и менѣе способная масса обезпечитъ своимъ трудомъ способнѣйшему меньшинству и комфортъ жизни, и досугъ для развитія, и самое это развитіе; политическое же господство обусловится господствомъ экономическимъ. Для сторонниковъ этого теченія въ творчествѣ общественныхъ формъ и въ разработкѣ соціологическихъ теорій основнымъ принципомъ

исторіи является конкурренція индивидуальныхъ интересовъ. При этомъ заслуживаютъ вниманія два положенія, которыя входятъ, искренно или неискренно, въ строй мысли этой партіи. Это, во первыхъ, аксіома, что экономическій строй въ своемъ автоматическомъ развитіи самъ исправляетъ всѣ недостатки общественнаго строя и излѣчиваетъ болѣзни послѣдняго. Это, во вторыхъ, что именно буржуазія есть правомѣрный представитель „народа" въ его цѣломъ и что, борясь за свои интересы, она, тѣмъ самымъ, борется за интересы этого единаго народа.

Именно на этомъ послѣднемъ пунктѣ возникъ протестъ противъ буржуазнаго теченія и образовалось третье, новое теченіе, прямо враждебное предшествующему. Прежде всего приходится замѣтить, по отношенію къ политическимъ и экономическимъ задачамъ первыхъ двухъ партій, что сторонники третьей разочаровались не въ идеяхъ, вызывавшихъ энтузіазмъ ихъ предшественниковъ, а въ способахъ ихъ осуществленія въ жизни; не въ цѣли, а въ средствахъ для этой цѣли предложенныхъ и предлагаемыхъ, ставя себѣ задачею не новые политическіе опыты, а экономическую перестройку современнаго общества, которая, въ самомъ ходѣ своего процесса, обусловитъ, какъ логическій выводъ, новыя политическія и юридическія формы.

Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что въ этомъ столкновеніи общественныхъ теорій, имѣвшихъ возможность даже выработаться лишь при современномъ состояніи знанія и пониманія, есть, можетъ быть, основаніе признать, что передъ нами снова стоитъ задача, возникшая при самомъ началѣ человѣческой исторіи. Тогда еще произошло основное раздѣленіе классовъ общества. На почвѣ борьбы сознанныхъ интересовъ интеллигенція, едва сдѣлавшаяся двигателемъ классовъ господствующихъ, устранила отъ участія въ исторической жизни пасынковъ цивилизаціи, обращенныхъ въ орудіе прогресса господствующаго меньшинства, и тѣмъ самымъ

вызвала въ массахъ этихъ пасынковъ естественное стремленіе выйти изъ своего подавленнаго положенія и войти въ историческую жизнь. До сихъ поръ, въ продолженіи тысячелѣтій, всѣ попытки массъ въ этомъ направленіи не могли не быть безплодными, и самое представленіе объ исторической роли массъ оставалось смутнымъ. Но въ новѣйшую эпоху историку современной мысли приходится констатировать въ рядахъ пасынковъ новой цивилизаціи все расширяющуюся — однако, еще далекую отъ обращенія въ неодолимую историческую силу—попытку организоваться собственною инициативою и отвоевать себѣ мѣсто въ исторіи. Они стремятся, уже не какъ отдѣльныя единицы, а какъ общественный классъ, принять участіе въ исторической жизни, отъ которой они были до сихъ поръ оттѣснены и политическими формами и еще болѣе экономическими условіями современнаго строя. Этимъ своимъ стремленіемъ они пугаютъ и дикарей нашей культуры и нѣкоторую часть современной интеллигенціи, которая, ставя себѣ задачею чисто-политическія реформы, или находя, что экономическій строй, свободно развиваясь, самъ излѣчиваетъ свои раны, защищаетъ современный общественный строй.

Этотъ протестъ пасынковъ исторіи и ихъ сторонниковъ противъ ихъ устраненія отъ исторической жизни имѣетъ источникомъ возникшее сомнѣніе, точно - ли, подъ названіемъ „народа“, который стремились опекать деспоты-реформаторы и за самоуправленіе котораго боролась буржуазія, приходится понимать одно цѣлое, съ общими всему ему интересами, или не представляетъ ли этотъ „народъ“ два класса съ противуположными экономическими интересами. Для мыслящихъ изслѣдователей общественной жизни это сомнѣніе переходитъ въ увѣренность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, два послѣднія теченія, о которыхъ было сказано выше, обращаются неизбѣжно въ двѣ борющіяся партія, отстаивающія каждая свои интересы.

Буржуазія, какъ особый общественный классъ, признаетъ за собою историческое право отстаивать свои классовыя интересы въ силу теоріи, что прогрессъ народовъ вообще имѣлъ и имѣетъ мѣсто лишь путемъ развитія меньшинства, которому это развитіе обезпечено трудомъ большинства, и что новые пасынки цивилизаціи обязаны приспособиться къ этому соціологическому закону, какъ приспособлялись къ нему ихъ предки.

Достаточно яркимъ и безцеремоннымъ проявленіемъ этой борьбы могутъ служить слова Генца въ эпоху Священнаго Союза: „Мы вовсе не желаемъ, чтобы массы были экономически обезпечены (wohlhabend) и независимы. Какъ могли бы мы господствовать надъ ними при подобныхъ условіяхъ?“

Изъ новаго положенія буржуазіи вытекали неизбѣжно нѣкоторыя логическія слѣдствія. Во первыхъ, какіе мотивы общественнаго блага она ни выставляла бы на своемъ знамени, она, въ сущности, приходила къ необходимости не только признавать невозможность стремиться къ благу „народа“, какъ одного цѣлаго, но и прямо отрицать пользу подобныхъ стремленій для человѣчества, такъ какъ прогрессъ послѣдняго, съ новой точки зрѣнія буржуазіи, есть развитіе экономическихъ, политическихъ и умственныхъ силъ меньшинства; развитіе, возможное лишь при постоянномъ и обязательномъ трудѣ пасынковъ цивилизаціи, остающихся таковыми; трудѣ, направленномъ на обезпеченіе меньшинству интеллигенціи средствъ существованія и развитія, а также досуга для послѣдняго. Это предполагало, во вторыхъ, отрицаніе не только власти какъ святыни, но и власти, какъ силы, опекающей массы и заботящейся о ихъ благѣ. Въ силу того же идеала царства обезпеченной и будто бы цивилизующей буржуазіи, устраняется и всякая потребность въ какомъ либо идейномъ энтузіазмѣ, толкающемъ отдѣльныя личности на борьбу съ вредными началами, такъ какъ полезное и вредное, здоровое и патологическое возникаютъ и разрушаются сами собою въ процессѣ конкурренціи экономическихъ

интересовъ. Теряетъ при этомъ смыслъ и мечта о какомъ либо лучшемъ и разумномъ правовомъ порядкѣ, такъ какъ, въ процессѣ конкурренціи экономическихъ интересовъ, фактическіе обладатели богатствъ составляютъ естественную власть въ человѣчествѣ, не нуждающуюся въ поддержкѣ никакимъ юридическимъ порядкомъ. Многіе современные мыслители признаютъ, что на службѣ этого теченія теперь стоятъ почти *всѣ* общественныя силы.

Враждебное ему теченіе направляется, какъ только что сказано, на пріобрѣтеніе пасынками цивилизаціи доли въ исторической жизни. Сторонники этого послѣдняго теченія имѣютъ въ виду достигнуть своей общественной цѣли путемъ организаціи пасынковъ цивилизаціи въ общественный классъ, сознательно стремящійся къ власти, но при сознанной и непрекращающейся заботѣ довести въ общественномъ строѣ элементъ принужденія до минимума. Главнымъ двигателемъ дальнѣйшей человѣческой исторіи по направленію къ *солидарности* они считаютъ при этомъ, по прежнему, растущее сознаніе и пониманіе условій воплощенія въ жизнь этой новѣйшей общественной святыни, съ одной стороны—научно-обоснованной въ устанавливающейся соціологіи, съ другой—способной вызвать въ личностяхъ энтузіазмъ къ общему дѣлу, въ которомъ интересы рабочаго большинства отожествляются съ нравственнымъ идеаломъ наиболѣе развитыхъ личностей интеллигенціи. Въ этомъ двигателѣ именно видятъ сторонники теченія, о которомъ здѣсь идетъ дѣло, ручательство своей побѣды, такъ какъ у ихъ противниковъ этотъ энтузіазмъ къ общей соціальной цѣли не существуетъ: въ области борьбы чисто-политическихъ партій и теорій онъ атрофировался, доходя до поразительныхъ явленій политическаго индифферентизма; въ области же господствующей экономической конкурренціи какой либо энтузіазмъ не только не имѣлъ и не имѣетъ основанія проявляться, но составлялъ и составляетъ здѣсь логическое противурѣчіе.

Передовые сторонники этого анти-буржуазнаго теченія считаютъ возможнымъ предвидѣть и окончательный результатъ процесса сознательной организаціи рабочихъ какъ общественнаго класса и ихъ борьбы противъ ученія о правомѣрности всеобщей экономической конкурренціи—ученія, которому они противуполагаютъ другое: ученіе сознанной ими солидарности всѣхъ трудящихся, какъ новой общественной святыни, долженствующей замѣнить всѣ прежнія. По ихъ убѣжденію этотъ процессъ и эта борьба ведутъ естественнымъ образомъ къ установленію единства трудящагося человѣчества и къ гармонической коопераціи всѣхъ трудящихся для всеобщаго развитія; это какъ бы предполагаетъ распространеніе исторической функціи интеллигенціи на массы вообще.

Нѣтъ основанія не упомянуть здѣсь о существованіи еще одного теченія внѣ трехъ только что указанныхъ. Оно отрицаетъ власть во всѣхъ ея формахъ уже въ настоящую минуту, даже какъ временную силу, организующую борьбу за прогресъ и, слѣдовательно, разсчитываетъ для прогрессивнаго хода событій единственно на солидарность интересовъ личностей, уже теперь достигшихъ довольно-высокой степени умственнаго и нравственнаго развитія.

Генетическій порядокъ этихъ различныхъ теченій можетъ быть установленъ объективно почти внѣ всякаго сомнѣнія. Едва ли допускаетъ споры положеніе, что, въ логической послѣдовательности, вопросъ объ обязанностяхъ власти вызвалъ, на почвѣ фактическаго недовольства и массъ и интеллигенціи, всѣ перипетіи и катастрофы либеральнаго и радикальнаго политическаго движенія, начавшагося въ послѣдней четверти XVIII-го вѣка и до сихъ поръ продолжающагося. Немногіе историки мысли станутъ въ наше время отрицать, что на почвѣ недовольства въ господствующихъ классахъ результатомъ политическихъ волненій изъ за либеральныхъ и радикальныхъ программъ образовалось

то буржуазное теченіе, которое стремилось понять исторію какъ борьбу экономическихъ интересовъ и предоставить будущее человѣчества фатальной борьбѣ этихъ интересовъ. Эпоха появленія вопроса объ организаціи труда на почвѣ утопическихъ настроеній, вызвавшая затѣмъ строгую соціологическую критику капиталистическаго строя и научное пониманіе его генезиса и его сущности, можетъ быть столь же объективно установлена. Точно также легко констатировать дату появленія анти-государственныхъ теорій, оставляя въ сторонѣ продолжающійся споръ о томъ, надо ли видѣть въ нихъ, какъ думаютъ одни, естественный отпрыскъ общаго ствола анти-буржуазнаго теченія, или, какъ полагаютъ другіе, вредное для этого теченія переживаніе въ немъ того буржуазнаго индивидуализма, противъ котораго имѣютъ логическое основаніе бороться организаторы пасынковъ новой цивилизаціи.

Но мы видѣли выше, что эти послѣдовательные фазисы эволюціи современнаго общества приходится разсматривать и какъ существующія одновременно и борющіяся общественныя *партіи* съ очень различными общественными идеалами. Каждая изъ этихъ партій имѣла во всѣ эпохи новой цивилизаціи своихъ сторонниковъ; эти сторонники боролись за господство въ прошедшемъ, продолжаютъ бороться въ настоящемъ, и, какъ слѣдствіе этой борьбы, предъ историкомъ мысли возникаютъ различныя *возможности* для будущаго. А потому онъ имѣетъ предъ собою новый рядъ спорныхъ вопросовъ: есть ли основаніе именно раздѣленію перечисленныхъ теченій придавать преобладающую важность въ пониманіи современной намъ исторіи? какіе элементы во всѣхъ этихъ параллельныхъ движеніяхъ можно признать здоровыми, и какіе—патологическими, такъ какъ всѣ они выработались съ логическою необходимостью изъ хода событій и изъ предшествующихъ фазисовъ эволюціи мысли? Затѣмъ: какое вліяніе оказало каждое изъ этихъ теченій на

параллельные съ ними въ это время процессы въ области мысли, именно, на побѣдоносный ходъ завоеваній науки вообще и ея техническихъ приложеній; на смѣну болѣе или менѣе сильныхъ и болѣе или менѣе общихъ философскихъ построеній; на усиленіе и атрофированіе той или другой отрасли литературы и искуства; наконецъ, на группировку личностей, представительныхъ по своимъ умственнымъ силамъ и по энергіи своего характера, около той или другой отрасли дѣятельности? Здѣсь историкъ мысли, не желающій поддаться слишкомъ безцеремонно своимъ личнымъ идейнымъ влеченіямъ, можетъ, повидимому, употребить лишь слѣдующій пріемъ: предъ каждымъ изъ указанныхъ теченій мысли, по ихъ сущности, возникаютъ его особенныя задачи; съ другой стороны, мы фактически имѣемъ передъ собою пріемы, употребляемые сторонниками этого теченія для того, чтобы сдѣлаться историческою силою, удержать за собою это положеніе и восторжествовать надъ соперниками; имѣемъ предъ собою и факты, дѣйствительно полученные, какъ логическій результатъ или какъ эмпирическій продуктъ этихъ столкновеній. Можетъ быть, для уясненія вопроса, здѣсь насъ занимающаго, слѣдуетъ лишь сопоставить эти задачи съ пріемами, употребляемыми для ихъ рѣшенія и съ результатами фактически-полученными, и отмѣтить благопріятные и неблагопріятные результаты этого сопоставленія.

Не желая вдаваться ни въ фактическія подробности, ни въ длинныя разсужденія, мы ограничимся здѣсь слѣдующими соображеніями:

Выдѣлимъ изъ нашего разсужденія сначала вопросъ о партіяхъ, вызывающихъ наименѣе споровъ.

Такъ, признать за основного двигателя исторіи ту неограниченную государственную власть, которая, въ эпоху деспотовъ-просвѣтителей, принимала на себя исключительную заботу объ опекѣ надъ обществомъ, о благѣ массъ и необходимыхъ для этого реформахъ,

устраняя инициативу самаго общества, значило бы допустить нѣкоторыя соціологическія посылки, которыя трудно защитить. Такъ надо, напримѣръ, допустить, что безконтрольная государственная власть, выступившая па путь реформъ, на немъ обязательно останется, понимая свое дѣло такъ же какъ прежде и устраняя всякую наклонность вернуться къ переживаніямъ власти—святыни. Но исторія представляетъ этому мало примѣровъ. Автору „Наказа" ничто не помѣшало обратиться въ гонительницу Новикова и Радищева. Та самая власть, которая узаконяла нѣкоторую степень самоуправленія, могла и довести его въ послѣдствіи до довольно жалкаго минимума. Слѣдуетъ также допустить, какъ необходимое орудіе благодѣтельныхъ реформъ свыше, существованіе просвѣтительной бюрократіи, преданной идеѣ общественнаго прогресса и способной руководить обществомъ въ этомъ направленіи, тогда какъ эта бюрократія, во всѣ эпохи, при самыхъ различныхъ формахъ власти, которой она служила, выказывала такое количество эгоистическаго пользованія своимъ положеніемъ въ виду непотизма и казнокрадства, что большинству соціологовъ приходится смотрѣть на бюрократическій строй политическаго общества, какъ на одинъ изъ самыхъ малонадежныхъ и, скорѣе, деморализующихъ. Изъ всѣхъ традицій, перешедшихъ отъ этой эпохи на слѣдующія, жизненнымъ элементомъ дозволительно считать, повидимому, лишь сознательную дисциплину, составляющую характеристическую черту всякой бюрократіи, но являющуюся необходимымъ условіемъ для успѣха въ борьбѣ съ противникомъ и для всякой общественной партіи, прогрессивной, консервативной или реакціонной, какъ только эта партія окружена соперниками и способна, подъ вліяніемъ личныхъ привычекъ, аффектовъ или убѣжденій, каждую минуту, обнаружить въ своей средѣ раздоры и распаденіе.

Точно также необходимость только что упомянутой

дисциплины при борьбѣ партій, наполняющей всѣ ближайшія къ намъ эпохи исторіи, находится въ очевидномъ противорѣчіи съ анархическими теоріями полной самостоятельности личности въ группѣ, группы въ союзѣ группъ и т. под., теоріями, какъ бы отрицающими самую возможность для этой партіи организоваться для борьбы съ общественнымъ врагомъ; тогда какъ эта партія готова, повидимому, употреблять для этой самой борьбы самыя сомнительныя средства. Представленіе объосуществленіи строя, въ которомъ принудительная власть доведена не только до возможнаго въ каждую эпоху минимума, но до нуля, предполагаетъ строй, не имѣющій въ своей средѣ противниковъ и потерявшій всякую возможность распасться или дегенерировать подъ вліяніемъ личныхъ побужденій, т. е. строй, состоящій изъ личностей, пошедшихъ въ своемъ развитіи гораздо далѣе того, что представляютъ теперь самыя передовыя группы, какъ бы ни относился историкъ нашего времени къ вопросу, которая изъ этихъ группъ—дѣйствительно передовая.

Уже гораздо болѣе расходятся оцѣнки роли, занятой въ послѣднія эпохи исторіи и въ наше время тѣмъ теченіемъ, которое ставило своею задачею реформы политическія и юридическія въ виду самоуправленія народа, какъ единаго коллективнаго организма. Это теченіе, въ эпоху, спеціально-называемую „революціонною", создало Соединенные Штаты Сѣверной Америки и обусловило смѣняющіяся конституціи французской демократической монархіи Людовика XVI, республики конвента и позднѣйшаго консульства. Оно же, въ ближайшее къ намъ время, вызвало рядъ дальнѣйшихъ политическихъ новообразованій, нѣсколько парламентскихъ реформъ въ Англіи все болѣе демократическихъ, распространеніе и видоизмѣненіе парламентаризма въ западной Европѣ вообще. Оно подготовило катастрофы 1830 и 1848 годовъ, внесло въ политическую жизнь референдумъ, разжигало борьбу

подавленныхъ національностей за независимость, борьбу крупныхъ центровъ государственной жизни за гегемонію, мелкихъ за федеральный строй и сепаратизмъ. Оно обусловило повсюду борьбу большинства съ меньшинствомъ за участіе въ выборахъ власти и въ законодательствѣ, за свободу мысли, слова, автономной ассоціаціи и т. под. Здѣсь споръ идетъ не о томъ, имѣютъ ли крупное значеніе эти политическія явленія, но о томъ, имѣетъ ли борьба политическихъ партій значеніе *самостоятельное*, такъ что отъ ея хода зависятъ и экономическое благосостояніе общества и культурныя измѣненія и идейныя теченія? или же разнообразныя политическія партіи представляютъ не что иное, какъ сознательно или безсознательно усвоенныя знамена, подъ которыми ведутъ борьбу интересы *экономическіе?* или, наконецъ, приходится признать въ разныя эпохи и при разныхъ историческихъ обстановкахъ различную долю вліянія на ходъ исторіи и за экономическими побужденіями, фатально вооружавшими одинъ противъ другаго классы, экономическіе интересы которыхъ были и оставались различными, и за борьбою за политическія права или за національную независимость, какъ за идейныя начала. Послѣдняя гипотеза допускаетъ возможность весьма различныхъ комбинацій въ способѣ пониманія историческихъ задачъ, поставленныхъ предъ народами въ послѣднія эпохи и стоящихъ предъ современною интеллигенціею политическихъ дѣятелей. Останавливаться на этомъ различіи едва ли здѣсь умѣстно. Но обратимъ вниманіе читателей лишь на вопросъ, насколько, при нынѣшнемъ состояніи историческихъ и соціологическихъ знаній, историкъ мысли могъ бы допустить первую изъ поставленныхъ гипотезъ, именно, что здоровое теченіе современнаго творчества общественныхъ формъ и научно-философской разработки соціологіи должно было бы ограничиться продолженіемъ той политической работы, которая началась въ послѣдней четверти прош-

лаго вѣка; что этотъ путь слѣдуетъ считать единственно-здоровымъ на основаніи аксіомы, что онъ самъ собою поведетъ къ правильному рѣшенію всѣхъ другихъ общественныхъ вопросовъ и устранитъ борьбу экономическихъ классовъ, какъ явленіе патологическое.

Допущеніе этой гипотезы можетъ встрѣтить слѣдующія возраженія.

Одною изъ характеристическихъ чертъ современной научной мысли является ея *историчность*. Насколько періодъ новой цивилизаціи въ его цѣломъ съ самого начала ознаменовался выработкою въ математикѣ и въ естествознаніи точныхъ методовъ, обусловившихъ всѣ завоеванія наукъ,—именно благодаря этому обстоятельству обособляемыхъ еще теперь подъ названіемъ „наукъ точныхъ"—на столько же въ нашъ вѣкъ, особенно же въ его вторую половину, историческое знаніе и историческое пониманіе во всѣхъ его частныхъ отрасляхъ можно считать совершенно-точно установившимъ свои методы и пріемы. По этому приходится и въ области общихъ историческихъ воззрѣній придавать большое значеніе тѣмъ особенностямъ, которыя характеризуютъ историческіе труды послѣдняго времени, какъ совершенные подъ вліяніемъ усиленія вообще научности въ этой области. Но вся историческая литература послѣднихъ десятилѣтій обнаруживаетъ совершенно—определенное стремленіе придавать, въ истолкованіи событій, общественныхъ формъ и продуктовъ мысли разныхъ эпохъ, все бо́льшее значеніе явленіямъ экономическимъ: историки прежняго типа ограничиваются тѣмъ, что главы ихъ трудовъ, трактующія объ этихъ явленіяхъ, ростутъ въ объемѣ; до очень смѣлыхъ крайностей доходятъ безусловные и неуступчивые ни въ какой подробности сторонники, такъ называемаго, экономическаго матеріализма; но это же подмѣчается и у цѣлаго ряда писателей, занимающихъ мѣсто между этими крайностями, ищущихъ

болѣе или менѣе старательно повсюду экономической подкладки исторіи эпохъ; но допускающихъ, что эта подкладка не была и не осталась единственнымъ объясненіемъ хода исторіи, и что существуютъ какъ въ прошедшемъ, такъ и въ настоящемъ — и весьма вѣроятно будутъ существовать въ будущемъ—цѣлые ряды событій и процессовъ, сводимые на обычай и на привычки, на стремленіе къ украшенію жизни, на императивъ идеальнаго убѣжденія, на логическую необходимость послѣдствій, вытекающихъ изъ предшествовавшихъ фактовъ и событій и т. под.; т. е. на побужденія, чуждыя не только прямо-экономическихъ мотивовъ, но даже мотивовъ сознанныхъ интересовъ вообще. Допущеніе безусловнаго примата политической и юридической эволюціи въ ходѣ исторіи было бы отрицаніемъ научности всей упомянутой исторической литературы, что потребовало бы отъ историка мысли, вступившаго на этотъ путь, такого обширнаго пересмотра всего матеріала исторической эрудиціи и критики, хотя бы для ближайшихъ къ намъ эпохъ, на который еще никто изъ представителей этого направленія не рѣшается.

Затѣмъ историкъ современной мысли, при изученіи группировки личностей, наиболѣе крупныхъ по своимъ способностямъ и по энергіи своей дѣятельности, а также при изученіи взглядовъ на спеціально-политическія карьеры, господствующихъ въ литературѣ и въ обществѣ, не можетъ не быть пораженъ двумя явленіями нашего времени. Понижается, во первыхъ, уровень политическихъ дѣятелей; крайне бѣднѣетъ ихъ вліятельный персоналъ; первыя роли занимаютъ дѣльцы въ родѣ Дизраэли, Тьера, Бисмарка: это совершенно напоминаетъ историческій фактъ, что, при переходѣ къ новому времени, быстро понижается уровень мысли и дѣятельности въ духовенствѣ. Во вторыхъ, именно на почвѣ денежныхъ и предпринимательскихъ спекуляцій наше время представляетъ выработку личностей, успѣхъ, сообразительность и энергія которыхъ изуми-

тельны и чуть не геніальны. Не менѣе, если не болѣе геніальные умы, но лишенные склонности къ этому роду дѣятельности, наблюдаются теперь почти исключительно въ сферѣ научнаго мышленія, гдѣ непобѣдимый и прямолинейный ходъ завоеваній, продолжающійся все съ тѣми же общими задачами со времени Галилея и Гэрвея, былъ обозначенъ въ послѣднія эпохи великими открытіями физико-химическаго трансформизма, механической энергіи, біологическаго трансформизма организмовъ, микробіологіи, психофизики, общественной эмбріологіи, сравнительнаго языкознанія, сравнительной теоріи учрежденій, сравнительной исторіи религій, экономической теоріи прибавочной стоимости и т. д. Но, именно въ рядахъ личностей, посвятившихъ себя работѣ теоретической мысли въ эпохи, характеризованныя преобладаніемъ рыночной конкурренціи, предпринимательства и биржевой спекуляціи, мы замѣчаемъ знаменательное теченіе мысли, обусловливающее въ ученыхъ и мыслителяхъ не только индиферентизмъ къ политической дѣятельности, но сознанное и откровенное отвращеніе отъ участія въ ней, какъ къ дѣятельности низшей. Не мало проявленій того-же самаго настроенія мысли, опирающагося и на разсчетъ матеріальной выгоды отъ той или другой профессіи, и на оцѣнку ихъ интеллектуальнаго достоинства, приходится констатировать и въ рядахъ литераторовъ, беллетристовъ, журналистовъ и т. п., которые во многихъ случаяхъ находятъ какъ бы унизительнымъ для себя посвященіе части своего времени практическимъ заботамъ о благѣ своихъ согражданъ. Профессіональное „политиканство“ въ Америкѣ давно уже потеряло въ глазахъ общества всякій *идейный* характеръ. Въ наше время мода въ области мысли, какъ при установленіи жизненныхъ цѣлей реальными личностями, такъ и при созданіи положительныхъ типовъ эстетическимъ творчествомъ, оказывается не на сторонѣ „гражданина“, а на сторонѣ выработаннаго

ума, съ большею или меньшею долею презрѣнія относящагося къ политической агитаціи, или участвующаго въ ней лишь случайно, изъ за побужденій, не имѣющихъ ничего общаго съ интересомъ къ общему дѣлу и еще менѣе того съ гражданскою доблестью. И реальная исторія даетъ указанія въ томъ же направленіи. Достаточно сравнить характеръ борьбы партій при выборахъ новаго президента Соединенныхъ Штатовъ въ концѣ XVIII-го и въ концѣ XIX-го вѣка, характеръ агитаціи за парламентскую реформу въ Англіи въ тридцатыхъ годахъ и противъ палаты лордовъ въ ближайшее къ намъ время, мотивы политическихъ преній въ Парижѣ эпохи реставраціи бурбоновъ и въ Парижѣ эпохи буланжизма.

Нельзя не констатировать эти объективные и конкретные факты и историкъ мысли имѣетъ достаточно основанія считать ихъ симптомами атрофіи политическихъ идей, какъ преобладающихъ двигателей исторіи. Но и внѣ этихъ фактовъ, при болѣе огульномъ обзорѣ характера образованія и трансформаціи политическихъ партій и преобладающихъ предметовъ преній въ законодательныхъ учрежденіяхъ—тамъ, гдѣ они существуютъ—трудно не признать, что съ каждымъ годомъ все бóльшая—часть какъ въ заботахъ законодателей и группъ, спорящихъ за власть, такъ въ газетной и журнальной публицистикѣ—приходится на интересы классовые, экономическіе, въ особенности же на борьбу наличныхъ неполитическихъ партій, на вопросъ объ отношеніи труда къ капиталу, заслоняющій все чаще всѣ другія государственныя соображенія. Для того, чтобы оставаться сторонникомъ теоріи, что политическіе и юридическіе вопросы продолжаютъ играть въ исторіи народовъ ту же роль, которую имъ приписывали въ концѣ XVIII-го вѣка, а не обращаются все цѣлостнѣе въ одинъ изъ способовъ борьбы за интересы экономическіе, или индивидуальные или классовые, историку мысли нашего времени едва ли не такъ же трудно

понять съ этой точки зрѣнія фактическую комбинацію событій и теченій XIX-го вѣка, какъ противудѣйствовать упомянутому выше общему направленію историческихъ трудовъ послѣднихъ десятилѣтій, вносящему въ эти труды все болѣе тщательную оцѣнку экономическихъ мотивовъ явленій, подчиняя имъ большинство другихъ, какъ обусловленныхъ *этими* мотивами.

Предъидущія соображенія наводятъ на мысль, что въ области современнаго творчества общественныхъ формъ, все болѣе обусловленнаго научнымъ пониманіемъ соціологическихъ вопросовъ, въ процессѣ выработки и обработки соціологіи какъ науки, важнѣйшею задачею, которую ставила исторія послѣднимъ эпохамъ и которую она продолжаетъ ставить нашему поколѣнію, оказывается борьба между двумя теченіями изъ пяти, перечисленныхъ выше. Эти два теченія обнаруживаются для историка мысли какъ два враждебныхъ *класса*, выработанные съ наибольшею опредѣленностью въ наше время, какъ результатъ ихъ борьбы, продолжавшейся въ теченіи всей предъидущей исторіи, и о которой замѣчательный публицистъ нашей эпохи могъ сказать: „Ищите, чтό всплыло изъ всѣхъ обломковъ стараго и новаго міра; чтὸ плаваетъ надъ всѣми этими обломками; вы найдете только начало классового различія; здѣсь — различіе прежнихъ классовъ, тамъ — различіе новыхъ“. По этому, указанныя два теченія оказываются безусловно противоположны, и все, чтό въ теоріи или въ практикѣ ослабляетъ одно изъ нихъ, служитъ, по тому самому, усиленію другого, усиленію косвенному если не прямому. Всякое противурѣчіе и всякая уступка переживаніямъ, констатируемыя *здѣсь*, составляютъ симптомъ, указывающій на бόльшую возможность *тамъ* болѣе успѣшной борьбы. Стремясь къ возможно-большей научности въ оцѣнкѣ фактовъ и потому даже вполнѣ воздерживаясь отъ приложенія къ общему ходу событій субъективныхъ рубрикъ здороваго или патологическаго процес-

са, историкъ мысли не можетъ, тѣмъ не менѣе, не констатировать, на сколько различно отношеніе каждаго изъ двухъ основныхъ теперь борющихся теченій къ жизненнымъ элементамъ прошлаго и къ его переживаніямъ; не можетъ не остановиться на условіяхъ, необходимыхъ для торжества того или другого изъ этихъ теченій надъ его противниками, и на затрудненіяхъ которыя каждое изъ нихъ должно преодолѣть индивидуальной энергіей своихъ сторонниковъ; затрудненіяхъ, вытекающихъ изъ самой постановки своей исторической цѣли тою или другою изъ борющихся партій.

Существуютъ положенія, которыя составляютъ точку исхода для задачъ обѣихъ борющихся партій, или, по крайней мѣрѣ, для тѣхъ изъ ихъ сторонниковъ, которые наилучше вдумались въ ихъ смыслъ и наиболѣе искренно относятся къ своему дѣлу. Таково положеніе, что въ огромномъ числѣ случаевъ экономическіе вопросы лежатъ въ основѣ всѣхъ прочихъ общественныхъ и даже личныхъ задачъ; что лишь удовлетворивъ экономическіе интересы общества можно достигнуть удовлетворенія и всѣхъ другихъ. (При этомъ все равно, смотрѣть ли на эти послѣдніе какъ на украшеніе жизни, въ сущности не необходимое, или какъ на интересы высшіе, подготовка которыхъ въ глазахъ развитого человѣка обусловливаетъ всю цѣнность и интересовъ низшихъ). То же можно сказать о положеніи, что теперь общество распадается на два класса, интересы которыхъ существенно противуположны, а потому борьба между этими интересами неизбѣжна и можетъ имѣть лишь одинъ, изъ двухъ исходовъ: или полное подчиненіе массъ господствующему меньшинству и прекращеніе протеста ихъ сторонниковъ противъ современнаго строя (который обыкновенно понимается подъ терминомъ „капиталистическаго“); или же — распаденіе этого строя со всѣми формами его культуры, перенося въ новую общественную постройку лишь тѣ элементы прошлаго, которые, какъ при-

знанные жизненными, согласны и останутся согласными и съ новыми общественными задачами. На этой общей имъ почвѣ стоятъ эти двѣ борющіяся силы, отличаясь историческими цѣлями и той и другой партіи отъ задачъ быта родоваго, отъ культуры обособленныхъ цивилизацій, отъ церковной культуры, выросшей изъ универсалистическихъ религій, отъ культуры абсолютизма, какъ свѣтской святыни и какъ цивилизующей силы, наконецъ и отъ задачъ эпохи чисто-политическихъ стремленій къ народному самоуправленію. Едва ли эти двѣ борющіяся силы имѣютъ возможность придти къ какому либо искреннему соглашенію.

Сравнимъ ихъ основныя положенія. Сторонники капитализма опираются преимущественно на признанную ими аксіому: полезна и необходима всеобщая конкурренція, которая должна доставить въ обществѣ господство личностямъ наиболѣе даровитымъ и энергическимъ, группамъ, наилучше понимающимъ свои интересы и наилучше организованнымъ для борьбы за существованіе, за усиленіе и за успѣхъ. Трудъ массъ, побѣжденныхъ этимъ меньшинствомъ и подчиненныхъ его интересамъ, даетъ послѣднему возможность и досугъ довести свою культуру до наибольшей утонченности и до наибольшаго комфорта, выработать свою мысль до крайнихъ предѣловъ изобрѣтательности и способности понимать вещи, процессы и комбинаціи явленій Въ этой все совершенствующейся культурѣ и все вырабатывающейся мысли меньшинства представителей человѣчества можетъ и долженъ состоять единственно для сторонниковъ этой партіи прогрессъ человѣчества. Торжество интересовъ массъ было бы, съ этой точки зрѣнія, торжествомъ новаго варварства надъ цивилизаціей, орудіемъ которой служитъ меньшинство буржуазіи. Какъ только процессъ конкурренціи, вырабатывающей господствующее меньшинство, совершается безпрепятственно, такъ прогрессъ имѣетъ

мѣсто автоматически. При этомъ великія идейныя стремленія личностей къ идеалу справедливости, общественнаго блага и т п. оказываются не только не нужными но, скорѣе, вредными. Передъ мыслью сторонниковъ этого взгляда рисуется такой универсализмъ, который есть исключительно продуктъ солидарности фатальной и неимѣющей никакой нужды быть сознанною, именно солидарности, автоматически связывающей господствующій классъ съ массами, обрѣченными логикою исторіи на то, чтобы быть орудіемъ развитія этого класса.

Партія, отстаивающая эти взгляды, сдѣлалась въ нашъ вѣкъ обладательницей, если не всѣхъ экономическихъ средствъ нашего общества, то наибольшей ихъ части, поддержана въ этомъ отношеніи громадными успѣхами научной техники и обладаетъ почти исключительно средствами умственнаго развитія. Однако, осуществленію ея тенденцій существуютъ нѣкоторыя затрудненія, которыя полезно указать.

Прежде всего всеобщая экономическая конкурренція, составляющая хярактеристическую черту капиталистическаго строя, способствуя обладателямъ капитала концентрировать въ своихъ рукахъ общественное имущество, орудія труда и развитія, въ то же самое время подвергаетъ каждаго изъ этихъ обладателей опасности отъ каждаго изъ его соперниковъ. Конкурренція, все расширяя территорію своихъ денежныхъ и кредитныхъ войнъ, вызываетъ неизбѣжно синдикаты капиталистовъ, предпринимателей и биржевыхъ спекуляторовъ, но всѣ члены такихъ коллективныхъ экономическихъ организмовъ, по самой сущности дѣла, обрѣчены на *взаимную* конкурренцію, которая можетъ проявиться каждую минуту, если только кто либо изъ нихъ сочтетъ это для себя выгоднымъ. Подобное же столкновеніе можно констатировать между стремленіями капитализма къ учрежденію всемірнаго космополитическаго рынка и міровового царства биржевиковъ, и имъ же вызываемою и усиливаемою враждою между

національностями и государствами, подъ личиною патріотическихъ идей, въ которыхъ враждебность къ чужому играетъ гораздо значительнѣйшую роль, чѣмъ солидарность со своими. Не меньше затрудненія представляетъ въ царствѣ капитализма самый процессъ концентрировки богатствъ, вызывающій все бóльшее удаленіе группъ, непосредственно работающихъ въ мірѣ крупныхъ предпріятій и не менѣе крупныхъ биржевыхъ спекуляцій, отъ группъ, извлекающихъ главную выгоду изъ тѣхъ и другихъ, (именно отъ группъ обладателей бóльшей части бумагъ и купоновъ акціонерныхъ обществъ и т. под.). Это неизбѣжно ведетъ къ выработкѣ класса дѣлопроизводителей въ обширномъ смыслѣ этого слова. Эти дѣлопроизводители одни дѣйствительно знаютъ и понимаютъ дѣла, ведущія къ накопленію и къ перераспредѣленію богатствъ, неизбѣжно пользуются этимъ своимъ знаніемъ и пониманіемъ въ виду *личной* своей пользы, и потому являются постоянно классомъ, мѣшающимъ концентрировкѣ богатствъ, а слѣдовательно и нормальному успѣшному ходу всей капиталистической тенденціи. Еще одно не малое затрудненіе обусловливается психическими привычками пользоваться чужимъ трудомъ, въ виду усиленія жизненнаго комфорта, при наименьшемъ количествѣ личныхъ заботъ, направленныхъ на эту цѣль. Эти психическія привычки способны вести къ атрофіи индивидуальныхъ силъ капиталистическаго общества, и въ работѣ теоретической или эстетической мысли, и въ личной энергіи въ дѣлѣ постановки экономическихъ цѣлей и ихъ достиженія. Между тѣмъ, въ процессѣ конкурренціи всѣхъ противу всѣхъ, именно изворотливость и проницательность мысли и энергія характера составляютъ необходимыя условія. Обратимъ вниманіе еще на одно обстоятельство: торжество капиталистическаго строя предполагаетъ ослабленіе, доведеніе до минимума, если не полную атрофію протеста большин-

ства пасынковъ новой цивилизаціи противъ капиталистическаго строя. Это можетъ имѣть мѣсто лишь при томъ условіи, что буржуазная культура имѣетъ шансы сдѣлаться для большинства не только принудительною силою, но и пріобрѣсти достаточную привлекательность, чтобы устранить какъ общественныя волненія, такъ и неумолимую критику недостатковъ капиталистическаго строя. Но очень сомнительно, чтобы этотъ строй былъ способенъ рѣшить удовлетворительно эту задачу. Всякій историкъ мысли, допускающій, что здоровый элементъ хода событій нашего вѣка заключается въ распространеніи и укрѣпленіи капиталистическаго строя, долженъ былъ бы взять на себя трудъ доказать, что указанныя затрудненія или исчезаютъ сами собою или легко преодолимы; но едва ли можно допустить, что существующая соціологическая литература представляетъ достаточные образцы подобныхъ доказательствъ. Пока это не сдѣлано, приходится и сторонникамъ и противникамъ капиталистическаго строя прислушиваться внимательно къ аргументаціи его критиковъ и взвѣшиват факты ими указываемые. Въ этомъ направленіи важны попытки рѣшить возникающіе вопросы: почему сторонникамъ капитализма пряходится все чаще прибѣгать къ пріемамъ общественной политики (особенно въ обобществленіи нѣкоторыхъ отраслей производства и экономической жизни вообще), входящимъ собственно въ составъ общественнаго міросозерцанія и соціологической практики ихъ противниковъ? почему въ современной эволюціи мысли не малое число критиковъ констатируетъ ослабленіе знанія и пониманія формъ конкурренціи и накопленія богатствъ въ томъ самомъ меньшинствѣ, общественное значеніе котораго исключительно опирается на эти формы и процессы? почему именно эпоха царства буржуазіи вызвала цѣлый рядъ философскихъ и нравственныхъ ученій, которыя логически ведутъ къ ослабленію личной энергіи характе-

ровъ? какъ объяснить тотъ фактъ, что, въ современныхъ перипетіяхъ борьбы капитализма съ его врагами, буржуазія, вчера бывшая главною опорою свѣтскихъ началъ и подчиненія государственной власти дѣятельному контролю общества, вступаетъ теперь, въ виду этой борьбы, въ союзъ съ клерикализмомъ, съ милитаризмомъ и съ цезаризмомъ? какъ могли имѣть мѣсто нѣкоторые любопытные пріемы современной борьбы буржуазіи за свои хорошо или дурно понятые интересы, пріемы, которые сближаютъ нынѣшній протекціонизмъ, въ виду усиленія производства, съ протекціонизмомъ старинныхъ меркантилистовъ, заботившихся лишь о накопленіи монеты въ государственной казнѣ и у денежныхъ магнатовъ? Не слѣдуетъ ли считать, наконецъ, опасными симптомами для царства буржуазіи всѣ возникающія въ немъ модныя направленія эстетическаго творчества, которыя или понижали и понижаютъ уровень его идейнаго содержанія, или бичевали и бичуютъ именно формы мысли и жизни, наиболѣе тѣсно связанныя съ условіями существованія капиталистическаго строя?

Партія, враждебная капитализму, выступила и выступаетъ какъ преемница идейнаго теченія, направленнаго въ предъидущую эпоху на политическія и юридическія реформы, въ виду народнаго самоуправленія; но она переносила и переноситъ энтузіазмъ эпохи борьбы за политическія идеи на почву экономическую, которая, съ точки зрѣнія сторонниковъ этого направленія, одна могла и должна обусловить формы юридической и политической жизни. Эта партія имѣетъ въ виду не туманное демократическое представленіе о „народѣ", какъ одномъ цѣломъ, но установленное экономическою наукою понятіе о *классахъ* этого народа, интересы которыхъ, по этому взгляду на вещи, были и остались враждебными. Одинъ изъ этихъ классовъ, именно классъ сторонниковъ капитализма, не могъ установить сознательной общественной

солидарности въ силу основнаго принципа своего общественнаго міросозерцанія—принципа всеобщей конкурренціи. Другой же, классъ трудящихся, усвоившихъ классовое сознаніе, видѣлъ и видитъ единственное средство своего торжества я единственную возможность осуществить свою святыню солидарности — въ кооперацін, распространяющейся постепенно на все трудящееся человѣчество; когда онъ достигнетъ этой ступени своей эволюціи, тогда исчезнетъ, по убѣжденію представителей этого направленія, и разница классовъ, потому что сдѣлается невозможнымъ развитіе и самое существованіе личностей и группъ, живущихъ чужимъ трудомъ. Борьба за экономическое обезпеченіе всѣмъ трудящимся необходимаго была основною жизненною задачею сторонниковъ этихъ взглядовъ, но въ послѣднее время это представленіе довольно быстро переходитъ и даже отчасти перешло въ другое; именно въ жизненную цѣль доставить всѣмъ нынѣшнимъ „пасынкамъ цивилизаціи“ условія жизни, „достойныя человѣка“. Эта формула сдѣлала возможною эволюцію общественныхъ идеаловъ, не исключая самыхъ высшихъ, доступныхъ развитой личности. Поэтому армія противниковъ капиталистическаго строя охватила теперь однимъ общимъ стремленіемъ нѣсколько различныхъ группъ личностей, имѣющихъ въ виду различныя, но удобно-согласимыя задачи. Въ рядахъ этой арміи стоятъ и тѣ, которые концентрируютъ работу мысли на непосредственной задачѣ экономической борьбы труда съ капиталомъ. Къ этой арміи принадлежатъ и тѣ, которые усвоили мысль, что для успѣха въ этой борьбѣ, классъ пасынковъ цивилизаціи долженъ достигнуть политической власти и организовать эту власть сообразно экономическимъ требованіямъ побѣдившей партіи. Едва ли изъ нея кто-либо рѣшится исключить и тѣхъ, которые особенно заботятся о торжествѣ, въ процессѣ событій, высшихъ идейныхъ началъ солидарности всѣхъ трудящихся, личнаго развитія каждаго

изъ нихъ и справедливости въ ихъ отношеніяхъ какъ между собою, такъ и къ остаткамъ стараго міра; тѣхъ, которые придаютъ особеннее значеніе подготовленію въ борцахъ противъ капитализма и за диктатуру пролетаріата — строителей общественнаго организма, который дозволилъ бы воплощеніе въ жизнь только что упомянутыхъ высшихъ потребностей человѣка. Наконецъ армія противниковъ капитализма съ логическою необходимостью охватываетъ въ наше время и тѣхъ, которые убѣждены рядомъ теоретическихъ соображеній, что строй, къ которому они стремятся и въ которомъ они видятъ высшій, доступный нашему пониманію въ настоящее время, идеалъ цивилизаціи, есть не что иное, какъ естественный и необходимый продуктъ и всѣхъ прежнихъ формъ исторической жизни и самаго того капиталистическаго строя, на разрушеніе котораго ихъ товарищи всѣхъ группъ направляютъ всѣ свои умственныя силы и всю свою личную энергію.

Затрудненія, которыя историку мысли приходится признать какъ существовавшія и какъ существующія для успѣховъ этой партіи, не менѣе значительны, чѣмъ тѣ, которыя указаны выше для ихъ противниковъ, но это въ значительной долѣ затрудненія совсѣмъ иного свойства. Прежде всего это—затрудненія, встрѣчающіяся на пути всякой исторической партіи, борющейся противъ соперниковъ, господство которыхъ установилось и которые, какъ указано выше, имѣютъ въ своихъ рукахъ и бо̀льшую часть экономическихъ и политическихъ силъ общества, а также пользуется той весьма значительной силой сопротивленія, которую всегда противупоставляетъ установившійся порядокъ вещей тому, который стремится ниспровергнуть его. Затѣмъ, историкъ мысли не можетъ не принять въ соображеніе тотъ психическій процессъ, который имѣетъ мѣсто въ средѣ борцовъ за новое въ нашу эпоху, какъ онъ повторялся и въ другихъ случаяхъ исторіи, когда новое теченіе заявляло себя, какъ теченіе, прямо

противуположное предъидущему: почти всѣ сторонники новаго общественнаго идеала родились, развились, усвоили этотъ новый идеалъ и стали въ его защиту въ старой средѣ; эта среда была проникнута во всѣхъ своихъ формахъ и привычкахъ мысли старыми тенденціями, враждебными порядку вещей, который эти новаторы стремятся установить; имъ приходится бороться и *въ себѣ* съ переживаніями того стараго строя, противъ котораго они борятся *внѣ себя*. Уже побѣда надъ этимъ затрудненіемъ предполагаетъ большее напряженіе личной энергіи и личной работы мысли чѣмъ то, которое нужно сторонникамъ существующаго, имѣющимъ съ дѣтства передъ собою и тѣ же привычки и тотъ же общій планъ жизни. Но необходимость тщательной выработки личныхъ способностей въ данномъ случаѣ увеличивается еще потому, что изъ двухъ элементовъ (среды и личныхъ побужденій), которые, какъ указано выше [1]), обусловливаютъ ходъ событій исторіи, на первое мѣсто въ рядѣ задачъ, поставленныхъ исторіею предъ интеллигенціею этаго лагеря, становятся задачи личныхъ побужденій и личной роли волевыхъ аппаратовъ. На свою личную энергію и на свое личное пониманіе приходится разсчитывать всѣмъ участникамъ непосредственной борьбы труда противъ капитала. Она составляла и составляетъ необходимое условіе успѣха въ стремленіи нынѣшнихъ западноевропейскихъ и американскихъ пролетаріевъ организоваться въ самостоятельную политическую силу и достигнуть диктатуры. Уже по самой сущности нравственныхъ побужденій лишь въ актахъ личнаго убѣжденія, личной воли и личнаго участія въ общественной дѣятельности, можетъ воплотиться задача построенія царства справедливости. Слѣдовательно, изъ группъ перечисленныхъ выше [2]), какъ входящія въ составъ

---

1) См. стр. 114.

2) См. стр. 340.

арміи нынѣшнихъ противниковъ капитализма, лишь одна вводитъ въ свою аргументацію принципъ необходимаго хода событій, который *самъ собою* вырабатываетъ новый строй сознательной кооперацiи всѣхъ трудящихся изъ строя безусловной конкурренціи враждебныхъ между собою интересовъ, тогда какъ всѣ сторонники нынѣшняго капитализма ставятъ на первое мѣсто въ своемъ общественномъ пониманіи именно автоматическій подборъ господствующаго меньшинства въ процессѣ борьбы интересовъ. Въ цѣляхъ жизни, которыя преслѣдуетъ интеллигенція всѣхъ этихъ группъ, наименьшую роль играетъ соображеніе объ историческомъ детерминизмѣ, выводящемъ автоматически послѣдующее изъ предъидущаго. Все концентрируется, напротивъ, на дѣятельности личныхъ волевыхъ аппаратовъ. Получаетъ громадное значеніе способность личностей выработать въ себѣ прочное убѣжденіе, ясное пониманіе *своихъ* жизненныхъ задачъ, и энергическую рѣшимость осуществить эти задачи. Это осуществленіе совершается путемъ пропаганды личныхъ убѣжденій; путемъ участія личностей въ реальныхъ фазисахъ борьбы за доставленіе пасынкамъ цивилизаціи мѣста въ исторической жизни; наконецъ путемъ личнаго примѣра, который, при подобныхъ условіяхъ, оказывается очень часто дѣйствительнѣе всякой аргументаціи и всякихъ частныхъ уличныхъ побѣдъ. Независимо отъ своего личнаго развитія, историкъ современной мысли принужденъ признать, что самая *возможность* не только побѣды, но какого либо успѣха сторонниковъ партіи, о которой мы говоримъ, обусловлена степенью личнаго пониманія и личной энергіи, которыя каждый изъ нихъ вноситъ въ свою дѣятельность путемъ слова, дѣла и примѣра. *Лично* приходится имъ бороться противъ переживаній, устранить которыя имъ невозможно изъ среды, въ которой они живутъ. Переживаніе прошлаго вырабатываетъ въ нихъ и около нихъ наклонность къ конкурренціи

и на почвѣ экономическихъ интересовъ группъ и странъ, и на почвѣ фракціонныхъ споровъ изъ за частныхъ вопросовъ или изъ за власти; переживанія вызываютъ *здѣсь* отрицаніе партійной дисциплины, *тамъ*—нѣчто въ родѣ бюрократическаго строя; переживанія обнаруживаются въ ихъ средѣ и въ борьбѣ между различными элементами ихъ арміи, на которые указано выше: тотъ, кто поглощенъ интересами прямой борьбы съ капиталомъ и съ его политическими союзниками, относится слишкомъ часто съ пренебреженіемъ къ тому, для котораго на первомъ мѣстѣ стоитъ мотивъ построенія царства справедливости и объединенія трудящагося человѣчества въ виду его развитія; съ другой стороны, послѣдній столь же часто отказывается примириться съ печальными—но до сихъ поръ неустранимыми—условіями всякой общественной борьбы и всѣхъ политическихъ катастрофъ.—*Могутъ* ли быть устранены эти затрудненія, которыя приходится констатировать всякому добросовѣстному историку современной мысли? Есть ли въ прошедшемъ или въ настоящемъ указаніе на то, что, рядомъ съ классовымъ сознаніемъ, въ лагерѣ борцовъ противъ капитализма росло и растетъ, укрѣплялось и укрѣпляется сознаніе необходимости при данныхъ условіяхъ выработать въ себѣ и въ другихъ ту преданность своимъ общественнымъ идеаламъ, то личное пониманіе и ту личную энергію, которыя *одни* могутъ доставить успѣхъ при данныхъ условіяхъ? Эти вопросы приходится историку или считать спорными или давать имъ лишь гадательное рѣшеніе.

Нѣкоторымъ пособіемъ при попыткахъ приблизиться къ подобному рѣшенію можетъ служить объективное констатированіе нѣкоторыхъ фактовъ въ процессѣ творчества общественныхъ формъ, творчества эстетическаго и философскаго, за тотъ періодъ, когда господствующими агентами исторіи можно признать тѣ теченія мысли, о которыхъ мы только что говорили;

но отъ личнаго развитія историка въ значительной мѣрѣ зависитъ отнести тотъ или другой фактъ этихъ сложныхъ комбинацій къ преобладающему вліянію того или другаго изъ этихъ теченій. Остановимся на нѣкоторыхъ явленіяхъ, сюда относящихся,

Такъ, при общемъ направленіи въ послѣдніе сто лѣтъ работы творчества общественныхъ формъ къ замѣнѣ власти, устраняющей общественную иниціативу, самоуправленіемъ общества въ болѣе или менѣе демократическихъ формахъ съ болѣе или менѣе искуственною системою представительства, предъ историкомъ вдругъ возникаютъ эпизоды цезаризма (первой и второй французской имперіи, а затѣмъ имперіи германской), поддержаннаго одною частью господствующихъ классовъ и даже передовой умственной интеллигенціей (особенно въ современной Германіи). Историкъ мысли не можетъ отказаться отъ попытки разгадать, насколько условія борьбы труда съ капиталомъ обусловили эти эпизоды и какой изъ борющихся партій приходится приписать преобладающее вліяніе на то, что эти эпизоды могли имѣть мѣсто.

Точно также борьба съ клерикализмомъ была естественною задачею свѣтскаго государства, сознанною задачею интеллигенціи эпохи просвѣтителей, достигая своего апогея въ эпоху бурныхъ попытокъ къ народному самоуправленію, и осталась существеннымъ элементомъ политическихъ программъ передовыхъ политическихъ партій. Однако, съ половины нашего вѣка и до самыхъ послѣднихъ годовъ, обнаружилось и все растетъ не только вліяніе клерикализма въ его традиціонной организаціи духовной монархіи католицизма и болѣе или менѣе демократической федераціи протестантскихъ общинъ, но растутъ и симпатіи господствующихъ классовъ, модной литературы, философскихъ тенденцій въ ихъ несистематической формѣ— къ самымъ разнообразнымъ мистическимъ и символическимъ проявленіямъ некритической мысли; проявляется

и нѣкоторое отвращеніе къ раціональнымъ требованіямъ мысли критической. Истинно-научные умы нашего времени сознательно и безсознательно направляются къ выработкѣ научной философіи, устраняющей всѣ посторонніе ей элементы; они устанавливаютъ соціологію; они прямо заявляютъ, что наука не только въ области теоріи отвергаетъ неподвижность догматовъ, какъ противную человѣческой природѣ, но что научный прогрессъ требуетъ, въ области практики, „непрерывныхъ измѣненій въ организаціи государствъ, какъ слѣдствія этого прогресса". Однако, рядомъ съ этимъ, въ это самое время, въ умахъ большинства лицъ, которыхъ нельзя не отнести къ интеллигенціи, приходится констатировать поразительныя проявленія мистической и метафизической реакціи разнаго рода, дозволяющія нѣкоторымъ нервнымъ мыслителямъ опасаться даже возвращенія къ теократическимъ формамъ общества. Совпаденіе этаго довольно общаго явленія— въ которомъ можно констатировать даже нѣкоторую правильную эволюцію—съ заостреніемъ борьбы партій, о которыхъ говорилось выше, принуждаетъ историковъ современной мысли искать раціональную связь между тѣмъ и другимъ, и разглядывать, какіе классовые интересы воплощались въ это реакціонное явленіе нашего времени.

Той и другой изъ этихъ двухъ поразительныхъ на первый взглядъ аномалій въ ходѣ новой исторіи приходится, повидимому, искать наиболѣе удовлетворительное объясненіе въ томъ изъ трехъ основныхъ общественныхъ теченій, которое болѣе другихъ выказывало склонность къ пренебреженію послѣдовательности въ мысли и въ жизни, идейнаго начала вообще, и которое, при каждомъ отдѣльномъ вопросѣ, поставленномъ событіями, всего охотнѣе руководилось принципомъ *оппортюнизма*, т. е. попыткой рѣшить всякій поставленный вопросъ, какъ бы внѣ его никакихъ другихъ не было. Вражда къ идеологіи и склонность

употреблять „великія идеи“ лишь какъ лицемѣрную маску для личныхъ цѣлей были именно характеристичны для новой буржуазіи. Она была демократична и антиклерикальна въ эпоху, когда, при опредѣленной комбинаціи событій, главнымъ своимъ соперникомъ она считала привилегированныя сословія. Какъ только, въ послѣднія десятилѣтія, подобными—или даже болѣе опасными — врагами она стала считать соціалистовъ, никакое принципіальное побужденіе не оказалось на лицо въ буржуазной интеллигенціи, чтобы помѣшать ей искать союзниковъ въ клерикализмѣ и въ цезаризмѣ; „дикари же современной культуры“, составляющіе и теперь большинство въ буржуазіи, даже не могли ни понимать ни чувствовать разницы между „порядкомъ“, устанавливаемымъ штыками и уваженіемъ къ демократическому закону, или между модой на насмѣшки надъ религіей и подобною же модой на неосмысленное исполненіе ея обрядовъ.

Борьба трехъ указанныхъ теченій не оставалась безъ вліянія и на работу эстетической и философской мысли въ современную намъ эпоху.

Вымирающій псевдо-классицизмъ, разнообразныя формы романтизма, и традиціи служенія красотѣ, какъ чему то самостоятельному, были наслѣдствомъ прошлаго, воспринятымъ тѣмъ поколѣніемъ, которое усвоило сознаніе существующей классовой борьбы съ ея грозными общественными задачами. Противуположеніе идеалистической метафизики крайней дробности эмпирическихъ работъ спеціалистовъ точной науки было другимъ наслѣдствомъ, полученнымъ этимъ же поколѣніемъ. Между тѣмъ, въ представленіи о культурѣ царства буржуазіи и въ процессѣ логической эволюціи понятій, входившихъ въ составъ работы ученыхъ спеціалистовъ этой эпохи, заключались требованія, нераздѣльныя отъ задачъ эстетическаго и философскаго творчества. Въ заботы объ утонченномъ комфортѣ господствующаго класса, индифферентнаго къ идей-

нымъ интересамъ, входило требованіе украшеній жизни, доступныхъ на этой ступени эволюціи мысли, украшеній, которыхъ естественно было искать въ работѣ мысли эстетической. Съ другой стороны, наука въ своемъ прямолинейномъ ростѣ расширяла свою область на вопросы, которые не могли оставаться ни строго-спеціальными, ни чисто-эмпирическими. Дѣло шло о пониманіи физико-химическихъ явленій въ ихъ механическомъ обобщеніи и возникало *научное* понятіе о метаморфозахъ энергіи; дѣло шло о пониманіи органическаго міра въ его цѣломъ и въ его развитіи, и спеціалисты были поставлены предъ *научными* задачами біологическаго трансформизма и біологической эволюціи. Дѣло шло о пониманіи общественныхъ явленій въ ихъ комбинаціи и въ ихъ исторической роли, и предъ изслѣдователемъ возникла цѣлая группа новыхъ *научныхъ* задачъ: какое дѣйствительное отношеніе существуетъ между капиталомъ и трудомъ? Какова роль различныхъ общественныхъ процессовъ въ общемъ процессѣ жизни общества? можно ли считать общественныя явленія неизмѣнными, или же предъ нами *историческія категоріи*, фатально обреченныя на смѣну каждой изъ нихъ другими? какую роль играетъ личная иниціатива въ ходѣ событій? какъ зарождаются и развиваются идеи, движущія событія? въ чемъ состоитъ эволюція вѣрованій, учрежденій, творчества въ разныхъ его формахъ? что̀ мы знаемъ объ эволюціи солидарности и индивидуализма? каковъ дѣйствительный смыслъ термина *историческій прогрессъ?* Дѣло шло въ сферѣ строгой науки о чисто-философскомъ понятіи эволюціи, о роли въ *наукѣ* метода сравнительнаго и историческаго въ самомъ широкомъ философскомъ смыслѣ этихъ словъ. Дѣло шло о возможности или невозможности создать соціологію и научно понять исторію.

Эти наслѣдства и эти задачи вызывали и вызываютъ рядъ эстетическихъ теченій мысли и рядъ философ-

скихъ построеній, отчасти болѣе общихъ, отчасти ограниченныхъ болѣе частною областью.

Романтизму противуположился *натурализмъ* въ самыхъ непривлекательныхъ его формахъ. Крайній *эстетизмъ* заявлялъ свое равнодушіе ко всякому идейному содержанію и потребовалъ отъ художниковъ преклоненія передъ одною формою, обработка которой должна быть доведена до совершенства. Сторонники другой отрасли того же эстетизма, именно *импресіонисты*, отказались даже отъ обсужденія путей, способныхъ передать художественно-правдивое *представленіе* о предметѣ, и ограничились задачею передачи кистью, рѣзцомъ или словомъ непосредственнаго *впечатлѣнія*, получаемаго отъ предмета. Съ другой стороны *символизмъ* требовалъ отъ художника не той чарующей ясности въ созданныхъ имъ образахъ, которая когда-то была задачею и великихъ эпическихъ произведеній давняго времени и великихъ лириковъ и драматурговъ индивидуалистической поэзіи; онъ требовалъ смутныхъ намековъ, вызывающихъ лишь общее настроеніе и какъ бы продолженіе творчества художника въ работѣ мысли того, кто воспринималъ художественное произведеніе. Символистъ хотѣлъ, чтобы его статуя, картина, стихотвореніе были восприняты, какъ воспринимаютъ музыкальное созданіе, и это самое повело къ тому, что музыка явилась высшимъ и самымъ моднымъ искуствомъ эпохи.

Уже въ этихъ группахъ явленій въ области эстетическихъ вкусовъ дозволительно угадывать вліяніе того или другого основного общественнаго теченія, но трудно идти далѣе догадокъ. Такъ, въ ограниченіяхъ натурализма въ искусствѣ изображеніемъ самыхъ низшихъ побужденій, особенно—половыхъ, въ принципіальномъ пренебреженіи эстетизма къ идейному содержанію, въ ограниченіи импресіонизма поверхностными впечатлѣніями, въ отвращеніи символизма отъ ясныхъ представленій и понятій и въ модѣ на музыку—характе-

ризованную, по самой своей сущности, отсутствіемъ вполнѣ-опредѣленныхъ образовъ и преобладаніемъ смѣны настроеній—было не особенно дерзко угадывать вліяніе того историческаго теченія, которое относилось враждебно къ идеологіи, стремилось устранить всѣ заботы этой области, заглушало жаждою чувственныхъ оргій и утонченнаго комфорта грозный призракъ все обостряющейся классовой борьбы, и старалось забыть въ заботѣ о формѣ, о символѣ, о неопредѣленномъ настроеніи—реальныя задачи и опасности, которыя надвигались все неотразимѣе на жуировъ и эстетовъ; при этомъ въ символизмѣ не особенно было трудно признать одно изъ проявленій мистической реакціи въ направленіи средневѣковаго строя мысли, реакціи, о которой было сказано выше.

Не было противорѣчія и въ томъ, чтобы признавать въ другихъ элементахъ тѣхъ же самыхъ фазисовъ работы эстетической мысли тенденціи противуположнаго свойства: въ натурализмѣ проявляются требованія критики, направленной на реальный міръ и реальное общество въ его самыхъ болѣзненныхъ явленіяхъ; въ эстетизмѣ — критическое изученіе всѣхъ частностей формы, что́ неизбѣжно вело къ вопросу о ея отношеніи къ содержанію; въ импрессіонизмѣ отражается отчасти то самое тщательное изслѣдованіе элементарныхъ психическихъ явленій, которое въ то же самое время перерабатывало психологію, замѣняя умозрѣнія о „душѣ“ изученіемъ и разложеніемъ ощущеній; въ символизмѣ, наконецъ, приходится признать болѣзненное—потому, что связанное съ мистикою—но тѣмъ не менѣе довольно-опредѣленное противодѣйствіе проповѣди эстетовъ о необходимости подчинить въ искуствѣ все заботѣ о формѣ, а въ жизни дать преобладаніе заботамъ эстетическимъ. Кромѣ того, чуть ли не во всѣхъ этихъ направленіяхъ эстетическаго творчества сохранилась традиція романтическаго отвращенія отъ пошлости буржуазной культуры, традиція, являвшаяся

вреднымъ переживаніемъ для господства этой культуры, жизненнымъ элементомъ для ея общественныхъ враговъ. Тѣмъ не менѣе при этихъ сближеніяхъ трудно выйти изъ области гадательнаго.

Уже съ вѣроятностью, гораздо болѣе значительною, можно говорить о подобныхъ явленіяхъ въ двухъ дальнѣйшихъ областяхъ эстетическаго творчества послѣднихъ десятилѣтій. Это, во первыхъ, общественная сатира въ романахъ, въ драмѣ, въ журнальной полемикѣ; она была направлена противу всѣхъ основныхъ и второстепенныхъ явленій современной жизни; въ большей части случаевъ не выставляла никакого опредѣленнаго политическаго или соціальнаго знамени, никакой практической программы, но, въ своемъ стремленіи къ правдивой картинѣ существующаго зла, низменности побужденій въ господствующихъ классахъ, лицемѣрія ихъ показныхъ чуствъ и идей, эта сатира подрывала всѣ основы буржуазнаго міра и, тѣмъ самымъ, являлась иногда преднамѣреннымъ, но большею частью невольнымъ союзникомъ его противниковъ, тѣмъ болѣе могучимъ, что художественная правдивость и литературный успѣхъ въ интеллигенціи всего чаще оказывались на сторонѣ этихъ эстетическихъ враговъ новой буржуазіи, враговъ, оставившихъ уже далеко за собою романтиковъ, напиравшихъ лишь на пошлость и на неэстетичность современной имъ буржуазіи. И особенно знаменательно обстоятельство, что эстетическое проявленіе этой сатирической литературы и даже мода на нее установилась и устанавливается какъ разъ въ эпоху, когда матеріальныя средства, способныя поддерживать литературу и искуство, находились и находятся въ рукахъ этой самой буржуазіи, — Еще гораздо болѣе широкое мѣсто въ проявленіи эстетическихъ вкусовъ послѣдняго времени, въ связи съ общими соціальными вліяніями, занимаетъ искуство и литература, представляющія какъ бы полярную противуположность предъидущему, именно искуство и литература

рыночныя, открыто преслѣдующія цѣли чисто-экономической конкурренціи; тутъ только-что упомянутыя моды натурализма, импрессіонизма, символизма или безсодержательнаго эстетизма и т. под. выступаютъ какъ бы случайными эпизодами на общемъ фонѣ рыночной борьбы, которая вноситъ въ процессъ „сочинительства“, литературнаго и художественнаго „ремесла“, исключительную заботу о ходкости эстетическаго товара, поставляемаго на рынокъ. Изъ продуктовъ этого ходкаго производства огромное большинство не имѣетъ никакого эстетическаго достоинства, однако въ другихъ нельзя не признать его даже въ довольно значительной мѣрѣ; но и въ тѣхъ и въ другихъ историкъ современной мысли можетъ прослѣдить съ поразительною ясностью и низменность нравовъ общества, созданныхъ современнымъ царствомъ буржуазныхъ интересовъ, и опошленіе литературныхъ и художественныхъ вкусовъ, и полное безсиліе даже замѣчательныхъ художниковъ создать правдивые *положительные* типы. Послѣдній симптомъ всего естественнѣе сблизить съ еще бо́льшимъ безсиліемъ реальнаго общества, усвоившаго буржуазную культуру, выработать реальныя личности подобныхъ положительныхъ типовъ внѣ рядовъ людей, враждебныхъ тому самому строю, который теперь господствуетъ. Вглядываясь внимательно во всю совокупность продуктовъ того творчества, которое въ послѣднее время можно отнести къ эстетическимъ побужденіямъ, или къ еще болѣе широкимъ побужденіямъ украшенія жизни, историкъ современной мысли можетъ быть наведенъ отчасти на положительные выводы, отчасти же на болѣе или менѣе правдоподобныя догадки о томъ, каковы шансы той или другой изъ двухъ борющихся общественныхъ партій восторжествовать въ столкновеніи буржуазной культуры съ ея перестроителями.

Въ философскихъ теченіяхъ нашего вѣка на первое мѣсто, по значенію для разсматриваемаго здѣсь вопроса, приходится поставить *эволюціонизмъ* въ разныхъ его·

формахъ (отчасти даже метафизическихъ) какъ теоретически объединяющее міросозерцаніе, выросшее на почвѣ строгой науки, охватившее почти всѣ ея отрасли и связавшее почти непроизвольно задачи спеціально-научныя съ философскими: эволюціонизмъ нашего времени, въ его лучшихъ представителяхъ, опирается исключительно на точно-констатированные, отдѣльные факты, или на такіе, вѣроятность которыхъ точно оцѣнена; но въ то же время онъ ставитъ задачею установленіе связи между всѣми подобными фактами. До сихъ поръ обѣ борющіяся партіи относились къ нему благопріятно. Врагамъ капитализма принципъ эволюціонизма дозволилъ смотрѣть на капитализмъ, какъ на историческую категорію, подлежащую замѣнѣ другою, столь же правомѣрною; слѣдовательно, передовыя личности получили нравственное право направить свои силы и свою энергію на *возможную* задачу этаго общественнаго измѣненія. Сторонники же противуположнаго теченія видѣли въ этомъ ученіи оружіе противъ непосредственныхъ соціальныхъ опасностей. Предшествовавшая эпоха передала одной части интеллигенціи нашего времени идеализацію революціонныхъ катастрофъ и наклонность къ нимъ, перенося въ средѣ нѣкоторыхъ группъ это представленіе изъ сферы политической въ сферу соціальную. Сторонники капитализма пытались противуположить логически, какъ *нормальный*, процессъ мирной и постепенной *эволюціи* всѣмъ призывамъ къ *паталогическому* будто-бы явленію революціонныхъ катастрофъ. Точно также—если еще не въ болѣе значительной мѣрѣ—и та и другая партія искала философскаго оружія въ пользу своихъ соціальныхъ тенденцій въ болѣе частной идеѣ, выдвинутой попутно эволюціонизмомъ, именно въ идеѣ *борьбы за существованіе*, идеѣ, которою сторонники капиталистическаго строя думали оправдать свой основной принципъ всеобщей экономической конкурренціи, тогда какъ ихъ противники указывали въ ней же философскій базисъ,

во первыхъ, для основного принципа своего пониманія исторіи—для классовой борьбы; во вторыхъ, для своего стремленія къ солидарному союзу рабочихъ, какъ къ лучшему оружію въ этой самой классовой борьбѣ. По мѣрѣ роста въ буржуазіи наклонности вступать въ союзъ, для своей обороны, съ переживаніями клерикальныхъ тенденцій и съ милитаризмомъ, стала въ послѣднее время рости въ проявленіяхъ реакціи враждебность къ эволюціонизму съ его неизбѣжными логическими выводами, но слишкомъ глубокіе корни, которые это міросозерцаніе пустило въ точныхъ наукахъ, едва ли позволяютъ сторонникамъ этой временной тенденціи разсчитывать на успѣхъ.

Можетъ быть на ряду съ предъидущимъ приходится историку мысли поставить *позитивизмъ*, какъ первую вполнѣ опредѣленную постановку (хотя и не рѣшеніе) задачъ научной философіи, устраняющей всѣ посторонніе ей примѣси, и какъ первую попытку философски-установить и отграничить соціологію, какъ особенную науку, въ то же время завершающую все систематическое зданіе наукъ. Но, съ одной стороны, обѣ эти особенности, при ихъ громадномъ теоретическомъ значеніи, не представляли особенно удобной почвы для борьбы общественныхъ партій, и если въ послѣднее время буржуазія обнаружила наклонность стать въ ряды враговъ научнаго позитивизма, она сдѣлала это лишь въ той мѣрѣ, въ какой она считаетъ нужнымъ опираться на сторонниковъ переживаній средневѣкового строя мысли. Съ другой стороны, позитивизмъ, въ той формѣ, которую онъ дѣйствительно принялъ въ эволюціи мысли, распался на двѣ враждебныя отрасли, изъ которыхъ отрасль наиболѣе (или даже исключительно) научная обнаружила свое подпаденіе вліянію современнаго идейнаго индифферентизма въ томъ, что отказалась отъ систематическаго внесенія въ свою систему какого бы то ни было присущаго этому міросозерцанію нравственнаго ученія;

слѣдовательно эти позитивисты отказались отъ основной задачи философіи въ томъ видѣ, въ какомъ эта задача была издавна поставлена предъ мыслителями новой Европы [1]). Другая отрасль позитивизма (контизмъ, какъ ее обыкновенно называютъ) поставила себѣ задачу, противурѣчащую основной роли ученія, именно задачу создать новую религію. Знаменательно, что объектомъ этой религіи контисты поставили человѣчество въ его единствѣ, т. е. идею, какъ разъ противуположную капиталистическому догмату всеобщей конкурренціи; тѣмъ самымъ контисты какъ бы признавали святынею общечеловѣческую солидарность, выставленную противниками капитализма. Предъидущее не мѣшало всѣмъ главнымъ представителямъ этого ученія въ своихъ соціологическихъ и историческихъ умозрѣніяхъ, быть скорѣе враждебными по отношенію къ противникамъ капитализма. Именно эти теоретическія и практическія аномаліи едва ли дозволяютъ историку мысли признать за позитивизмомъ ту историческую роль въ попыткахъ рѣшить современныя задачи мысли, которая, казалось, принадлежала бы ему по его замѣчательной теоретической постановкѣ научно-философскихъ задачъ. — Въ связи съ позитивизмомъ можно, по видимому, упомянуть и *агностицизмъ*, точка исхода котораго, по своей сущности, не отличалась отъ основныхъ принциповъ позитивизма, но который, при недостаточной выработкѣ характеристичной для него идеи „непознаваемаго", уступилъ въ ней нѣкоторую почву переживанію метафизики и едва ли могъ до сихъ поръ отъ нея вполнѣ освободиться.

Изъ другихъ болѣе частныхъ продуктовъ философской мысли послѣднихъ эпохъ историкъ мысли отмѣтитъ, вѣроятно, *утилитаризмъ*, который, казалось бы, долженъ былъ сдѣлаться руководящимъ практическимъ ученіемъ буржуазіи; но, въ своей реальной

---

[1]) См. стр. 210 и слѣд.

эволюціи, онъ пришелъ къ идеѣ „наибольшаго количества наслажденій и наименьшаго количества страданій для *наибольшаго* числа людей“, идеѣ, перебросившей его сразу въ ряды подготовителей общественнаго строя, противуположнаго общественному идеалу прогрессивной эволюціи путемъ развитія меньшинства; затѣмъ позже, когда передовые утилитаристы признали разницу между наслажденіями не только количественную, но и качественную, разница между ихъ этическимъ ученіемъ и нѣкоторыми другими потеряла всякое особенное значеніе.

Историкъ отмѣтитъ въ этой области почти неизбѣжно и *пессимизмъ*, распространеніе котораго (совершенно независимо отъ того метафизическаго ученія о безусловной волѣ, на почвѣ котораго пессимизмъ выросъ) съ нѣкоторою вѣроятностью можно сблизить съ деморализаціею, внесенною въ современные умы опасностью классовой борьбы и разочарованіемъ господствующихъ классовъ во всѣхъ ихъ старинныхъ идеалахъ и надеждахъ; тогда какъ, въ болѣе узкомъ своемъ приложеніи—именно въ ученіи, что *нынѣшнія* формы общественной и государственной жизни не позволяютъ надѣяться ни на какой благопріятный исходъ изъ общественныхъ затрудненій — пессимизмъ былъ и остался элементомъ враждебнымъ капиталистическому строю.

Въ *эклектизмѣ*, пытавшемся сдѣлаться оффиціальною философіею французской буржуазіи, уже безъ труда можно констатировать непосредственное проявленіе недодуманности и того идейнаго лицемѣрія, которое составляетъ въ нынѣшнемъ обществѣ одинъ изъ главныхъ объектовъ художественной и публицистической сатиры, о которой сказано выше. Наконецъ *новый матеріализмъ*, *антропологизмъ*, *новый критицизмъ* и близкія къ этому частныя критическія философскія ученія суть—въ значительной мѣрѣ созна-

тельно — направленія мысли, непосредственно благопріятныя для враговъ капитализма.

Какъ общій характеръ историческихъ особенностей почти всѣхъ этихъ ученій, съ ихъ враждебными другъ другу элементами — иногда даже противурѣчивыми въ одномъ и томъ же ученіи—едва ли не поразитъ историка мысли то обстоятельство, что они всѣ склонны подрывать разсчетъ на личную инниціативу и энергію воли у отдѣльныхъ особей, въ то самое время, когда догматъ всеобщей конкурренціи, характеризующій царство буржуазіи, требуетъ, какъ было сказано [1]), непремѣннымъ условіемъ прочности этого царства особенное развитіе и этой инициіативы и этой энергіи.— Лишь личное развитіе историка мысли можетъ ему позволить надлежащимъ образомъ понять этотъ знаменательный фактъ въ эволюціи современной мысли и его роль въ современной исторіи.

При изложеніи схемы исторіи средневѣковой мысли было указано [2]) на пользу обратить вниманіе при этомъ на націи и страны, въ которыхъ процессъ исторической эволюціи видоизмѣнялся вслѣдствіе нѣкоторыхъ частныхъ или мѣстныхъ условій, и одинъ изъ подобныхъ случаевъ представился для культуры Московскаго царства. Можетъ быть, въ болѣе новое время, петербургскій періодъ исторіи Россіи представляетъ подобный же эпизодъ, заслуживающій спеціальнаго вниманія. При этомъ возникаютъ вопросы: почему именно въ Россіи Петръ I представилъ ранѣе чѣмъ въ другихъ странахъ вполнѣ-опредѣленный образчикъ типа неограниченнаго монарха-реформатора, типа, который на западѣ выработался позже? почему дальнѣйшіе фазисы эволюціи въ этомъ случаѣ приняли гораздо болѣе характеръ политическій и соціальный, тогда какъ борьба противъ „l'infame", столь характеристичная для эпохи энциклопедистовъ, не проявляясь у насъ никакимъ яркимъ фактомъ, совершалась въ интеллигенціи какъ бы сама собою, вызывая въ массахъ явленія раскола, которыя всего справедливѣе, повидимому, отнести къ переживаніямъ? и почему, тѣмъ не менѣе, въ ближайшія къ намъ десятилѣтія общеевропейской реакціи, русская интеллигенція обнаружила болѣзненныя явленія

[1]) См. стр. 337.
[2]) См. стр. 546 и слѣд.

склонности къ метафизикѣ, къ мистицизму и формы декаденства, совершенно-однородныя съ тѣмъ, что мы видимъ на западѣ, становясь въ то же время въ разрѣзъ со своею недавнею традиціею, повидимому вполнѣ здоровою? Почему, наконецъ, и фазисы, чрезъ которые проходила мысль русской передовой интеллигенціи, въ ея знаменательной зависимости отъ хода европейской исторіи, и современная постановка основныхъ соціальныхъ и политическихъ вопросовъ мысли и жизни въ этой интеллигенціи, въ однихъ отношеніяхъ совершенно сходна съ тѣмъ, что мы видимъ на западѣ, въ другихъ же представляетъ характеристическія отличія? Иныя изъ этихъ явленій легко объяснить, другія можно попытаться понять лишь гадательно; но изученіе въ русскомъ идейномъ движеніи новаго времени и элементовъ его подражанія западу, и его особенностей, и его попытокъ установить свою національную самостоятельность въ культурѣ и въ мысли—попытокъ, почти фатально приводившихъ къ опредѣленно-реакціоннымъ теченіямъ—можетъ, повидимому, значительно содѣйствовать лучшему пониманію эволюціи мысли не только въ нашемъ отечествѣ, но и въ странахъ, подъ идейнымъ вліяніемъ которыхъ находилась и во многихъ случаяхъ осталась русская интеллигенція.

Чрезъ какіе нибудь сто лѣтъ, можетъ быть, подобный же или даже еще болѣе любопытный типъ представитъ Японія, но въ настоящую минуту она находится лишь въ первомъ фазисѣ процесса втягиванія ея въ общечеловѣческую исторію мысли, и данныя, представляемыя ею историку мысли, еще недостаточны.

Такимъ образомъ, на основаніи только что изложенной—въ наибольшей части гипотетической—схемы исторіи мысли можно сказать, что предъ современною интеллигенціею и предъ той долею массъ, на которую распространилось уже ея вліяніе, исторія ставитъ слѣдующіе вопросы:

Пойдетъ ли человѣчество по пути фактической и принципіальной всеобщей конкурренціи, въ разсчетѣ выработать все болѣе утонченную культуру и все болѣе гибкую мысль небольшого меньшинства, существованіе и развитіе котораго предполагаетъ трудъ массы пасынковъ цивилизаціи, остающихся фатально внѣ исторіи и принужденныхъ примириться съ этою своею судьбою? или-же оно пойдетъ по пути все болѣе полной и сознательной кооперации всего трудя-

щагося человѣчества для его возможно-широкаго и непринудительнаго развитія?

Поставитъ ли себѣ теоретическая мысль современной интеллигенціи неуклонною задачею вырабатывать все болѣе цѣльное пониманіе міра, человѣка и общества путемъ чисто-научныхъ пріемовъ и гипотезъ, устраняя метафизическій и мистическій элементъ, въ нашей культурѣ существующій и въ нее все болѣе явно проникающій? Или же побѣдитъ та потребность въ некритическихъ элементахъ мысли, которую въ ближайшія къ намъ десятилѣтія все большее число личностей изъ интеллигенціи признаетъ потребностью здоровою и нормальною, провозглашая несостоятельность и „банкротство" науки?

Въ числѣ важнѣйшихъ научныхъ задачъ нашего времени слѣдуетъ ли поставить установленіе соціологіи, какъ особой самостоятельной науки о явленіяхъ солидарности въ группахъ сознательныхъ особей; науки, которая является завершеніемъ системъ наукъ вообще въ ихъ нынѣшнемъ состояніи, и которая характеризована еще тою особенностью, что практическія приложенія ея истинъ составляютъ невыдѣлимое условіе надлежащаго ихъ пониманія? Или же этотъ комплексъ фактовъ и умозрѣній, точно также какъ тѣсно-связанная съ нимъ продуманная исторія — окажутся вовсе не науками, а могутъ быть отнесены теоретически къ области личныхъ ненаучныхъ соображеній, при чемъ общественныя явленія и общественная роль личностей останутся въ области эмпиризма и случайности; для исторіи же раціональными задачами окажутся только, или эрудиція, занимающаяся отдѣльными фактами, или художественное воскрешеніе эпохъ и типическихъ личностей, о научномъ же ихъ пониманіи не должно быть и рѣчи?

Можетъ ли современная интеллигенція поставить себѣ сознательною и нравственно-обязательною цѣлью, идейною святынею, солидарность наибольшаго возмож-

наго числа личностей, съ столь же яснымъ сознаніемъ и съ такою же нравственною обязательностью стремящихся къ наибольшему личному развитію (хотя бы борющіяся группы этой интеллигенціи думали осуществить эту солидарность и это развитіе, одна—свободною коопераціею трудящихся массъ, другая — устраненіемъ всякаго протеста въ этихъ массахъ, приспособившихся къ труду на пользу господствующаго и развивающагося меньшинства)? Или же это соглашеніе двухъ элементовъ прогресса будетъ признано невозможнымъ и человѣчество будетъ вѣчно поставлено предъ дилеммою: или крѣпкая солидарность при подавленіи развитія отдѣльной личности; или же сильное и разностороннее развитіе личностей, отрекшихся отъ всякой идейной солидарности?

Въ современномъ фазисѣ исторіи, въ дальнѣйшемъ ея ходѣ и въ выработкѣ типическихъ по своему развитію личностей, слѣдуетъ ли признать преобладающимъ начало универсализма, сближающаго личности и ихъ группы и раздѣляющаго ихъ, помимо антропологическаго ихъ сходства или различія и политическаго обособленія, исключительно на почвѣ одинаковой или различной ступени развитія ими достигнутой? Или же преобладающая роль принадлежитъ и будетъ принадлежать въ ближайшемъ будущемъ раздѣляющему началу расъ и національностей, теперь такъ громко провозглашенному его сторонниками, при стремленіи обусловить этимъ расовымъ и національнымъ сепаратизмомъ и ходъ политическихъ событій?

Въ тѣхъ случаяхъ, когда личности, группы личностей и цѣлые народы вызываются къ дѣятельности различными — или даже противурѣчивыми — мотивами дѣйствія, вырабатывается ли въ человѣчествѣ и въ его наиболѣе развитыхъ представителяхъ наклонность искать рѣшеніе трудныхъ вопросовъ преимущественно въ личномъ убѣжденіи и въ критической оцѣнкѣ жизненныхъ цѣлей? Или же человѣкъ все болѣе стремится

руководствоваться въ подобныхъ случаяхъ внѣшними критеріями: обычаемъ среды, модою кружка, мнѣніемъ большинства, декретами власти, текстомъ положительнаго закона, и т. под.?

Ограничимся пока хотя бы этими вопросами. Едва ли историкъ мысли, поставившій себѣ задачею понять наше время въ его характеристическихъ чертахъ, въ его зависимости отъ прошлаго и въ его ожиданіяхъ отъ будущаго, можетъ обойтись безъ попытки такъ или иначе рѣшить ихъ.

Конечно было бы вовсе ненаучно считать ихъ вопросами окончательными. Эволюція человѣчества, въ его переработкѣ культуры мыслью, остановиться не можетъ, будутъ ли ея фазисы здоровыми или болѣзненными, нормальными или обнаруживающими временное отклоненіе отъ нормы, прогрессивными или регрессивными. Возникнутъ неизбѣжно фазисы, когда всякая схема исторіи мысли, теперь возможная, окажется неполною, недостаточною, а отчасти и вовсе несостоятельною; когда въ томъ, что развитой человѣкъ теперь признаетъ переживаніемъ, окажутся элементы жизненные, а то, что для него—элементъ жизненный, обнаружится какъ вредное переживаніе; когда будущій историкъ будетъ удивленъ, открывая въ явленіяхъ, имѣющихъ мѣсто среди насъ, но ускользающихъ отъ нашего наблюденія, зародыши или громадныхъ завоеваній будущаго человѣчества или же его самыхъ мучительныхъ страданій. Кое что изъ комплекса будущихъ вопросовъ, которые поставитъ исторія народамъ, можно разглядѣть или угадать, но нѣтъ сомнѣнія, что для большей ихъ части это намъ невозможно. Мы можемъ утверждать одно: подобные вопросы *будутъ* поставлены и матеріалъ для ихъ постановки, для попытокъ рѣшить ихъ, даже для самаго ихъ рѣшенія въ томъ или другомъ направленіи, *мы* теперь подготовляемъ нашимъ коллективнымъ и индивидуальнымъ участіемъ въ исторической жизни, и подготовимъ его.

Оставимъ будущимъ историкамъ мысли заботу о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя могутъ быть внесены и будутъ неизбѣжно внесены въ схему ея исторіи на основаніи соображеній, для которыхъ теперь не существуетъ достаточныхъ—или даже никакихъ—данныхъ. Выскажемъ искреннее убѣжденіе, что другіе современные писатели, обладающіе большей исторической эрудиціей и болѣе проницательнымъ взглядомъ на прошлое, чѣмъ пишущій эти строки, по всей вѣроятности построили бы иную схему, гораздо болѣе удовлетворительную. И резюмируемъ въ немногихъ строкахъ, то, что изложено на предшествующихъ страницахъ. Эти строки имѣютъ цѣлью еще разъ указать, на сколько только что указанные вопросы—которые, по нашему мнѣнію, исторія ставитъ нашему времени — оказываются подготовленными всѣмъ ходомъ предшествующей исторіи.

Когда въ зоологическомъ мірѣ выработывались въ борьбѣ за существованіе орудія, необходимыя или полезныя въ этой борьбѣ, тогда уже выработка, въ числѣ важнѣйшихъ изъ этихъ орудій, сознательныхъ процессовъ въ особяхъ и солидарнаго общежитія въ скопленіяхъ особей подготовляла современный вопросъ о роли солидарности и сознательныхъ процессовъ въ прошломъ, въ настоящемъ и въ будущемъ.

Когда у древняго доисторическаго дикаря впервые явилась склонность не только къ употребленію техническихъ пріемовъ—реальныхъ или фантастическихъ—для удовлетворенія своихъ элементарныхъ потребностей или для обезпеченія себѣ удачи въ предпріятіяхъ, но также къ составленію въ своемъ умѣ и къ уясненію въ себѣ *представленія* о томъ, почему такой-то пріемъ труда или колдовства годенъ въ данномъ случаѣ, на какія реальныя препятствія направляется его трудъ и къ какимъ предметамъ, неопредѣленнымъ силамъ или опредѣленнымъ сверхестественнымъ пособникамъ обращается его заклинаніе—тогда было положено основаніе длинному и разнообразному ряду представ-

леній, понятій, продуктовъ творчества, методовъ критики фактовъ, построеній сложныхъ міросозерцаній, ряду, въ который вошли всѣ религіи, всѣ созданія искуства, всѣ науки, всѣ философіи, и который поставилъ наше время предъ задачами современной точной науки во всѣхъ ея спеціальныхъ развѣтвленіяхъ; передъ задачами современнаго научнаго міросозерцанія, чуждаго всякой метафизики и всякой мистики; современнаго искуства съ его требованіями правдивости въ изящныхъ формахъ; точно также какъ къ предшествующимъ ступенямъ того же ряда принадлежатъ всѣ тѣ вредныя переживанія лже-наукъ, некритическихъ вѣрованій, метафизическихъ умозрѣній и эстетическихъ отклоненій отъ правды, и уродствъ, съ которыми приходится бороться истиннымъ ученымъ, мыслителямъ и художникамъ нашего времени.

Когда въ сознательныхъ процессахъ человѣка обособилось наслажденіе развитіемъ и потребность его, когда это вступленіе народовъ въ жизнь историческую обусловило выдѣленіе интеллигенціи съ ея борьбою за сознанные интересы, тогда, въ этой борьбѣ коренились и зародыши всей позднѣйшей эксплуатаціи интеллигенціею массъ, коренилась и нынѣшняя теорія меньшинства, вырабатывающаго высшую культуру на почвѣ труда большинства. Но въ той же потребности этой интеллигенціи развиваться интеллектуально, независимо отъ ея желанія и ея интересовъ, фатально подготовлялась и выработывалась также мысль критическая съ ея задачами научнаго мышленія, универсализма и нравственнаго императива; а эти элементы критической мысли съ такою же необходимостью подготовляли современное требованіе чисто-научной философіи, современное представленіе объ универсалистической солидарности всѣхъ трудящихся и о нравственной обязательности для личности, въ силу своего индивидуальнаго убѣжденія, положить всѣ свои умственныя силы и всю свою личную энергію на осуществле-

ніе своихъ личныхъ и общественныхъ идеаловъ, все равно — господствуютъ ли въ этихъ идеалахъ идеи коопераціи или конкурренціи.

Когда научное мышленіе разъ установило свои пріемы, то никакія отклоненія, даже самыя характеристичныя, въ область мистики и метафизики не могли устоять противъ завоеваній въ области науки: могли пройти сотни и тысячи лѣтъ замиранія научной критики, но логическій ходъ ея работы продолжался неуклонно, расширяя ее во всѣхъ направленіяхъ и накопляя точные факты, которые уже сами собою сцѣплялись въ объединяющіе законы при помощи критически-оцѣниваемыхъ гипотезъ. Первыя же работы Евклида и Архимеда были непосредственнымъ подготовленіемъ теорій всемірнаго тяготѣнія, всеобщей трансформаціи энергіи, всеобщаго трансформизма организмовъ, наконецъ теоріи современнаго капитализма, какъ исторической категоріи; и каждый шагъ этого подготовленія вызывалъ неизбѣжно послѣдующіе шаги въ томъ же направленіи.

Когда въ политической мысли античнаго міра впервые возникла идея о законѣ, не только обычномъ или принудительномъ, но о внесеніи разума въ законъ — т. е. о подчиненіи декретовъ и „правдъ" критическому процессу мысли, — о государствѣ правовомъ, — тогда въ этой самой постановкѣ вопроса заключались уже въ зародышѣ всѣ перипетіи сложнаго процесса эволюціи идей права, государственности, наилучшей государственной формы, наконецъ отношенія этихъ идей къ обязательности личнаго нравственнаго убѣжденія; логически были тогда обусловлены въ будущемъ и борьба между различными формами правленія, и вопросъ о раздѣленіи властей, и смѣна представленія объ опекѣ надъ народомъ представленіемъ о самоуправленіи народа, и столкновеніе легальной обязательности съ обязательностью индивидуально-нравственнаго убѣжденія, и переходъ идеи права отъ высшаго разумнаго

начала въ мотивъ, подчиненный началу общественнаго блага и принципамъ нравственности; наконецъ разложеніе идеи государственной принудительности, обусловившее большее укрѣпленіе и уясненіе идеи общества, какъ солидарнаго коллективнаго организма,

Когда впервые принципъ универсализма изъ сферы личныхъ соображеній мыслителей и изъ школъ философіи перешелъ въ форму аффективнаго влеченія массъ, тогда ни громадный слой фантастическаго и мистическаго матеріала, сперва связанный съ этимъ принципомъ ходомъ событій, ни многочисленныя противурѣчія въ формѣ постановки вопроса объ *этомъ* универсализмѣ, ни его невозможныя требованія игнорировать или подавить естественныя влеченія и насущные интересы—не могли уже помѣшать той широкой эволюціи, которую этотъ принципъ заключалъ въ себѣ, какъ необходимое слѣдствіе. Именно противурѣчія, заключавшіеся въ первомъ универсалистическомъ построеніи, доступномъ массамъ, вызывали въ интеллигенціи снова и снова критику этого построенія; именно волнующій мистическій аффектъ заставлялъ интеллигенцію, еще мало упражнявшуюся въ критикѣ, съ бо̀льшимъ энтузіазмомъ идеализировать свои универсалистическія побужденія и, въ то же самое время, упражняться въ критикѣ, подрывавшей и этотъ аффектъ и средневѣковую культуру, пытавшуюся на него опереться, а это вело неизбѣжно европейскіе народы къ новой свѣтской цивилизаціи. Именно невозможность побѣдить борьбу интересовъ, главнаго двигателя предшествующей исторіи, силою мистическихъ идеаловъ отрѣченія отъ міра и прямой враждебности ко всѣмъ низшимъ естественнымъ потребностямъ, вызывало мыслителей на поиски универсализма, имѣющаго *иныя* основанія, и должно было, наконецъ, вызвать въ передовыхъ умахъ идею такого универсализма, который въ самой своей сущности опирается на экономическіе интересы большинства нынѣшнихъ пасынковъ циви-

лизаціи и приводитъ не къ противурѣчію, а скорѣе къ отождествленію низшихъ и высшихъ интересовъ человѣчества.

Когда въ процессѣ борьбы противъ мистическихъ образовъ и соображеній и противъ патологическихъ формъ общественнаго строя, на нихъ опирающихся, при помощи эмпирическихъ пріемовъ творчества общественныхъ формъ, и римской государственной правовой традиціи, попытка средневѣковой культуры рухнула, предоставляя побѣду свѣтскому государству, тогда самыя условія происхожденія свѣтскаго государства и его существованія подготовляли съ логическою необходимостью и явленія просвѣтительнаго абсолютизма и политическія катастрофы, вызванныя попытками народнаго самоуправленія. Эти же катастрофы и послѣдовавшее за ними политическое разочарованіе, подорвавшее вѣру въ чисто-политическіе пріемы уже на глазахъ ближайшихъ поколѣній, съ такою же неизбѣжностью поставили одну противъ другой двѣ партіи, вражда между которыми такъ характеристична для западной Европы и для Америки нашего времени.

Констатируя это подготовленіе въ прошломъ будущихъ вопросовъ, выставляемыхъ исторіею предъ народами въ разныя эпохи, слѣдуетъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что общій ходъ событій можетъ обнаружить предъ историкомъ мысли неизбѣжность въ каждомъ случаѣ *постановки* того или другаго *вопроса*, тогда какъ то его рѣшеніе, которое изъ *возможнаго* сегодня дѣлается *дѣйствительнымъ* завтра, обусловливается сложною комбинаціею обстоятельствъ, въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ доступною въ ея частностяхъ и случайностяхъ пониманію историка. Вліяетъ распредѣленіе интеллектуальныхъ и нравственныхъ силъ интеллигенціи на характеръ обычаевъ или модъ въ средѣ культурныхъ дикарей данной страны. Въ особенности же вліяетъ индивидуальная выработка силы мысли и энергіи характера въ особяхъ, безъ индиви-

дуальной работы мысли и безъ индивидуальнаго акта воли которыхъ не можетъ обойтись ни одно историческое дѣло. Для обращенія исторически-возможнаго въ дѣйствительно-совершающееся трудно не признать преобладающую роль личностей, случайно поставленныхъ въ узлѣ событій данной эпохи, какъ правители или какъ демагоги; какъ пророки, окруженные ореоломъ фантастическихъ вѣрованій, или какъ отрицатели тѣхъ или другихъ особенностей современной имъ культуры; какъ типическіе представители общаго поднятія духа въ обществѣ, толкающаго массы на историческое дѣло, или столь же общаго упадка общественнаго духа, упадка, парализующаго всѣ попытки вызвать коллективный организмъ къ реагированію противъ соціальной болѣзни.

Это послѣднее обстоятельство принуждаетъ прибавить къ сдѣланному выше перечню основныхъ вопросовъ, которые поставлены исторіей предъ нашимъ временемъ, еще одинъ вопросъ:

Къ какому результату для мыслящихъ личностей приведетъ усиливающееся господство началъ детерминизма въ современномъ пониманіи міра—какъ въ формѣ механическаго міросозерцанія, такъ и въ формѣ логической эволюціи идей, или даже въ формѣ провиденціализма, поддерживающаго мистическое предустановленіе хода событій? Къ усиленію ли общественнаго „квіетизма“, къ росту воздержанія большинства мыслящихъ личностей отъ всякой опредѣленной постановки цѣлей жизни и отъ всякаго энергическаго преслѣдованія этихъ цѣлей? Или же полное усвоеніе мысли, что этотъ самый детерминизмъ требуетъ непремѣннымъ орудіемъ, для осуществленія неизбѣжнаго, чувство, мысль и волю индивидуальныхъ строителей будущаго, вызоветъ въ личности бóльшую рѣшимость быть однимъ изъ этихъ строителей, бóльшую энергію въ попыткахъ осуществить индивидуальные идеалы, калъ элементы исторіи?

Констатируемъ прежде всего, что детерминизмъ событій, ни въ какомъ случаѣ не устранимый, обнаруживается при этомъ съ одинаковою силою и въ упадкѣ духа однѣхъ личностей, склоняя ихъ къ воздержанію отъ всякой исторической дѣятельности, и въ поднятіи духа другихъ, бросая ихъ съ неудержимою силою въ смѣняющіяся перипетіи историческаго дѣла. Но, для самой личности, если она личность развитая, пониманіе исторіи прошлаго времени и современной ей эпохи является въ мірѣ цѣлей и средствъ, въ которомъ она живетъ, интеллектуальнымъ орудіемъ, чтобы оцѣнить всѣ возможныя въ данную эпоху цѣли и средства. Для этой личности пониманіе исторіи становится почвою воспринимаемаго поученія о томъ, которая изъ этихъ возможныхъ цѣлей *должна* сдѣлаться для личности *цѣлью жизненною* и какими средствами она, развитая личность, можетъ стремиться осуществить эту цѣль.

Поучительная роль исторіи была въ прежнее время предметомъ многихъ умозрѣній. Въ ней провиденціалисты пытались разгадать таинственныя откровенія и рѣшенія внѣміровыхъ силъ, управляющихъ міромъ и человѣкомъ, но эти соображенія сданы, по видимому, въ смутную область „непознаваемаго". Въ исторіи моралисты полагали возможнымъ почерпнуть нравственные и политическіе уроки для правителей государствъ и для руководителей народовъ; но едва ли именно эти личности, поставленныя обстоятельствами въ узелъ событій, когда либо обращались за урокомъ къ исторіи, слишкомъ озабоченныя наличными затрудненіями и планами, элементы которыхъ возникали около нихъ каждый разъ какъ нѣчто совсѣмъ новое. Тѣмъ не менѣе дозволительно утверждать, что исторія сохранила, уяснила и продолжаетъ уяснять внимательному изслѣдователю все болѣе широкій элементъ поученія, направленный уже не на мистическія задачи и обращенный не къ исключительно-поставленнымъ особямъ, а ко всякой личности, считающей себя развитою, стремящейся раз-

виваться и участвовать въ реальности историческихъ движеній около нея совершающихся. Какъ правила индивидуальной гигіены—плодъ внимательнаго изученія рѣдкихъ болѣзней и обширныхъ эпидемій—обращаются ко всѣмъ особямъ, старающимся охранять свое здоровье, такъ поучительный элементъ исторіи формулируется въ правила умственной и нравственной гигіены для всякой развитой личности.

Въ чемъ же состоитъ этотъ элементъ?

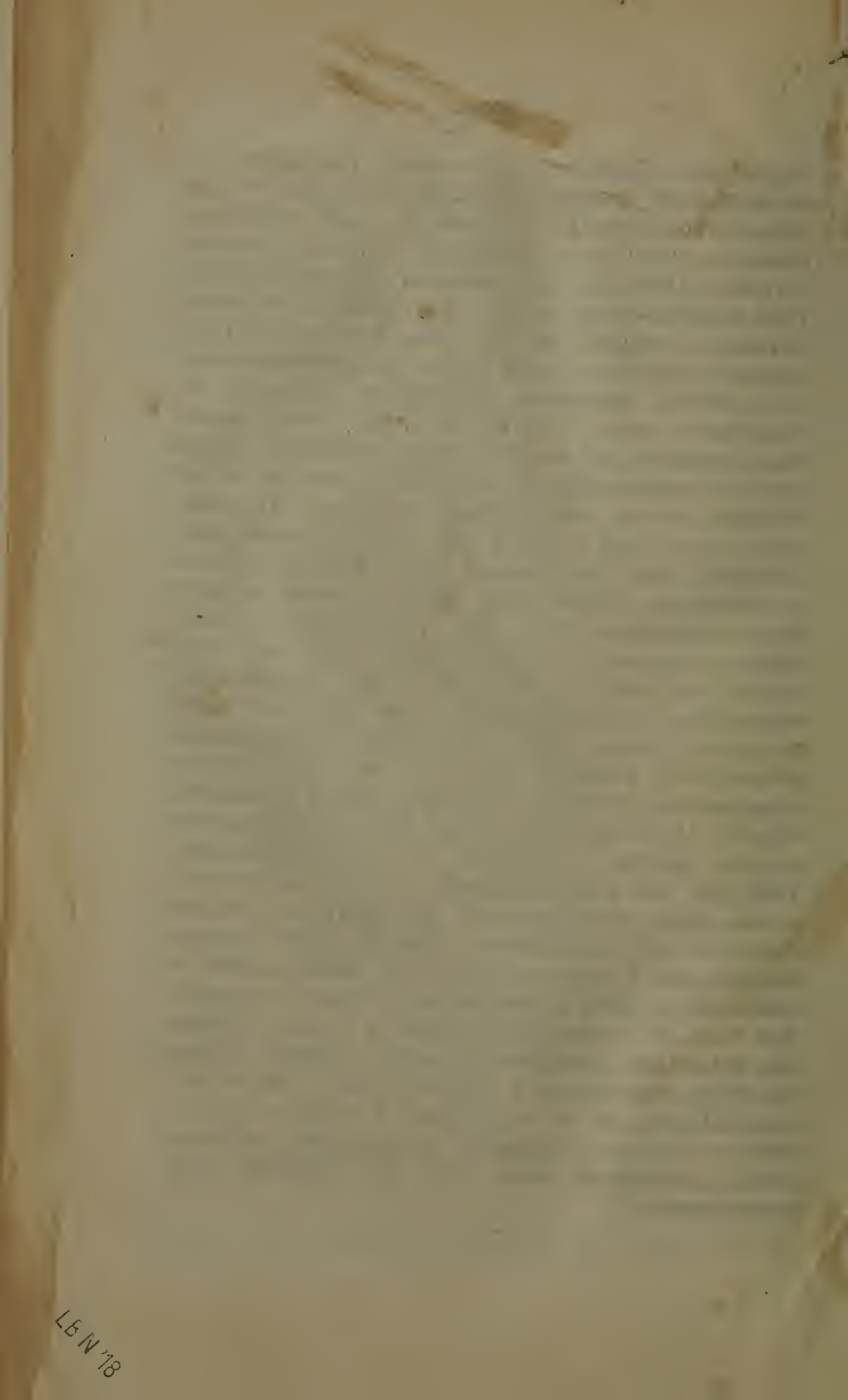
Личность, ставящая себѣ жизненныя цѣли, имѣетъ прежде всего предъ собою элементъ *неизбѣжнаго*, неотвратимаго. Онъ присутствуетъ въ *совершившейся* исторіи, которая во всемъ объемѣ и во всѣхъ подробностяхъ прошлаго, разъ оно *прошло*, принадлежитъ такому же фактическому детерминизму, какъ форма кусочковъ стекла, разбитаго брошеннымъ камнемъ. Элементъ неизбѣжнаго присутствуетъ въ средѣ, окружающей личность, въ воспитаніи ея этою средою и случайными комбинаціями событій; въ тѣхъ условіяхъ индивидуальнаго пониманія и индивидуальной воли, которыя среда и воспитаніе положили въ основу всѣхъ актовъ того *я*, которымъ личность сознаетъ себя, когда предъ нею сознательно встаетъ опредѣленная жизненная цѣль. Этотъ *неустранимый* элементъ есть *фактъ* и исторія учитъ къ нему приспособляться, пытаясь лишь открыть въ немъ тѣ—почти всегда существующія въ немъ—живыя начала, которыя могутъ служить орудіемъ или пособіемъ для осуществленія жизненной цѣли развитой личности.

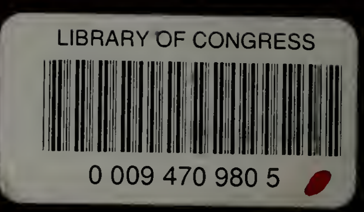
Затѣмъ предъ развитою личностью обнаруживаются для каждой эпохи *возможности* дальнѣйшаго хода событій весьма различныя, иногда противуположныя по своему направленію: изъ нихъ однѣ имѣютъ за себя, по видимому, всѣ шансы осуществиться какъ бы сами собою, автоматически, безъ особенныхъ усилій личностей; другія же требуютъ для своего осуществленія отъ личности, по видимому, такую какъ бы исключительную силу мысли и энергіи характера, окружены

такими многочисленными препятствіями и представляютъ такое незначительное число сторонниковъ, что вѣроятность ихъ осуществленія приходится признать очень незначительною. Это обстоятельство очень часто склоняетъ тѣхъ, жизненныя цѣли которыхъ, по видимому, могутъ осуществиться сами собою, пренебрегать личною инициативою; тѣхъ же, которымъ приходится бороться съ трудно-одолимыми препятствіями—опускать руки въ уныніи. Здѣсь исторія является со своими строгими поученіями для однихъ, со своимъ оживляющимъ урокомъ для другихъ. Она говоритъ первымъ: не разъ тѣ, которые вчера казались непобѣдимыми, оказывались назавтра безсильными противъ незамѣченныхъ и презираемыхъ враговъ, когда въ рядахъ первыхъ слабѣла упорная работа мысли и энергическое служеніе своей жизненной цѣли; самыя вѣроятныя побѣды оставались тогда лишь *возможностью* и имъ случалось обращаться въ пораженія. Она говоритъ вторымъ: все въ исторіи создавалось, охранялось и совершалось работою мысли и энергіею воли личностей; элементы, вчера ничтожные, не разъ выростали этимъ путемъ назавтра въ историческую силу; все, что *возможно*, способно, при какихъ либо новыхъ комбинаціяхъ, обратиться въ *дѣйствительное*, какъ бы ни казалась мала вѣроятность этаго обращенія; въ сферѣ *возможностей* самое глубокое убѣжденіе во всегдашнемъ господствѣ детерминизма не можетъ дать никакого полезнаго отвѣта на вопросъ: что дѣлать? Развитая личность *всегда* борется въ этой сферѣ за возможность наиболѣе близкую къ ея жизненной цѣли, не беря въ разсчетъ трудность ея осуществленія.

И вотъ, приспособляясь къ *неизбѣжному*, имѣя въ виду всѣ *возможности* данной эпохи, развитая личность, на данной почвѣ развитія, до котораго она достигла, и работая критически надъ дальнѣйшимъ своимъ развитіемъ, выработала въ себѣ убѣжденіе, поставила себѣ жизненную цѣль, и, въ силу этой жизненной цѣли, приняла рѣшеніе быть однимъ изъ сознательныхъ

строителей будущаго, сознательно участвовать въ историческомъ движенiи эпохи, въ томъ видѣ, въ какомъ личность поняла это движенiе, какъ результатъ прошлаго, какъ задачу настоящаго, какъ подготовленiе будущаго. Исторiя и тутъ является со своими уроками. Твои индивидуальныя силы, какъ строителя будущаго, ничтожны, говоритъ она, но столь же ничтожны были индивидуальныя силы всѣхъ твоихъ предшественниковъ, построившихъ настоящее. Старайся же сдѣлаться историческою силою, потому что лишь этимъ путемъ были одержаны всѣ побѣды, сперва казавшiяся иногда совсѣмъ невѣроятными, и которыя большинство въ послѣдствiи готово было признать чудесами. Чудотворцемъ всегда была и будетъ сила мысли и энергiя воли личностей, какъ необходимый органъ совершающагося историческаго детерминизма. Когда ты поставилъ предъ собою жизненную цѣль, какъ твой личный идеалъ, когда ты положилъ на этотъ идеалъ всю свою силу мысли, всю свою энергiю воли въ мiрѣ создаваемыхъ тобою цѣлей и выбираемыхъ тобою средствъ, тогда твое дѣло сдѣлано. Пусть тогда волна историческаго детерминизма охватитъ твое *я* и твое дѣло своимъ неудержимымъ теченiемъ и унесетъ ихъ въ водоворотъ событiй. Пусть они перейдутъ изъ мiра цѣлей и средствъ въ мiръ причинъ и слѣдствiй, отъ тебя независящiй. Твое дѣло или твое воздержанiе отъ дѣятельности одинаково вошло неустранимымъ элементомъ въ строенiе будущаго, тебѣ неизвѣстнаго. Понятая тобою исторiя научила тебя и приспособляться къ неотвратимому, и оцѣнивать значенiе возможностей въ борьбѣ за жизненныя цѣли, и энергически бороться за лучшее будущее для миллiардовъ незамѣтныхъ особей, которыя, рядомъ съ тобою, сознательно и безсознательно строятъ будущее. Борись же за это будущее и помни слова одного изъ самыхъ блестящихъ современныхъ публицистовъ: „побѣжденъ лишь тотъ, кто призналъ себя побѣжденнымъ“.

LB N '18

LIBRARY OF CONGRESS
0 009 470 980 5

